

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8360 (print)

2019 / № 4

ISSN 2310-676X (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и политологии: 07.00.02 – Отечественная история; 07.00.03 – Всеобщая история; 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования; 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Politology: 07.00.02 – Domestic history (historical sciences); 07.00.03 – Global history; 07.00.09 – Historiography, source-study and methods of historical research; 23.00.04 – Political problems of international relations, global and regional development.

ISSN 2072-8360 (print)

2019 / № 4

ISSN 2310-676X (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала
«Вестник Московского государственного областного университета:
Серия: История и политические науки»

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

————— Выходит 5 раз в год —————

Редакционная коллегия

Научный руководитель серии:

Смоленский Н. И. — д.и.н., проф., МГОУ

Главный редактор:

Багдасарян В. Э. — д.и.н., проф., МГОУ

Заместитель главного редактора:

Волобуев О. В. — д.и.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь:

Федорченко С. Н. — к. пол. наук, доцент, МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Воронин С. А. — д.и.н., проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В. В. — д.пол.н., к.ю.н., проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа);

Гонзалез Дж. — доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Ершов В. Ф. — д.и.н., проф., МГОУ;

Журавлев В. В. — д.и.н., проф., МГОУ;

Захаров В. Н. — д.и.н., проф., Институт российской истории РАН;

Каширина Т. В. — д.и.н., доцент, Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Ковалев В. А. — д.пол.н., проф., Сыктывкарский государственный университет;

Михайловский Ф. А. — д.и.н., проф., Московский городской педагогический университет;

Наталици М. — д.и.н., проф., Университет Сиена (Италия);

Панкратов С. А. — д.пол.н., проф., Волгоградский государственный университет;

Саква Р. — доктор наук, профессор, Университет Кент (Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Сулакшин С. С. — д.пол.н., д.ф.-м.н., проф., Центр научной политической мысли и идеологии;

Фукс А. Н. — д.и.н., проф., МГОУ

ISSN 2072-8360 (print)
ISSN 2310-676X (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» — печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных ученых по историографии, источниковедению, истории России, всеобщей истории и политологии.

Журнал адресован российским и зарубежным историкам и политологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями исторической и политической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73347.

**Индекс серии «История и политические науки»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40712**

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. — 2019. — № 4. — 274 с.

© МГОУ, 2019.

© ИИУ МГОУ, 2019.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University:
Series: History and Political Sciences»
Moscow Region State University**

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Scientific Consultant:

N. I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Editor-in-Chief:

V. E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Deputy Editor-in-Chief:

O. V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Executive secretary:

S. N. Fedorchenko – Ph.D. in Politology, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

S. A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V. V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Professor, Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V. F. Ershov – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V. V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V. N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Russian History, RAS;

T. V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V. A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Professor, Syktyvkar State University;

F. A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Doctor of Historical Sciences, Professor, University of Siena (Italy);

S. A. Pankratov – Doctor of Political Science, Professor, Volgograd State University;

R. Sakwa – Doctor of Sciences, Professor, University of Kent, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

S. S. Sulakshin – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

A. N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin MRSU, series: History and Political Sciences" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scholars on historiography, source study, the history of Russia, world history and political science.

The journal is aimed at Russian and foreign historians and political scientists, doctoral students, postgraduate students and everyone who is interested in the achievements of historical and political science.

The series « History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 077-73347.

**Index of the series «History and Political Sciences»
according to the Union catalog «Press of Russia» 40712**

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences. – 2019. – № 4. – 274 p.

© MRSU, 2019.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2019.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ВЕРСАЛЬСКОГО ДОГОВОРА КО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: КРИЗИС СИСТЕМЫ МИРОСТРОИТЕЛЬСТВА (к столетию Версальской конференции и восьмидесятилетию начала Второй мировой войны)

ОТ РЕДАКЦИИ	8
Якунин В. И. ОТ ЛИГИ НАЦИЙ К ООН: АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА И ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТНОЙ КОНВЕНЦИОНАЛЬНОСТИ	11
Шаповалов В. Л. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛИГИ НАЦИЙ ПО ПОДДЕРЖАНИЮ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПРЕДВОЕННОГО КРИЗИСА	23
Гаврилов А. Ю. ВЕРСАЛЬСКИЙ МИР КАК ПРОЛОГ КО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ.	33
Назаров О. Г. К ВОПРОСУ О РОЛИ ЗАПАДНЫХ «МИРОТВОРЦЕВ» В РАЗВЯЗЫВАНИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.	42

ПАМЯТНИКИ МИРОВОЙ МЫСЛИ: ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ТОМАС БЭЙЛИ О ПРИЧИНАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ	52
---	----

РАЗДЕЛ I ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

Смоленский Н. И. О ФОРМИРОВАНИИ ЛИБЕРАЛЬНОГО ВАРИАНТА ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.	63
Маслов Д. В. ЧЕЛОВЕК И РЕФОРМЫ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ (К ПРОБЛЕМЕ РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТИ ИСТОЧНИКОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ)	73
Смоленский Н. И., Багдасарян В. Э., Наумов О. Н., Журавлев В. В., Шарифжанов И. И., Реснянский С. И. ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ (КРУГЛЫЙ СТОЛ)	86

Всеобщая история

Карлова К. Ф., Сафронов А. В. РИТОРИЧЕСКАЯ СТЕЛА РАМСЕСА III: ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИЙ.	121
Паутов Д. А. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОСТРОВА БАРБАДОС В XVII В.	133
Дымчак Д. И. ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА ОБЪЕДИНЕНИЯ АНТИФАШИСТСКИХ СИЛ В ИТАЛИИ	141

Курылев К. П., Станис Д. В., Баранник М. А., Закарян С. Б. ЕВРАЗИЙСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	151
Забелла А. А. ЦЕЛИ И ИНТЕРЕСЫ КИТАЯ В АРКТИКЕ	166
Воронкова Д. О. ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ НЕСТАБИЛЬНОСТИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ США В СВОИХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСАХ ...	176

Отечественная история

Суханова Н. И. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФСОЮЗОВ В ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ КАМПАНИИ 1920–1921 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ СТАВРОПОЛЯ И КУБАНИ)	191
Маркова Е. А. ВВЕДЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КАРТОЧНОЙ СИСТЕМЫ В МОСКВЕ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	204
Ларионов А. Э., Дворковая М. В. ОБРАЗЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ЧАСТЬ 1)	213
Горлов В. Н. НЕУДАЧНАЯ ПОПЫТКА Н. С. ХРУЩЕВА СОЗДАТЬ АГРОГОРОДА В МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ	226
Шайхаев Т. И. НАЧАЛО ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА В ЧЕЧНЕ В 1994 г.	230
Ивашко М. И. СОВРЕМЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И СТРАН ЗАПАДА: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ	238

РАЗДЕЛ II ПОЛИТОЛОГИЯ

Рожков А. А. КОНЦЕПЦИЯ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА ФУКИДИДА И ТЕОРИЯ «ГЕГЕМОНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ» РОБЕРТА ГИЛПИНА	249
Котельникова Е. В., Пахомова М. О. СОВРЕМЕННАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА	258

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Федорченко С. Н., Тедиков Д. О., Теслюк К. В., Маркарян Р. А. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СЕТЕВЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГРАХ: РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ	269
---	-----

CONTENTS

FROM THE TREATY OF VERSAILLES TO THE SECOND WORLD WAR: CRISIS OF THE PEACEBUILDING SYSTEM (on the 100th anniversary of the Versailles Conference and the 80th anniversary of the outbreak of World War II)

EDITOR COLUMN	8
V. Yakunin. FROM THE LEAGUE OF NATIONS TO THE UN: AXIOLOGICAL AGENDA AND THE ISSUE OF VALUE CONVENTIONALITY	11
V. Shapovalov. ACTIVITIES OF THE LEAGUE OF NATIONS IN MAINTAINING PEACE AND SECURITY DURING THE PRE-WAR CRISIS	23
A. Gavrilov. TREATY OF VERSAILLES AS A PROLOGUE TO THE SECOND WORLD WAR.....	33
O. Nazarov. ROLE OF WESTERN PEACEKEEPERS IN UNLEASHING WORLD WAR II.....	42

MONUMENTS OF THE WORLD THOUGHT: FIRST PUBLICATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE

THOMAS BAILEY ON THE REASONS OF POLITICAL REVOLUTIONS	52
---	----

SECTION I HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Historiography, Source Study and Methods of Historical Research

N. Smolensky. DEVELOPMENT OF LIBERAL HISTORICAL CONSCIOUSNESS IN RUSSIA AT THE TURN OF 20 TH –21 ST CENTURIES	63
D. Maslov. PEOPLE AND REFORMS IN MODERN RUSSIAN HISTORY: THE REPRESENTATIVENESS OF SOURCES OF PERSONAL ORIGIN	73
N. Smolensky, V. Bagdasaryan, O. Naumov, V. Zhuravlev, I. Sharifzhanov, S. Resnyansky THE OBJECTIVITY OF HISTORICAL KNOWLEDGE (ROUND TABLE)	86

General History

K. Karlova, A. Safronov. RHETORICAL STELA OF RAMSES III: TRANSLATION AND ANNOTATION .	121
D. Pautov. SOCIO-ECONOMIC AND POLITICAL DEVELOPMENT OF BARBADOS IN THE 17TH CENTURY.....	133
D. Dymchak. RESISTANCE MOVEMENT AS AN IDEOLOGICAL PLATFORM FOR THE UNIFICATION OF ANTI-FASCIST FORCES IN ITALY	141
K. Kurylev, D. Stanis, M. Barannik, S. Zakaryan. EURASIAN IDEOLOGY IN THE FOREIGN POLICY OF MODERN RUSSIA.....	151
A. Zabella. CHINA'S GOALS AND INTERESTS IN THE ARCTIC	166
D. Voronkova. INTERNAL INSTABILITY FACTORS IN THE MENA REGION AND THEIR USE BY THE USA FOR ITS GEOPOLITICAL ENDS.....	176

Native History

N. Sukhanova. PARTICIPATION OF TRADE UNIONS IN THE IMPLEMENTATION OF THE FOOD-SUPPLY CAMPAIGN OF 1920–1921 (ON THE MATERIALS OF STAVROPOL TERRITORY AND KUBAN)	191
E. Markova. INTRODUCTION AND FUNCTIONING OF THE RATIONING SYSTEM IN MOSCOW AT THE INITIAL STAGE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR	204
A. Larionov, M. Dworcowa. IMAGES OF RUSSIAN HISTORY IN SOVIET PROPAGANDA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (PART 1)	213
V. Gorlov. UNSUCCESSFUL ATTEMPT OF KHRUSHCHEV TO CREATE AGRICULTURAL TOWNS IN THE MOSCOW REGION IN THE POST-WAR YEARS	226
T. Shaykhaev. THE ONSET OF ARMED CONFLICT IN CHECHNYA IN 1994	230
M. Ivashko. MODERN RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND WESTERN COUNTRIES: HISTORICAL PARALLELS	238

SECTION II POLITOLOGY

A. Rozhkov. THE CONCEPT OF HUMAN NATURE BY THUCYDIDES AND THE THEORY OF HEGEMONIC WAR BY ROBERT GILPIN	249
E. Kotelnikova, M. Pakhomova. MODERN GLOBALISATION AND THE ASIA-PACIFIC REGION: DOMESTIC AND FOREIGN POLICY	258

SCIENTIFIC LIFE

S. Fedorchenko, D. Tedikov, K. Teslyuk, R. Markaryan. INTERNATIONAL RELATIONS IN NETWORK COMPUTER GAMES: RISKS AND OPPORTUNITIES FOR IMPLEMENTATION OF MEMORY POLICIES . .	269
---	-----

ОТ ВЕРСАЛЬСКОГО ДОГОВОРА КО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: КРИЗИС СИСТЕМЫ МИРОСТРОИТЕЛЬСТВА

**(к столетию Версальской конференции и
восемидесятилетию начала Второй мировой войны)**

ОТ РЕДАКЦИИ

На 2019 г. выпадают, как известно, две юбилейные даты – Версальский мир, явившийся завершением Первой мировой войны, и вторжение германских войск в Польшу, ставшее началом Второй мировой войны. Эти даты важны не просто как историческая хронология, а в их проекции на актуальные вызовы современности. Уровень военной эскалации в современном мире таков, что образ надвигающейся вселенской катастрофы приобретает реальные очертания. Третья мировая – реальность – это даже не образ «завтра», а фактическое состояние сегодняшнего дня. Глобальная экономическая война и глобальная война информационная уже ведутся. Остается только один шаг до выведения конфликта на уровень войны «горячей». Но Третья мировая война, если она действительно разразится, может явиться актом самоликвидации человечества. И в повестке этих угроз более актуальной темы, чем борьба за мир, консолидации в ней усилий

людей доброй воли, вероятно, не существует. Задача создания реальных действующих механизмов предупреждения конфронтации предполагает обращение к урокам истории, в том числе и урокам негативным. И наиболее назидательный из этих исторических уроков – Вторая мировая война. Ее приближение осознавалось многими, но международные институты в лице персон, принимающих и реализующих решения, не смогли, а возможно, и не захотели остановить процесс военной эскалации.

Вопросы войны и мира – это вместе с тем не только субъектная позиция отдельных политиков. Встать на такую позицию означало бы отойти от принципов научного анализа, предполагающего рассмотрение явлений и процессов в системности. Политики действуют в рамках определенных систем и принимают решения в соответствии с принципами их функционирования. Ко Второй мировой войне привела в значительной мере

Версальская система международных отношений, противоречия которой программировали будущий глобальный конфликт. А исключает ли такие противоречия современная международная система? В этом, с учетом уроков прошлого, следует разобраться.

Международной институцией, созданной в рамках Версальско-Вашингтонской системы, которая должна была коллективными усилиями предотвращать возможные конфликты, стала Лига Наций. Однако в реальности выступить фактором миростроительства Лига Наций не смогла и не только не предотвратила самую масштабную войну в истории человечества, но и рядом своих решений или, напротив, воздержанием от решений способствовала военной эскалации. После окончания Второй мировой войны новой коллективной институцией предотвращения угроз новых войн, преступлений против человечества, других глобальных угроз явилась Организация Объединенных Наций. ООН должна была учесть ошибки Лиги Наций. Однако в реальной своей практике ошибки Лиги Наций повторяются, а уровень международной конфронтации, которая может явиться для человечества актом самоистребления, возрастает. В качестве одной из главных ошибок в стратегии миростроительства Лиги Наций, отчасти воспроизводимой и ООН, видится преимущественное занятие ей одной из сторон мировой геополитики.

Отдельной стороной исторического и политологического рассмотрения в фокусе юбилейных дат является антироссийская информационная пропаганда, продуцирующая мифологему о виновности СССР в развязывании

Второй мировой войны. Сама по себе эта мифологизация, как дезавуирование страны, внесшей наиболее весомый вклад в победу над мировым агрессором, подводит к попыткам ревизии установившейся в 1945 г. системы международных отношений. Научная деконструкция такого рода мифологем необходима в этом смысле не только как защита правды о России, но и профилактика когнитивных установок на новый глобальный конфликт.

Имея в виду эту актуальную повестку истории, мы посчитали целесообразным выявить отношение студенческой молодежи к истории Лиги Наций, Организации Объединенных Наций, повестке миростроительства. Опрос проводился среди студентов гуманитарных и обществоведческих специальностей, предположительно знающих, что такое Лига Наций.

На вопрос: какую роль сыграла Лига Наций, в истории наибольшее число опрошенных студентов – 49,9%, считают, что положительную. Отрицательно ее оценивает 26,5% респондентов. В таком распределении видится определенная трансформация исторического сознания, поскольку в советской историографической традиции Лига Наций преподносилась в основном в негативном ракурсе.

Вместе с тем при оценке конкретной деятельности Лиги Наций степень критичности резко возрастает. Исключение СССР из Лиги Наций в 1939 г. как шаг неправильный оценивает 52,5% студентов. При этом 29,9%, считающих, что Советский Союз был исключен правильно – также цифра весьма большая. И в целом видно, что доля критически настроенной молодежи к советской политике весьма велика.

На вопрос: почему Лига Наций не предотвратила Вторую мировую войну, почти поровну распределились голоса между позициями – «она реализовывала интересы отдельных государств» и «она не обладала должными политическими ресурсами», 26,3 и 24,2% соответственно. Есть и те – 18,3%, кто полагает, что Лига Наций в реальности предотвратить войну и не пыталась.

Вторую мировую войну оценивает как историческую неизбежность 54,3% респондентов. Возможность ее избежать признают 38,1% студентов, что означает, что большинство и не верит, соответственно, в возможность международных институций удержать мир.

При этом 6,8% считает, что и Третья мировая война предопределена. Почти семь процентов ожидающих ядерного Апокалипсиса – цифра крайне высокая. Доля тех, кто считает, что Третья мировая война неизбежна или ее вероятность очень велика, составляет совокупно 38,5%. Вместе с тем при определении исторической точки максимальной близости к Третьей мировой войне современный период не фигурирует, и респонденты отсылают ко времени максимальной хронологической близости к Карибскому кризису.

Парадоксально, но деятельность ООН студенты оценили даже хуже, чем деятельность Лиги Наций. По данным опроса, 50,2% студентов принимают отрицательную позицию в отношении политики организации по защите мира.

Главную угрозу для мира студенты, как и ранее, видят в угрозах международного терроризма. Обращает на себя внимание и доля приверженцев позиции, что главная угроза, подвигающая к войне, состоит в реализации интересов мирового капитала – 11,8%. Примерно столько же видит главную угрозу в росте ксенофобии и национализма в мире.

Обнаружилось непонимание многими из респондентов того значения, которое имеет для России постоянное членство в Совете Безопасности. За системную или частичную реорганизацию ООН выступает 63,4% студентов. А 13% студентов и вовсе считают, что ООН следует вообще распустить. 18,3% придерживается точки зрения, что правом вето не должна обладать ни одна из стран. При всем при этом доля тех, кто полагает, что реформа ООН даст реальный результат в предотвращении войны, составляет всего 5,3%. Большинство видят здесь ключевую рецептуру в ведении дипломатических переговоров – 49%. Заслуживают внимания и такие позиции, как: ликвидация ядерного оружия – 20,4%, ликвидация класса капитала – 8,6%, укрепление обороноспособности страны – 6,5%.

Опрос показал, что проблемы должного осмысления проблем миростроительства на уровне молодежи остаются и работа должна вестись по решению этих проблем целевым образом организованная.

УДК [341.121+341.123]:327

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-11-22

ОТ ЛИГИ НАЦИЙ К ООН: АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА И ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТНОЙ КОНВЕНЦИОНАЛЬНОСТИ

Якунин В. И.*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Актуальность темы статьи определяют военная эскалация в современном мире и кризис международной системы миростроительства. Цель исследования составлял анализ негативного исторического опыта Лиги Наций, в качестве уроков истории для Организации Объединенных Наций. Ключевой использованный метод – компаративистский, историко-политологический анализ, позволяющий сопоставить предвоенную международную правовую систему с современной. Исторические параллели позволили сделать вывод об опасных тенденциях, подводящих к угрозе глобальной катастрофы. Аналитический материал показывает проект Лиги Наций как организацию, устанавливающую ценностную и геополитическую доминацию определенных субъектов мировой политики. Организация Объединенных Наций создавалась, согласно авторской оценке, с учетом неудачного опыта Лиги Наций, на основе идеи ценностного консенсуса. Современной угрозой для человечества автор считает латентную подмену на уровне ООН идеи ценностного консенсуса ценностным универсализмом.

Ключевые слова: Лига Наций, Организация Объединенных Наций, Вторая мировая война, ценностный консенсус, однополярность, санкционный режим, подмандатная территория

FROM THE LEAGUE OF NATIONS TO THE UN: AXIOLOGICAL AGENDA AND THE ISSUE OF VALUE CONVENTIONALITY

V. Yakunin*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskiye Gory, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract. A new military escalation in the modern world, as well as the crisis of the international peace-building system, determines the relevance of the present article. In this study, the author considers the negative historical experience of the League of Nations (LN) as the lessons of history for the United Nations. The comparative historical and political analysis was used as the main research method, which allowed the author to compare the pre-war and modern international legal systems. The discovered historical parallels revealed dangerous trends leading to the threat of a global catastrophe. The presented analytical material shows the LN as an organisation establishing the value-based and geopolitical domination of certain subjects of world politics. According to the author, the United Nations was created drawing on the idea of value consensus with the consideration of the negative experience of the LN. The author believes that

the latent substitution of value universalism for value consensus at the UN level constitutes a threat to humanity.

Keywords: League of Nations, United Nations, Second World War, value consensus, unipolarity, sanctions regime, mandated territories

Хрупкость мира: угроза ядерного Апокалипсиса

Уровень военной опасности максимально приближен сегодня к точке невозврата. Через 101 год после окончания Первой мировой войны и 74 года – Второй мировой, человечество оказалось предельно близко к катастрофе нового глобального конфликта. Две минуты – такой уровень опасности для человечества показывают «Часы Судного Дня» – условная величина, установленная экспертами «Бюллетеня ученых-атомщиков» Чикагского университета, определяющая степень близости человечества к глобальной катастрофе. С момента установления «Часов Судного Дня» в 1947 г., когда стрелки показывали семь минут до катастрофы, показатель 2018 г. – худший за всю историю. Аналогичный показатель был только в 1953 г., когда СССР и США испытали термоядерное оружие. Никогда с того времени человечество не подходило так близко к порогу всемирной катастрофы¹. Соответственно, более актуальной темы, чем тема сохранения мира и хрупкости этого мира не существует, так как «на кону» стоит само существование жизни на Земле. И обращение в этом отношении к современному опыту ООН и историческому опыту – Лиги Наций принципиально необходимо.

Проводимый анализ построен на основе методики исторической и по-

литической компаративистики [11]. Проводимое сравнение современной ситуации в международных отношениях и ситуации, предшествующей Второй мировой войне, сфокусировано в данном случае на сопоставлении принципов функционирования Организации Объединенных Наций и Лиги Наций.

Лига Наций не предотвратила Вторую мировую войну

Оценка исторических феноменов определяется в значительной мере их финалом. И зачастую финал является отрицанием старта, замысла, связанного с исходной позицией. Именно так произошло с Лигой Наций. Пафос ее учреждения состоял в недопущении впредь того, что случилось в 1914 г. [1; 5; 12; 19]. Но новая мировая война началась через 21 год после окончания Первой мировой, а Лига Наций вошла в историю как организация, не удержавшая человечество от глобальной катастрофы. Сегодня некоторые исследователи говорят даже не о двух мировых войнах, а об одной, с внутренней передышкой, во время которой произошла определенная перегруппировка сил. Действительно, осевое противостояние – Германия, с одной стороны, и Англия, Франция, США, Россия, с другой, говорит о воспроизводстве конфликта [17]. В этой постановке вопроса критика Лиги Наций могла бы быть и еще жестче – она не просто пропустила новый зарождающийся конфликт, но не смогла даже погасить

¹ The Doomsday Clock. – URL: <https://thebulletin.org/doomsday-clock/past-statements/> (дата обращения: 03.07.2019).

предыдущий, по итогам разрешения которого, казалось бы, и возникала.

Лига Наций – легитимизация цивилизационного доминирования

Сообразно с методологией аксиологического подхода, применяемого в наших исследованиях оснований общественных процессов, любая система, любая общность выстраивается на какой-то определенной ценностной платформе. Своя ценностная платформа существует и у международных объединений [2]. Соответственно было бы целесообразно определить, какая ценностная платформа была положена в основание Лиги Наций и на какую аксиологическую базу опирается ООН.

Устав Лиги Наций обращается исходно к замыслу построения нового мироустройства на принципах справедливости (и даже «господства справедливости»). Но как показал еще Аристотель, «справедливость» – понятие крайне релятивистичное [9]. Субъекты отношений могут считать справедливым совершенно разные социальные воплощения. Справедливое в восприятии агрессора и жертвы будет различно. Заявляя приверженность «господству справедливости», Лига Наций устанавливала понимание справедливого в соответствии с видением стран победителей в войне.

Создатели Лиги Наций исходили в своем мироустроительном проекте из представления об универсальности пути развития, по которому пошли страны Европы и Северной Америки. Они исходили из того, что степень развитости народов различна, а потому не каждый из народов должен обладать правом на полное самоуправление и государственный суверенитет. И от-

сюда следовало установление системы мандатных территорий, мандаты на которые получали государства, представляющие, какие народы полагались развитыми в должной мере. Обратимся для иллюстрации к статье 22 Устава Лиги Наций: «Следующие принципы применяются к колониям и территориям, которые в итоге войны перестали быть под суверенитетом государств, управлявших ими перед тем, и которые **населены народами, еще не способными самостоятельно руководить собой в особо трудных условиях современного мира...** Лучший метод практически провести этот принцип – это **доверить опеку над этими народами передовым нациям...** которые согласны ее принять: они осуществляли бы эту опеку в качестве Мандатариев и от имени Лиги. Характер мандата должен различаться сообразно **степени развития народа**, географическому положению территории, ее экономическим условиям и всяким другим аналогичным обстоятельствам»¹.

Итак, степень развития народов различна, многие из них не способны руководить собой в сложных условиях современного мира, а потому следует установить управление ими со стороны передовых наций. Фактически Устав воплощал распространенную идеологию о миссии «белого человека» и был очень близок к тому, что могло бы быть охарактеризовано в качестве расизма [10; 13]. С такими подходами стать в ценностно-смысловом отношении альтернативой коричнево-му тренду развития Европы в 1930-е гг. Лига Наций не могла.

¹ Устав Лиги Наций // Документы XX века. – URL: <http://doc20vek.ru/node/451> (дата обращения: 03.07.2019)

ООН – кризис конвенциональности

Организация Объединенных Наций учреждалась исходно с учетом ошибок Лиги Наций на платформе ценностного консенсуса. Документы ООН опирались на осознание на уровне человечества того, что ничего подобного тому, как нацизм и фашизм, нельзя допустить впредь. Основными сторонами консенсуса выступали страны Запада и СССР, выражающие разные идеологии, но объединенные перед лицом общей для человечества опасности [14; 16]. Цивилизационно пространство консенсуса было не полно, но сам принцип конвенциональности был взят на вооружение. Обращает внимание, что СССР, введенные в ООН Украинская ССР и Белорусская ССР, ориентированные на Советский Союз страны, не имели достаточного удельного веса голосов. Но консенсус устанавливался не количественно по большинству, а как отражение права на свой путь. И в этом направлении, вероятно, и следовало идти, расширяя пространство консенсуса. К сожалению, в последние годы обнаруживается на уровне ООН обратный процесс перехода к доминации позиции большинства – по количеству голосов членов ООН, где каждое государство имеет один голос.

Количественный подход вместо конвенционального: опыт Лиги Наций и ООН

Правилен ли такой подход? На уровне выборов внутри страны, вероятно – да. Но на уровне международных отношений, в которых важна ценностная субъектность каждого и право на эту субъектность, вероятно – нет. Страны, имеющие меньшинство

при голосовании, и чья позиция не будет услышана большинством, окажутся дискриминируемыми, и отстаивая свое право на суверенитет, объективно вступят в противоречие с условным международным консорциумом.

Именно в эту ловушку попала Лига Наций. На уровне большинства в ней фактически принимались решения Великобританией и Францией. Государства, фактически зависимые от них, голосовали строго по английской и французской повестке. Отрицание целесообразности ценностного консенсуса дорого обошлось миру [7; 15]. Неудовлетворенные системой англо-французского доминирования, из Лиги Наций одно за другим выходят несогласные. Среди прекративших свое членство в Лиге Наций оказались даже постоянные члены Совета безопасности – Япония и Италия.

Достаточно обратиться только к перечню вышедших из Лиги Наций государств, чтобы сделать вывод о полном обрушении к началу Второй мировой войны системы международных отношений – Германия, Бразилия, Венесуэла, Гватемала, Гондурас, Дания, Испания, Никарагуа, Парагвай, Перу, Румыния, Сальвадор, Чехословакия, Чили, Югославия, Австрия, Коста-Рика, Люксембург, Албания, Латвия, Литва, Эстония, Венгрия, Эфиопия. Совокупно число вышедших государств составило 44% от общего числа членов Лиги Наций. Добавим к этому списку исходно отказавшихся войти в Лигу США и не включенного в Лигу, а после включения изгнанного из нее, СССР, чтобы понять ее фактическую нефункциональность [6; 8; 20].

В советской прессе комментировали исключение СССР следующим

образом: «Случайно подобранные «представители» 127 млн. населения (страны, голосовавшие за исключение) «исключили» СССР с его 183 млн. населения»¹. На уровне Совета Лиги Наций за исключение СССР проголосовало 7 из 15 членов и предложение исключить Советский Союз не проходило. Тогда вопрос был вынесен на уровень Ассамблеи Лиги Наций, на которой СССР 28 голосами из 40 был все-таки исключен из организации. За исключение СССР голосовали все британские доминионы и подмандатные территории. И современные перипетии голосований в ООН создают впечатление исторического deja vu.

Сегодня в Организации Объединенных Наций не представлен ряд фактически существующих, но имеющих статус не признанных или частично признанных государств (и таких в современном мире немало). А что будет делать ООН, если какие-то государства изъявят желание выйти из организации? Ведь обязанности членства в ней нет, и никто насильно не может быть принужден к такому членству.

Стратегия Лиги Наций заявлялась как стратегия «коллективной безопасности». Она оппонентно противопоставлялась стратегии «баланса сил». Но коллективная безопасность в виде зонтичного контроля одного или нескольких субъектов мировой политики не работает. Опасность будет исходить от самих держателей «зонтика». Зонтичная коллективная безопасность предполагает управляющий контроль надстоящего органа над отдельными странами, ограничение их суверените-

та. Поэтому подлинная коллективная безопасность как раз и должна строиться на балансе сил, и всякий раз, как показывает исторический опыт, разбалансировка в международных отношениях приводила человечество к большим потрясениям [3; 21].

Помимо голосований на уровне Совета Безопасности ООН и Ассамблеи ООН, в еще большей степени симптомы отхода от ценностного консенсуса в пользу универсализации ценностей обнаруживаются при анализе деятельности Комитетов Организации Объединенных Наций. Особое внимание обращают на себя тенденции ревизии того, что называется традиционными ценностями. Проявлением таких тенденций явилось, в частности, принятие в 2008 г. Декларации Организации Объединенных Наций по вопросам сексуальной ориентации и гендерной идентичности². Такие страны, как Россия и Китай отказались подписывать Декларацию. Ряд стран исламской культуры выступили с альтернативной декларацией. Сам факт принятия конфликтной в ценностном отношении Декларации на уровне ООН показывает, что ориентир ценностного межгосударственного консенсуса оказался утрачен. Разработчики Декларации использовали подмену – вместо консенсуса между государствами, на платформе которого и создавался ООН, перешли к логике консенсуса между индивидуумами, что прерогативой Организации Объединенных Наций не является и решается на уровне каждого национального государства, в со-

¹ Лиги Наций. Сообщение ТАСС // Правда. 1939. 16 дек. – URL: <https://histdoc.net/history/ru/liganatsii.htm> (дата обращения: 03.07.2019).

² Декларация ООН о сексуальной ориентации и гендерной принадлежности. – URL: <https://works.doklad.ru/view/9BOEo24mY5g.html> (дата обращения: 03.07.2019)

ответствии с его традициями и идентичностью.

Исторические параллели

Понятие «однополярный мир» относится к современному политическому языку. Но фактически политика однополярности реализовывалась еще через институцию Лиги Наций. Отличие состояло только в местонахождении этого полюса. Будучи учреждена как мировой орган, Лига Наций фактически оказалась аффилиатом политики Великобритании и Франции (Великобритании – в первую очередь, Франции – во вторую).

Еще одно историческое дежавю – политика так называемых санкций. Санкции сегодня принимаются на уровне ООН (под санкциями ООН находятся в настоящее время 11 государств), отдельных стран и их блоков. Именно с Лигой Наций и было связано появление политики санкций в их современном международно-правовом значении. Горячим приверженцем политики санкций являлся автор идеи Лиги Наций Вудро Вильсон. Его слова звучат как своеобразная апология экономических санкций: «Страна, подвергнувшаяся бойкоту, близка к капитуляции. Приложите экономические, мирные, тихие, смертельные меры, и в применении силы не будет необходимости. Это ужасное лекарство. От него никто не гибнет за пределами бойкотируемого государства, но оно создаёт давление, которого, на мой взгляд, не может выдержать ни одна современная страна» [23]. Но, как известно, Вильсон оказался неправ, и в большинстве случаев санкции не приводили к политическому результату.

Санкционный пакет Лиги Наций, согласно ее Уставу, предписывал следующие действия в отношении государства к которому он применяется: «Немедленно порвать все торговые или финансовые отношения, воспретить все сношения между своими гражданами и гражданами государства, нарушившего Устав, и пресечь финансовые, торговые или личные сношения между гражданами этого государства и гражданами всякого другого государства, является ли оно Членом Лиги или нет»¹. Запрещались, таким образом, даже контакты на уровне граждан. Хотя основанием для введения санкций служило развязывание государством войны, но установить, кто первым развязал военные действия в том или ином конфликте, было не всегда возможно, и решения принимались по политическим предпочтениям.

Опыт санкций Лиги Наций для современной мировой политики интересен в двух его отрицательных составляющих: во-первых, практическая неэффективность санкций; во-вторых, избирательность принятия санкционных пакетов. Так, санкции были приняты против Италии и Японии, как государств-агрессоров. Но санкций против нацистской Германии – главного агрессора двадцатого века – Лигой Наций установлено не было ни в довоенные годы, ни за все время Второй мировой войны. Почему при активной санкционной политике Лиги Наций это не было сделано? Без предположения о существовании серьезного лоббирования ответить на этот вопрос было бы затруднительно [18].

¹ Устав Лиги Наций // Документы XX века. – URL: <http://doc20vek.ru/node/451> (дата обращения: 03.07.2019)

Еще одно историческое наставление для ООН из опыта Лиги Наций – не дистанцироваться от решения вопросов фундаментального характера. Лига Наций занималась многим, но бежала от проблем, которые имели парадигмальный характер. Еще в 1930-е гг., благодаря Ильфу и Петрову, в широкий обиход вошла фраза «Молчит, как Лига Наций», показывающая отношение к ней как самоустранившейся от ключевых проблем институции. По словам Андрея Андреевича Громыко, Лига Наций потерпела политическое поражение вследствие того, что 77 процентов своего времени тратила на «второстепенные» проблемы. Рассуждая о дисфункции Лиги Наций в решении задач борьбы за мир, великий советский дипломат рассуждал: «В свое время деятели Лиги Наций вроде Ллойд Джорджа и Тартье, Саймона и Политиса во всех тонкостях разработали процедуры для того, чтобы утопить любое живое предложение по разоружению. Главный секрет тут был в том, чтобы создавать всякого рода бесполезные комитеты, пускать их на волю волн, без всяких указаний и ясных директив» [4].

О методологии миростроительства в парадигме ценностной конвенциональности

Лига Наций не признавала принципиально ценностных различий человечества и выстраивала ценностно однородную модель. ООН, построенная исходно на идее ценностного консенсуса, частично утратила исходный ориентир... А может ли в принципе быть достигнут консенсус в масштабах человечества? Препятствием для такого консенсуса служат два распростра-

ненных и противоположных по отношению друг к другу подхода.

Первый можно условно определить как неорасистский. Суть его состоит в том, что человеческие сообщества столь различны, что о каких-то единых для человечества ценностях говорить вообще не приходится. Но, рассуждая в этой логике, следует признать, что человечество в видовом отношении не едино. Легитимизировать распад человечества – это именно тот ориентир, который утверждался нацистской пропагандой. Необходимо на основании понимания фундаментального единства человеческого вида заявить о том, что есть базовые – традиционные или естественные, ценности для человечества, которые актуальны для всех цивилизаций и народов. Что должно быть отнесено к этим конвенциональным ценностям – предмет широкого многостороннего обсуждения.

Второй подход, подрывающий возможности преодоления парадигмы военной конфронтации, состоит, напротив, в унификации человеческих различий. Все многообразие человеческих культур подгоняется под один стандарт. И в качестве этого стандарта берутся нормы и ценности только одного из обществ, выдаваемые в качестве универсальных. Более того, несоответствие этим нормам оказывается достаточным основанием для применения внешней силы по приведению в соответствие с предписываемым стандартом.

Таким основанием в последнее время часто являются обвинения в недемократичности тех или иных политических режимов. Безусловно, идея демократии входит в арсенал великих достижений в истории человечества. Но достаточно ли считать ее отсут-

ствие в той или иной стране достаточным основанием для оправдания внешней экспансии? Сколь бы значима не была ценность демократии для определенных политических культур, универсальной всечеловеческой ценностью она не является. Существуют сообщества, отдающие предпочтения другим формам политической организации, например, монархии, что соотносится с особыми мировоззренческими, в том числе религиозными, системами взглядов. Предписывать им демократию означает поправление их системы мировоззрения и ценностей. Существуют и разные интерпретации в понимании того, что есть подлинное народовластие. И США, и Китай, и Иран позиционируются как демократические страны, но их политические модели принципиально различны. Соответственно, либо следует заявлять, что демократия имеет место только в одной из перечисленных стран, а в остальных – фальсификация демократической модели, либо допускать возможность различных цивилизационно адаптивных версий демократии.

Следует вести речь о преодолении крайностей обоих подходов. Суть подлинно гуманистической позиции может заключаться в том, что человечество едино как вид и обладает в силу этого единства едиными для него фундаментальными ценностями, но формы жизни человеческих сообществ специфичны и соотносятся с различием ценностей цивилизационных. То, что человечество едино – является гарантом, что консенсус принципиально возможен. То, что человеческие сообщества различны – указывает на единственно возможный путь достижения этого консенсуса – через диалог.

Трагедии мировых войн вызвали потребность создания мировых структур коллективного разрешения спорных вопросов, каковыми явились Лига Наций и Организация Объединенных Наций. Создание их являлось безусловным прогрессом в глобальной истории человечества. Однако сегодня приходит понимание, что предложенный ими формат недостаточен для предотвращения военных конфликтов. Ранее Лига Наций, а теперь и ООН, представляя собой ансамбль позиционируемых в качестве суверенных государств, сосредоточились на разрешении политических противоречий. Но противоречия ценностные оказались в этом формате как бы за скобками. А между тем политические конфликты являлись во многих, если не во всех случаях, проекцией конфликтов аксиологических.

При анализе причин провала политики Лиги Наций обнаруживается нежелание и неумение вести работу с государствами, представляющими отличные от позиций, доминирующих в организации Великобритании и Франции, идеологические и геополитические платформы. Крайне не хотелось бы, чтобы Организацию Объединенных Наций постигла такая же участь.

Вызовом в отношении движения человечества в направлении ценностного диалога явилось формирование системы однополярного мироустройства. И дело в данном случае не в концентрации в руках одного государства финансовых и иных ресурсов, а в стремлении к ценностной универсализации. Ценности одного сообщества позиционируются как ценности общечеловеческие. И более того, те сообщества, которые не разделяют соответствующих уни-

версалий, оказываются заклеены как «государства – изгои», или страны «оси зла»¹. Если же страна определяется на уровне политического властного дискурса «злом», то очевидно, что диалог в этом случае исключен. Единственная форма отношений со злом – онтологическая война до полного искоренения.

Но конфликтные проекции имеет и более мягкая – позитивная формула, озвученная на юбилейной семидесятой Генеральной сессии ООН – «то, что верно для Америки, верно и для всех зрелых демократий»². А так ли это в действительности? В России есть старая, семантически противоположная высказыванию американского президента, поговорка: «Что русскому хорошо, то немцу – смерть». Фразу можно произнести и с точностью до наоборот: что немцу хорошо, то русскому – смерть. Универсалии по принципу – что хорошо для меня, должно быть хорошо для всех, элементарно противоречат историческому опыту развития цивилизаций мира.

И, кроме того, возникает вопрос: как быть с теми народами, которые не разделяют точки зрения, что для них хорошо то, что хорошо для Соединенных Штатов? Их, что, следует принудить к тому пониманию хорошего и плохого, которое установлено в центре однополярного мира? Происходящее в мировой политике выглядит именно как такое принуждение.

¹ President Delivers State of the Union Address. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/01/print/20020129-11.html> (дата обращения: 03.07.2019).

² Barack Obama. 70th Session of the United Nations General Assembly Address. – URL: <https://americanrhetoric.com/speeches/barackobama/barackobamaunitednations70.htm> (дата обращения: 03.07.2019).

Как на пример для современных политиков можно сослаться на образ американского президента Франклина Делано Рузвельта. Являясь убежденным сторонником американской системы ценностей, он, в тоже время, имел мудрость и умение договариваться со Сталиным. Не обладай Рузвельт соответствующими качествами договороспособности, как некоторые из его преемников в президентском кресле, и сценарий Второй мировой войны был бы для человечества неопределенным. Фраза Рузвельта как раз и определяла диалоговые ориентиры как главное в системе международных отношений: «Чтобы цивилизация уцелела, мы должны культивировать науку человеческих взаимоотношений, способность всех народов, самых разных, жить вместе в мире на одной земле» [22].

Проведенный анализ обнаруживает, таким образом, исторические параллели в развитии предвоенной ситуации в мире 1930-х гг. и современного международного кризиса. Развертка политического процесса в этой логике может, как это показывает опыт генезиса Второй мировой войны, привести человечество к катастрофе. Выступающая от лица человечества Организация Объединенных Наций повторяет стратегические ошибки Лиги Наций, дрейфуя методологически в сторону последней. Стратегически выход из парадигмы войн видится в переходе от идеологии ценностной универсализации в международных отношениях к ценностному консенсусу. Именно на принципах ценностного консенсуса выстраивалась исходно, в отличие от ценностно одномерной Лиги Наций,

Организация Объединенных Наций. Войн, есть сверхактуальная задача в повестке международных отношений. Вернуться к исходным принципам его функционирования, выведенным из трагического опыта двух мировых

Статья поступила в редакцию 22.07.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Акчурина О. С. Движение в поддержку идеи Лиги Наций в США и Великобритании в годы Первой мировой войны // История, философия, политология и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11. Ч. 1. С. 13–18.
2. Багдасарян В. Э. Ценностные основания государственной политики. М.: ИНФРА-М, 2018. 286 с.
3. Гарантии безопасности по статуту Лиги Наций. М.: Народный Комиссариат иностранных дел, 1937. 386 с.
4. Громыко А. А. Во имя торжества ленинской внешней политики. Избранные сочинения и статьи. М.: Политиздат, 1978. 599 с.
5. Дронов С. Б. Концептуальные основы создания Лиги Наций: американский и французский подходы в период подготовки Парижской мирной конференции // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 88, № 8. С. 200–205.
6. Иванов Л. Н. Лига Наций. М.: Московский рабочий, 1929. 183 с.
7. Илюхина Р. М. Лига Наций, 1919–1934. М.: Наука, 1982. 357 с.
8. Канаев А. А. Политико-академический истеблишмент США о перспективах сотрудничества с Лигой Наций (1921–1933 гг.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 2. С. 163–168.
9. Кашников Б. Н. Концепция общей справедливости Аристотеля: Опыт реконструкции // Этическая мысль. Вып. 2. М.: ИФРАН, 2001. С. 89–118.
10. Колісніченко К. С. Особливості мандатної системи Ліги Націй в умовах універсального міжнародного правопорядку у період між двома світовими війнами // Держава і право. 2010. № 48. С. 578–583.
11. Котенко В. П. Компаративистика – новое направление методологии анализа научной деятельности и развития науки // Библиосфера. 2007. № 3. С. 21–27.
12. Мардалиев Р. Т. Правовые реформы Вудро Вильсона и его проект Лиги Наций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. 23 с.
13. Осипович И. А. Мандаты Лиги Наций и новый передел мира: к вопросу о германских колониях // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 4. С. 75–78.
14. Протопопов А. С. СССР, Лига Наций и ООН. М.: Мысль, 1968. 167 с.
15. Сагалова А. Л. Лига Наций во внешней политике Великобритании (1929–1931 гг.) // Управленческое консультирование. 2013. № 1. С. 54–60.
16. Сильченко Ю. С. Ассамблея Лиги Наций как прообраз Генеральной Ассамблеи ООН // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2011. № 1. С. 68–70.
17. Таубе М. А. Вечный мир или вечная война?: мысли о «Лиге Наций». Берлин: Детинец, 1922. 109 с.
18. Ушаков С. В. Исполнение решений Лиги Наций и механизм применения санкций // Московский журнал международного права. 2008. № 1. С. 113–125.
19. Ходнев А. С. К 90-летию Версальского мира и создания Лиги Наций // Преподавание истории в школе. 2009. № 6. С. 40–43.

20. Хормач И. А. Возвращение в мировое сообщество: борьба и сотрудничество Советского государства с Лигой Наций в 1919–1934 гг. М. : Кучково поле, 2011. 607 с.
21. Юнгблюд В. Т. От Лиги Наций к «системе всеобщей безопасности»: идеи организации мирового сообщества в воззрениях Ф. Д. Рузвельта, 1918–1941 годы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. № 3. С. 66–71.
22. Franklin D. Roosevelt's last message to the American people. [n. p. 1945]. – URL: <https://www.loc.gov/resource/rbpe.24204300/?st=text> (дата обращения: 03.07.2019).
23. Hogan J. M. Woodrow Wilson, «The Pueblo Speech» (25 September 1919) // Voice of Democracy. 2006. Vol. 1. P. 59–82.

REFERENCES

1. Akchurina O. [The movement in support of the idea of the League of Nations in the United States and great Britain during the first world war]. In: *Istoriya, filosofiya, politologiya i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2015, no. 11, part 1, pp. 13–18.
2. Bagdasaryan V. *Tsennostnye osnovaniya gosudarstvennoi politiki* [Normative foundations of public policy]. Moscow, INFRA-M Publ., 2018. 286 p.
3. *Garantii bezopasnosti po statutu Ligi Natsii* [Security guarantees under the Statute of the League of Nations]. Moscow, Narodnyi Komissariat inostrannykh del Publ., 1937. 386 p.
4. Gromyko A. *Vo imya torzhestva leninskoi vneshnei politiki. Izbrannye sochineniya i stat'i* [In the name of Leninist foreign policy. Selected writings and articles]. Moscow, Politizdat Publ., 1978. 599 p.
5. Dronov S. [The conceptual basis for the creation of the League of Nations: American and French approaches in preparation for the Paris peace conference]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*, 2010, Vol. 88, no. 8, pp. 200–205.
6. Ivanov L. *Liga Natsii* [The League Of Nations]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1929. 183 p.
7. Ilyukhina R. *Liga Natsii, 1919–1934* [The League Of Nations, 1919–1934]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 357 p.
8. Kanaev A. [Political-academic establishment in the United States about the prospects of cooperation with the League of Nations (1921–1933)]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2007, no. 2, pp. 163–168.
9. Kashnikov B. [The concept of General justice of Aristotle: the Experience of reconstruction]. In: *Eticheskaya mysl'*, issue 2, Moscow, IFRAN Publ., 2001, pp. 89–118.
10. Kolisnichenko K. [Features of the mandate system of the League of Nations in the context of universal international law in the period between the two World Wars]. In: *Derzhava i pravo*, 2010, no. 48, pp. 578–583.
11. Kotenko V. [Comparative studies – a new direction of methodology of scientific activity and the development of science]. In: *Bibliosfera*, 2007, no. 3, pp. 21–27.
12. Mardaliev R. *Pravovye reformy Vudro Vil'sona i ego proekt Ligi Natsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal reforms of Woodrow Wilson and his project of the League of Nations: PhD Thesis in Law sciences]. St. Petersburg, 2001. 23 p.
13. Osipovich I. [The mandates of the League of Nations and the new division of the world: the question of the German colonies]. In: *Aktual'nye problemy humanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2009, no. 4, pp. 75–78.
14. Protopopov A. *SSSR, Liga Natsii i OON* [The Soviet Union, the League of Nations and the UN]. Moscow, Mysl' Publ., 1968. 167 p.
15. Sagalova A. [The League of Nations in the foreign policy of great Britain (1929–1931)]. In: *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2013, no. 1, pp. 54–60.

16. Sil'chenko Yu. [The Assembly of the League of Nations as a prototype of the UN General Assembly]. In: *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Ser. Poznanie*, 2011, no. 1, pp. 68–70.
17. Taube M. *Vechnyi mir ili vechnaya voyna?: mysli o «Lige Natsii»* [Perpetual peace or perpetual war?: thoughts on "League of Nations"]. Berlin, Detinets Publ., 1922. 109 p.
18. Ushakov S. [The decisions of the League of Nations and the mechanism of application of sanctions]. In: *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*, 2008, no. 1, pp. 113–125.
19. Khodnev A. [On the 90th anniversary of the Treaty of Versailles and creating the League of Nations]. In: *Prepodavanie istorii v shkole*, 2009, no. 6, pp. 40–43.
20. Khormach I. *Vozvrashchenie v mirovoe soobshchestvo: bor'ba i sotrudnichestvo Sovetskogo gosudarstva s Ligoj Natsii v 1919–1934 gg.* [Return to the world community: the struggle and cooperation of the Soviet state with the League of Nations in the years 1919–1934]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2011. 607 p.
21. Yungblyud V. [From the League of Nations to "system of General security": ideas of world community organization in views of F. D. Roosevelt, 1918–1941]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2007, no. 3, pp. 66–71.
22. Franklin D. Roosevelt's last message to the American people [n. p. 1945]. Available at: <https://www.loc.gov/resource/rbpe.24204300/?st=text> (accessed: 03.07.2019).
23. Hogan J. M. Woodrow Wilson, «The Pueblo Speech» (25 September 1919). In: *Voice of Democracy*, 2006, vol. 1, pp. 59–82.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Якунин Владимир Иванович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой государственной политики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: gospolitika_msu@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir I. Yakunin – Dr. Sci. (Politics), Head at the Department of Public Policy, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: gospolitika_msu@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Якунин В. И. От Лиги Наций к ООН: аксиологическая повестка и проблема ценностной конвенциональности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 4. С. 11–22.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-11-22

FOR CITATION

Yakunin V. From the League of Nations to the UN: axiological agenda and the issue of value conventionality. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 4, pp. 11–22.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-11-22

УДК 341.121“1930/1940”

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-23-32

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛИГИ НАЦИЙ ПО ПОДДЕРЖАНИЮ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПРЕДВОЕННОГО КРИЗИСА

Шаповалов В. Л.

Московский педагогический государственный университет

119991, г. Москва, Малая Пироговская ул., д. 1, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрена роль Лиги Наций в предотвращении войн и конфликтов в межвоенный период, исследуются представления о необходимости правового регулирования международных отношений, сформировавшихся в XVII – XIX вв., основания и причины возникновения Лиги Наций, ее задачи и особенности функционирования, политика Лиги Наций в отношении действий стран-агрессоров в 30-е гг. Рассмотрены причины неэффективности деятельности Лиги Наций в условиях предвоенного кризиса.

Ключевые слова: Лига Наций, Версальско-Вашингтонская система, коллективная безопасность, страна-агрессор, Антикоминтерновский пакт

ACTIVITIES OF THE LEAGUE OF NATIONS IN MAINTAINING PEACE AND SECURITY DURING THE PRE-WAR CRISIS

V. Shapovalov

Moscow State Pedagogical University

1-1, Malaya Pirogovskaya St., Moscow 119991, Russian Federation

Abstract. The article considers the role of the League of Nations in preventing wars and conflicts in the interwar period; studies the views formed in the 17th–19th centuries on the necessity of legally regulating international relations, the reasons for founding the League of Nations, its objectives, functional features and its policy on the activities of aggressor countries in the 1930s, as well as the reasons for the failure of the League of Nations in the pre-war crisis.

Keywords: League of Nations, Versailles-Washington system, First World War, Second World War, collective security, aggressor country, Anti-Comintern Pact

Создание Лиги Наций в 1919 г. стало результатом, с одной стороны, развития теоретико-философских представлений об идеальной системе межгосударственных отношений, основанной на добровольном соблюдении всеми акторами норм международного права; а с другой стороны, завершения Первой мировой войны и перегруппировки великих держав, перераспределения сфер и зон влияния по итогам войны. Данные две тенденции задали основное противоречие формы и содержания деятельности организации, определили особенности ее возникновения, развития, кризиса и прекращения деятельности.

На протяжении нескольких столетий европейская политическая философия ставила вопрос о соотношении войны и права и способах ограничения возможности применения военной силы в отношении других государств. Еще в начале XVII в. эти вопросы были рассмотрены в трактате Гуго Гроция «О праве войны и мира». Гроций отмечал: «Во всем христианском мире я наблюдал недостаток в ограничении отношений войны, чего даже варварские народы должны стыдиться; я наблюдал как люди хватаются за оружие по незначительным причинам, или без причины вовсе, и когда оружие было поднято, все забывали о каком-либо уважении права, Бога и человека; это как будто, в соответствии общему решению, безумие дает всем свободу совершать любые преступления» [2, с. 51]. Голландский философ и юрист разделил войны по своим основаниям на справедливые и несправедливые, а также обозначил способы прекращения войн.

Спустя два столетия эти темы стали предметом анализа немецкого философа Иммануила Канта. Так же, как и Гроций, ставший очевидцем крупнейших на тот момент военных конфликтов (Восьмидесятилетней¹ и Тридцатилетней войн), Кант был современником Наполеоновских войн, длительного общеевропейского военного противостояния. В книге «К вечному миру» немецкий философ выдвинул идею объединения всех государств, создания единой федерации, включающей все страны и народы: «Международное

право должно быть основано на федерализме свободных государств. <...> Поэтому должен существовать особого рода союз, который можно назвать союзом мира (*foedus pacificum*) и который отличался бы от мирного договора (*pactum pacis*) тем, что последний стремится положить конец лишь одной войне, тогда как первый – всем войнам, и навсегда. Этот союз имеет целью не приобретение власти государства, а исключительно лишь поддержание и обеспечение свободы государства для него самого и в то же время для других союзных государств, причем это не создает для них необходимости (подобно людям в естественном состоянии) подчиниться публичным законам и их принуждению. Можно показать осуществимость (объективную реальность) этой идеи федерации, которая должна постепенно охватить все государства и привести таким образом к вечному миру» [3, с. 270, 273]. Именно такая мера, с точки зрения Канта, станет надежной гарантией прекращения войн и конфликтов.

Еще столетие спустя, в годы Первой мировой войны, президент США Вудро Вильсон предложил программу всеобщего мира, базовым элементом которой являлось организация Лиги Наций – глобального международного объединения «в целях создания взаимной гарантии политической независимости и территориальной целостности как больших, так и малых государств» [5, с. 27–28]. В следующем, 1919 г. Лига Наций была создана. Таким образом, учреждение организации стало следствием реализации в практической плоскости идей формирования международного механизма, обеспечивающего предотвращение войн и конфликтов.

¹ Иное наименование войны за независимость Соединенных провинций от испанской короны (Нидерландской буржуазной революции XVI–XVII вв.)

В то же время создание Лиги Наций и Версальско-Вашингтонской системы в целом было результатом завершения Первой мировой войны, победы в ней Антанты и ее союзников и переустройства мира с учетом интересов победителей. Следствием данных действий стало формирование новой геополитической структуры мира. Глобальное пространство было разделено на три уровня (см. рис.): центр, периферия и маргинальная (внесистемная) зона. Центром системы, по замыслу ее создателей, должны были стать пять государств-победителей, получивших статус постоянных членов Совета Лиги Наций: Великобритания, Франция, США, Италия и Япония.

При этом другие государства, участвовавшие в войне на стороне Антанты, этого статуса были лишены. Они, вместе с некоторыми нейтральными государствами, получили статус членов Лиги Наций и стали периферией организации. Этот статус был предоставлен не всем суверенным государствам. Первоначальными членами Лиги Наций стали только 32 государства, из которых 10 представляли Европу, еще пять: Австралия, Новая Зеландия, Канада, Южная Африка и Индия, были частями Британской империи и, собственно, суверенными государствами на тот момент не являлись. Таким образом, Европа и территории, подчиненные одной из европейских стран, совокупно составляли большинство членов Лиги Наций.

При этом ряд крупных государств не был представлен во вновь созданной организации. Не получили приглашение войти в состав Лиги Наций страны, проигравшие в Первой мировой войне: Германия, Австрия, Турция, Болгария.

Не было и Советской России, по сути, приравненной к странам, проигравшим войну. Фактически это означает, что указанные субъекты были признаны «странами-изгоями», государствами, исключенными из мирового сообщества.

Наконец, большая часть народов мира, проживающая в колониях европейских держав, не получила никакого представительства и защиты собственных интересов в формирующемся сообществе наций. Несмотря на то, что целью Лиги Наций было объявлено «установить господство справедливости» [1, с. 7], ни о какой справедливости в отношении колониальных народов речь не шла. Более того, учредительный документ организации, Статут Лиги Наций, устанавливал в качестве законной и справедливой меры передачу ряда территорий проигравших стран победителям в качестве новых колоний, так называемых «мандатных территорий». Более того, такая мера объяснялась «цивилизаторской миссией» и естественным делением мира на т. н. «передовые нации» и народы, не способные самостоятельно управлять собственной страной. В статье 22 Статута Лиги Наций содержалось, в частности, такое утверждение: «Следующие принципы применяются к колониям и территориям, которые в итоге войны перестали быть под суверенитетом государств, управлявших ими перед тем, и которые населены народами, еще не способными самостоятельно руководить собой в особо трудных условиях современного мира. Благополучие и развитие этих народов составляет священную миссию цивилизации, и подобает включить гарантии осуществления этой миссии в настоящий Статут. Лучший метод

практически провести этот принцип – это доверить опеку над этими народами передовым нациям, которые, в силу своих ресурсов, своего опыта или своего географического положения,

лучше всего в состоянии взять на себя эту ответственность и которые согласны ее принять: они осуществляли бы эту опеку в качестве Мандатария и от имени Лиги» [1, с. 13].

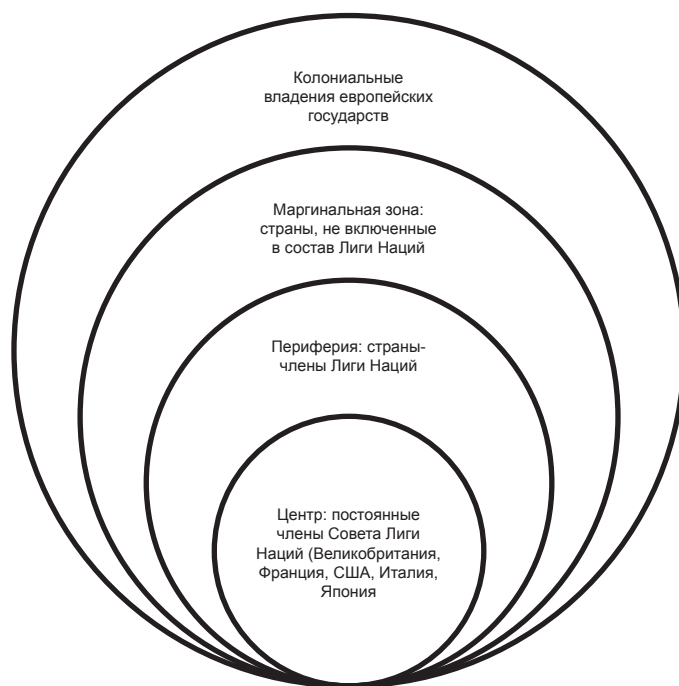

Рис. Геополитическая структура мира в соответствии с Версальско-Вашингтонской системой международных отношений

Таким образом, структура мира, создаваемая Версальско-Вашингтонской системой международных отношений и закреплённая механизмами функционирования Лиги Наций, была далека от реализации принципов справедливого мироустройства с учетом интересов всех народов. Лига Наций представляла собой не воплощение на практике принципа равенства государств и наций, но фиксацию той расстановки сил, которая возникла в результате победы одной группы стран над другой по итогам мировой войны.

Тем не менее организация имела

определенный потенциал, развитие которого могло бы при благоприятных обстоятельствах способствовать уменьшению угрозы военной агрессии и сокращению количества и масштабов межгосударственных конфликтов. Этому способствовал тот факт, что члены Лиги Наций брали на себя обязательство «не прибегать к войне» [1, с. 7]. В Статуте Лиги Наций содержались следующие положения: «сохранение мира требует ограничения национальных вооружений до минимума, совместимого с национальной безопасностью и с выполнением меж-

дународных обязательств»; «Члены Лиги обязуются обмениваться самым откровенным и исчерпывающим образом всеми сведениями, относящимися к масштабу их вооружений, к их военным, морским и воздушным программам и к состоянию тех из отраслей их промышленности, которые могут быть использованы для войны»; «Члены Лиги обязуются уважать и сохранять против всякого внешнего вторжения территориальную целость и существующую политическую независимость всех Членов Лиги» [1, с. 9–10].

Однако Лига Наций не обладала необходимыми инструментами принуждения к миру. Статья 13 Статута содержала обязательство не прибегать к войне: «Члены Лиги обязуются выполнять добросовестно вынесенные решения и не прибегать к войне против Члена Лиги, который будет с ними сообразоваться. В случае невыполнения решения, Совет предлагает меры, которые должны обеспечить действие решения» [1, с. 10]. Но действенного механизма, направленного на реализацию данной нормы, создано не было.

В случае начала военных действий или возникновения угрозы войны Генеральному секретарю организации предписывалось немедленно созвать заседание Совета Лиги Наций для рассмотрения конфликта. Совет мог принять решение, рекомендуемое участникам конфликта третейское разбирательство. Если страну-агрессора не удавалось убедить отказаться от своих планов при помощи третейской процедуры, Лига Наций могла ввести против данного государства экономические санкции: разрыв торговых и финансовых отношений, запрет контактов на межгосударственном и

личном уровне. Крайней мерой были военные действия против агрессора. Однако у Лиги Наций не было собственных вооруженных сил. Поэтому все, что могла сделать в этой ситуации организация – «предложить различным заинтересованным Правительствам тот численный состав военной, морской или воздушной силы, посредством которого члены Лиги будут, по принадлежности, участвовать в вооруженных силах, предназначенных для поддержания уважения к обязательствам Лиги» [1, с. 12]. Второстепенным, но достаточно важным обстоятельством, осложняющим работу организации, был принцип принятия решения Советом – посредством консенсусного голосования. Это делало механизм принятия решения крайне сложным и громоздким, а работу организации – малоэффективной.

Таким образом, Лига Наций не обладала ни юридическими, ни военными ресурсами для защиты мира и предотвращения военных угроз и полностью зависела в своих действиях от крупных держав, обладающих достаточным военным потенциалом и от их готовности обуздать агрессора. Слабость Лиги Наций, неэффективность предусмотренных ею механизмов коллективной безопасности стали важным обстоятельством, наряду с политикой умиротворения со стороны западных держав, ускорившим процесс реализации агрессивных планов Германии, Японии и Италии.

В 1931 г. Японская империя совершила акт агрессии в отношении Китая, захватив Маньчжурию и создав на ее территории марионеточное государство Маньчжоу-го. Реакцией со стороны Лиги Наций стало создание

комиссии во главе с британским политиком Виктором Бульвер-Литтоном и включающей представителей Великобритании, Франции, Италии и Германии, то есть государств, на тот момент являющихся постоянными членами Совета Лиги. Комиссия признала Маньчжурию территорией Китая. В процессе обсуждения в Лиге Наций отчета комиссии японская делегация покинула заседание, а 27 марта 1933 г. Япония официально вышла из состава Лиги Наций. Никаких действий со стороны Лиги Наций по обузданию японской агрессии не последовало. Это спровоцировало расширение японской агрессии, нападение Японии на Китай в 1937 г., военные действия против СССР в 1938 и 1939 гг., атаку на американский флот у Пёрл-Харбора и дальнейшие действия по оккупации территорий в Восточной и Юго-Восточной Азии.

В 1926 г. Германия была принята в Лигу Наций и получила в ней статус постоянного члена Совета Лиги. Однако сразу после прихода к власти Адольф Гитлер взял курс на демонтаж Версальско-Вашингтонской системы и обязательств, взятых на себя Германией после поражения в Первой мировой войне. Лигу Наций национал-социалисты рассматривали как базовый элемент сложившейся системы международных отношений. На состоявшемся 12 ноября 1933 г. референдуме подавляющее большинство жителей Германии высказалось за выход страны из Лиги Наций. Таким образом, Лига Наций утратила возможность напрямую влиять на политические решения Берлина.

В 1935 г. еще один член Совета Лиги Наций, Италия, совершила нападение

на члена организации Эфиопию. В мае 1936 г. большая часть страны была захвачена. Рим объявил о ликвидации Эфиопии и создании колонии Итальянская Восточная Африка. Действия Лиги Наций в отношении нового акта агрессии были половинчатыми, противоречивыми и неэффективными. 7 октября 1935 г. Лига Наций признала Италию агрессором, а 11 ноября 1935 г. Совет Лиги Наций ввел экономические санкции против Италии. Однако значительная часть стран, в том числе США и Германия, игнорировали введенные санкции, продолжая осуществлять активные экономические контакты с Римом и фактически поощряя последний на саботаж решений Лиги Наций. Военных действий мирового сообщества против Италии не последовало, а спустя семь месяцев были отменены и экономические санкции.

Все государства – члены Лиги Наций, за исключением Советского Союза и Испании, в итоге признали суверенитет Италии над Эфиопией, но это не помешало Италии 11 декабря 1937 г. выйти из состава Лиги Наций. Действия Лиги Наций в отношении агрессии Италии в Эфиопии стали колоссальным ударом по репутации организации, продемонстрировали полную недееспособность Лиги Наций в качестве инструмента предотвращения войн и конфликтов и наказания страны-агрессора. Признание Парижем и Лондоном в 1938 г. захвата Эфиопии и снятие Лигой Наций экономических санкций со страны-агрессора продемонстрировали, что творцы Версальско-Вашингтонской системы и руководители Лиги Наций осуществляют политику умиротворения агрессоров и не готовы к той роли, которую

они взяли на себя в 1919 г. – глобально-го гаранта мира и безопасности.

Единственной державой, занимающей противоположную позицию и готовой к сдерживанию агрессивных намерений стран Анतिकоминтерновского пакта, являлся Советский Союз. В СССР с тревогой наблюдали за ростом военных угроз в глобальном измерении. На XVII съезде ВКП(б) И. В. Сталин заявил, что «дело идёт к новой империалистической войне, как к выходу из нынешнего положения» [6, с. 294]. В этой ситуации СССР предпринял ряд усилий по созданию системы коллективной безопасности, которая должна была предотвратить мировую войну. Для этого необходимо было выйти из состояния изоляции, установленного лидерами Лиги Наций в отношении Советской России после Революции и Гражданской войны, и создать военно-политический союз, направленный на сдерживание стран-агрессоров.

В июне 1933 г. СССР заявил о прекращении военного сотрудничества с Германией. Были установлены дипломатические отношения с США. Начинаются переговоры с Францией и рядом других стран. 18 сентября 1934 г. Советский Союз был принят в состав Лиги Наций и занял место постоянного члена Совета Лиги. В мае 1935 г. СССР подписал договор о взаимопомощи с Францией, предусматривающий оказание военной помощи в случае военного нападения, а также аналогичный договор с Чехословакией.

Таким образом, были заложены основы создания системы коллективной безопасности, с участием Великобритании, Франции и их союзников, с одной стороны, и СССР, с другой стороны. В этом случае Лига Наций

под руководством Великобритании, Франции и Советского Союза действительно могла стать эффективным механизмом защиты мира. Однако дальнейшие действия Великобритании и Франции, направленные на умиротворение стран-агрессоров, свели на нет эти возможности.

После введения в марте 1936 г. немецких войск в Рейнскую область Советский Союз заявил о готовности в рамках Лиги Наций ко всем необходимым действиям, направленным на соблюдение Германией Версальского и Локарнского договоров. Однако эта позиция не получила поддержки со стороны Лондона и Парижа. В дальнейшем Великобритания и Франция отказались от противодействия планам Гитлера, что привело к аншлюсу Австрии, Мюнхенскому соглашению и «странной войне» на Западном фронте в 1939–1940 гг. 14 декабря 1939 г., в ходе советско-финской войны, Советский Союз был исключен из Лиги Наций. Это решение зафиксировало неудачное завершение попыток создания системы глобальной безопасности на базе Лиги Наций. Шанс был упущен.

Изгнание СССР стало фактически завершением функционирования Лиги Наций и свидетельством ее неспособности как гаранта мира и безопасности. К этому времени по разным причинам организацию покинули пять из семи крупных держав: США, Япония, Германия, Италия и СССР. Другие крупные неевропейские государства, такие как Китай, Турция, Иран, Бразилия, не были допущены к процессу принятия решений. Лига Наций превратилась в инструмент по реализации политики двух европейских государств: Великобритании и Франции.

Существовал серьезный дисбаланс между формальным статусом претендентов на роль лидеров Лиги Наций и их военно-политическим и экономическим потенциалом. Стремясь к контролю над мировой политикой и используя для этой цели в качестве инструмента Лигу Наций, Великобритания и Франция не имели необходимых экономических и военных ресурсов для подтверждения своих претензий, не являлись ни самыми сильными в военном отношении державами, ни самыми крупными эконо-

миками мира (см. табл.). Отставание от лидеров, США, СССР и Германии, исключение из состава коллективного руководства Лигой Наций других крупных государств значительно ослабляло претензии Лиги Наций на глобальное лидерство, а политика умиротворения, проводимая Лигой Наций и ее руководством, дискредитировало организацию в качестве эффективного механизма разрешения международных споров и конфликтов и поддержания системы коллективной безопасности.

Таблица

**Объем ВВП ведущих стран мира в 1938–1945 гг.
(в млрд междунар. долл., по курсу 1990 г.)**

Страны / годы	1938 г.	1939 г.	1940 г.	1941 г.	1945 г.
США	800	869	943	1094	1474
СССР	359	366	417	359	343
Германия	351	384	387	412	310
Великобритания	284	287	316	344	331
Франция	186	199	82	130	101
Япония	169	184	192	196	144
Италия	141	151	147	144	92

Ист.: составлена автором на основании данных, содержащихся в книге Марка Харрисона [7, р. 21]

Таким образом, причины неудачи Лиги Наций носят комплексный многофакторный характер, связанный как с формально-институциональными аспектами функционирования организации, так и с политикой, проводимой Лигой Наций в условиях роста международной напряженности в предвоенный период. Лига Наций не имела реальных инструментов, позволяющих эффективно разрешать конфликтные ситуации, поддерживать состояния мира и стабильности и наказывать страну-агрессора. Ни структура орга-

низации, ни способ принятия решений, ни перечень мер реагирования, ни характер их применения не способствовали успешной реализации Лигой Наций тех целей, ради которых она создавалась.

Существовало фундаментальное противоречие между целями организации и принципами функционирования, зафиксированными в Статуте Лиги Наций, и геополитическими интересами тех держав, которые установили контроль над Лигой Наций, Великобританией и Францией. Органи-

зация, которая должна была стать гарантом защиты на мировой арене прав всех народов и реализации справедливой мировой политики в интересах всех стран, на практике стала инструментом утверждения господства ряда европейских держав и сохранения европоцентричного мирового порядка. Это происходило в условиях заката западноевропейской цивилизации, изменения глобального баланса сил, усиления позиций в мировой политике и мировой экономике неевропейских стран, «пробуждения» Азии и Африки. В условиях роста национально-освободительного движения Лига Наций стремилась сохранить и юридически закрепить колониальное господство Запада над народами Востока.

Лига Наций была создана государствами, победившими в Первой мировой войне, и была призвана утвердить политическое господство победителей. Однако в силу разных причин большинство ведущих держав оказались за пределами Лиги Наций. В результате в 1939 г. демократический механизм коллегиального руководства Лигой фактически был заменен диктатурой двух западноевропейских держав. Это

усилило рост противоречий между ведущими акторами мировой политики, привело к ухудшению международных отношений в процессе формирования предвоенного кризиса, ускорило переход мира в состояние новой глобальной войны.

Ключевую роль в кризисе Лиги Наций сыграла политика организации в отношении Советского Союза: сначала бойкот СССР, затем отказ от советских инициатив по созданию системы коллективной безопасности и исключение страны из Лиги Наций. Тем самым Лига Наций лишилась возможности создать при поддержке Советского Союза эффективную и сбалансированную систему международных отношений, учитывающую интересы широкого круга стран и опирающуюся на военный, экономический и политический потенциал СССР. Данная ошибка была преодолена в момент создания Организации Объединенных Наций, но это произошло уже после того, как разразилась Вторая мировая война, а Лига Наций фактически прекратила свое существование.

Статья поступила в редакцию 22.07.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Версальский мирный договор. Полный перевод с французского подлинника. М.: Литиздат НКВД, 1925. 198 с.
2. Гроций Г. О праве войны и мира / Репринт с изд. 1956 г. М.: Ладомир, 1994. 868 с.
3. Кант И. К вечному миру // Сочинения в шести томах. Т. 6. М.: Мысль, 1966. С. 257–308.
4. Системная история международных отношений в четырех томах, 1918–1991 / Отв. ред. А. Д. Богатуров. Том 1: события 1918–1945 гг. М.: Московский рабочий, 2000. 480 с.
5. Системная история международных отношений в четырех томах, 1918–1991 / Отв. ред. А. Д. Богатуров. Том 2: документы 1910–1940-х годов. М.: Московский рабочий, 2000. 243 с.
6. Сталин И. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 января 1934 г. // Сталин. Сочинения. Т. 13. М.: Госполитиздат, 1951. С. 282–379.
7. Harrison M., ed. The Economics of World War II: Six Great Powers in International Comparison. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 307 p.

REFERENCES

1. Klyuchnikova Y., Sabanin A., eds. *Versal'skiy mirnyy dogovor. Polnyy perevod s frantsuzskogo podlinnika* [The Treaty of Versailles. Full translation in French]. Moscow, Litizdat NCID Publ., 1925. 198 p.
2. Grotius H. *O prave voyny i mira / Reprint s izd. 1956 g.* [On the law of war and peace / Reprint from the ed. 1956]. Moscow, Lodomir Publ., 1994. 868 p.
3. Kant I. [To the eternal world]. In: *Sochinenia v 6-ti tomakh* [Works in six volumes]. Vol. 6. Moscow, Mysl Publ., 1966, pp. 257–308.
4. Bogaturov A., ed. *Sistemnaya istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy v chetyrekh tomakh, 1918–1991. Tom 1: sobytiya 1918–1945 gg.* [System history of international relations. Vol. 1: Events of 1918–1945]. Moscow, Moscow worker Publ., 2006. 480 p.
5. Bogaturov A., ed. *Sistemnaya istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy v chetyrekh tomakh, 1918–1991. Tom 2: dokumenty 1910–1940-kh godov* [System history of international relations. Vol. 2: Documents of 1910–1940]. Moscow, Moscow worker Publ., 2000. 243 p.
6. Stalin I. [Report of the seventeenth party Congress on the work of the Central Committee of the CPSU(b)]. In: *Joseph Stalin. Sochinenia* [Compositions]. Vol. 13. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1951, pp. 282–379.
7. Harrison Mark. *The Economics of World War II: Six Great Powers in International Comparison*. Cambridge University Press, 1998. 307 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаповалов Владимир Леонидович – кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора Института истории и политики Московского педагогического государственного университета

e-mail: vladshapovalov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir L. Shapovalov – PhD (History), Associate Professor, Deputy Director, Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University;

e-mail: vladshapovalov@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шаповалов В. Л. Деятельность Лиги наций по поддержанию мира и безопасности в условиях предвоенного кризиса // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. 2019. № 4. С. 23–32.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-23-32

FOR CITATION

Shapovalov V. Activities of the League of Nations in maintaining peace and security during the pre-war crisis. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 4, pp. 23–32.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-23-32

УДК 94(4)“1919”

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-33-41

ВЕРСАЛЬСКИЙ МИР КАК ПРОЛОГ КО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Гаврилов А. Ю.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,**Российская Федерация*

Аннотация. Статья содержит анализ Версальского мирного договора, заключенного с потерпевшей поражение в Первой мировой войне Германией и его восприятия в немецком обществе как национального унижения. Автор указывает на отношение держав-победительниц (США, Великобритания, Франция) к побежденным странам (Германия и ее бывшие союзники) как основание, ставшее прологом Второй мировой войны.

Ключевые слова: Версальский мирный договор 1919 г., Первая мировая война, Вторая мировая война, Версальская конференция

TREATY OF VERSAILLES AS A PROLOGUE TO THE SECOND WORLD WAR

A. Gavrilov*Moscow Region State University**24, Very Voloshinoy St., Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation*

Abstract. The article analyses the Treaty of Versailles concluded with Germany defeated in the First World War and its perception in German society as a national humiliation. The author considers the attitude of the victorious powers (USA, Great Britain, France) to the defeated countries (Germany and its former allies) as a prologue to a new world war.

Keywords: Treaty of Versailles, First World War, Second World War, Versailles conference

Столетие, прошедшее с момента подписания Версальского мирного договора странами Антанты с побежденной Германией по итогам Первой мировой войны (1914–1918 гг.), не умаляет актуальности этого события и его важности для формирования исторических процессов в Европе и в мире в целом, как минимум, в последующее двадцатилетие. Версальский мирный договор 1919 г. фактически стал переломной вехой в мировой истории в новейший период, предопределив неизбежность возникновения новой, еще более страшной, масштабной и кровавой – Второй мировой войны (1939 – 1945 гг.).

Версальский договор, подведший черту под Первой мировой войной, был подписан 28 июня 1919 г. С момента перемирия, 11 ноября 1918 г., ознаменовавшего окончание боевых действий, прошел длительный период – более полугода, которые понадобились руководителям держав-победительниц (США, Великобритания, Франция) для совместной выработки основных принципов и условий

послевоенного мира. Фактически указанные державы выработали и в жесткой форме не терпящим возражения тоном продиктовали своим недавним противникам крайне унижительные условия капитуляции. В результате серии мирных договоров, создавших Версальскую систему в Европе в 1919–1939 гг., целые народы – не только немцы, но и венгры, турки и другие этнические группы, оказались разделенными в результате искусственной, произвольной перекройки государственных границ на контингенте. Эхо этого разделения и в настоящий период дает о себе знать незаживающей раной на теле Европы, являясь континентальной угрозой для возрождения старых межнациональных конфликтов.

Германия, являвшаяся центральной державой блока государств, противостоявших Антанте и проигравших войну, была в результате подписания Версальского договора наказана жестче и мощнее всех других своих бывших союзников. Главный принцип, лейтмотив, который проходил красной линией через весь текст Версальского договора, основной его смысл – безоговорочное признание безусловной вины Германии в развязывании Первой мировой войны. Впервые целый огромный народ, игравший в течение тысячелетия одну из ключевых ролей, был признан ответственным за «причинение войны». То есть не только правящая «верхушка», «элиты», а немецкий народ в целом понес коллективную ответственность и был жестко наказан за поражение, поскольку положения Версальского договора ударили не только по «верхам» немецкого общества, а затронули всю его огромную массу. Такое с ведущим, многочисленным на-

родом Европы, занимающим одно из основных мест в мировой истории и культуре, было проделано впервые и не могло не остаться без последствий в далеком будущем. Столь велика была ненависть победителей к побежденным и желание самоутверждения за их счет. Против исторической истины, суть которой заключалась в том, что к развязыванию войны в той или иной степени были причастны все великие державы, участвовавшие в ней вследствие противоречий между ними, полная ответственность за ее разжигание легла целиком на Германию.

Условия Версальского договора были унижительными для Германии. Прежде всего, это унижение касалось германских вооруженных сил, которые указанным договором фактически ликвидировались и превращались в оскопленное, немногочисленное «потешное войско», лишенное реальной возможности защитить страну от внешнего врага в будущем. Армия всегда была предметом особой гордости немцев, особенно пруссаков. Милитаристский дух закладывался у юного немца с детства в семье и школе. Ликвидацию могущественной армии и флота в Германии многие немцы восприняли с болью и тревогой. Опасаясь возрождения в будущем германского милитаризма как угрозы, прежде всего, для соседней Франции, французский маршал Фош настоял на том, чтобы германская армия была частично разоружена и сокращена до 100 тыс. военнослужащих [1, с. 179–188].

Таким образом, Германии разрешилось иметь небольшую для такой крупной страны армию, которая была пригодна, в лучшем случае, для охраны государственных рубежей. Большая

часть германского флота в соответствии с условиями договора была передана державам-победителям. Также Германии запрещалось иметь военную бомбардировочную и истребительную авиацию, бронетанковую военную технику. Ограничения были наложены на строительство новых военных судов. В течение 79 лет до 1988 г. Германия обязана была выплачивать репарации странам Антанты в качестве компенсации за понесенное ими в период военного противостояния убытки. Около 20 млрд. золотых рейхсмарок Германия должна была заплатить до 1935 г., а в последующие 30 лет она должна была выплатить еще 132 млрд. золотых рейхсмарок. Это лишало немцев возможности восстановить национальную экономику в полном объеме.

Немецкое государство лишалось всех своих колоний, которые были разделены между Великобританией и Францией. Также Франция снова получила от Германии Эльзас и Лотарингию. Часть восточных исконных немецких земель вошли в состав воссозданного Великобританией и Францией в ноябре 1918 г. нового Польского государства. 30-километровая зона вдоль Рейна становилась демилитаризованной зоной. Версальский договор запрещал размещать в Рейнской демилитаризованной зоне вооруженные формирования и военную технику. Этой мерой Франция фактически пыталась застраховать себя от повторения в будущем германской агрессии против себя. Гданьск (Данциг) был признан «вольным городом» [1, с. 304].

По инициативе французского маршала Фоша Германию лишили суверенитета над территориями западной части страны, находившимися на левом

берегу Рейна. В Рейнскую область на западе Германии были введены французские оккупационные войска, что стало дополнительным фактом унижения немецкого национального самосознания. Там был расположен Саарский угольный бассейн. Франция испытывала острую нехватку энергоресурсов, которые были ей крайне необходимы в условиях разорения четырьмя годами непрерывных боевых действий восточных провинций страны. Поскольку в начале XX в. уголь еще оставался основным топливным материалом для снабжения паровозного транспорта, пароходов, котельных и прочих нужд, то фактическое изъятие из немецкой экономики сильно усугубило и без того тяжелое положение побежденной страны. Формально Саарский угольный бассейн был передан под контроль Лиги Наций, но фактически находился под управлением Франции. Создание в 1920 г. международной организации «Лига Наций» стало итогом Версальского договора, ее штаб-квартира располагалась в швейцарской Женеве, а ключевую роль в ее деятельности играли страны-победительницы (Великобритания, США и Франция).

В будущем, с целью обезопасить себя, в долгосрочной исторической перспективе Франция планировала стимулировать в Рейнской области на западе Германии рост сепаратистских настроений с целью последующего отделения этой части страны от остальных ее районов. Фактически Версальский договор и политика держав-победительниц стимулировала распад Германского государства, которое представляло собой серьезную угрозу, прежде всего, для существования Франции.

Условия Версальского мирного договора являлись, исходя из объективных оценок многих великих политиков и известных исследователей, неоправданно жестокими по отношению к побежденной стране, являющейся одной из крупнейших мировых держав. Они могли полностью разрушить экономическую и социальную сферу Германии, привести ее к окончательному краху и распаду. И хотя этого в полной мере немцам удалось избежать, последствия «Версаля» для социального и экономического развития Германии в 1920-е – начале 1930-х гг. были тяжелейшие. Вследствие исполнения суровых требований договора была подорвана и практически разрушена германская промышленность, которая являлась основой экономики страны. Население было в массе обречено на полуголодное существование в беспросветной нищете.

Оценки «Версаля» современниками были весьма нелицеприятными. Вождь Советской России В. И. Ленин писал о Версальском договоре, именуя его договором «хищников и разбойников», что «это неслыханный грабительский мир, который десятки миллионов людей, и в том числе самых цивилизованных, ставит в положение рабов. Это не мир, а условия, продиктованные разбойниками с ножом в руках беззащитной жертве» [2, с. 352–353].

Недавно ушедший из жизни крупный американский историк-русофоб Ричард Пайпс, автор ряда известных исследований по истории царской России, таких как, к примеру, «Россия при старом режиме», дал свою оценку исследователя Версальскому договору. Он считал, что в сравнении с навязанным еще кайзеровской Германией

большевистской России в марте 1918 г. Брестским миром Версальский мир для побежденной Германии все же был менее жестоким. Пайпс утверждал, что если бы в Первой мировой войне победили бы не Великобритания, США и Франция, а Германия и ее союзники, то, скорее всего, они бы навязали своим противникам значительно более худшие условия мира, чем в итоге получили сами к 1920 г. Американский ученый писал, что «условия Брестского мира давали возможность представить, какой мир должны были бы подписать страны Четверного соглашения, проиграй они войну, и свидетельствовали о том, как безосновательны были жалобы Германии на Версальский мир, бывший во всех отношениях более мягким [3, с. 169].

Можно дискутировать по вопросу степени жестокости Версальского мира 1919 г. в сравнении мирного договора с большевистской Россией. Однако не вызывает сомнения тот факт, что Версальская система, установившаяся в Европе в 1920 г., была крайне унижительной формой послевоенного устройства, прежде всего для Германии, временно лишившейся статуса великой державы по итогам своего поражения в Первой мировой войне. И наиболее тяжело и болезненно это переживали правящие круги, так называемые элиты страны, к числу которых относились крупная финансовая, промышленная олигархическая буржуазия, а также генералитет армии. Для них произошедшее воспринималось как катастрофа, и стремление к ее преодолению стимулировало развитие правых политических взглядов и настроений в значительной части немецких олигархических военных

элит. Выход из тупика они видели в возрождении сильного авторитарного германского государства, способного стать эффективным инструментом для возрождения военной и экономической мощи с целью ведения борьбы на мировой арене за восстановление утраченных позиций.

Необходимо отметить, что не вся крупная и средняя германская буржуазия была готова бороться за достижение реванша по итогам Первой мировой войны. Часть немецких буржуазных кругов, ориентировавшихся на имевшую сильное влияние в период Веймарской республики (1919 – 1933 гг.) Социал-демократическую партию Германии (СДПГ), стремилась интегрироваться в Версальскую систему, найти в ней свое приемлемое место и каким-то образом развиваться, довольствуясь имеющимися ресурсами. Эта часть германской буржуазии опасалась жесткого конфликта с Великобританией, США и Францией в случае попытки пересмотра итогов Версальского мира 1919 г., она стремилась идти эволюционным путем, надеясь, что постепенно удастся договориться о поэтапной отмене ограничений. Данная часть экономического истеблишмента страны поддерживала действующее социал-демократическое правительство периода Веймарской республики.

Однако значительная часть финансовой олигархии, промышленных кругов, а также генералитет и остатки юнкерства, имели четкое понимание того неопровержимого факта, что в рамках действующего «формата», заданного Версальской системой, возможность для осуществления маневра с целью достижения экономического и политического реванша Германии яв-

ляется минимальной. Только выйдя за рамки указанного «формата», фактически пойдя на нарушение положений Версальского мира, Германия могла возродить былую, утраченную мощь и величие.

Препятствием для достижения целей реванша внутри страны являлась установившаяся в 1919–1920 гг. демократическая государственность в форме Веймарской республики, которая хотя и наделяла центральную власть страны значительными полномочиями, но не могла считаться эффективным инструментом в борьбе за достижение реванша. Основная часть олигархии, опираясь на старый кайзеровский генералитет и остатки юнкерства, стремилась заменить демократическое государство авторитарным режимом, который, по их мнению, мог навести в стране необходимый порядок, подавить социальные протесты, левое, коммунистическое движение и подготовить изнутри страну для борьбы за восстановление утраченных позиций. Они стремились изменить статус-кво, «стряхнуть» оковы Версальского мира и начать новый этап борьбы за восстановление международных позиций агрессивными методами.

С этой целью значительная часть олигархических кругов Германии делала ставку на поддержку правого и праворадикального политического лагеря общества, стремясь с их помощью добиться поставленных целей. Прежде всего, олигархия начинает финансировать пропаганду немецкого шовинизма и реваншизма в широких слоях рабочего класса, городского населения, а также среди крестьян и мелкой сельской буржуазии, ставших социальной

основой будущего праворадикального политического курса Германии. Именно указанное обстоятельство способствовало росту фашистских, национал-социалистических праворадикальных настроений в обществе.

Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (НСДАП), созданная в 1919–1920 гг. из небольшой организации, при поддержке олигархических кругов уже к середине 1920-х гг. превращается в одну из ведущих политических сил Германии. Именно НСДАП становится основным инструментом в борьбе за избавление страны от «Версальских оков» и возрождение агрессивного реваншистского курса. Усиление крайне правых политических настроений, рост радикального немецкого нацистского движения, возглавляемого НСДАП, а затем и приход Адольфа Гитлера к власти при поддержке крупного немецкого капитала, стали прямым следствием Версальского мирного договора 1919 г.

Падению Веймарской республики способствовал начавшийся через 10 лет после Версальского мира в 1929 г. мировой экономический кризис. Находившаяся и без того в тяжелом экономическом положении вследствие территориальных потерь и репараций Веймарская республика была не в состоянии демократическими методами адекватно отреагировать на резкое ухудшение социально-экономической обстановки в условиях кризиса 1929 – 1933 гг. и рухнула, уступив место тоталитарному политическому режиму. Именно Версальский мир 1919 г. способствовал появлению в Германии массовых реваншистских настроений, созданию нацистского движения во главе с НСДАП, его при-

ходу к власти и фактическому началу подготовки к новой мировой войне, с помощью которой правящие круги Германии стремились осуществить реванш за поражение в Первой мировой войне.

Нацисты, объявившие избавление от «Версальских оков» своей главной предвыборной политической целью, в марте 1933 г. на выборах в рейхстаг получили 43,9% голосов [6, с. 170]. После прихода к власти в Германии путем формирования своего Правительства и создания крупнейшей фракции в рейхстаге нацисты во главе с Гитлером объявили вне закона СДПГ и компартию, начав против них жестокие политические репрессии. Исключив из рейхстага коммунистов и социал-демократов, нацистская партия полностью подчинила себе парламент страны, объявив о победе «национал-социалистической консервативной революции». Вскоре после этого, 24 марта 1933 г. нацисты приняли закон о преодолении бедственного положения народа и рейха, дававший право правительству без участия парламента принимать законы, что способствовало усилению тоталитаризма, необходимого для подготовки Германии к будущей войне [7, с. 69].

Нацистам в первые полтора года после прихода к власти удалось жестко нейтрализовать всех своих политических противников внутри страны, за счет проведения агрессивной националистической и шовинистической пропаганды значительно укрепить свои позиции в обществе. После смерти рейхспрезидента Гинденбурга глава правительства Гитлер становится одновременно главой государства, превращаясь в «фюрера» немецкой

нации. 19 августа 1934 г. на всенародном голосовании, закрепившем новый статус Гитлера, он получил 89,9% голосов в свою поддержку при явке 95,7%. Современный немецкий исследователь Н. Фрайт утверждает, что это голосование наглядно показало факт того, что Германия в массе своей пошла за Гитлером, чему способствовали не только внутривнутриполитические, но и внешнеполитические успехи нацистов [5, с. 30–31]. Таким образом, Гитлер получил мандат от немецкого народа на слом «Версальских оков» и проведение активной, агрессивной внешней политики, которая через 5 лет приведет к началу Второй мировой войны.

Укреплению личной власти Гитлера способствовало в 1934 г. устранение им своих недавних соратников внутри нацистского движения, ставших политическими конкурентами и определенным препятствием в достижении поставленных политических целей. Это касалось, прежде всего, командующего многочисленными отрядами штурмовиков (СА) Эрнста Рёма, руководителя левого нацистского крыла Грегора Штрассера [4, с. 390–391]. Главной причиной устранения одного из создателей НСДАП Э. Рёма стало стремление штурмовиков подчинить своей власти армию страны – рейхсвер. После убийства Э. Рёма многочисленные штурмовые отряды были расформированы как самостоятельная военная сила и переданы в армию. Это позволило Гитлеру на базе прежней армии Веймарской республики (рейхсвера) и отрядов СА создать новую мощную армию Третьего рейха – вермахт, который станет главным инструментом в проведении агрессивной политики нацистов.

Анализ Версальского договора 1919 г. и событий, связанных с его принятием, позволяет сделать следующие выводы. Он готовился и подписывался в условиях после окончания Первой мировой войны в момент начала крупной внешнеполитической игры, затеянной США, Великобританией при участии Франции. США и Великобритания, укрепившие свои позиции к 1919 г., стремились жестко диктовать свою волю всему остальному миру и прежде всего – побежденной Германии, игнорируя интересы вчерашних противников, поверженных и уничтоженных.

Проигравшие Германия и ее недавние союзники были растоптаны. У них не только отобрали колонии, но фактически подорвали основные институты государства. В первую очередь – армию. Также Германия и ее союзники были наказаны экономически репарациями. В этих условиях рост реваншистских настроений внутри Германии стал неизбежен. В результате к власти пришли праворадикальные силы в лице нацистов, которые, руководствуясь идеями реванша и действуя в интересах немецкого крупного капитала, развязали Вторую мировую войну.

Принуждение Германии в 1919 г. к подписанию Версальского договора привело к приходу в ней к власти нацистов и развязыванию при попустительстве правящих кругов Великобритании, США и Франции уже Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Так фактически Версальский мир стал прологом к новой мировой войне.

Статья поступила в редакцию 22.07.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Гафуров Б. Г., Zubok Л. И. Хрестоматия по новейшей истории (документы и материалы): в 3-х т. Т. 1 (1917–1939). М.: Соцэкгиз, 1960. 928 с.
2. Ленин В. И. Речь на совещании председателей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии 15 октября 1920 г. // Ленин. Полн. собр. соч. Т. 41. М.: Политиздат, 1981. С. 345–362.
3. Пайпс Р. Русская революция: в 3-х кн. Кн. 2. М.: Захаров, 2005. 720 с.
4. Фест И. Адольф Гитлер: в 3-х т. Т. 2. Пермь: Алетея, 1993. 419 с.
5. Фрай Н. Государство фюрера. Национал-социалисты у власти: Германия, 1933–1945. М.: РОССПЭН, 2009. 255 с.
6. Шульце Х. Краткая история Германии. М.: Весь Мир, 2004. 256 с.
7. Essner C. Die «Nürnberger Gesetze» oder die Verwaltung des Rassenwahns 1933–1945. Padenborn: Schöningh verl., 2002. 477 S.

REFERENCES

1. Gafurov B., Zubok L. *Khrestomatiya po noveyshey istorii (dokumenty i materialy)* [A reader on modern history (documents and materials)]: in 3 vols. Vol. 1 (1917–1939). Moscow, Sotsekgiz Publ., 1960. 928 p.
2. Lenin V. [Speech at a meeting of chairmen of county, volost and rural executive committees of the Moscow province on October 15, 1920]. In: *Poln. sobr. soch.* [Full Sobr. Op.] Vol. 41. Moscow, Politizdat Publ., 1981, pp. 345–362.
3. Pipes R. *Russkaya revolyutsiya* [Russian revolution]: in 3 books. B. 2. Moscow, Zakharov Publ., 2005. 720 p.
4. Fest J. *Adolf Hitler*: in 3 vols. Vol. 2. Perm, Aletheia Publ., 1993. 419 p.
5. Frei N. *Gosudarstvo fyurera. Natsional-sotsialisty u vlasti: Germaniya, 1933–1945* [State of the Fuhrer. National Socialists in Power: Germany, 1933–1945]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009. 255 p.
6. Schulze H. *Kratkaya istoriya Germanii* [A brief history of Germany]. Moscow, All World Publ., 2004. 256 p.
7. Essner C. *Die «Nürnberger Gesetze» oder die Verwaltung des Rassenwahns 1933–1945* [The "Nuremberg Laws" or the administration of racial delusion 1933–1945]. Padenborn, Schöningh verl., 2002. 477 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гаврилов Александр Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: au.gavrilov@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander Yu. Gavrilov – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Medieval and Modern Russian History, Moscow Region State University;
e-mail: au.gavrilov@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гаврилов А. Ю. Версальский мир как пролог ко Второй мировой войне // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 4. С. 33–41.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-33-41

FOR CITATION

Gavrilov A. Treaty of Versailles as a Prologue to the Second World War. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 4, pp. 33–41.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-33-41

УДК 94(4)“1937/1939”

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-42-51

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЗАПАДНЫХ «МИРОТВОРЦЕВ» В РАЗВЯЗЫВАНИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Назаров О. Г.*Журнал «Историк»**115035, г. Москва, ул. Пятницкая, д. 18 стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается предыстория Второй мировой войны: англо-германские договоренности, достигнутые на встрече Гитлера и лорда Галифакса 19 ноября 1937 г.; Мюнхенские соглашения от 29 сентября 1938 г.; англо-французская политика «умиротворения» гитлеровской Германии, ее результаты и влияние на развитие международного политического кризиса 1938–1939 гг. В центре статьи – роль Великобритании, Франции и Польши в судьбе Чехословакии и срыв трехсторонних англо-франко-советских переговоров в Москве летом 1939 г. по политическим и военным вопросам. Автор считает, что в развязывании Второй мировой войны Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом, подписанный 23 августа 1939 г., не имел определяющего значения.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Судетский кризис, Невиль Чемберлен, Эдуард Галифакс, Эдвард Бенеш, Иосиф Сталин, Адольф Гитлер, Мюнхенское соглашение 1938 г.

ROLE OF WESTERN PEACEKEEPERS IN UNLEASHING WORLD WAR II

O. Nazarov*Historian (journal)**18-1 Pyatnitskaya St., Moscow 115035, Russian Federation*

Abstract. The article covers the events leading up to the Second World War: the Anglo-German agreements reached at the meeting of A. Hitler and E. Halifax on 19 November 1937; the Munich Agreement of 29 September 1938; Anglo-French policy of appeasing Hitler's Germany, its outcomes and influence on the development of the international political crisis of 1938–1939. The article focuses on the role of Britain, France and Poland in the fate of Czechoslovakia and the breakdown of the Anglo-Franco-Soviet talks on political and military issues that took place in Moscow in the summer of 1939. The author believes that the German-Soviet Non-Aggression Treaty signed on 23 August 1939 was not decisive in the outbreak of World War II.

Keywords: World War II, Sudeten crisis, appeasement policy, N. Chamberlain, E. Halifax, E. Benes, I. Stalin, A. Hitler, Munich Agreement

Расхожим штампом западной и прозападной пропаганды является утверждение, что причиной Второй мировой войны стал Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом, подписанный 23 августа 1939 г. в Москве глава-

ми дипломатических ведомств гитлеровской Германии и СССР И. Риббентропом и В. М. Молотовым. На этом абсурдном утверждении, игнорирующим то, что план направленной против Польши операции «Вайс» был разработан немецкими военными еще в апреле 1939 г., строится «концепция» о двух главных виновниках Второй мировой. Ими объявлены Германия и СССР. Тем самым крупнейшие преступники в истории человечества и наши деды и прадеды, совершившие величайший подвиг и спасшие мир от «коричневой чумы», ставятся в один ряд. Цель циничных фальсификаторов истории – переложить ответственность за развязывание Второй мировой войны с ее многомиллионными жертвами и огромными разрушениями с западных стран на Советский Союз.

На Западе не любят вспоминать о том, кто и как помогал Адольфу Гитлеру прийти к власти в Германии. Вскоре, 15 июля 1933 г., в Риме Великобритания, Франция, Италия и Германия подписали «Пакт согласия и сотрудничества». И хотя он не был ратифицирован Францией, главное не в этом. Подчеркнув то, что и «без ратификации Гитлер был введен в круг руководителей великих держав», дипломат и историк В. М. Фалин констатировал: «С тех пор ему ни в чем не перечили, его просили лишь не перегибать палку, по принципу – всему свое время. Стартовала «политика умиротворения». Состоялась проба пера, которым через пять лет будет выведено пресловутое понятие «Мюнхен». «Пакт четырех» в этом смысле не эпизод, а знак качества, символизирующий переход Европы в другое состояние. Военным его не на-

зовешь. Но и мирным оно тоже уже не было» [12, с. 38–39].

Тянуть с установлением дружественных отношений с Берлином не стала и Варшава. Д. С. Буневич обратил внимание на то, что в подписанной в январе 1934 г. германско-польской декларации «отсутствовало стандартное для такого рода документов положение о прекращении действия в случае начала вооруженного конфликта одной из договаривающихся сторон с третьей державой, что позволяет трактовать договор Липского – Нейрата как скрытую форму союза <...> В любом случае заключение договора Липского – Нейрата произвело дипломатический фурор» [8, с. 151].

Важнейшим событием, в значительной мере предопределившим развитие политических событий в Европе в 1938–1939 гг., стал визит в Оберзальцберг Эдуарда Галифакса, эмиссара премьер-министра Великобритании Невилля Чемберлена. 19 и 20 ноября 1937 г. состоялись секретные переговоры лорда – сначала с фюрером Третьего рейха Гитлером, а затем с «нацистом № 2» Герингом. Характеризуя итоги переговоров, А. Г. Иванов констатировал: «Результаты визита члена английского правительства удовлетворили Гитлера – Англия по существу не возражала против устремлений нацистов в отношении Австрии, Чехословакии и Данцига. Это подтверждают и документы архива Форин оффис <...> Итоги визита с воодушевлением были восприняты и главой английского правительства. То, к чему давно уже стремился Чемберлен, осуществилось – прямой контакт с Гитлером был установлен» [3, с. 117–118].

События 1938 г. показали, насколько серьезно руководители Германии и

Великобритании относились к их закулисной договоренности. В марте Германия осуществила аншлюс Австрии. Большинство британских политиков он был встречен очень спокойно, почти равнодушно.

Следующим объектом германской агрессии стала Чехословакия. Гитлер потребовал передать Германии Судетскую область. Синхронно с Берлином свою озабоченность притеснениями поляков в Тешинской области Чехословакии предъявила Польша [7, с. 370–371]. Разразился Чехословацкий, а фактически крупный международный кризис. Во время него мир оказался перед выбором – давать или не давать отпор германской агрессии. Поскольку и после аншлюса Австрии Третий рейх был не так силен, каким стал к лету 1941 г., остановить Гитлера в 1938 г. можно было коллективными усилиями двух-трех государств. Сделать это многократно и неустанно призывал СССР.

Однако британские и французские политики предпочли отдать нацистам Судетскую область, а президент Чехословацкой Республики Эдвард Бенеш не нашел в себе сил призвать народ к сопротивлению немецким, польским и венгерским захватчикам. Договоренности, заключенные Н. Чемберленом, Э. Даладье и Б. Муссолини с Гитлером в Мюнхене в ночь с 29 на 30 сентября 1938 г., имели огромное значение для судеб всего человечества, а для Чехословакии они стали катастрофой. От Чехословацкой Республики была отторгнута и передана Германии Судетская область со всеми находящимися на ее территории материальными ценностями. Это решение было принято без участия представителей Чехосло-

вакии. Уже во втором часу ночи, когда удовлетворенные достигнутым результатом Гитлер и Муссолини удалились, в зал заседаний были допущены посланник Чехословацкой Республики в Германии В. Мастны и сотрудник МИД Г. Масаржик. Зевающий Чемберлен предложил им ознакомиться с только что подписанным документом. Попытка чехов задать вопрос, по свидетельству Масаржика, была пресечена заявлением «что это приговор без права апелляции и без возможности внести в него исправления».

Сопrotивляться диктату четырех «великих держав» правительство Чехословакии не решилось, согласившись с потерей части территории государства. Согласие на потерю Судет не было подкреплено обязательной по Конституции Чехословацкой Республики санкцией Национального собрания. Однако руководителей демократических Великобритании и Франции мнение народа демократической Чехословакии не интересовало. О Лиге Наций, где Лондон и Париж доминировали с момента ее создания, в Мюнхене даже не вспоминали. Позицию США на следующий день изложил государственный секретарь США К. Хэлл, заявивший, что результаты Мюнхенской конференции вызывают «всеобщее чувство облегчения» [2, с. 337].

Мюнхенский сговор явился важнейшим шагом к началу Второй мировой войны. Он не был результатом случайного стечения обстоятельств или непродуманных действий британских и французских политиков. Напротив, сговор стал закономерным итогом несколько лет проводившейся Лондоном и Парижем политики «умиротворе-

ния» германского агрессора за счет интересов и территорий третьих стран.

30 сентября 1938 г. в Мюнхене рейхсканцлер Гитлер и премьер-министр Великобритании Чемберлен подписали еще и англо-германскую декларацию – «пакт Гитлера – Чемберлена». Молдавский историк и политолог С. М. Назария справедливо заметил: «По существу этот документ оценивался как пакт о ненападении между Германией и Англией» [9, с. 135]. Раздел Чехословакии произвел неизгладимое впечатление на народы Европы. Эстонский историк М. Ильмярв констатировал: «В Эстонии и других балтийских государствах сделали собственные выводы из Мюнхенского договора и сложившейся после него в Европе ситуации: гарантии, выданные Англией и Францией лимитрофам, больше не имеют значения» [4, с. 334]. А Муссолини вскоре заявил: «То, что произошло в Мюнхене, означает конец большевизма в Европе, конец всего политического влияния России на нашем континенте» [6, с. 206]. И хотя дуче сгустил краски, СССР действительно оказался в сложном положении.

В 1938 г., добиваясь согласия Праги на передачу Германии Судет, Лондон и Париж обещали президенту Чехословацкой республики Э. Бенешу стать гарантами новых чехословацких границ. Уже в октябре англичане и французы перестали об этом вспоминать. Постмюнхенская Чехо-Словакия (так официально стала называться эта страна с 6 октября 1938 г., после получения Словакией автономии) была брошена западными державами на милость нацистов [5, с. 60].

Гитлер изначально не воспринимал англо-французские гарантии всерьез.

Он был уверен, что воевать за чехов англичане и французы не станут, и 15 марта 1939 г. немецкие войска заняли чешские земли. Гитлер сделал их протекторатом Богемия и Моравия в составе Третьего рейха. С чешской государственностью было покончено. Словакии фюрер даровал «независимость», сделав ее сателлитом Третьего рейха. Если присоединение к Германии Австрии и Судет Гитлер объяснял стремлением собрать воедино немецкий народ, то захват Чехии оправдать этим было нельзя. Ведь фюрер не только нарушил Мюнхенское соглашение, но и перекроил политическую карту Европы, не поинтересовавшись мнением творцов Версальского мира.

Свое несогласие с действиями Германии Лондон и Париж обозначили тем, что отозвали из Берлина послов «для консультаций». Вероятно, Чемберлен этим бы и ограничился, однако в реакции британского общества и СМИ проявилась тревога и возмущение агрессивной политикой Берлина. В сложившейся ситуации официально Лондону пришлось сделать шаг, который в 1938 г. им отвергался – привлечь СССР к обсуждению вопросов европейской политики. 18 марта англичане запросили Советский Союз, Польшу, Грецию, Югославию и Турцию об их действиях в случае германского вторжения в Румынию, на которую Берлин оказывал давление. В свою очередь эти страны запросили Лондон о его намерениях, а Москва предложила созвать конференцию с участием СССР, Великобритании, Франции, Польши, Румынии и Турции. 21 марта Лондон предложил подписать проект англо-франко-советско-польской декларации о консультациях в случае

агрессии. Однако Варшава отказалась подписывать документ, если под ним будет стоять подпись представителя СССР, загнав ситуацию в тупик. Пока западные политики и дипломаты искали из него выход, Гитлер действовал. Под давлением Берлина 22 марта Литва передала Германии Клайпеду (Мемель) и заключила с ней договор о ненападении. Лондон и Париж и на этот раз не решились противодействовать Гитлеру, хотя в 1924 г. подписали конвенцию, признав Клайпедский край частью Литвы.

31 марта Чемберлен заявил о британских гарантиях Польше, пообещав ей защиту от германской агрессии, а 6 апреля было опубликовано англо-польское коммюнике. В нем указывалось, что Великобритания и Польша договорились о взаимопомощи «в случае любой угрозы, прямой или косвенной, независимости одной из сторон». В тот же день советский полпред в Лондоне И. М. Майский спросил у министра иностранных дел Великобритании Галифакса: «Что значит слово «косвенная»? И кто должен определять, имеется ли налицо такая угроза: каждая сторона самостоятельно?...». Четкого ответа от Галифакса Майский так и не получил.

Следом за Великобританией гарантии Варшаве дала Франция. Поляки ликовали, уверовав в то, что обещанная им защита Лондоном и Парижем будет оказана. Гитлер ответил тем, что 28 апреля объявил о разрыве польско-германского договора о ненападении 1934 г. и англо-германского морского соглашения 1935 г. Крах политики «умиротворения» стал очевидным.

В условиях нарастания угрозы войны позиция Советского Союза стала

важна как для западных демократий, так и для Берлина. В Москве осознали, что СССР больше не является изгоем европейской политики. 4 апреля нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов, инструктируя советского полпреда в Германии А. Ф. Меркалова, подчеркнул, что «задержать и приостановить агрессию в Европе без нас невозможно, и чем позднее к нам обратятся за нашей помощью, тем дороже нам заплатят».

Ждать «у моря погоды» в Кремле не собирались. Именно Москва сделала шаг, который мог привести к созданию англо-франко-советской коалиции для противодействия германской агрессии. 17 апреля в 22 часа Литвинов вызвал к себе находившегося в театре английского посла У. Сидса и вручил ему документ, содержащий восемь предложений. 1-м пунктом СССР предлагал заключить соглашение сроком на 5–10 лет, предполагавшее незамедлительную взаимопомощь в случае любой «агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств». Следующие пункты уточняли взаимные обязательства Лондона, Парижа и Москвы по оказанию совместной помощи всем государствам Восточной Европы от Балтики до Черного моря по советской границе. Пункт 3 гласил: «Англия, Франция и СССР обязуются в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы военной помощи, оказываемой каждым из этих государств». Переговоры по военной части соглашения предлагалось провести «в кратчайший срок», чтобы прописать детали оказания военной помощи государствам, перечисленным в соглашении. Великобритания, Франция и СССР должны были взять на себя

обязательство не заключать сепаратный мир [10, с. 376]. «Советское предложение расставило все точки над «i» – или большинство из них» [1, с. 178], – констатировал канадский историк М. Д. Карлей.

В Великобритании инициатива Москвы заключить договор о взаимопомощи (оборонительный союз), радости не вызвала. Посол Франции в Лондоне Ш. Корбен позже вспоминал, что советские предложения англичане отклонили с презрением. Чемберлен заявил, что поездка в Москву британского министра «была бы унижительна». Неприязненное отношение к Сталину и другим советским руководителям выказывал политик, который в сентябре 1938 г. по первому «свистку» Гитлера бросал все дела, мчался на встречу с рейхсканцлером, улыбался ему и жал руку. 26 апреля правительство Великобритании сочло предложения Москвы неприемлемыми.

Сталин ответил тем, что 3 мая назначил Молотова наркомом иностранным дел СССР. В Лондоне снятие ориентированного на союз с англосаксами М. М. Литвинова восприняли с тревогой. Не приведет ли смена наркома к изменению политического курса? И не пойдет ли Москва на сближение с Берлином? Основания для таких опасений имелись. Начиная с 12 января 1939 г., когда на новогоднем приеме глав дипломатических миссий Гитлер неожиданно подошел к Мерекалову и на глазах у разинувших рты дипломатов несколько минут говорил с ним, Берлин регулярно «сигналил» Москве о желании улучшить отношения двух стран. Обрадовавшись тому, что во главе НКВД вместо еврея оказался русский, немцы задались вопросом: а

не решил ли Сталин пойти навстречу их пожеланиям?

Чемберлен, представители которого продолжали закулисные контакты с Берлином, категорически не хотел допустить сближения Германии и СССР. По этой причине и под давлением общественных настроений (апрельский опрос института Гэллапа показал, что 87% респондентов были за англо-франко-советский союз и только 7% – против), он попытался создавать видимость, что стремится к союзу с СССР. Но поскольку его реальной целью являлся срыв возможных советско-германских контактов, в Москву на переговоры с главой Советского правительства Молотовым был отправлен У. Стрэнг, возглавлявший Центрально-европейское управление МИД Великобритании. Даже бывший британский премьер Д. Ллойд Джордж осудил это решение: «Мистер Чемберлен вел прямые переговоры с Гитлером. Он ездил на встречи с ним в Германию. Он и лорд Галифакс посещали Рим. Но кого они отправили в Россию? Они не послали даже члена кабинета самого низкого ранга, они послали клерка из Форин оффис. Это было оскорблением».

15 июня начались переговоры Молотова со Стрэнгом, Сидсом и поверенным в делах Франции в СССР П.-Э. Наджиаром. Молотов заявил о готовности Советского Союза присоединиться к англо-французским гарантиям Польше, Румынии, Бельгии, Греции и Турции, но настаивал на том, чтобы гарантии Великобритании, Франции и СССР были распространены на Латвию, Эстонию и Финляндию. Для СССР, государственная граница которого с Эстонией и Финляндией проходила рядом с Ленинградом, это

имело огромное значение. Разведка сообщала Сталину о прогерманских настроениях руководства прибалтийских стран. Что подтвердилось 7 июня, когда Эстония и Латвия заключили с Германией пакты о ненападении, а Гитлер лично вручил подписавшим их министрам иностранных дел Эстонии и Латвии К. Сельтеру и В. Мунтерсу большой крест ордена «Заслуг Германского орла» [4, с. 400]. Было ясно, что под давлением нацистов Латвия и Эстония пойдут и на более серьезные уступки, вплоть до превращения их стран в протектораты Германии. Тогда вермахт оказался бы на границе с СССР. Масла в огонь добавил начальник штаба сухопутных войск Германии генерал артиллерии Ф. Гальдер. В конце июня он посетил Эстонию и Финляндию, присутствовал на артиллерийских стрельбах и побывал на советской границе [12, с. 121].

Осознав, что по вопросу о Латвии, Эстонии и Финляндии Молотов не уступит, 1 июля представители западных демократий согласились распространить на них гарантии в случае прямой агрессии. В случае косвенной агрессии они были согласны только на консультации. Тут же разгорелся спор, что считать «косвенной агрессией»? Хотя у всех перед глазами стояла Чехо-Словакия, утратившая суверенитет в результате угроз, а не нападения, к общей формулировке прийти не получалось. 9 июля Молотов внес советское определение «косвенной агрессии». Речь шла о ситуации, при которой государство «соглашается под угрозой силы со стороны другой державы или без такой угрозы» произвести действие, «которое влечет за собой использование территории и

сил этого государства для агрессии против него или против одной из договаривающейся сторон». За витиеватой формулировкой стояло желание СССР обезопасить себя от смертельной угрозы, которая возникла бы в случае превращения Прибалтики в плацдарм для германской агрессии. Англичане и французы потребовали убрать слова «или без такой угрозы», считая, что они открывают дорогу для вмешательства во внутренние дела гарантируемых стран. Молотов сделать это отказался, и переговоры зашли в тупик.

Вскоре англичане отклонили и предложение СССР об одновременном подписании политического и военного соглашений. Вместе с тем прекращение переговоров в планы Лондона не входило. Особенно после того, как 22 июля газеты опубликовали сообщение о начале советско-германских переговоров о торговле и кредите. Согласившийся обсудить с Берлином экономические вопросы, Сталин, несмотря на провал попыток достичь с Великобританией и Францией политических договоренностей, еще рассчитывал подписать с ними военную конвенцию. В итоге три страны решили провести переговоры военных миссий. От их результата во многом зависело, удастся ли предотвратить войну. Для Москвы, Лондона и Парижа намерение Гитлера напасть на Польшу не являлось секретом.

В ситуации цейтнота добираться до Москвы британские и французские военные решили не на самолете, а морем. Они словно отправились в круиз, а не спасать человечество от ужасов грядущей мировой войны.

А германский зондаж намерений Москвы становился все более масштабным и конкретным. 2 августа Риб-

бентроп сообщил о готовности правительства Германии незамедлительно урегулировать все противоречия с СССР «на протяжении всего пространства от Черного моря до Балтийского». В Москве надеялись на то, что разговор с британскими и французскими военными будет деловым и конкретным, и СССР, Великобритания и Франция заключат военный союз. Но когда 12 августа наконец-то начались переговоры военных миссий, то выяснилось, что возглавлявший французскую делегацию генерал Ж. Думенк имел полномочия только на ведение переговоров, а не на подписание военной конвенции. Английскую делегацию возглавлял адмирал Р. А. Дракс. Он прибыл в советскую столицу без письменного мандата на ведение переговоров и заключение соглашения, зато с указанием вести переговоры «как можно медленнее» [11, с. 264]. Автор фундаментального исследования советско-германских отношений 1939 г. И. Фляйшхауэр пришла к выводу, что правительство Великобритании, продолжая «свою стратегию политических переговоров, и в военных переговорах преследовало цель психологического запугивания Гитлера, а не создание эффективного фронта защиты против распространения агрессии» [13, с. 257].

Советскую делегацию возглавлял нарком обороны СССР К. Е. Ворошилов. В начале переговоров начальник Генерального штаба РККА Б. М. Шапошников изложил советский план военного сотрудничества трех стран, сообщив, что СССР готов выставить против агрессора в Европе 136 дивизий, 5 тыс. орудий, 9–10 тыс. танков и 5–5,5 тыс. боевых самолетов [12, с. 270]. На потенциальных союзников это про-

извело сильное впечатление. Ключевым стал вопрос о пропуске советских частей через Польшу и Румынию. 14 августа Ворошилов обозначил его как кардинальную проблему, заявив, что Красная армия готова сражаться с немцами, но для этого ей надо выйти к границам Польши с Германией. Хотя спорить с этим было абсурдно, Варшава наотрез отказалась пропустить красноармейцев через свою территорию. Попытки французов переубедить руководителей Польши не привели к успеху. Те словно не понимали, что лишают СССР возможности защитить их страну от германской агрессии. 21 августа Сталин, столкнувшись с отказом Варшавы принять советскую помощь и неспособностью Лондона и Парижа повлиять на поляков, принял решение прервать трехсторонние переговоры.

Шестью днями ранее посол Германии в СССР Ф. В. Шуленбург, ранее сигнализировавший в Берлин о решимости Сталина «договориться с Англией и Францией», по поручению Риббентропа передал Молотову предложение принять крупного руководителя Германии. В Кремле с удовлетворением оценили то, что немцы предлагают вести переговоры на равных, а не с чиновником уровня Стэнга. 17 августа, отвечая Шуленбургу, Молотов подчеркнул, что перед тем, как начать политические переговоры, СССР хотел бы завершить переговоры о кредитно-торговом соглашении. 19 августа оно было заключено. СССР получил льготный кредит в 200 млн. рейхсмарок для закупки немецкого промышленного оборудования.

В воскресенье 20 августа Гитлер обратился с личным посланием к Стали-

ну, предложив принять Риббентропа. Поскольку из-за польского «шлагбаума» и британской стратегии тянуть время трехсторонние переговоры зашли в тупик, а конфликт с Японией на Халхин-Голе еще продолжался, Сталин, зная, что в ближайшие дни Германия вторгнется в Польшу, согласился

на визит Риббентропа. 23 августа был подписан советско-германский договор о ненападении [1, с. 15]. Он дал СССР почти два года на подготовку к войне с гитлеровской Германией и ее сателлитами.

Статья поступила в редакцию 22.07.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Антигитлеровская коалиция–1939: Формула провала. Сб. ст. / под общей ред. В. Ю. Крашенинниковой; отв. ред. О. Г. Назаров. М.: Кучково поле, 2019. 336 с.
2. Документы по истории Мюнхенского сговора, 1937–1939. М.: Политиздат, 1979. 471 с.
3. Иванов А. Г. Дипломатическая борьба в Европе в канун Второй мировой войны. Краснодар: Кубанский гос. ун-т., 2018. 291 с.
4. Ильмярв М. Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940 г.). М.: РОССПЭН, 2012. 806 с.
5. Марьина В. В. СССР – Словакия, 1939–1945 гг.: военно-политические аспекты. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. 496 с.
6. Молодяков В. Э. Риббентроп: дипломат от фюрера. М.: Молодая гвардия, 2019. 522 с.
7. Морозов С. В. Польско-чехословацкие отношения 1933–1939 гг. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М.: МГУ, 2004. 528 с.
8. Мюнхен–1938: Падение в бездну Второй мировой: сб. ст. / под общей ред. В. Ю. Крашенинниковой; отв. ред. О. Г. Назаров. М.: Кучково поле, 2018. 272 с.
9. Назария С. М. Международные отношения в эпоху мировых войн: факты и мифология. Кишинев: Институт международных отношений, 2012. 656 с.
10. Партитура Второй мировой войны. Кто и когда начал войну? / Отв. ред. Н. А. Нарочницкая. М.: Вече, 2009. 416 с.
11. Сиполс В. Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М.: Международные отношения, 1989.
12. Фалин В. М. Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М.: Центрполиграф, 2000. 574 с.
13. Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии, 1938–1939. М.: Прогресс, 1990. 480 с.

REFERENCES

1. Krashennnikova V., Nazarov O., eds. *Antigitlerovskaya koalitsiya–1939: Formula provala. Sb. st.* [The anti-Hitler coalition–1939: the Formula for failure. Comp. art.] Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2019. 336 p.
2. *Dokumenty po istorii Myunkhenskogo sgovora, 1937–1939* [Documents on the history of the Munich agreement, 1937–1939]. Moscow, Politizdat Publ., 1979. 471 p.
3. Ivanov A. *Diplomaticheskaya bor'ba v Evrope v kanun Vtoroi mirovoi voiny* [Diplomatic struggle in Europe on the eve of the Second world war]. Krasnodar, Kubanskii gos. Universitet Publ., 2018. 291 p.
4. Ilmjärv M. *Bezmolvnaya kapitulyatsiya. Vneshnyaya politika Estonii, Latvii i Litvy mezhdu dvumya voynami i utrata nezavisimosti (s serediny 1920-kh godov do anneksii v 1940 g.)* [Si-

- lent surrender. Foreign policy of Estonia, Latvia and Lithuania between the two world wars and the loss of independence (from the mid-1920s, years before the annexation in 1940)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012. 806 p.
5. Mar'ina V. *SSSR – Slovakiya, 1939–1945 gg.: voeno-politicheskie aspekty* [USSR – Slovakia, 1939–1945: military-political aspects]. M., Institut slavyanovedeniya RAN Publ., 2017. 496 p.
 6. Molodyakov V. *Ribbentrop: diplomat ot fyurera* [Ribbentrop: a diplomat from the führer]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2019. 522 p.
 7. Morozov S. *Pol'sko-chechoslovatskie otnosheniya 1933–1939 gg. Chto skryvalos' za politikoi «ravnoudalennosti» ministra Yu. Beka* [Polish-Czechoslovak relations 1933–1939. What was behind the policy of "equidistance" Minister J. Beck]. Moscow, MGU Publ., 2004. 528 p.
 8. Krashennnikova V., Nazarov O., eds. *Myunkhen–1938: Padenie v bezdnu Vtoroi mirovoi sb. st.* [Munich 1938: the Fall into the abyss of world war II: collection of articles]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2018. 272 p.
 9. Nazariya S. *Mezhdunarodnye otnosheniya v epokhu mirovykh voyn: fakty i mifologiya* [International relations in the era of world wars: facts and mythology]. Chisinau, Institut mezhdunarodnykh otnoshenii Publ., 2012. 656 p.
 10. *Narochitskaya N., ed. Partitura Vtoroi mirovoi voyny. Kto i kogda nachal voynu?* [The score of the Second world war. When and who started the war?]. Moscow, Veche Publ., 2009. 416 p.
 10. Sipols V. *Diplomaticheskaya bor'ba nakanune vtoroi mirovoi voyny* [Diplomatic struggle on the eve of the second world war]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1989.
 11. Falin V. *Vtoroi front. Antigiterovskaya koalitsiya: konflikt interesov* [A second front. The anti-Hitler coalition: conflict of interest]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2000. 574 p.
 12. Fleischhauer I. *Pakt. Gitler, Stalin i initsiativa germanskoi diplomatii, 1938–1939* [The Covenant. Hitler, Stalin and the initiative of German diplomacy, 1938–1939]. Moscow, Progress Publ., 1990. 480 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Назаров Олег Геннадьевич – доктор исторических наук, обозреватель журнала «Историк»;
e-mail: kadushkin97@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oleg G. Nazarov – Dr. Sci. (History), journalist, Historian (journal);
e-mail: au.gavrilov@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Назаров О. Г. К вопросу о роли западных «миротворцев» в развязывании Второй мировой войны // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 4. С. 42–51.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-42-51

FOR CITATION

Nazarov O. Role of western peacekeepers in unleashing World War II. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 4, pp. 42–51.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-42-51

ПАМЯТНИКИ МИРОВОЙ МЫСЛИ: ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

УДК 321

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-52-61

ТОМАС БЭЙЛИ О ПРИЧИНАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ

Аннотация. Впервые на русском языке публикуется адаптированный перевод работы британского исследователя и социального философа Томаса Бэйли (1785-1856) «Размышления о причинах политических революций» («Discourse on the Causes of Political Revolutions»). Данная работа представляет несомненный научный интерес для историков, социологов и политологов в силу того, что ряд положений концепции Бэйли получили дальнейшее развитие в работах известных мыслителей и оказали влияние на развитие теории революций.

Ключевые слова: Томас Бэйли, революция, теория революции

THOMAS BAILEY ON THE REASONS OF POLITICAL REVOLUTIONS

Abstract. This is the first Russian translation of the “Discourse on the Causes of Political Revolutions” by the British researcher and social philosopher Thomas Bailey (1785–1856). This work is of undoubted scientific interest to historians, sociologists and political scientists, since Bailey’s concepts found further development in the works of famous thinkers and inspired the development of the theory of revolution.

Keywords: Thomas Bailey, revolutions, theory of revolution

Английского мыслителя Томаса Бэйли можно по праву считать «отцом-основателем» научного направления «теория революции». Именно так – создать «теорию революции» на основании известных современникам революций в Англии, Америке и во Франции – ставил своей задачей автор в вышедшей из печати в 1830 г. работе «Размышления о причинах политических революций» («A Discourse on the Causes of Political Revolutions»). Многие рассуждения и выводы автора отражают ту историческую действительность, в которой они родились, при этом некоторые положения и подходы данной работы надолго пережили автора и его время. В связи с этим труд Т. Бэйли будет интересен представителям всех общественных наук. Адаптированный и сокращенный перевод – первый на русском языке – позволяет понять концепцию Т. Бэйли, его подходы и методы в изучении теории революции.

Сокращенный и адаптированный перевод выполнен по изданию Bailey T. A Discourse on the Causes of Political Revolutions. London: Published by W. Strange and B. Steill. 1830. 32 p. Переводчик, автор вступительной статьи и примечаний Э. Э. Шульц

Томас Бэйли. Размышления о причинах политических революций

Рассуждая о Революциях в ограниченном пространстве данной работы, мы вынужденно сосредоточимся на самых важных причинах, пропуская второстепенные или те, что на виду, но служат лишь, чтобы развивать скрытые свойства; и, насколько возможно, постараемся докопаться до первичного принципа беспорядков в государствах.

При этом нет необходимости для этой цели вникать в подробности истории Революций древности. Чтобы разобрать теорию революций, которую я намереваюсь проиллюстрировать, достаточно взгляда на Революции современности: в Англии в 1640 и в 1688, в Америке 1780 и революции во Франции 1789 и 1830 гг., – которых будет достаточно, я считаю, для моей цели. Моя цель состоит не в том, чтобы дать историю всех гражданских беспорядков в государствах, не в том, чтобы отследить причины, которые привели к смене династий, но показать действие врожденного в устройстве «общественного человека» закона, достаточного, чтобы вызывать беспорядки в государствах, – действенная причина всех Революций.

Сразу же сделаем заключение, вместе с Шатобрианом¹, что нет никакой надежной теории, на основании которой мы могли бы двигаться в нашем

расследовании причин народных Революций.

Главное положение, которое я бы искал – это состояние цивилизации, состояние людей, где учение процветает, науки культивируются, поощряются искусства, прививается религия и распространяются знания? Разве это не увеличивающееся желание дальнейших достижений в улучшении? Склонность, которая является необходимым компонентом в нашей моральной конституции, чтобы позволить человеку исполнить жребий своей природы.

Философия и религия, одинаково, объединяются, чтобы запретить людям сдерживать свои достижения в знании и достоинстве, истинных элементах цивилизации. Предположить, что цивилизация могла быть ограничена в фиксированных пределах в стране, где образованность распространялась среди людей, будет нелепостью величайшего вида.

Аристократия, которая питала неприязнь к изменениям, способствовала возвращению иллюзии, что людей, теми или иными способами, все еще можно устрашать или умасливать на молчаливое согласие с продолжением той системы политики, в которой их предки наслаждались таким количеством преимуществ; система, которая, действительно, в свое время, могла быть памятником политической мудрости. Однако прогресс цивилизации, расширение торговли и широкое

¹ Франсуа Рене де Шатобриан (1768–1848) – виконт, пэр Франции, писатель, политик и дипломат

распространение знаний создали множество новых потребностей и желаний среди людей, которые начали смотреть на восхваляемую мудрость предков с безразличием, если не с презрением. Их восприятие отношений в обществе, вследствие более частого и быстрого обмена идеями и мнениями, стало более острым..., средства коммуникации и обмена знаниями становятся более обширными и разнообразными, распространение благ среди них более общим и равным.

То, что было когда-то свободой, теперь ощущается как ограничения, и это волнует людей и ведет к недовольству. Кто же не обнаружит в этих расхожащихся положениях между теми, кто правит, и теми, кем правят, зарождающегося принципа народных Революций? Ничего нет более ложного, чем утверждения о «тайных причинах или поводах Революций, которые непостижимы в общественном человеке!» Ничего нет более истинного, чем утверждение, что в самом принципе цивилизации заложены действенные причины всех Революций!

Государи могут удовлетворенно править у варваров – у них нет нужды жить в страхе Революций: орды Африки и Америки никогда не бунтуют против своих вождей по исключительно политическим побуждениям; даже среди полуварварских народов Азии выступления против своих правителей достаточно редки, и то чаще это акт персональной агрессии.

Достаточно спорный вопрос, были ли в Англии 1640 г. хоть какие-нибудь факты деспотизма, чтобы жаловаться на поведение своего суверена, при этом англичане были довольны и молча соглашались с плохим управлением

в правление большинства его предшественников.

Бесспорно, что страна была в общем процветающей, и люди в достатке. Человеческий разум, однако, в последнее время совершил серьезный скачок. Религия, от просто названия – принадлежность к профессии, предмет только форм и церемоний – стала в умах тысяч могущественной действительностью, практическим принципом управляющего влияния; и это чувство было характерно для всех категорий людей: армия и военно-морской флот, гражданин и сенатор, особенно землевладельцы и их иждивенцы.

Это состояние умов и нравов не могло не произвести серьезный сдвиг в сторону запроса на права человека, нравственные и политические; эти запросы привели к убеждению со стороны тех, кого охватили новые взгляды, что изменение социальных институтов – то, что по своей природе отличается от всего того, к чему люди стремились или нацеливались в своей предыдущей борьбе с правительством, крайне необходимо.

Ни королевский двор, ни нобилитет (за редким исключением), ни высокопоставленные лица церкви не были готовы полностью принять такие изменения вследствие влияния в их умах принципов исключительных прав и предубеждений в пользу исключительных привилегий и предписывающих прав, в которых они были воспитаны. Вследствие этого, они скоро оказались в положении антагонистов к разуму и морали Страны (результат этого противостояния нет необходимости прослеживать).

Страница Истории делает запись этих незабываемых событий и переда-

ет их потомству как урок, который демонстрирует настоятельные потребности, которые существуют в странах, где цивилизация, и что еще более важно – религиозное знание, сделали значительные успехи в том, что высшие классы обращают предельное внимание на развитие умов и моральное регулирование их поведения, а правительства проявляют внимание к чувствам людей на вопросы абстрактных прав не меньше, чем по поводу их мнения относительно финансов и торговли. В варварских или полуварварских государствах, если предметы, необходимые населению, в достатке, то правители в безопасности: но ни в коем случае они не могут быть уверены в этом в высокоцивилизованных странах.

В Европе существовали и все еще могут существовать Государи с любовью к деспотическому правлению, и вполне можно представить, как эти стремления вынуждают держать массу в неведении своего состояния невежества в вопросах любых дальнейших искусств и наук цивилизации.

То, что эти дворы правителей, главным образом, будут осуществлять деспотическое правление – здесь мало причин для сомнений, – но исходя из принципа, что все они жаждут власти, а «знание дает власть», и государство, где превалируют знания, становится резиденцией наивысшего объема власти в пропорции к населению и пространству территории, можно предположить, что у Государей возникнет сильное искушение отступить от такой политики, тем более, что от этого зависит их безопасность. Ясно можно представить, как инстинктивный страх Революций побуждает слабых деспотов предпочитать управление

над отсталыми и полуварварскими странами, нежели поощрять цивилизацию и развитие знаний, и также риск потери неограниченной власти, к которой они испытывают такое восхищение. На земле нет существа настолько же хитрого и трусливого, как деспот.

Англия – пример для всего мира во всем, что касается гражданских принципов, и именно Англия, с ее ограниченной территорией и населением, является бесспорно самой могущественной державой на Земле, – настолько сильной никогда не существовало ни в одно время и ни в одном регионе. Потеря флота или уничтожение армии не могут поколебать ее силу или нанести существенный ущерб, потому что сила эта коренится на интеллекте и морали ее населения – самая эффективная и восхитительная из всех сил, которые могут принадлежать народу. Потеря Южной Америки разрушило Испанию, потеря Северной Америки привнесла новую жизненную энергию Британии. И этого не изменит никакое отделение от нее существующих колоний; могущественное моральное влияние среди людей – вот настоящий источник ее силы. Задаюсь вопросом: возможно ли вообще такое в наши дни, чтобы даже самые деспотические правительства смогли бы успешно противостоять склонности нашего вида к улучшению; возможно ли для части людей пасть так низко в моральной и политической деградации, чтобы навсегда остаться индифферентным к их состоянию в общей великой семье человеческого рода. Когда небеса полны света, даже невежество и суеверие будут пробуждены от апатии, и деспотизм будет опрокинут в его попытках

сохранить любую значительную часть земли в темноте.

Я здесь настойчиво отметил бы, как важное обстоятельство, связанное с современными беспорядками в государствах, что гражданские права ограничены христианским миром и теми частями нового мира, которые знакомы с христианством значительный период времени: они рациональны в своей цели и благотворны в результате, в точном соотношении с тем фактом, что люди были сдвинуты в поклонение Высшему Существо от смехотворных зрелищ религиозных предрассудков и идолопоклонства. На самом деле это становится поворотным моментом, когда перемещаются наши понятия и чувства и возникает уважение к гражданским правам и обязанностям.

Среди ярко выраженных идолопоклонников – настоящих язычников, не встретим даже упоминания об уважительном отношении к правам граждан; тогда как пример Франции – единственный засвидетельствованный случай, когда был опробован определенный эксперимент – показывает, что предоставляет неопровержимые доказательства того, что в сообществе атеистов не могло быть признания гражданских прав.

Двигаясь по шкале градаций с нанесенными религиозными системами человечества от развитого язычества к самым чистым и простым формам христианства, мы найдем на каждой ступени близкое соответствие между верой в Высшее Существо и чувствами уважения к свободе и счастью ближних: мы сразу убедимся в колоссальном влиянии религии на состояние «человека социального» и в превосходстве христианства над каждой те-

ологической системой в продвижении социального счастья, так же как и морального достоинства нашего вида.

Христианство, как религия, основанное на непреложной связи с нравственным бытием, должно иметь стремление, значимостью своей цели и величием доктрины, увеличить интеллектуальный объем, усилить способности объединения и привести ум к размышлениям об абстрактных истинах, связанных с нравственностью, из которых выводятся все требования и обязательства Общества и из практического применения которых проистекают все важные преимущества.

Христианские народы, которые сделали величайшие достижения в знании истинных отношений морального бытия, или, другими словами, в науке об истинной Религии, совершили и самые большие достижения в гражданской свободе. Было бы невозможно, что какой-нибудь европейский народ мог освободиться от препятствий папизма и остаться так же быстро скованным в политической неволе, до того, как он стал протестантским. И это одинаково противоречило бы каждой истинной теории о природе человеческого разума: могли ли Испания, Португалия и Италия, будучи в их гражданском состоянии быть чем-то иным, чем они являлись; униженные и угнетаемые, неуступчиво придерживаясь своей Религии, формальной, суеверной, и чувственной. Ничто не может быть более забавным, чем слышать и читать о различных приготовлениях, производимых постоянно на протяжении последних десяти лет генералом Мина¹

¹ Франсиско Эспос-и-Мина (1781–1836) – испанский генерал. После разгрома в 1823 г.

и некоторыми другими, как сообщают политики и журналисты, для революций в Испании и Португалии; и почти напряженным ожидании тех, кто с замиранием сердца встречает каждую свежую почту, чтобы первым объявить об ожидаемом общем сопротивлении людей этих стран их правителям: и все это только на основании того, что их правители – тираны, словно состояние политической деградации естественным образом утверждает желание людей изменить их учреждения.

Истинно верно, что состояние рабства, или социальная деградация, всегда связывались с желанием свободы, или улучшением; и не только Испания, и Португалия, и Италия могли бы коренным образом измениться давно, но Турция и Персия, и Индия, и Китай, и Япония, – и любой регион, где деспотизм практикует свое железное влияние, уже очень давно обладали бы благословением конституционной свободы. То, что этого до сих пор не произошло, является решающим доказательством, по моему мнению, что они нравственно или интеллектуально еще не подходят для обладания свободой; или, другими словами, что они еще не ощущают себя рабами. Рассмотрение Южной Америки и ее сотни восстаний в течение прошедших двадцати лет, естественно, привлекает внимание. Почему эти республики приобрели до настоящего времени так мало выгод от своей свободы от метрополии, в то время как территории Северной Америки в половину того же времени получили так много? Почему

французами испанских войск бежал в Великобританию, а в 1830–32 гг. с отрядом сторонников попытался осуществить вторжение в Испанию.

одни покрыты славой по итогам двадцати лет, в то время как другие остаются облаченными в унижение? Каждое кажущееся преимущество было с Мексикой и Перу; но каждый реальный шанс был реализован в Пенсильвании и Новой Англии.

Без сомнений, прогресс цивилизации может быть задержан в отдельных государствах мерами правительств, и эпохи Революций, таким образом, могут быть отсрочены.

Так же не подвергается сомнению, что тенденции к волнениям в государствах, которые неизбежны и ждут проявления в поступательно развивающихся цивилизациях, могут быть ограничены в их развитии благоразумным или решительным правительством, даже пока его политика не соответствует духу времени. Но принцип Революции не уничтожен – природа социального человека не изменена – стимул знаний не ослаблен – импульс общественного мнения не сломан! После всех действий по предотвращению, какая тирания может предположить, что этот день все равно настанет!

Как выстреливает самое долгое содержание в неизвестности взрывной волной непреодолимого бешенства, так и отложенные Революции сопровождаются кризисом с наиболее ужасными последствиями. Если бы правители стран стимулировались духом звучащей мудрости, то ужасные конвульсии никогда не возникли бы в государствах по поводу гражданских прав, не вели бы к смерти тысяч граждан и опустошению городов и областей, не оставляли бы дворцы пустынными, а троны вакантными. Каждое действие правительства становилось бы последовательными частями вели-

кой Революции, эпоха которой стала бы временем, чьи успехи наложили бы отпечаток на историю последующих поколений.

Если бы те же либеральные учреждения были бы даны Франции ее правительствами, через постепенные уступки в эпоху, начавшуюся с 1790 года, что определялось социальным запросом (как это уже было признано плохо управляющим Людовиком и его двором, когда их слава растворилась как утреннее облако), Франция, вместо того, чтобы быть сегодня окруженной новой угрозой революции, была бы уже в течение полувека счастливой и процветающей под конституционной монархией, и Европа обошлась бы без наводнения ужасов, которые последовали за падением ее древних учреждений.

Какова тогда эта «секретная причина» – это «неописуемое и скрытое что-то», что является результативной причиной всех Революций? – Просто желание людей привести общественные условия к состоянию, соответствующему улучшенному нравственному или интеллектуальному условиям! Может ли какая-нибудь иная причина быть более естественной и в то же время более действенной? В этом наблюдается сила общественного мнения – триумф национальной морали и интеллекта. Вот власть, слишком изысканная, чтобы бить ее штыками, и слишком необузданная, чтобы ограничить темницами: как сила притяжения и электричество она действует незримо, и проявляет свои громадные силы в едва различимой коммуникации, – это начинается в школьной комнате, созревает в общественных отношениях; не требуя ни помощи интриг, ни за-

говорщиков, ни политических клубов, ни демагогов, чтобы породить или совершенствовать свои достижения.

Некоторые верят, что Революция в Англии в 1640 была работой полудюжины человек; самовлюбленность или невежество говорят, что четыре или пять человек вызвали Революцию во Франции в 1790. Так, искренне верили, что судьба наших взбунтовавшихся американских колоний решалась тремя или четырьмя людьми, что английское правительство выглядело абсолютно глупо, когда установило награду за головы двух из них. Какая нелепость! Слово утрата двух человек, которые служили лишь инструментами общественной воли, могло заставить общественное мнение двинуться в обратном направлении и уступить цивилизации, неспособной к производству естественных результатов.

Истина в том – и этот урок невозможно переоценить, – что действительно великие люди не имеют такого большого значения, когда дело касается судьбы наций, и простые люди лишь воображают себе эту важность. Это были не Франклин, Адамс и Вашингтон, кто произвел на свет Американскую революцию. Даже наоборот: это революция создала их, как публичных людей. Америка обязана многим их гению, который способствовал обретению свободы страной! но они обязаны больше Америке, которая даровала им Свободу, безопасность и славу! Могла ли потеря двух личностей вызвать исчезновение причины и воспоминаний у колонистов? Меры английского правительства, возможно, и могут быть оправданы, по крайней мере, гибкими правилами государственной политики; но даже при полном их исполнении

не могли заставить людей отучиться от приобретенных идей, которые впитались в них. Безнравственность правительственного акта может сравниться только с его безумием. Революция должна была продолжаться вне зависимости от того, кто бы ее возглавил к цели: она имела в своем основании усовершенствованное состояние Американского общества – в общем распространении среди колонистов знаний, гражданских и религиозных; а если кратко, то в противоречиях, созданных неизменной и устаревшей политикой, наложенной на людей, которые быстро прогрессировали в цивилизованности, последствием чего и были их высокие устремления.

Я рискую здесь заметить, что крайне маловероятно, что Англия будет в состоянии поддержать владычество над любой из ее больших колоний в течение длительного периода, если самые просвещенные советники не направят колониальную политику ее правительства. Распространение среди них либеральных принципов, на которых базируются национальные учреждения самой Англии, обладает естественной тенденцией пробуждать любовь к свободе и желание независимости. И эти свойства, которыми они (с их быстрым прогрессом цивилизации, возникшим из вышеупомянутых причин и экстраординарных условий для улучшения) наслаждались в постоянном контакте с такой просвещенной и нравственной страной, должны были быстро развиться среди них принцип Революции.

Будет ли разделение с метрополией неизбежным результатом того нравственного изменения, которое уже началось среди населения многих больших колоний, полностью зависит от

будущего поведения правительства в Англии.

Я повторяюсь, это – ошибка Правителей, если страна когда-либо переносит ужасы внутренних гражданских волнений или ход Революции отмечен криминалом, то это их действия привели к такому и они ответственны за пролитие крови. В хорошо организованном государстве такие революции, свидетелями которых мы явились, никогда бы не случились.

Принцип Революции является врожденным у «человека социального», он произрастает из его характера, как нравственного и разумного существа, и является процессом, благодаря которому он должен достигнуть еще большего прироста социального счастья и славы. Таким образом, можно считать несмыслаемым позором на личностях тех, кому вверены судьбы стран, когда то, что разработано в общественных учреждениях для самой большой пользы, становится источником самого большого зла. Таковы, до настоящего времени, были кровавые шаги, которыми страны продвинулись к благам конституционной свободы: пока Революция не стала звуком ужаса, словом ужасного предзнаменования, пробудив ум к соображениям, при которых бледнеет человечество. И, пока деспотизм Государей, и эгоизм привилегированных классов, и необузданные страсти людей влекут за собой или требуют, чтобы Революции, которые должны занимать целый период, должны быть достигнуты за день, человечество будет иметь причины бояться их как ужасных испытаний.

Необходимо задаться вопросом: являются ли люди во все времена ком-

петентными судьями меры гражданского улучшения, необходимого, чтобы ассимилировать их нравственное и гражданское состояние? Я отвечаю, конечно, нет!

Революция должна всегда быть работой правительства; не людей; кроме как через посредство выражения общественного мнения – единственная разновидность силы, которую люди могут полезно использовать.

Физическая сила никогда не должна использоваться для исправления социального зла, пока доказано, что все виды негативного сопротивления не оказываются безрезультатными.

Если деспотизм добивается признания в государстве смелого безрассудства, что высмеивает страдание и топчет протесты, жертвуя одинаково собственностью, людьми и совестью Людей в его необузданной жажде господства, то допустимо привлечь к суду таких Тиранов в трибунале природы, чтобы выставить напоказ их бессилие и наказанные преступления. Такие случаи, однако, могут редко, если вообще могут когда-либо, происходить среди нравственных и разумных людей: общественное мнение имеет слишком большое влияние, чтобы позволить такому монстру приобратить силу.

Вернемся, однако, как к заключительному размышлению, к рассмотрению нашего принципа: если нет никакой рациональной теории, подающейся обнаружению, пояснительной для беспорядков в государствах, – никакого неизменного принципа, существующего в обществе, который может быть выдвинут в качестве рациональной причины Революций, – тогда Тираны могут отважиться на неизмен-

ный план сопротивления пожеланиям и потребностям их подданных, и надеяться спастись безнаказанно: тогда фигура Якова II¹ как политика выглядит безупречной; а Карл X² и его министры имели обоснованные причины экспериментировать с постановлениями от двадцать шестого июля.³

Революции либо укладываются в некоторые установленные принципы, существующие в обществе, имеют естественную и действенную причину, шутить с которой – безумие, или революции – это всего лишь несчастные случаи, случайные обстоятельства, которые возможно отключить или прервать в процессе движения – опасность будет в целом рассеяна.

Исходя из какого из обозначенных принципов смотрели на теорию беспорядков в государствах безумно влюбленный английский Яков II⁴ и французский Карл X и их правительства, остается неизвестным, но их поведение, внезапное и решительное свер-

¹ Яков II Стюарт (нгл. – Джеймс, James II; 1633–1701) – король Англии, Шотландии и Ирландии, внук Якова I, второй сын Карла I и младший брат Карла II. Потерял трон в результате «Славной революции» 1688 года. Последний британский король-католик.

² Карл X (Charles X; 1757–1836) – французский король с 1824 по 1830 гг.

³ 26 июля Карл X подписал четыре правительственных указа (т.н. «ордонансы Полиньяка»), которые распускали палату представителей, ограничивали избирательное право, свободу слова и восстанавливали цензуру. Эти указы стали толчком «июльской революции» 1830 г.: 27 июля на улицах Парижа вспыхнули баррикадные бои; 28 июля восставших поддержали солдаты; 29 июля восставшие захватили дворцы Лувр и Тюильри; 2 августа король подписал отречение в пользу своего внука.

⁴ «Безумно влюбленный» или «поглупевший от любви» – отсылка автора к множеству любовных романов короля.

жение слишком явно и ясно демонстрируют, какой из этих двух подходов наиболее согласуется с принципами Истины и здравого смысла.

Приведут ли события, которые проявились на Европейском континенте в течение последних нескольких месяцев¹, к официальному пониманию среди государственных деятелей принципа (который здесь отстаивался, с надеждой расположить их уделить должное внимание) правительственной помощи увеличению знаний и добродетелей Человека, которые обеспечат большой запас социального счастья; в противном случае, Государи и Сенаты будут продолжаться, издавая законы против первого принципа Цивилизации, как будто Революции исчезли с лица Земли или установленные при-

чины не привели к их естественным следствиям, потому что короли и Министры так пожелали. Это покажет только Время.

Следует ли принимать прежний курс (о чем я молю Бога), по крайней мере, в нашей стране – и тогда видимые и выгодные изменения скоро станут очевидными в условиях цивилизованного общества. Или следует ему сопротивляться из-за гордости или презирать из-за невежества – и тогда политические конвульсии самого страшного вида продолжают волновать и опустошать страны; и Англия, не меньше, чем другие государства, должна будет надолго стать театром самых ужасных противоборств.

Материал поступил в редакцию 13.06.2019

¹ Речь идет о событиях, приведших к революции во Франции в июле 1830 г., и об их влиянии в других европейских странах.

РАЗДЕЛ I.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК 930.1(470)“20/21”

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-62-72

О ФОРМИРОВАНИИ ЛИБЕРАЛЬНОГО ВАРИАНТА ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.

Смоленский Н. И.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,

Российская Федерация

Аннотация. Задачей данной статьи является анализ проблемы формирования либерального варианта исторического сознания в России конца XX – начала XXI столетий. Актуальность и социально-политическая значимость этой проблемы очевидна: количество носителей данного варианта сознания в современном мире неисчислимо, что говорит и о научно-исторической значимости ее анализа. Оценка либерализма президентом РФ В.В. Путиным на встрече Большой двадцатки в Японии 28-29 июня с. г. подтверждает это. Основное внимание в статье уделяется анализу формирования предпосылок, формирования либерального варианта исторического сознания, что составляет новизну и научно-практическую значимость поставленной проблемы. Она анализируется в данном случае в основном с опорой на применение сравнительно-исторического метода и принципа историзма. Массовый характер исторического сознания обусловил выбор источников информации, к которым относятся преимущественно материалы и публикации в газетах «Московский комсомолец» и «Советская Россия». Задача статьи состоит в анализе начального этапа формирования либерального варианта исторического сознания, что не исчерпывает всей его сути и содержания; задача также в том, чтобы показать, кто и как занимался этим формированием.

Ключевые слова: историческое сознание, реформы, либеральная позиция, социализм

DEVELOPMENT OF LIBERAL HISTORICAL CONSCIOUSNESS IN RUSSIA AT THE TURN OF 20TH–21ST CENTURIES

N. Smolensky

Moscow Region State University

24, Very Voloshinoy St., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract. The article analyses the development of liberal historical consciousness in Russia in the late 20th – early 21st centuries. The relevance and socio-political significance of this issue are obvious: the number of people carrying this form of consciousness in the modern world is innumerable, which also indicates the scientific and historical significance of its analysis. This is confirmed by the assessment of liberalism given by the President of the Russian Federation V. Putin at the G-20 meeting in Japan (28–29 June 2019). The article focuses on analysing the development of prerequisites for the formation of liberal historical consciousness that constitutes the novelty, as well as the scientific and practical significance, of the posed problem, which, in this case, is done using mainly the comparative historical method and the principle of historicism. The massive nature of historical consciousness determined the choice of information sources, which mainly include materials and publications in the newspapers *Moskovsky Komsomolets* and *Soviet Russia*. The article analyses the formation of liberal historical consciousness at its initial stage, which does not cover all its essence and content; as well as shows who and how was involved in this formation.

Keywords: historical consciousness, reforms, liberal position, socialism

Проблема исторического сознания до сих пор не находит однозначного истолкования во взглядах историков. Наиболее обоснованным является такое его понимание, согласно которому его сущность усматривается во взаимосвязи времен – прошлого, настоящего и будущего в сознании как индивида, так и общества; без наличия такой связи не существует ни того, ни другого. Неожиданным признаком исторического сознания является не только связь времен, но и ее разрыв, что происходит в периоды крутых общественных потрясений, революций. Развитие истории показало неизбежность восстановления связи времен после любого варианта ее разрыва, хотя это происходит в каждом случае в своем особом содержании. Разрыв связи времен никогда не означал воз-

никновения некой начальной, без какой бы то ни было связи с прошлым, фазы исторического развития в целом или в любом конкретном – территориальном или временном – вариантах этого развития.

В любой разновидности исторического сознания разрыв связи времен сочетается с точкой опоры на некоторый вариант исторического развития в качестве необходимого или цели этого развития. Наиболее отчетливо эта градация стала проявляться в XVII – XVIII вв. у просветителей. Отставив идею разума как движущей силы истории, просветители были поглощены идеей установления и господства в человеческом мире царства разума и справедливости. При всей неопределенности в целом этой идеи здесь был четко обозначен разрыв связи времен:

царство разума и справедливости – это разрыв со средневековым обществом, которому давалась однозначно отрицательная оценка, как некой ошибке: история пошла не так, не туда. При всей ошибочности этого вывода концепция просветительского мышления была одной из идейных основ перехода общества от старых, феодальных отношений к новому миру общественных отношений и всего, что с этим связано.

Напротив, направление романтиков конца XVIII – первой трети XIX вв. в лице историков, философов истории прежде всего не видели разрыва связи времен между средневековым обществом будущего и давали первому однозначно положительную оценку. Произошедшие с конца XVIII в. революции в странах Западной Европы показали – не во всем объеме мышления – правоту и ошибочность тех и других и, что еще более важно, социальные основы научных выводов в обоих случаях. Корни того или иного варианта исторического сознания – в социальных основах мышления, что подтверждается не только взглядами просветителей и романтиков.

Такова природа исторического сознания советского времени с вносимыми в него поправками относительно учебника по истории М. Н. Покровского. Это подтверждается так же, по существу, господствующим в структурах власти сегодня либеральным вариантом исторического сознания, стержнем которого является отрицательная в целом, или хотя бы в основном ее содержании, оценка советского прошлого [1]. Это тот разрыв связи времен в индивидуальном и общественном сознании, который порожден разрывом связи времен в реальной действитель-

ности – разрушением советского государства и его общественных основ. Причинами разрушения стали отсутствие социально-экономических перемен в стране; непримиримое враждебное отношение Запада, прежде всего США, к СССР с целью ликвидации социализма как системы; предательски негативное поведение части верхушки КПСС по отношению к социализму в стране. Это же стало основной формирования в ней либерального варианта исторического сознания.

Стремление США и Запада к демонстражу социализма в СССР выражается и в том, что они нашли сподвижников в реализации этих целей, в частности, А. Н. Яковлева и Э. А. Шеварднадзе. Далее, к этому имеет отношение создание организаций с участием известных экономистов Ф. фон Хайека и М. Фридмана для соответствующей экономической подготовки тех, кто стал носителем идей «перестройки». Едва ли не главным наставником и вдохновителем отечественных реформаторов был Дж. Сакс, американский экономист, являвшийся в 1991–1994 гг. руководителем группы экономических советников президента Б. Ельцина. В 1983–85 гг. эту подготовку прошли А. Чубайс, Е. Гайдар, В. Потанин, Е. Ясин, П. Авен, А. Шохин и др. В 1991 г. стажировку в Австрии прошли А. Шохин, П. Авен, А. Нечаев, А. Улюкаев, А. Чубайс и другие¹.

Представители партийной верхушки КПСС раскрыли после разрушения СССР то, что было смыслом и целью их действий до этого («целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма, невыносимой диктатуры над людьми», – М. Горбачев; «мы должны

¹ Советская Россия. 2018. 29 дек.

загадить социализм, как мухи засиживают лампочку», – А. Яковлев).

Прошли годы с начала экономических реформ в России, но уже до этого в стране стал формироваться либеральный вариант исторического сознания, стержнем которого было негативное отношение к советскому периоду нашей истории. Результаты реформ начали проявляться уже до их завершения, что лучше и раньше всех понял один из их наиболее известных и значимых творцов Дж. Сакс; не только понял, но и выразил достаточно неожиданно свое отношение к ним: «Мы положили больного (то есть Россию) на операционный стол, вскрыли ему грудную клетку, но у него оказалась другая анатомия»¹. Убийственно! Во-первых, кто это «мы»? Можно полагать, что это Сакс (хотя, конечно, не он один из, так сказать, врачей-пришельцев, реально их было больше) и вкуче с ним его российские наставники (отечественными их назвать никак нельзя, ибо для них Россия – не Отечество, а страна пребывания, «эта страна»). Впрочем, нет, не только это, Россия для них – еще и больной, которого они, не особенно с ним советуясь, положили на операционный стол. А какие у них были полномочия, в том числе, в профессиональном смысле? Никаких. Это стало ясно по результатам «вскрытия»: шарлатанство, или, говоря словами известного борца с привилегиями, имеющего самое прямое к этому отношение: ошибка вышла, вот такая загогулина! Понесли ли они за это ответственность? Увы, нет. Признают ли себя виновными? Тоже нет.

Знахарь-лекарь, он же Сакс, в интервью так комментировал происшед-

шее: «Господин Сакс, несколько лет вы были экономическим советником президента Ельцина и, как кажется многим, одним из идеологов российских реформ. Не испытываете ли вы теперь чувства вины за то, что преобразования по вашим рецептам провалились?». Ответ: «Это чувство горечи, а не вины. То, что я наблюдаю в России – экономическая катастрофа, равной которой еще не было»². Тут надо сказать: отечественные «реформаторы», ученики Д. Сакса, пошли гораздо дальше своего наставника – ни чувства вины, ни чувства горести по поводу результатов «реформ» у них днем с огнем не сыскать. Тем более, эти результаты не являются для них катастрофой. Для Гайдара, Чубайса и прочих с их полным пренебрежением к нормам морали («Больше наглости!» – призыв с трибуны бывшего продавца цветов, ставшего вдруг первым специалистом в области энергетики) в результатах реформ нет катастрофы, – и потому, что есть их полное, откровенно циничное пренебрежение нуждами огромного большинства людей и столь же безудержный, циничный эгоизм по поводу своих собственных интересов.

«Московский комсомолец», надо отдать ему должное, называет своими именами и результаты «реформ» и стоящие за ними личностные свойства «реформаторов»: «Наших реформаторов объединяет общий признак. Все их реформы обернулись катастрофой, подавляющее большинство граждан обнищало и стало жить на десять лет меньше. А сами реформаторы стали в результате государственной катастрофы лично очень богаты. Их несостоятельность как реформаторов чудесным

¹ Советская Россия. 1999. 18 фев.

² Советская Россия. 2000. 16 ноября.

образом обратилась в личные состояния, лимузины, охрану» (А. Минкин)¹. К этому следует добавить: «реформаторы», если бы они признавали за собой ошибочность содеянного, чего, конечно, никогда не будет, то должны были бы признать, что с научной точки зрения такие результаты реформ являются следствием отступления от принципа историзма.

Одно из требований этого принципа заключается в том, чтобы в политике, общественных преобразованиях применялись меры, согласующиеся с конкретной ситуацией в любом случае, т. е., чтобы способы лечения не противоречили анатомии, если прибегать к стилю Д. Сакса. Но какой уж тут историзм, бывший член редколлегии журнала «Коммунист» о нем и слухом не слыхивал, хотя и стал доктором наук. Впрочем, дело, конечно, не в принципе историзма: чтобы так вершить дела, нужен был не историзм, а именно невежество. Об этом, об уровне мышления, профессиональной подготовке «реформаторов» «Московский комсомолец» отзывался с полной определенностью. Поводом для этого послужил крах аргентинского варианта реформ, до которого, однако, отечественные реформаторы рассматривали его и в качестве спасительного варианта для России.

А вот и сама оценка: «По всему видно было, что реформаторы не представляют что делать, цепляются в отчаянии за любую соломинку. Еще не много, и они наймут аргентинца главным советником по экономическим вопросам... Большое видится на расстоянии. Раньше казалось, у них не вполне удачно реформы идут, потому

что объективные трудности, знаете ли, ну и небольшие просчеты. И только сейчас начинает проявляться, какая же это дремучая некомпетентность и самонадеянность страной управляла. Отнюдь не боги у нас горшки обжигают, если аргентинское чудо могло им казаться выходом из положения» (Ю. Калинина)². Почему «управляла»? Эта же газета по случаю годовщины со дня кончины известного предпринимателя А. С. Паникина, – кстати, обладавшего ярко выраженным чутьем историзма, помогавшего ему отстаивать идею самобытного развития России в противовес Западу, – эта газета свидетельствует: «Потом он, смеясь и матерясь, рассказывал, какую ахиною несут там с ученым видом (на высоких совещаниях. – Н. С.) <...> Хохоча он показал однажды кремлевскую бумагу – очередной план то ли Грефа, то ли Гайдара, как нам наконец обустроить... Черным по белому было написано: «Для борьбы с бюрократизмом создать комиссию»³.

Но уместно спросить: как понять, что газета, устойчиво пропагандирующая западные либеральные ценности, в большинстве публикаций занимает негативную позицию по отношению к либерал-реформаторам? Во имя плюрализма? Нет, общественное лицо газеты – указанная позиция. Но всегда ли газета занимала такую позицию по отношению к либерал-демократам? Тоже нет, сошлемся для ясности лишь на один материал из относительно недалекого прошлого: «Тезис о социальной справедливости – один из самых опасных политических тезисов, которые могут существовать.

² Московский комсомолец. 2001. 27 апр.

³ Московский комсомолец. 2003. 9 янв.

Множество раз доказано, что борьба за социальную справедливость кончается страшным делом. Раньше или позже. Поэтому на самом деле для нашей страны правильный тезис не о социальной справедливости, а о социальной приемлемости. Этот тезис... говорит о том, что на разных этапах... общество может соглашаться с теми или иными социальными издержками. Особенно в период реформ»¹. Это – Г. Явлинский. Откровенно излагается и оправдывается суть основного тезиса либерализма – всем, чем человек располагает, он обязан только самому себе, в этом и заключается, так сказать, высшая справедливость. Стремление к иной справедливости, – ясно говорит этот жрец либерализма, – ведет к крови. Увы. Так было в прошлом. Это свершившаяся история, ее страницы запечатали именно иное, чем, по понятиям Г. Явлинского, стремление к справедливости. Это означает только одно: история по этим понятиям развивалась не так. Жаль, но автору этих понятий помочь нельзя.

Бросается, однако, в глаза, что для реализации идеала справедливости по Явлинскому от людей требуется жертва, хотя и не столь страшная, как в отвергаемом им варианте, – терпение. Этот намек вполне прозрачен: это – призыв к терпению по поводу социальных издержек из тех реформ, причастность к которым самого Явлинского не только прямая, но и весьма значительная – и в форме неосуществленного проекта «500 дней», и в качестве реформатора в Нижегородской губернии, эффект которых хорошо известен своими разрушительными последствиями, да и в иных ролях – в

Думе и т. д. Но следует оговориться: так было только до определенного момента, точнее, не вполне определенного, поскольку мы не можем сказать с точностью, когда началась мутация. Но ясно: сегодня, в итоге мутации, получился некий гибрид либерализма, социал-демократизма, да еще и некоего консерватизма. В итоге – заявление о позиции, по своей сути несовместимое с приверженностью к тезису о социальной приемлемости: «Изменить положение тут (т. е. сегодня в стране – Н. С.) может только социал-демократия»².

Теперь почти социал-демократ пишет: «...люди увидели, что их жизнь (при «демократическом» правительстве Гайдара и Чубайса – Н. С.) резко ухудшилась, они почувствовали себя абсолютно отторгнутыми от своей собственной страны, от всего, что в ней происходит, почувствовали себя униженными и оскорбленными, поняли, что эта власть ничего хорошего им не даст...». Он озабочен тем, как сделать, «чтобы общество было справедливым и имелось не только формальное равенство всех перед законом, но и возможность равного доступа к ресурсам»³. Понять итог этой мутации несложно: это – стремление дистанцироваться от разрушительных последствий реформ, смена маски при отсутствии видения реальных путей выхода из сложившейся ситуации. Писать об этом академически нейтрально весьма сложно, ибо все эти мутации социального поведения вызывают массу негативных эмоций. Впрочем, это уже по сути разновидность поведения не социального, а биологического типа

¹ Московский комсомолец. 1995. 19 апр.

² Московский комсомолец. 2002. 18 янв.

³ Там же.

– мимикрия, да и то с одним немало-важным отличием: там, в мире животных, мимикрия является лишь способом выживания особи, не связанным с причинением зла, в данном же случае особь стремится к выживанию, несмотря на причиненное зло.

Другим актером этого же рода, но с еще циничной траекторией полета, стал Г. Попов. Доктор политэкономии, марксист поневоле, демократ первой волны, в середине 90-х гг. высказывавший идею об образовании на территории страны около 50 самостоятельных государств, теоретик взятки, предлагавший ее узаконить. Попов, даже раньше, чем Явлинский, показал отход от либерализма как доктрины и стратегии «реформ» в России. По одному из самых принципиальных вопросов – оценке «реформ» критически-негативное к ним отношение этого человека определилось уже приблизительно во второй половине 90-х гг. Ельцин превращается из лидера «народной революции 1989–1991 гг.» в «отца новой российской демократии» и определяется Г. Поповым в качестве «бюрократ-реформатора». «Настоящий» демократ Г. Попов не замечает, что занимается изготовлением примитивной терминологической туфты, потому что точный смысл слова демократия – власть народа, а если этого нет, то и речь идет о какой-то иной власти, но не о демократии. Но это еще не все, речь идет не только о словоблудии. Показывая Ельцина как разрушителя, что, впрочем, верно, Г. Попов тут же посыпает голову пеплом: мы (т. е. они, «реформаторы», хотя речь ведется от имени интеллигенции России) не знаем, что надо строить и как. Ну, а дальше – как и следовало ожидать: тут не вина (его,

Попова, как и Ельцина), а беда, и, что самое главное, – беда всей России: Россия виновата! Опять ошибка вышла, вот незадача! Тут верно только одно: ввергли Россию в ситуацию, о последствиях которой сейчас ничего определенного сказать невозможно.

Далее демократа первой волны надо цитировать – для точности стилистических перлов и цинизма шулера, уваливающего от ответственности и сваливающего ее на других: «Среди различных вариантов номенклатурных реформ, выбрал (Ельцин – Н. С.) наихудший: западнический, либеральный. А что он мог сделать, если его всю жизнь учили: чем скорее, тем лучше (советское воспитание виновато! – Н. С.), когда хор чикагских мальчиков (!) сулил успех максимум через год? Когда эти розовые штанишки были поддержаны вполне солидными смокингами Международного валютного фонда, МБРР, ОБСЕ и т. д., и т. п.? Когда либералы предлагали 500 дней? (Какое? Пауки в банке. – Н. С.). Когда народ кричал: «Сотвори чудо!». И вполне скромно о себе: «Когда альтернативные предложения, скажем, мои, для реализации которых я готов перейти в правительство (маловато: на рельсы не обещал лечь. – Н. С.), были рассчитаны на десять лет, казались «заумными профессорскими бреднями» Коржакову, а Гайдар прямо говорил: «Или я – или Попов»¹.

Приведенные откровения скрывают и тут один общий и точный смысл: это – откат от либерализма, который был, конечно, родимым пятном и демократов первой волны при всех различиях между ними в оттенках взглядов. Коренная причина отката также

¹ Московский комсомолец. 2000. 2 авг.

вполне понятна – результаты реформ, замышлявшихся и проводимых по лекалам либерализма, результаты, от которых их инициаторы, хотя и не все, хотели бы отмежеваться. Странное дело, но именно это им открыло глаза на целый ряд реалий, по отношению к которым они были раньше поистине слепы. Одной из них является обращение к историческому опыту реформ в Китае. Попов солидаризируется, в частности, со следующими выводами по поводу успеха этих реформ:

- КНР не тратила много сил на разрушение и критику прошлого, а сосредоточилась на создании нового;

- китайские реформы сразу обернулись лицом к нуждам населения, к обеспечению его дешевыми товарами и продовольствием;

- реформы в Китае исходили из особенностей своей страны, а не из рецептов зарубежных знатоков (вот как!);

- в стране практически не было приватизации, а частный сектор создавался не взамен государственного, а методом заполнения пустующих участков экономики.

И, наконец, проблема уменьшения платы за реформы оставалась одной из главных¹. Даже в этой фазе ощущается циничная и вместе тем с лживая суть либерализма, для которого личность – превыше всего, но социальная плата за реформы – лишь одна из главных. И это еще по понятиям либерала-отступника; для других российских «реформаторов» понятие социальной платы, надо полагать, вообще лишено какой-либо цены. Китайские же реформы проводились в интересах огромного большинства, иначе бы они не имели такого эффекта. Следовательно, в

этом случае мы имеем дело с искажением Г. Поповым подлинной сути социальной направленности китайских реформ.

Второе искажение проистекает из того, что Г. Попову очень не хотелось эти реформы связывать со строительством социализма в Китае, поэтому для него Китай идет по пути строительства постиндустриального общества. Тут Попову можно только посочувствовать: Китай идет своим путем, к каким бы словесным подверстываниям Попов не прибегал. Ситуация с подверстыванием важна и в другом отношении – в связи с новой, современной гранью лавирования Г. Попова, мутацией его взглядов. Но сейчас обратим внимание на то, что совсем за небольшой срок с момента появления вышеуказанной публикации критический тон отношения Г. Попова к российским «реформаторам» значительно окреп. Это показал крах аргентинского варианта экономических реформ, «... который власти России (по советам Международного валютного фонда и собственному разумению) навязывали стране с января 1992 г.».

Либерал-демократ первой волны остался в полном недоумении относительно того, что новое российское руководство не воспользовалось, казалось бы, удобным «аргентинским» предлогом, чтобы, говоря о событиях в другой стране, подвести черту в России и под политикой шоковой терапии, и под стремлением одних ее сторонников уйти от ответственности и покаяния. Либерал-реформатору Попову можно было только посочувствовать: покаяния от Чубайса и иных ему придется ждать примерно столько, сколько понадобится для того, чтобы

¹ Московский комсомолец. 2000. 8 дек.

заговорили пирамиды Древнего Египта. Что же касается ответственности, то хорошо уже хотя бы то, что Г. Попов об этом пишет, сама собой пора ответственности не придет.

А теперь перейдем к свидетельствам последней фазы эволюции – трансформации взглядов Г. Попова, оговорившись, что последней она является лишь для сегодняшнего дня, следовательно, никак не окончательной. Основанием для такого вывода о будущем Г. Попова является его прошлое, суть которого выражается в одном слове – мимикрия. Суть этой последней фазы прекрасно выражает его следующее признание: «Я – человек по преимуществу социалистических убеждений, как и Аристотель (!), я считаю человека существом политическим. Как и Христос (!!), я считаю, что человека делает человеком любовь к ближнему. И меня огорчает, что массовый подход социалистов и социал-демократов к власти в ведущих странах мира не создал новой теории социализма»¹. Одно ясно: у Аристотеля, как и у Христа, достойный человек и продолжитель, особенно по части скромности. Поистине, самое здоровое чувство по отношению к людям этой породы – безразличие.

Аристотель рассматривал человека в качестве животного политического и при всей его гениальности не мог продвинуться дальше, ибо ему этого не позволяло сделать его время, в условиях которого принадлежность человека к полису, общине, государству одновременно имела во многом решающее значение. С разъединением сфер государства и общества, различием прав и обязанностей человека и гражданина в новое время пришла пора и

нового понимания природы человека: человек – животное общественное, что конечно, глубже и вернее. Так думали Сен-Симон, а потом и Маркс. И это помогло понять время. Но никакое время не поможет Г. Попову преодолеть его собственную ограниченность, боги тут бессильны.

А о каком социализме толковал этот «социалист»? У него теории социализма нет, поскольку, как он считает, ее вообще нет, но ее «обязательно выдвинет» эпоха постиндустриального общества. Но у Г. Попова контуры социализма будущего все же есть. Это, во-первых, не советский социалистический проект, который «был болен неизлечимыми болезнями». Во-вторых, основой нового общества становится интеллигенция, а господствующим классом – бюрократия; интеллигенция по характеру своего труда «ориентирована на неравенство»². В другой публикации фундаментальный социалист и экономист (видно, как он неустанно работает над идеей социализма) дополняет эти контуры: социализм XXI в. – это социализм среднего класса. В качестве главного противника новый социализм сталкивается с частным собственником и даже не с олигархами, а с номенклатурой. Главные принципы социализма – равенство, справедливость и солидарность³.

Не будем рассматривать смысл этих понятий у Г. Попова, хотя это тоже говорит о многом. Возьмем одну из центральных идей этого «социалистического проекта», хотя об этом говорится попутно и вскользь – о совместимости социализма и частной собственности. Ведь согласно этому, социализм совме-

¹ Московский комсомолец. 2002. 2 авг.

² Московский комсомолец. 2002. 2 авг.

³ Московский комсомолец. 2002. 20 нояб.

стим даже с олигархами – речь идет, надо полагать, о явлениях российской действительности. Что такое социализм третьего класса? Трудно понять, во-первых, то, что в одном случае основой общества объявляется интеллигенция, а во втором – средний класс: это одно и то же или нет? Во-вторых, средний класс составляет всю структуру общества или является ее частью? Надо полагать – частью, иначе это не был бы средний класс. Значит, есть иные прослойки? Тоже верно:

1) лица наемного труда, без которых и представители малого бизнеса, если они – собственники средств производства, не обходятся;

2) богатые и сверхбогатые.

Может ли общество состоять из лиц только среднего достатка, в том числе собственников этого типа? Нет, потому что в природе частной собственности заложено неравенство и стремление к прибыли, следовательно, и собственник средней руки может разориться или выбиться в верхний слой собственников. Далее, может ли быть построено новое, т. е. социалистическое общество без изменения фундаментальной основы уже существующего строя – частной собственности? Нет, в любом случае это будут модификации этого строя. Октябрьская социалистическая революция означала довольно радикальное по темпам утверждение практически одной формы собственности в России – государственной, что по существу, и позволило пройти стране в считанные десятилетия путь от сохи до атомного оружия (У. Черчилль).

Другой, мирный, эволюционный путь развития – через сосуществование различных форм собственности

как вариант перехода к общественной собственности; это имеет место в современном мире, где сосуществуют частная, государственная, корпоративная (в разных модификациях) формы, причем важно не только сосуществование, но и тенденция развития. Что же касается общества среднего класса, то оно также есть в современном мире, и, хотя его представители порой вполне искренне считают его социалистическим, оно является лишь новейшей фазой (со второй половины XX в.) прежнего капиталистического (индустриального) общества – Канада, Швеция, Нидерланды и т. д.

Конечно, вопрос о будущем является открытым. По отношению к нему Г. Попов и в рамках своего «социалистического проекта» небольшой оптимист, скорее, скептик, для которого ««Фауст» – это потрясающая по трагизму история о тупиковости, безысходности судьбы интеллектуала в его попытках создать счастливую жизнь на этом свете»¹. Надо полагать, жизнь для всех. Ну, ничего, было бы самому Попову хорошо.

Формирование либерального варианта исторического сознания в конце XX – начале XXI вв. проходило не в качестве однозначно выраженного процесса, а как совокупность его разновидностей с достаточно определенно выраженной их разницей в оценке советского прошлого. Критически негативная оценка реформ в России 90-х гг. XX в. в средствах массовой информации порождалась настроением людских масс, которое формировалось разрушительными последствиями реформ. Эти настроения в определенной мере отодвигали проблему отношения

¹ Московский комсомолец. 2002. 11 дек.

к советскому прошлому, оценка которого в общественном сознании выглядела менее важной и актуальной. Формирование содержания этой оценки падало на самих реформаторов и формировавшейся прослойки либеральной интеллигенции, к представителям которой в данном случае относятся

Г. Явлинский и Г. Попов. Оценка эта была уже в начальном варианте формирования либерального исторического сознания однозначно отрицательной, что наиболее отчетливо проявилось в позиции и взглядах Г. Попова.

Статья поступила в редакцию 17.05.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Смоленский Н. И. Проблемы методологии истории. М.: ИИУ МГОУ, 2018. 163 с.

REFERENCES

1. Smolensky N. *Problemy metodologii istorii* [Problems of the methodology of history]. Moscow, MGOU Ed. off. Publ., 2018. 163 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смоленский Николай Иванович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;
e-mail: kaf-nim@mgou.ru

AUTHOR INFORMATION

Nikolai I. Smolensky – Doctor of Historical sciences, Head at the Department of modern, contemporary history and methodology, Moscow Regional State University;
e-mail: kaf-nim@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Смоленский Н. И. О формировании либерального варианта исторического сознания в России на рубеже XX–XXI вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 4. С. 62–72.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-62-72

FOR CITATION

Smolensky N. On the formation of a liberal version of historical consciousness in Russia at the turn of XX–XXI centuries. In: Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences, 2019, no. 4, pp. 62–72.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-62-72

УДК 930.2

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-73-85

ЧЕЛОВЕК И РЕФОРМЫ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ (К ПРОБЛЕМЕ РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТИ ИСТОЧНИКОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ)

Маслов Д. В.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,**Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена вопросу репрезентативности источников личного происхождения в изучении роли человеческого фактора в истории горбачевских реформ 1985–1991 гг. Актуальность темы связана с тем, что без понимания роли человеческого фактора невозможно всестороннее осмысление опыта преобразований в современной отечественной истории. Научная новизна темы проявляется в том, что в данном аспекте исторической наукой она практически не изучалась. Статья написана на основе комплекса как известных, так и ранее не использовавшихся историками источников – преимущественно на данных проведенных автором статьи и другими исследователями социологических опросов, а также воспоминаний, дневников, писем граждан, материалов устной истории. Методология исследования основана на методах анкетирования, контент-анализа, акторном подходе и других методах и подходах антропологического исследования. В результате выявлено, что источники личного происхождения представляют значительную познавательную ценность для исследователя современной отечественной истории.

Ключевые слова. Человек, «перестройка», реформы, методы исследования, опрос, респондент

PEOPLE AND REFORMS IN MODERN RUSSIAN HISTORY: THE REPRESENTATIVENESS OF SOURCES OF PERSONAL ORIGIN

D. Maslov*Moscow Region State University**24 Very Voloshinoy St., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract. The article covers the representativeness of sources of personal origin in studying the role of the human factor in the history of Gorbachev's reforms (1985–1991). The relevance of the topic lies in the fact that without understanding the role played by the human factor it is impossible to comprehend the reformation experience in modern Russian history in full. The fact that the topic has not been studied by historical science from this aspect determines its scientific novelty. The article is written drawing on a complex of both known sources and those previously not used by historians – mainly the data of sociological surveys conducted by the author and other researchers, as well as memoirs, diaries, letters of citizens and oral history

materials. The research methods used in the study included questionnaire, content analysis, actor approach, as well as other methods and approaches of anthropological research. The study revealed that sources of personal origin are of significant cognitive value for the researchers of modern Russian history.

Keywords: person, perestroika, reforms, research methods, survey, respondents.

Вопрос о воздействии реформ в новейшей отечественной истории на рядового индивида изучен в научной литературе явно недостаточно. Тому есть свои причины.

«Перестройка» началась, как известно, «сверху». Поэтому не случайно, что интерес исследователей долгое время концентрировался на мероприятиях, проводимых партийно-государственной властью. Реформы рассматриваются в основном лишь как мероприятия власти, без анализа той «социальной почвы», которой они адресованы. Поэтому на данном этапе исследования проблемы требуется осуществить поворот к изучению человеческого фактора в процессе преобразований, выявить пути, способы и масштабы перехода от советского человека к россиянину и тем самым сформировать новый познавательный дискурс в русле антропологической истории. В этом смысле мы можем рассчитывать и на углубление знаний по истории реформ в позднем СССР и современной России в целом.

Соответственно, решение поставленной научной задачи на материале отечественных преобразований 1980–90-х гг. позволит приблизиться и к пониманию закономерностей осуществления крупных социальных реформ. В рамках одной статьи решение столь масштабных задач невозможно. Ключевое значение на данном этапе исследования имеет селекция источников. Поэтому целью этого материала автор

ставит анализ применительно к теме статьи познавательных возможностей, которые содержат источники личного происхождения. Хронологические рамки исследования ограничены периодом горбачевской «перестройки» (1985–1991 гг.).

Историография темы представлена в основном исследованиями реформ как деятельности преимущественно политических и иных элит, отдельных лидеров, а также массовых общественных движений [10; 16; 20]. Близким к тематике данной статьи направлением является активно осваиваемая в последние годы социальная история. Но в ее рамках более изучен доперестроечный период истории СССР [1; 9; 15]. К концу 1990-х гг. к исследователям постепенно приходит понимание того, что без осмысления степени и форм включения индивида в преобразовательные процессы полное и объективное представление о социальных реформах невозможно. Проявлением данной тенденции могут служить работы ряда отечественных и зарубежных исследователей об отношении к реформам «неформалов», политклубов, экологических, религиозных и иных структур и движений [17; 20]. Эти исследования несколько расширили научные представления о субъектах реформаторских процессов. В рамках изучения истории повседневности также появился ряд полезных работ [2; 3]. Новаторская работа о характере социальности советского человека на-

писана зарубежным исследователем, отошедшим от ряда догм зарубежного обществознания [21]. Исследование темы осуществляется также и в рамках социологической [6; 14] и экономической [13] наук, что дает богатый эмпирический материал.

Соответственно указанным историографическим особенностям сложилась источниковая основа исследований по истории «перестройки». Не вдаваясь в подробный анализ такой основы, назовем лишь некоторые сборники документов, дающие определенное представление о круге источников, с которыми приходится иметь дело большинству исследователей [4; 7; 11]. Однако для изучения заявленной темы официальных документов, а также многочисленных мемуаров знаковых общественных фигур явно недостаточно.

В этой связи особое внимание историков все чаще обращается к документам личного происхождения, отражающих жизнь рядовых граждан. Это естественно, учитывая незначительную временную разницу, отделяющую нас от изучаемых событий. К таким материалам можно отнести: дневники, письма, воспоминания граждан, записанные ими или иными лицами в 1990–2000-е гг. (в настоящее время часть таких воспоминаний опубликована, часть размещена в Интернете¹, часть собрана автором статьи²); данные социологических опросов на интересующие нас темы (размещены

на сайтах социологических служб³, частично опубликованы); сведения о настроениях граждан, поступавших по разным каналам к руководству страны (документы Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ); материалы СМИ); материалы, размещаемые в соцсетях⁴.

Вместе с тем остаются вопросы, связанные с репрезентативностью данных материалов. Несмотря на незначительную временную дистанцию, отделяющую нас от той эпохи, на оценке событий конца 1980–1990-х гг. мемуаристами сказываются не только неизбежные изъяны памяти, но и последующее развитие общества. На это обращал внимание, в частности, Ю. В. Аксютин, проводивший подобное исследование в отношении хрущевского периода [1, с. 19]. Ряд современных исследователей скептически относятся к такому методу получения исторической информации [18, с. 79].

В настоящей статье автор основывается на данных проведенного в 2018–2019 гг. с участием студентов факультета истории, политологии и права Московского государственного

³ См., напр.: Архив ВЦИОМ: URL: https://wciom.ru/database/baza_rezultatov_oprosa_s_1992_goda/?id=275&search=1&prevSql=&text=pa60ra&logic=AND&in_q=on&day_f1=19&month_f1=12&year_f1=1992&ds=3&day_t3=19&month_t3=12&year_t3=2016&day_f2=&month_f2=&year_f2=&day_t2=29&month_t2=5&year_t2=2017.

⁴ См., напр.: URL: https://zen.yandex.ru/media/mamin_sibiryak/kakie-byli-zarplaty-v-sssr-v-pereschete-na-segodniashnii-den-5bf2ec7d160adb00a9a86a36?from=feed; <https://russian.rt.com/inotv/2016-12-06/Rheinische-Post-V-svoej-vidumannoj>; <https://russian.rt.com/russia/foto/473352-kumiry-xx-vek-spisok-rossiya-gagarin-vysotskiy-zhukov>; <https://zen.yandex.ru/media/lenta.ru/pochemu-sovetskie-liudi-nenavidiat-vseh-vokrug--5be57e7fa5071500abc15a04>.

¹ См., напр.: Маринина А. Были 90-х.: в 2-х кн. М., 2017. URL: http://nk.ast.ru/my90s/story/?PAGEN_1=8; Сайт воспоминаний Фонда ИНДЕМ (URL: <http://indem.ru/Re90/Vo/PriPri-Vos.htm>) и др.

² Анкеты № 1-93 / Личный архив автора.

областного университета анкетирования, в ходе которого было опрошено около ста респондентов разного возраста (но не моложе тех, кто встретил «перестройку» в сознательном возрасте), пола, образования, рода занятий (тогда и сейчас), региона проживания (преобладают респонденты, проживавшие/проживающие в столичном регионе). Достижение указанной численности анкет показывает, что на определенном количественном уровне содержание ответов стабилизируется и пропорции с увеличением числа опрошенных практически не меняются. Респондентам предлагались варианты ответов, но предоставлялась и возможность дать собственные ответы. Показательно, что более половины опрошенных такой возможностью воспользовались, а ответы некоторых из них можно назвать своеобразными мини-воспоминаниями. Также использовались и записи воспоминаний, собранных студентами МГОУ в свободной форме (без заранее составленного списка вопросов).

Репрезентативность источников зависит не только от их содержания, но и от того, какие вопросы источнику адресует исследователь, с ним работающий. В данной статье дается анализ ответов на некоторые вопросы первой части анкеты, связанные с отношением советских граждан к необходимости реформ в середине 1980-х гг. и их общей оценке. В отличие от ранее проводившихся по близким темам опросов, для автора статьи особый интерес представляли не только результаты, но и методы их оценки.

Первый вопрос анкеты *«Как Вы оценивали состояние страны в середине 1980-х гг.?»*, как показывают дис-

куссии, в частности, в соцсетях, вызывает в последнее время живой интерес не только у исследователей. Респондентам предлагались ответы «остро кризисное»; «терпимое»; «вполне нормальное», «иной вариант». Примечательно, что некоторые респонденты не ограничились предложенным выбором и предпочли усилить положительную оценку доперестроечного времени.

Результаты опроса распределились так, что лишь 7% респондентов признали состояние страны накануне горбачевских реформ хорошим, стабильно хорошим и даже очень хорошим. Мотивация их ответов здесь не очень выразительная, приведенные объяснения весьма скупы и, как правило, воспроизводят варианты ответа: «До 1988 г. условия для жизни были хорошие», «в середине 1980-х гг. всё было хорошо, время было положительное»¹. Очевидно, что в данном случае мы имеем дело с теми, для кого реформы Горбачева сохранились в памяти с большим знаком «минус». Развернутое подтверждение этой гипотезе можно найти в соцсетях, где размещено немало откликов с указанием на позитивные стороны жизни в брежневском СССР.

Немногим менее половины опрошенных оценили предперестроечное состояние советского общества как нормальное (вполне нормальное) – (44%). Это самый популярный ответ на данный вопрос. Большинство опрошенных усматривали «нормальность» в приемлемом материальном положении, стабильности и уверенности в завтрашнем дне. При этом некоторые

¹ Здесь и далее орфография и стилистика ответов респондентов сохранены.

оговаривают, что исходят в ответе из материального положения именно своей семьи, понимая, судя по всему, что неравенство было и в те годы. Типичным можно считать такое объяснение данного выбора: состояние страны к 1985 г. было «вполне нормальное, стабильное, понятное, известное, прогнозируемое. Можно было спокойно выбирать будущую профессию, зная, что потребуется делать, какая будет зарплата».

Почти 30% опрошенных признали доперестроечное состояние СССР «терпимым». Пояснения такому выбору давались следующие: состояние терпимое, «но только для Москвы и ее области. По просьбе своих знакомых в 1981–84 гг. из Москвы в Загорск везла масло, колбасу, сыр. В Москве только очереди были на тот момент. По рассказам родственников, которые приезжали из Магнитогорска в 1989 г., там было все хуже! Причем уже давно!». «Не было напряженности, но ощущался дефицит, люди скупали продукты коробками, если они появлялись в магазине». «Дефицит одежды, продуктов, мыла, ущемленное состояние». Нетрудно заметить, что такие оценки находятся на грани критических (о чем ниже). Однако очевидно, что для современного россиянина ситуация середины 1980-х гг. рассматривается как более терпимая по отношению к сегодняшним временам. В целом же количество тех, кто считает ситуацию в советском обществе до прихода Горбачева хорошей, нормальной или по крайней мере терпимой, составляет почти 80%.

Лишь 16% респондентов оценивают положение в предперестроечном СССР как кризисное или остро кри-

зисное. Мотивация такого ответа в основном сводится к факторам материального порядка: «страна была среднего уровня кризиса, он ощущался, в первую очередь в недостатке, а затем в исчезновении вещей, продуктов питания, хотя они в стране точно были, т. е. кризис не самостоятельно образовался, а был искусственно вызван». «Ну, это был развал, это было очень тяжело и люди были рваные, голодные и нищие, и все мы были совершенно одинаковые». Примечательно, что в первом высказывании его автор пытается обнаружить истоки кризиса в действии неких сил, искусственно провоцирующих кризис. Это вполне коррелирует с особенностью сознания современного россиянина, нередко усматривающего причины социального негатива в действии неких внешних факторов.

Казалось бы, что при таком приемлемом отношении к советскому прошлому число сторонников того, что горбачевские реформы были нужны, будет невелико. Однако ответ на следующий вопрос *«Считали ли Вы необходимыми реформы в советском обществе: да, нет, иное?»* явил более сложную картину.

Более половины опрошенных (51%) признали необходимость реформ (некоторые даже «однозначно»). Мотивация такого ответа приводилась, в частности, такая: «люди уставали от очередей за продуктами питания и дефицитными товарами, от гонки вооружений, от угрозы ядерной войны, от преследований за религиозные убеждения»; «о необходимости реформ поначалу не задумывался... С появлением М. С. Горбачева мнение несколько изменилось. Он резко отличался от старого руководства СССР, пленил

своими речами, говорил не по бумажке. Он заинтересовал перестройкой и тогда мы поняли, что реформы нужны» (получается, что до прихода Горбачева автор мнения не подозревал о необходимости реформ, его и так все устраивало); «необходимо было разрешить возможность путешествовать за границу, решить проблему дефицита товаров»; «конечно мы считали, опять же буду говорить только о своём слое, об интеллигенции. Хотели преобразование советского строя безусловно, опять же свободу слова, и как мы считали альтернативные политические партии, которые в частности бы отражали и нашу интеллигентскую позицию. Главная проблема тех лет, дефицит всего, он был колоссальным...»; «курс партии не соответствовал духу времени, была слишком громоздкая, медленно работающая государственная машина»; «разрешить частный бизнес, обеспечить более доступный способ приобретения жилья».

Как видно из этих ответов, необходимость реформ объяснялась уже не только факторами материального неблагополучия (например, дефицита); приводятся обоснования и политического характера, упоминается и о бизнесе. Респондент, указавший на позицию интеллигенции, осознает, что понимание реформ в разных слоях общества являлось неодинаковым. Нетрудно обнаружить в таких суждениях определенный отрыв от содержания критических замечаний, данных теми же авторами по предыдущему вопросу. На наш взгляд, это объясняется феноменом общественного сознания, связанного с тем, что при ответе на второй вопрос некоторые граждане больше опирались не на свой личный

опыт, а на мнение, устоявшееся в обществе и активно формировавшееся СМИ в период «перестройки».

Часть респондентов, не сумевшая назвать причины необходимости реформ, честно признались, что не знали, какие именно преобразования были нужны стране. Например: «не понимала, какими они должны быть, но соглашалась, что нужны». Это ставит под определенное сомнение заявленную ими позицию о необходимости реформ.

Многие из респондентов данной категории смогли написать лишь о том, какими намечавшиеся тогда реформы не должны были быть и указывали, каких реформ они опасались. Преобразования, с позиции таких респондентов, должны были соответствовать следующим требованиям: «мягкие, а не радикальные»; проводиться «не таким путём», как у Горбачева; «не уничтожение государства»; «без тотального разрушения системы, без нарушения устоев жизни, без отрицания и презрения всего старого»; «не так резко и кардинально».

Некоторые из опрошенных также указали, что ожидали, что «станет лучше». Но были среди признававших необходимость реформ и пессимисты, заявившие, что «никто не верил в результат»; «не было понимания, каких реформ» ждет общество. И лишь один респондент мотивировал необходимость реформ ссылкой на неприемлемость моральных оснований прежней жизни: «по-моему, жизнь была просто ужасная – лицемерие и одно враньё».

Таким образом, приведенный расклад позиций свидетельствует о том, что при всем понимании необходимости преобразований считающие так

граждане были далеки от единства в вопросе о причинах такой необходимости. Это явление можно объяснить тем, что вопрос о том, в каких случаях вообще требуются преобразования и какие именно, – один из самых непростых в общественной мысли. Не мог не повлиять на сознание современных россиян и тот факт, что люди просто запутались в реформах, проводившихся в СССР/России за последние три с лишним десятилетия.

Далее, лишь 6% опрошенных сошлись в том, что стране были нужны некоторые, частичные реформы. Мотивировка здесь весьма невнятная: «в некоторых сферах», «в некоторых аспектах реформы были нужны».

Весьма значительной (32%) является доля считающих, что реформы вообще не были нужны. Мотивировки этих мнений, как правило, отсутствуют. Полагаем, что данный вариант ответа выбрали прежде всего те, кто «не вписался» в последовавшие (в т. ч. и после Горбачева) преобразования. Данная цифра представляется важной как раз тем, что она дает приблизительное представление о тех, кто не доволен существующей сегодня в России общественной системой.

Наконец, около 6% опрошенных предпочли ответы «не задумывался, не знаю, меня не спрашивали». Мнение, под которым, полагаем, могли бы подписаться гораздо больше респондентов: «слово реформа было чем-то новым, непривычным для советского человека, и вряд ли кто-то понимал, что это такое и к чему это могло привести». В также прозвучавшей позиции «нас никто не спрашивал» легко просматривается характерный для советского времени социальный патернализм.

Применительно к теме статьи представляется полезным также рассмотреть ответы еще на один вопрос – «как Вы относились к политике горбачевской перестройки на всем ее протяжении 1985–1991 гг.». Предлагались варианты ответов: «неизменно поддерживали; сначала поддерживали, а затем критиковали; отвергали с самого начала (иное)». Однако в этом случае многие респонденты не ограничились предложенными вариантами и активно включились в осмысление данного сюжета.

Как и ожидалось, лишь 6% опрошенных заявили о своей поддержке горбачевских реформ. Что же позитивного в «перестройке» обнаружила эта часть опрошенных? Лишь один человек заявил о своей поддержке данной политики «от начала и до конца». Другой респондент отметил, что «Горбачев привнес в политику что-то новое и как бы запахло переменами, от которых все ожидали улучшение международной и внутренней политики, поэтому скорее поддерживал». В последнем суждении нетрудно заметить нотки неуверенности в собственном мнении.

Гораздо словоохотливей оказались те, кто признался в том, что реформы Горбачева «сначала поддерживал, потом отвергал». Таковых оказалось 60% опрошенных. Практически все из тех, кто все же предпочел не распространяться о мотивах такой позиции, ограничились фразой «сначала поддерживали, а затем критиковали». Ниже приводятся наиболее интересные ответы тех респондентов этой группы, кто высказался развернуто.

«Сначала поддерживала, но потом поняла, что в результате так называемой приватизации «нагрели» руки

лишь приближенные к руководству, а у простых людей ничего не менялось».

«Сначала мне показалось, что в этом было что-то новое, появилась надежда. Потом пришло очень сильное разочарование в Горбачеве, потому что говорил он красиво, а жизнь становилась тяжелее».

«Неоднозначно. Можно было поддерживать то, что СССР становился более открытой страной для взаимодействия с иностранными державами. То, что предпринимались попытки улучшить советско-американские отношения, то, что с появлением гласности люди стали более открыто выражать свои мнения, не боясь за это какого-либо преследования со стороны власти. Отвергать же можно было то, к чему в итоге привела горбачевская перестройка».

«Сначала я политику горбачевской перестройки поддерживал. Но «гласность» вскоре стала играть отрицательную роль, особенно под конец перестройки и особенно, когда появился Б. Н. Ельцин...».

«Сначала поддерживали, но с забастовок и невыплат зарплат перестали поддерживать. Но затем к Ельцину стало еще более негативное отношение».

«Надеялись на лучшее, а получилось как всегда».

«Отношение за шесть лет претерпело кардинальные перемены, в начале относились безразлично: «новый начальник новые перемены, ну и бог с ним, мы как жили, так и живём»».

«В начале к перестройке относились как к идее начальства, затем с интересом, начиная с лета 1987 года люди стали скептически относиться. Затем всё хуже и хуже, а уже к девяносто первому году его никто не поддерживал».

«В самом начале, когда царила всеобщая эйфория, когда вокруг много и красиво говорили, когда все радовались и поддерживали реформы, я тоже был на их стороне, но когда поняли, что идет уничтожение государства во всех его сферах, когда с годами пришло понимание того, что случилось, то пришло и тяжкое разочарование...».

«Ну, с одной стороны это хорошо, что Берлинская стена рухнула,... у нас открылись границы, с другой стороны это стало плохо, на нас пошли потоки с Афгана наркотиков и подобное и вообще беспредела полного вот и... ну с одной стороны это было конечно хорошо, с другой стороны это полностью... это развал страны, который я очень тяжело до сих пор переживаю».

Очевидно, что авторов приведенных мнений объединяет ощущение того, что их обманули, и это трудно простить. Лишь немногие отмечают позитивные последствия реформ (потепление в международных отношениях, гласность – последнее и критикуется).

Четверть опрошенных призналась в том, что отвергали горбачевские реформы с самого начала. Полагаем, что реально этот процент был все же меньше, т. к. часть современных критиков «перестройки» не всегда может вспомнить свои действительные представления того времени. Тем не менее тех, кто реформы (как они проводились) отвергал в принципе или с оговорками насчитывается примерно 85%, что следует признать красноречивым показателем. И лишь 3% опрошенных никак не смогли определить свою позицию в указанном вопросе.

В какой же мере полученные путем опроса спустя примерно тридцать лет после рассматриваемых событий

результаты соответствуют реальным настроениям людей перестроечного времени? Прежде всего следует учесть, что и в годы перестройки немалая часть граждан не могла четко определиться со своим отношением к происходящим тогда событиям. Поэтому не следует все пробелы и противоречия в сегодняшних ответах россиян списывать только на неизбежные пробелы в их памяти или очевидные противоречия в их логике. Очевидна и путаница в хронологии, когда более поздние события (приватизация) переносятся на период «перестройки».

Сопоставление данных представленного опроса с другими источниками показывает, что материалы опроса имеют определенную научную ценность. Прежде всего, они близки к результатам опросов по сходной тематике, проводившихся ранее другими исследователями [5]. Применение метода сравнения с данными более ранних опросов позволяет установить уровень стабильности оценок граждан и задуматься о факторах, приведших к изменению таких оценок.

Полезный опыт сбора воспоминаний в форме сочинений накоплен Ю. Н. Ковалевской в рамках Дальневосточного региона [12]. Эти материалы собраны к 30-летию начала «перестройки» и по своему содержанию близки к результатам представленного в данной статье опроса. От опроса сочинения отличаются большей развернутостью и склонностью авторов к размышлениям.

Для сравнения взяты также источники личного происхождения, но созданные непосредственно в период горбачевских реформ. К таковым, в частности, относятся дневники. По по-

нятым причинам лишь чрезвычайно малая их часть опубликована. В настоящее время работа по сбору и оцифровыванию дневников ведется создателями сайта «*прожито.ру*»¹ (участвует в работе и автор статьи). Приведенные здесь тексты, относящиеся к периоду «перестройки» и созданные представителями различных социальных слоев, показывают, что настроением на реформы в середине 1980-х гг. был практически во всех странах советского общества. Общим с результатами опроса является и то, что авторы большинства дневников весьма приблизительно и в самом общем виде представляли себе контуры намечавшихся преобразований. Нередки ситуации, когда авторы дневников вообще игнорируют социальный фон своей жизни. По дневникам, как и по результатам опроса, прослеживается нарастающее недовольство ходом реформ, сменяющееся разочарованием.

Показательными в этом смысле можно считать записи в дневнике известного историка В. В. Шелохаева. Запись конца 1985 г. о разговорах в среде знакомых коллег автора дневника: «наша интеллигенция в восторге от М. С. Горбачева: он молод, энергичен, говорлив, напоминает А. Ф. Керенского в... 1917 г.... Я к таким «говорливым» людям отношусь скептически...» [19, с. 79]. Ровно через год: «Горбачевская перестройка набирает темпы, которые, правда, более заметны на словах, чем на деле: экономика продолжает расползаться, магазинные полки пусты, налицо симптомы национализма и сепаратизма» [19, с. 85]. В записи за январь 1989 г. историк приводит слова из адресованного ему письма живой в провинции матери: «пока все одни

¹ См.: <http://prozhitto.org>.

толкования, а дела как не было, так и нет» [19, с. 101] и т.д.

Еще одним источником, с которым можно сопоставить данные опросов, являются письма граждан периода «перестройки». «Все мы голосуем «за», «за», «за», перестройку. Но вот чего-то не хватает. Внутри желание горит, а... пламени нет», – пишет автор одного из писем, шофер из Житомира [8, с. 25]. «Если потребуется, обращайтесь непосредственно к нам, рядовым коммунистам, к народу. Будьте уверены, что мы вас поддержим!» – окрыляет генсека инженер из Новочебоксарска Л. Фефелов¹. «Все, что намечаете... правильно. И народ хочет перестройки, и необходимость её понятна, и ясно, что без участия масс ничего не получится», – вторит ему М. П. Смирнов из Новгородской области².

Результаты опроса имеют значение и в плане представления о некоторых особенностях сознания современного россиянина. В этом смысле они являются отражением не только истории, но и дня сегодняшнего. Современный россиянин испытывает острую неуверенность в завтрашнем дне, его угне-

тает отсутствие гарантий занятости и стабильной зарплаты. Вообще, социальная составляющая в предпочтениях современных россиян явно доминирует и во многом обуславливает заметную в последние годы ностальгию по временам СССР. При этом современному россиянину не чужды и ценности условно имперского содержания: его тяготит развал советской державы и агрессивность Запада по отношению к современной России. Безусловно, учет этих особенностей массового сознания сегодняшних россиян следует принимать во внимание при анализе результатов опросов, посвященных советскому прошлому.

Подводя итоги проведенного исследования, отметим, что источники личного происхождения представляют значительную познавательную ценность для историка современности. Однако их использование предполагает применение всего комплекса методов исторического источниковедения, примеры чего были приведены в настоящей статье.

Статья поступила в редакцию 22.05.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М.: РОССПЭН, 2010. 622 с.
2. Беловинский Л. В. Повседневная жизнь человека советской эпохи. Предметный мир и социальное пространство. М.: Академический проект; Трикста, 2017. 704 с.
3. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 368 с.
4. Горбачев – Ельцин. 1500 дней политического противостояния / отв. ред. М. К. Горшкова, В. В. Журавлева, Л. Н. Доброхотова. М.: Терра, 1992. 568 с.
5. Горшков М. К., Петухов В. В. Перестройка глазами россиян. 20 лет спустя // Прорыв к свободе: о перестройке двадцать лет спустя (критический анализ). М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. С. 374–412.
6. Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очер-

¹ См., напр.: РГАНИ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 214. Л. 29.

² Там же. Л. 31.

- ки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 624 с.
7. Ельцин – Хасбулатов: единство, компромисс, борьба / Сост. Л. Н. Доброхотов, В. Н. Колодежный, А. И. Кожокина, Г. В. Лобанцова. М.: Терра, 1994. 616 с.
 8. Зависит от нас. Перестройка в зеркале прессы. М.: Книжная палата, 1988. 360 с.
 9. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2000. 229 с.
 10. История России: в 4-х т. Т. 4. Образование, развитие и распад Советского Союза. Российская Федерация в 1990-е годы / под ред. Н. А. Омельченко. М.: ИНФРА-М, 2018. 620 с.
 11. История современной России: Документы и материалы (1985–1999): в 2-х ч. / Под общ. ред. С. М. Шахрая и А. А. Клишаса. М.: МГУ, 2011. 624 с.
 12. Ковалевская Ю. Н. Перестройка в обыденном сознании дальневосточников: 30 лет спустя // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 66–79.
 13. Кричевский Н. А. Наследие противоречий. Истоки русского экономического характера. М.: Дашков и Ко, 2016. 304 с.
 14. Осипов Г. В. Социальное мифотворчество и социальная практика. М.: Норма, 2000. 543 с.
 15. Рейли Д. Советские бэйби-бумеры. Послевоенное поколение рассказывает о себе и о своей стране. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 544 с.
 16. Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.: в 4-х т. Т. 4: 1917–1991 гг. / под ред. В. В. Журавлева. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 671 с.
 17. Сигман К. Политические клубы и Перестройка в России: Оппозиция без диссидентства. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 472 с.
 18. Чураков Д. О. СССР при Брежневе. Правда великой эпохи. М.: Вече, 2014. 320 с.
 19. Шелобаев В. В. Дневник историка. М.: РОССПЭН, 2013. 510 с.
 20. Шубин А. В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М.: Вече, 2006. 384 с.
 21. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.

REFERENCES

1. Aksyutin Yu. *Khrushchevskaya «ottepel'» i obshchestvennye nastroyeniya v SSSR v 1953–1964 gg.* [Khrushchev's "Thaw" and the public mood in the USSR in 1953–1964]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 622 p.
2. Belovinskii L. *Povsednevnyaya zhizn' cheloveka sovetskoi epokhi. Predmetnyi mir i sotsial'noe prostranstvo* [Everyday life of the Soviet era. Subject world and social space]. Moscow, Akademicheskii proekt; Triksa Publ., 2017. 704 p.
3. Weil P., Genis A. *60-e. Mir sovetskogo cheloveka* [60's: the World of the Soviet man]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1996. 368 p.
4. Gorshkov M., Zhuravlev V., Dobrokhotova L., eds. *Gorbachev – El'tsin. 1500 dnei politicheskogo protivostoyaniya* [Gorbachev – Yeltsin. 1500 days of political confrontation]. Moscow, Terra Publ., 1992. 568 p.
5. Gorshkov M., Petukhov V. *Perestroika glazami rossiyan. 20 let spustya. Proryv k svobode: o perestroike dvadtsat' let spustya (kriticheskii analiz)* [Perestroika through the eyes of Russians. 20 years later. A breakthrough to freedom: on perestroika twenty years later (a critical analysis)]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 2005, pp. 374–412.
6. Grushin B. *Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniya. Ocherki massovogo soznaniya rossiyan vremen Khrushcheva, Brezhneva, Gorbacheva i El'tsina v 4-kh kni-*

- gakh. Zhizn' 1-ya. Epokha Khrushcheva* [Four lives of Russia in the mirror of public opinion polls. Essays on the mass consciousness of Russians Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev and Yeltsin in 4 books. Life 1: The Era Of Khrushchev]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2001. 624 p.
7. Dobrokhoto L., Kolodezny V., Kozhokina A., Lobantsova G., comp. *El'tsin – Khasbulatov: edinstvo, kompromiss, bor'ba* [Yeltsin – Khasbulatov: unity, compromise, fighting]. Moscow, Terra Publ., 1994. 616 p.
 8. *Zavisit ot nas. Perestroika v zerkale pressy* [It depends on us. Perestroika in the mirror of the press]. Moscow, Knizhnaya palata Publ., 1988. 360 p.
 9. Zubkova E. *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost', 1945–1953* [Post-war Soviet society: politics and everyday life 1945–1953]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000. 229 p.
 10. Omel'chenko N., ed. *Istoriya Rossii: v 4-kh t. T. 4. Obrazovanie, razvitie i raspad Sovetskogo Soyuza. Rossiiskaya Federatsiya v 1990-e gody* [History of Russia: in 4 t. T. 4. Education, development and the collapse of the Soviet Union. Russian Federation in the 1990-ies]. Moscow, INFRA-M Publ., 2018. 620 p.
 11. Shakhrai S., Klishe A., eds. *Istoriya sovremennoi Rossii: Dokumenty i materialy (1985–1999): v 2-kh ch.* [The history of modern Russia: Documents and materials (1985–1999): in 2 parts. Moscow, MGU Publ., 2011. 624 p.
 12. Kovalevskaya Yu. [Restructuring in the ordinary consciousness of the far East: 30 years later]. In: *Rossiya i ATR*, 2014, no. 4, pp. 66–79.
 13. Krichevskii N. *Nasledie protivorechii. Istoki russkogo ekonomicheskogo kharaktera* [A legacy of contradictions. The origins of the Russian economic nature]. Moscow, Dashkov i Ko Publ., 2016. 304 p.
 14. Osipov G. *Sotsial'noe mifotvorchestvo i sotsial'naya praktika* [Social myth-making and social practice]. Moscow, Norma Publ., 2000. 543 p.
 15. Reili D. *Sovetskie beibi-bumery. Poslevoennoe pokolenie rasskazyvaet o sebe i o svoei strane* [Soviet baby-boomers. The postwar generation talks about himself and his country]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 544 p.
 16. Zhuravlev V., ed. *Reformy v Rossii s drevneishikh vremen do kontsa XX v.: v 4-kh t. T. 4: 1917–1991 gg.* [Reform in Russia from ancient times to the end of the XX century: in 4 t. T. 4: 1917–1991]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2016. 671 p.
 17. Sigman K. *Politicheskie kluby i Perestroika v Rossii: Oppozitsiya bez dissidentstva* [Political clubs and Perestroika in Russia: Opposition without dissent]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 472 p.
 18. Churakov D. *SSSR pri Brezhneve. Pravda velikoi epokhi* [The Soviet Union under Brezhnev. Really great era]. Moscow, Veche Publ., 2014. 320 p.
 19. Shelokhaev V. *Dnevnik istorika* [Diary of a historian]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2013. 510 p.
 20. Shubin A. *Dissidenty, neformaly i svoboda v SSSR* [Dissidents, nonconformists and freedom in the Soviet Union]. Moscow, Veche Publ., 2006. 384 p.
 21. Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever until the end. The last Soviet generation]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 664 p.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ: Проект «От советского человека к россиянину: реформы и социальная эволюция индивида (сер. 1980-х – 1990-е гг.)», № 18-09-00063а.

ACKNOWLEDGMENTS

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for fundamental research: Project “From Soviet Man to the Russian: Reforms and the Social Evolution of the Individual (mid-1980s – 1990s)”, no. 18-09-00063a.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маслов Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета; e-mail: dmitrij.mas2011@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Dmitriy V. Maslov – Dr. Sci. (History), senior lecturer, Professor, Department of Russian Contemporary History, Moscow Region State University; e-mail: dmitrij.mas2011@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Маслов Д. В. Человек и реформы в современной отечественной истории (к проблеме репрезентативности источников личного происхождения) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 4. С. 73–85.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-73-85

FOR CITATION

Maslov D. People and reforms in modern Russian history: the representativeness of sources of personal origin . In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 4, pp. 73–85.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-73-85

УДК 930.1; 165

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-86-120

ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ (КРУГЛЫЙ СТОЛ)

**Смоленский Н. И.¹, Багдасарян В. Э.¹, Наумов О. Н.¹,
Журавлев В. В.¹, Шарифжанов И. И.², Реснянский С. И.¹**

¹ Московский государственный областной университет
141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,
Российская Федерация

² Казанский (Приволжский) федеральный университет
420008, г. Казань, Кремлевская ул., д. 18, Республика Татарстан,
Российская Федерация

Аннотация. Круглый стол посвящен анализу проблемы объективности исторического познания. Об актуальности этой проблемы говорит не только главная задача исторического исследования – поиск истины в изучении любых явлений, но и постоянное внимание к ней в развитии исторического познания в целом и выдвижение разных, в том числе взаимозакрывающих вариантов отношения к проблеме объективности. В проблематике круглого стола имеет место сочетание анализа отдельных методологических проблем и историографического анализа проблемы объективности. В содержание круглого стола входит также анализ проблемы истины в православном вероучении.

Ключевые слова: объективность, истина, исторический источник, историографический анализ

THE OBJECTIVITY OF HISTORICAL KNOWLEDGE (ROUND TABLE)

**N. Smolensky¹, V. Bagdasaryan¹, O. Naumov¹, V. Zhuravlev¹, I. Sharifzhanov²,
S. Resnyansky¹**

¹ Moscow Region State University
24, Very Voloshinoy St., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

² Kazan Federal University
18, Kremlevskaya St., Kazan 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Abstract. This paper reports the results of a round table devoted to the problem of the objectivity of historical knowledge. The relevance of this issue is evidenced by the main task of historical research — search for the truth in the study of any phenomena, as well as permanent attention to this task in the development of historical knowledge and the expression of different, including mutually exclusive, attitudes to the objectivity issue. The range of problems addressed at the round table included the analysis of individual methodological problems along with the historiographic analysis of the objectivity issue. The round table also covered the issue of truth in the Orthodox doctrine.

Keywords: objectivity, truth, historical source, historiographic analysis

© СС ВУ Смоленский Н. И., Багдасарян В. Э., Наумов О. Н., Журавлев В. В., Шарифжанов И. И., Реснянский С. И., 2019.

Н. И. Смоленский

Вступительное слово

Проблема объективности исторического познания является одной из фундаментальных проблем методологии истории, и не только. Прежде, чем стать теоретической проблемой мышления историка, она стала столь же важной проблемой практики конкретно-исторического исследования с его решением главной цели и задачи – поиска достоверности и истины. Этот поиск заявил о себе и о своей важности уже на заре возникновения исторической науки – в историографии древней Греции. Фукидид был одним из тех историков, едва ли не первым, в трудах которого поиск истины стал не только главной задачей исследования, но и сочетался с вариантом ее достижения – отказом от позиции историка¹.

Развитие исторического познания накопило огромный опыт в решении данной проблемы в практике конкретно-исторического исследования, как и в области теоретической ее постановки, гносеологии. Сюда входит многообразие представлений между двумя их вариантами – признанием истины, объективности и ее отрицанием, самым крайним вариантом которого является постмодернизм, возникший в историографии США и в западноевропейской историографии в новейшее время. Постмодернизм означает отрицание истории как науки, в связи с его тезисом о тождестве, слиянии научно-исторического и художественного постижения действительности, что породило формулу: сколько историков – столько и истин.

Российская историография новейшего времени не свободна от этих

перемен в мышлении и также характеризуется различием взглядов и точек зрения по проблеме объективности познания. Академик И. Д. Ковальченко следующим образом сформулировал свою позицию: «...цель всякого, в том числе, исторического и научного познания состоит в получении истинных (выделено автором. – Н. С.) знаний, т.е. знаний, которые адекватно (выделено автором. – Н. С.) отражают изучаемую реальность» [20, с. 239]. Этому убеждению он оставался верен и в постсоветское время, утверждая, что изучение прошлого «...направлено на получение истинных знаний, адекватно отражающих как различные стороны общественно-исторического развития, так и его общий ход» [21, с. 3]. По мнению В. А. Тишкова², историк должен «...стремиться к тому, чтобы достичь адекватности написанного им текста реальному ходу истории, но мысль о том, что этого можно достичь – заблуждение» [2, с. 162]. А. Я. Гуревич считал, что «всякая историческая реконструкция (восстановление прошлого) есть не что иное, как определенная конструкция видения мира, относительно которой историки достигли определенного консенсуса. Сама постановка вопроса об объективности исторических знаний некорректна» [2, с. 162]. В 2011 г. на истфаке МГУ прошла международная конференция на тему: может ли история быть объективной? На ней были высказаны «...разные, в том числе взаимозакрывающие точки зрения». Одна из них – о возможности приближения к объективной истории, что отстаивал в

¹ См.: Фукидид. История (I, 22,3).

² В. А. Тишков и А. Я. Гуревич высказали приводимую ниже точку зрения на «круглом столе» журнала «Вопросы истории» 29 окт. 1991 г.

своем выступлении В. В. Согрин [29, с. 169]. Аналогичную позицию отстаивал В. П. Смирнов: «Если объективного знания о прошлом не существует, историю нельзя считать наукой. Тогда невозможно отличить научное исследование от писаний графоманов, фантазеров и фальсификаторов» [29, с. 163].

Разновидности другой позиции прямо противоположны изложенному. «Мой ответ на вопрос “Возможна ли объективная история?” прозвучит так: “Конечно, нет”» (В. А. Никонов) [29, с. 33]. Авторской расшифровкой к этому являются в известной мере следующие его дополнения: «Нужно ли стремиться и к объективности в истории? Безусловно, да: “и приближаясь к истине, мы полностью постичь ее не сможем”» [29, с. 36]. Здесь, прежде всего, возникает проблема логики; нужно ли стремиться к тому, чего достичь невозможно? Однако это еще не самый крайний вариант отрицания объективности по сравнению, в частности, со следующим: «То, что в исторической науке называют объективностью, есть не более, чем конвенция – соглашение ряда авторитетных ученых, предлагающих считать, что дело обстоит так, а не иначе. Другими словами, объективность это корпоративный сговор, сознательный или бессознательный» (Т. Д. Соловей) [29, с. 186–187].

Таковы некоторые основополагающие признаки общей ситуации по проблеме объективности в российской историографии. Проблематика круглого стола не является независимой от этой ситуации и включает два аспекта: историографический анализ проблемы объективности и теоретический анализ некоторых аспектов этой проблемы.

В. Э. Багдасарян

Социальные последствия релятивизации истории

«Каждый человек – сам себе историк», с таким докладом, а потом и книгой аналогичного названия выступил еще в 1930-е гг. президент Американской исторической ассоциации Карл Беккер¹ [31]. Несколькими годами позже новый президент Ассоциации Чарльз Бирд называет свой доклад «Написание истории как акт веры» [48]. В период выдвижения лозунга релятивизации истории американское общество находилось в фазе надлома, тяжело выходя из состояния экономической, а главное – моральной депрессии. С этого времени исторический релятивизм получил широкое распространение в общественном дискурсе, атакуя и дискредитируя академическую науку. Сложившиеся художественные жанры альтернативной истории, исторического фэнтези, фолк-хистори и др., стали со временем претендовать на замещение собой «академической истории» [12, с. 166]. Это даже не фальсификация истории, а сознательное отрицание самого феномена научности. То, что ранее считалось сказкой, было легитимизировано в качестве «подлинной истории» [11; 24; 40].

В методологическом плане вопрос об объективности исторического познания оказывается встроен в более широкую постановку проблемы об объективности гуманитарного знания в целом. Позиции релятивистов варьируются по пространству дисципли-

¹ Текст доклада Беккера размещен на сайте Ассоциации американских историков (<https://www.historians.org/about-aha-and-membership/aha-history-and-archives/presidential-addresses/carl-l-becker>).

нарной релятивизации – от позиции – «история не наука», до отрицания научности за гуманитаристикой в целом [34]. Сама по себе наука рассматривается в релятивистском дискурсе как культурный феномен определенного времени, как и религия, как и другие формы общественного сознания. Дискуссия с агностиками, в том числе с выразителями позиций исторического агностицизма, идет уже не одно столетие. В настоящее время проблематика объективности знания не относится к числу «модных» тем, хотя методологически вопрос о познаваемости прошлого является ключевым. Но наряду с его гносеологическим измерением, существует еще и измерение социальное.

Методологическая трансформация в связи с переходом от классического подхода к истории к постклассическому имеет ряд характерных проявлений. Фактически полностью из исторического дискурса оказались выведены категории «законы» и «закономерности». Постклассическая история утверждает фундаментальный индетерминизм. Доказательность исторических теорий оказалась фактически заменена их утверждаемостью. Исторические понятия теряют свое значение и подменяются первоначально историческими терминами. Если в понятии ключевым являлось раскрытие сущности того или иного явления истории, то термин оказывался акцентирован на исторической этимологии слова. Но далее и термин утрачивает значение в качестве элементарной единицы научной теории, и на передний план выходят знаки и символы, разгадываемые историком-интерпретатором.

От изучения текста, находящегося в фокусе исторического источниковеде-

ния, осуществился переход к анализу интертекста, как диалогическое взаимодействие разных текстов, а от него – к постижению самосознания автора и читателя. Дедуктивная упорядоченность текста была заменена историческим нарративом, возвращающим историю как науку ко временам античных историков. От постижения исторического процесса и исторических систем история вновь вернулась к временам, когда в фокусе внимания находилась деятельность отдельных персон. Субъективизм в осмыслении хода истории соотносился с субъективизацией и исторического знания как такового [25].

В данном случае будут рассмотрены социальные последствия отказа от представления об объективности знаний, представляемых изучением истории. История, помимо познавательной функции в качестве науки, имеет функции социальные. Они связаны между собой. Через познание прошлого выдвигаются некие положения, которые в качестве подлинного знания берутся за основу общественного и государственного строительства. Исторические знания составляют фундамент формирования гражданской идентичности, легитимизации государственного устройства, позиционирования страны в мире. При релятивизации истории все эти базовые институты неизбежно разрушаются.

Опыт изучения погибших цивилизаций и государств прошлого позволяет зафиксировать в значительной части случаев действие фактора релятивизации истории. Ревизия восприятия прошлого являлась и ревизией производных от нее ценностей и смыслов. Развенчание прежних исторических героев и свершений подрывало цен-

ностный фундамент соответствующей общности, и, если другого фундамента не формировалось (как это, например, случилось при переходе от российской к советской модели государственности), происходил цивилизационный распад. На релятивистской платформе никакое сообщество в длительной перспективе не может существовать, поскольку для его существования нужна определенность в базовых вопросах бытия, разграничения добра и зла, приемлемого и неприемлемого. Такая определенность в значительной мере выстраивалась на обращении к прошлому, историческом опыте социума. Релятивизация этого опыта приводила, соответственно, и к утрате единых для сообщества нормативов [3].

Еще Гегель рассуждал в свое время о роковой роли, которую сыграли для эллинского мира софисты [19]. Если полисная система мироустройства базировалась на строго определенных добродетелях, соотносимых с императивом служения городу-государству (дидактика «Илиады»), то для софизма добро и зло стали относительными категориями, сводясь к субъективизму индивидуального выбора. Служить или не служить своему государству оказывается теперь вопросом субъективного выбора, соотносимого с различием этических парадигм. Софисты исходили из представления, что возможность доказательства и опровержения, в том числе и применительно к истории, есть вопрос гимнастики ума, а не наличия объективных критериев истины. Дион Златоуст, например, доказывал, что в Троянской войне, имевшей сакральное значение для самосознания эллинов, победу одержали не греки, а троянцы [13, с. 29–31].

Все те характерные черты релятивизации знания, которые проявлялись в софизме, находят в настоящее время прямое проявление в философии постмодерна. Базовая характеристика постмодерна как раз и состоит в положении о субъективности знания. Заявляется о рождении особого науковедческого феномена – наук неоклассических и постклассических, для которых истинность научных положений субъективизируется и контекстуализируется. Соответствующей методологической ревизии в парадигме постмодерна подвергается и история. Постклассическая история и является по сути тем, что определяется в качестве феномена мифологизации исторического знания. Причем эта мифологизация ведется целевым образом с претензией на замену классического подхода. Созданная в 2009 г. президентским указом «Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» оказалась фактически бессильна против отрицания самой методологии постмодерна, и просуществовав три года, была распущена.

Как в свое время софизм для античного мира, так и постмодерн – для современного катализирует процессы распада. Мировой аксиологический кризис является в определяющей мере производным от отказа от объективности знаний. Субъективность знаний означает, соответственно, и субъективность добродетелей. Отсутствие же общности в понимании добра и зла делает в свою очередь невозможность социальной консолидации. Применительно к историческому сознанию фиксируется на настоящее время его раскол и фрагментаризация

почти по всем странам мира, включая Россию. Интернет катализирует процесс размывания представлений об объективности исторического знания. Мифологические версии истории сосуществуют с научными версиями и в силу большей привлекательности вытесняют их. Происходящий процесс оценивается культурными антропологами не только в качестве кризиса аксиологического, но и кризиса рациональности.

Существует и собственно российский опыт негативных социальных последствий субъективизации взгляда на прошлое. Значимым фактором распада СССР являлась релятивизация истории и, как следствие, открывающиеся возможности ревизии советской истории. Широкая кампания критики советского прошлого в средствах массовой информации была начата в 1987 г., будучи приурочена к столетнему юбилею Октябрьской революции. Происходила борьба с так называемыми «белыми пятнами» истории, которые при отсутствии верифицируемой источниковой базы заполнялись откровенным вымыслом, причем тенденциозно негативным. Первоначально в фокусе ревизии оказались сталинский и брежневский период, далее – вся история СССР, наконец, всего российского прошлого. Результатом такой критики явилось распространение взгляда о нелегитимности Советского Союза, как, по самой своей сущности, преступного государства [16]. Пролонгируемым выводом из делегитимизации СССР через историю являлась его политическая самоликвидация. Такого рода технологии в формате «войн исторической памяти» применяются и в отношении современной России.

Подрыв представлений об объективности исторического знания оказывается, таким образом, связан напрямую с геополитическим противоборством в современном мире.

Одним из распространенных приемов релятивизации исторического знания является искусственное удревление истории, сдвигание ее в глубь веков. За отсутствием в праисторические периоды надежных источников исторический нарратив оказывается чаще всего представлен в данном случае в жанре фэнтези, выдаваемым за подлинную историю, скрываемую будто бы злонамеренно официальной историографией. Чаще всего новая историческая канва создается на основе интерпретаций мифов, вариаций истолкований которых может быть большое количество – в зависимости от склонностей истолкователя. Мифологический язык символов и аллегорий сам по себе предоставляет для этого широкие перспективы.

На этой основе фактически выстроена неоязыческая версия исторического процесса [12]. Конструируются мифы о Ведической русской империи, о прошлом Руси до наступления новой эры. На первый взгляд за счет удревления истории усиливаются ее патристические пафосы. Однако при этом за счет принципиального расширения рамок исторического нарратива уходят периоды реальной российской истории. Построенные на мифе о русской языческой империи претензии к патристическому переписыванию учебников¹ оборачиваются на практи-

¹ См., например: Асов А. И. Атланты, арии, славяне: история и вера. М.: Ганд Фаир, 2000; Безверхий В. Н. История религии. М.: Витязь, 1998; Богданов Н., Иванов А. Христианство. М.:

ке в развитие фобий в отношении к достоверной истории России.

Такие же приемы мифологизации часто используются при конструировании этнических, региональных и локальных версий истории. Итогом отказа от объективности исторического знания на этом уровне является конструирование мифов, служащих основанием генерирования сепаратистских концептов, формирования новых идентичностей. Большинство современных сепаратистских и националистических движений опирается идеологически на сочиненные исторические повествования, исходно отрицающие фундамент классической истории. Базовыми составляющими для них выступают два исторических мифа: первый миф – о древней идентичной государственности, и второй миф – о враге, лишившим соответствующую общность государственного суверенитета. Применительно к постсоветскому контексту в качестве такого врага чаще всего позиционируется Россия [4].

Отказ от представления об объективности исторического знания дает зеленый свет фальсификаторам истории. Само понятие «фальсификация» в рамках релятивистского подхода исчезает, поскольку объективного знания в этой парадигме не существует.

Перед ученым сообществом историков стоит задача создания барьеров для распространения под видом исторической науки мифов, сконструированных на ниве истории. Для этого надо уметь идентифицировать произведения жанра исторического ми-

фотворчества и отличать их от трудов, представляющих классическую историографию.

Основными идентификационными чертами публикаций направления релятивизированной истории являются следующие. Отрицая достоверность всего комплекса источников, верифицированных исторической наукой, современные мифологизаторы истории апеллируют к сенсационно-разоблачительным документам. Объединяющими чертами этих документов являются: во-первых, легенда детективного обнаружения; во-вторых, отсутствие оригинального образца и сохранение только копий, зачастую не идентичных друг другу. При этом, как правило, игнорируется их критическое изобличение в качестве подлогов классической наукой.

В мифологизирующих исторический процесс работах, как правило, отсутствует историографический обзор, являющийся необходимым компонентом научного исследования. Отсутствие историографии позволяет игнорировать данные науки и научной критики, противоречащие мифологической версии истории.

Характерной особенностью исторических мистификаций является апелляция к некому откровению. Само «откровение» источниковедчески не верифицируется. Его происхождение чаще всего представлено в виде непроверяемого свидетельства. Оно вступает в противоречие с признаваемой наукой системой причинно-следственных связей и существующих институций, что само по себе доказывает его неподлинность.

Научные методы, включая специфические методы исторического по-

Витязь, 1998; Истархов В. А. Удар русских богов. М.: Институт экономики и связи с общественностью, 2000.

знания, в литературе историко-мифологизаторского направления, как правило, не применяются. Преимущественно они представлены в формате исторического рассказа или проповеди, но не системы аргументов.

Выделяются следующие направления исторической мифологизации: конспирология; «золотой век»; сверхразвитая цивилизация прошлого; демонизация исторического врага; сверхгерои прошлого; тайное знание; расовые и этнические мифы; гипертрофированность трагедии или победы и др. Все эти составляющие исторического мифологизма широко представлены сегодня книжными изданиями в России [5].

Методологическая проблема объективности исторического знания оказывается, таким образом, проблемой общественного строительства. Объективность исторического знания задавала и объективность принципов построения государства и общества. Релятивизация истории, напротив, приводила к дезинтеграции соответствующей общности. В этом отношении тезис о том, что, насколько объективным представляется историческое знание, настолько и прочен фундамент общества, не будет являться преувеличением.

О. Н. Наумов

Проблема объективности в геральдическом знании

Фундаментальный вопрос об объективности получаемого исторической наукой знания применительно к геральдике реализуется в определении того, насколько адекватно передают гербы события и процессы прошлого. При его разрешении следует исходить

из признанного за ними еще в начале XX в. статуса полноценных источников, которые раскрывают разнообразные аспекты исторической реальности и несут верифицированное знание [30]. Гербы содержат информацию о политических и социальных процессах, экономических особенностях регионов, культурных, идеологических, интеллектуальных приоритетах эпох, о менталитете и иных сюжетах прошлого. Причем часто фиксация событий через геральдизированные объекты происходит ненамеренно, вне зависимости от желания автора источника, и это увеличивает степень их познавательной объективности.

Гербы транслируют прошлое специфично, через визуальные образы, и методы их анализа, в результате которого достигается строгое и точное знание, тоже имеют особенности. Для отражения исторических фактов происходит отбор эмблем, наиболее адекватных исторической реальности. Возможны три варианта взаимоотношений визуального образа и события.

Во-первых, эмблемы герба точно соответствуют фактам прошлого. В частных гербах фиксировалось происхождение рода, примечательные события в его истории, биографические сведения о выдающихся представителях, расположение имений, генеалогические связи с аристократическими семьями. Семантика территориальных гербов сводится к экономическим или географическим особенностям административно-территориальной единицы, характерной для нее фауне и флоре, значимым событиям в истории, архитектурным или историческим памятникам.

Во-вторых, эмблемы герба не соответствуют событиям прошлого из-за

допущенной составителем неосознанной ошибки. Классическим примером такой ситуации стал герб князей Прозоровских, где вместо герба Астрахани, который должен был указывать на участие представителей рода в обороне города от отрядов Степана Разина, использовался казанский герб, никакого отношения к истории семьи не имевший [15, с. 50–53].

В-третьих, эмблемы адекватно отображают как факты прошлого, так и те, которые никогда не происходили в действительности. Например, в гербе города Юрьева Владимирской губернии изображены две корзины с вишнями, поскольку город ими якобы «изобилует» [10]. На самом деле, из всей Владимирской губернии именно в названном уезде вишня не росла из-за непригодности почвы [23]. Таким образом, даже при кажущейся достоверности анализ герба требует привлечения дополнительных, в том числе письменных источников, без которых невозможно выяснить его объективность.

Сложную познавательную задачу представляет собой определение степени объективности гербов древнего дворянства. В них часто фиксировались семейные легенды о происхождении, где сообщалось о знатном иностранце, приехавшем служить в Россию, с почетом принятом и занявшем высокое положение в социальной иерархии, получившем крупные земельные владения и т. д. Значительная часть таких рассказов фальсифицирована, предельно субъективна и не имеет никакой исторической основы. Показательна в данном отношении родословная легенда Римских-Корсаковых. Еще в XVII в. они сочинили ле-

генду о своем происхождении от героя мифов Геркулеса, на которого в гербе указывала булава, символизовавшая его палицу [35]. Объективность герба, основанного на родовой легенде, двояка: с одной стороны, в нем транслируется генеалогическая культура и менталитет элиты, синхронные формированию символа, и в таком отношении он вполне объективен, но, с другой стороны, оказывается полностью недостоверным, если подразумевать реальные исторические события.

В геральдическом дискурсе следует учитывать, что герб существует в двух взаимосвязанных формах: визуальной (рисунок) и вербальной (описание). Степень их объективности различна. Первая более адекватна по отношению к исторической реальности, поскольку фиксирует герб для трансляции во времени. Описание более динамично, более субъективно и представляет собой авторский, творческий текст, хотя и унифицированный, и созданный в соответствии с общей вербальной парадигмой геральдики. Степень его подробности, точности, использование терминов и оборотов во многом зависят от эрудиции и личной позиции автора. Для разных периодов свойственны собственные формы описания, которые в XVIII в., например, просты и подробны, а в начале XX в. – унифицированы, техничны, четко структурированы, и в них широко используются специальные термины.

В любом случае описание, хотя и опосредованно, через рисунок, должно отражать историческую действительность. Его основная функция заключается в точной фиксации рисунка. Если протограф в описании отражен не адекватно, то последующий рисунок

будет искажен, а иногда даже переосмыслен, отчего степень соответствия реальности в нем уменьшается. Ярким примером такого искажения стал герб сербского рода Милорадовичей, в котором старинный шлем необычной формы был неправильно понят русскими художниками, превратился в поле щита и даже получил истолкование как замок крепостной стены, генерировав в дальнейшем соответствующее объяснение (подвиг предка – взятие ночью вражеской крепости), никакой исторической основы не имеющее [15, с. 39–44].

Кроме визуального образа и/или соответствующего ему описания при изучении герба следует принимать во внимание семантику – смысл, заложенный в него составителем или воспринимаемый в дальнейшем владельцем, а также исследователем. В гербах древних, составленных для себя дворянами самостоятельно, смысл мог долгое время не фиксироваться письменными источниками и бытовать как устная внутриродовая традиция, что создавало субъективные альтернативные варианты трактовок, отдалявших их от исторической реальности.

Заданная общими правилами геральдики иконографическая парадигма отчасти ограничивает субъективизм трактовки герба, объясняя заранее смысл фигур. Так, изображение двуглавого орла или его части в русской родовой символике указывало на факт «императорской милости», выраженный в пожаловании дворянства или герба. Конечно, предопределенность не исключает субъективных интерпретаций, иногда очевидно сомнительных и даже абсурдных. В частности, А. А. Аксенов давал ложную

трактовку гербу города Комсомольска-на-Амуре 1967 г. [1, с. 9–10]. Изображенная в нем фигура комсомольца с раскинутыми руками идентифицируется им в категориях христианской символики как образ креста и уподоблялась Иисусу Христу, хотя ее верифицированный смысл очевиден – указание на название города.

Мифологизированные интерпретации могут бытовать и в массовом сознании, и при анализе семантики гербов их необходимо дифференцировать от строго научного знания, не принимая во внимание степени распространения. Такая ситуация сложилась с московским гербом, основная фигура которого называется Святым Георгием, что не подтверждается ни письменными, ни вещественными источниками. Эта трактовка была предложена в начале XVIII в. и является безусловной ошибочной [9], но к настоящему времени прочно утвердилась в общественном сознании, соответствует политическим трендами эпохи, и заменить ее объективной, исторически правильной точкой зрения вряд ли возможно.

При определении степени объективности геральдических источников необходимо иметь в виду два методических обстоятельства.

Нельзя опираться на единственное изображение или описание герба, обязательна реконструкция его визуальной эволюции, установление протографа. Иконографические модификации являются результатом трех ситуаций: во-первых, когда художник, воспроизводя герб, не понимает исходного рисунка, во-вторых, когда он стремится усовершенствовать изображение художественно, дополняя, уби-

рая или искажая фигуры, и, в-третьих, когда герб меняется сознательно, чтобы скорректировать его смысл. В последнем случае выяснение причин трансформации особенно важно, поскольку этому могут быть причинные обстоятельства, детерминированные историческим событием или процессом. Данная ситуация характерна для государственных гербов, где любое изменение, причем не только в рисунке, но и в описании, обусловленное политическими или идеологическими причинами, закрепляется в правовом акте.

Например, после того, как император Павел I стал великим магистром Ордена Святого Иоанна Иерусалимского, обозначая этим устремленность своей внешней политики к Западной Европе, в государственном гербе появился мальтийский крест. Исключение из описания государственного герба России в редакции 2000 г. упоминания об «исторических коронах Петра Великого», сделанного в указе 1993 г., показательно в контексте эволюции российской государственности, не нуждавшейся более в апелляции к имперскому опыту¹.

Вторым методическим условием для анализа объективности геральдического знания является необходимость массового привлечения объектов дискурса, то есть совокупности гербов, отобранных по каким-либо критериям и называемой геральдическим про-

странством. Иногда необходимо его моделирование. Используя историко-сравнительный или статистический методы, в каждом гербе экстрагируются уникальные и общие иконографические и семантические характеристики. Они позволяют реконструировать эволюцию геральдического пространства, а через это выяснить механизмы его развития и функционирования, получить объективное знание о процессах и событиях [30, с. 203–204].

Гербы как исторический источник уникальны не только спецификой своего существования, но и тем, что непосредственно связаны с менталитетом, идеями, представлениями, культурными особенностями эпохи, которые отражаются в концентрированном виде и дают информацию, трудно или не получаемую из других материалов. Блестящий пример такого дискурса на основе геральдики содержится в труде выдающегося медиевиста Д. Н. Егорова о колонизации Мекленбурга в XIII в. Тема была плохо обеспечена источниками, и ученому пришлось привлекать все возможные сведения, в том числе гербы местного дворянства. Их массовый анализ, выявление протографов позволили определить характер колонизации славянских племен, составить объективное представление об этом процессе [18, с. 374–446].

Для изучения проблемы объективности принципиально важно, что гербы обладают устойчивой экзистенцией. Она обусловлена не только их изначальной устремленностью на трансляцию во времени, но и тем, что если единственный экземпляр письменного источника может быть безвозвратно уничтожен, то конкретный герб, одновременно существующий на многих

¹ Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 1993 г. № 2050 «О государственном гербе Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 49. Ст. 4761;

Федеральный конституционный закон от 25 декабря 2000 г. № 2-ФКЗ «О государственном гербе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 52. Ч. 1. Ст. 5021.

вещественных носителях, сохраняется даже в случае гибели нескольких из них.

Герб как источник представляет собой сложный синтез субъективного и объективного, причем первое касается в большей степени интерпретации, а второе – визуального образа. Объективность информации в каждом конкретном случае не связана прямо ни с группой, к которой он принадлежит, ни со временем создания. Герб объективен в той же мере, в какой и любой исторический источник, но получению адекватной информации препятствует то, что геральдика как элемент культуры зависима от политической, идеологической и социальной конъюнктуры. Власть, видя в гербах резерв влияния на социум, стремится ввести выгодные ей символы и их трактовки в массовое сознание. Субъективность геральдического пространства изначально и обусловлена тем, что отбор эмблем для отражения объективной исторической реальности представляет собой творческое действие, и данное обстоятельство сближает гербы с источниками личного происхождения.

В. В. Журавлев

Объективная реальность и объективность ее исторической реконструкции

Имеются все основания начинать разговор на заданную тему с уяснения внутреннего содержания исходного для нашего дискурса понятия. Это тем более важно, что исторические понятия, согласно точной оценке современного специалиста, – «одна из фундаментальных основ исторического мышления и исследования. Обладая этим свойством в исчерпывающей степени в качестве предельного варианта логического,

общеисторическая теория характеризуется также наличием социальных, а не только познавательных функций. Она выступает как основа исторического образования на всех его уровнях также в качестве одной из предпосылок формирования массового исторического сознания» [39, с. 182]. К этому следует присовокупить предостережение классика французской историографии. «Любой важный термин, любой характерный оборот становятся подлинными элементами нашего познания лишь тогда, – подчеркивал Марк Блок, – когда они сопоставлены с их окружением, снова помещены в обиход своей эпохи, среды или автора, а главное, ограждены – если они долго просуществовали – от всегда имеющейся опасности неправильного, анахронистического истолкования» [7, с. 91].

В нашем случае речь, конечно же, идет о понятии «объективность» (от латинского *objectivus* – «предметный»). В русском языке оно утвердилось лишь в XX в. с его основным философским смыслом, обозначающим подход к событиям общественной жизни, ограничивающийся констатацией конкретных фактов, без оценки с каких-либо позиций¹.

Автор «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даль термин этот еще не употребляет. Но широко комментирует его отечественные аналоги. Один из них – «беспристрастие», которое трактуется Далем как «справедливость, правдивость, правосудие, правда»². Дополнением к данно-

¹ См.: Большой словарь иностранных слов. М.: Дом Славянской книги, 2012. С. 554.

² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Т. 1. М.: Русский язык, 1978. С. 72.

му понятию служат такие определения как «нелицеприятие» («беспристрастие, правдивость, праведность») «неумытность» (от древнерусского «мытъ» – пошлина). Последний, идущий из глубин российской истории термин служил аналогом таких понятий, как «неподкупность», «честность», «правдивость»¹.

Явно проявляющий себя в данных трактовках ответ национальной ментальности с ее вековыми исканиями правды и справедливости так или иначе отразился и в отечественной историографии при оценке проблемы объективности, включающей в себя не только профессионализм и рационализм ученого, его аналитическую точность и беспристрастность, но и сферу морали и этики.

Определяя мораль как «самую важную форму общественной воли», а совесть – в качестве «стержня» мыслящего существа, современный отечественный философ и историк Ю. И. Семенов весьма категоричен: «Она (совесть – В. Ж.) не только не в меньшей, но, напротив, в еще большей степени родовой признак человека, чем наличие у него разума, мышления» [37, с. 518–519]. Естественно, что к разуму и мышлению ученого-историка, призванного реконструировать и анализировать в исторической ретроспективе безбрежный мир человеческих отношений, это относится далеко не в последнюю очередь. В том числе при выявлении неперменных свойств, составляющих понятие объективности.

Своим путем к освоению искомого понятия шла западная историография, что можно наглядно выявить на основе сопоставления трактовок двух клас-

сиков историографии прошлого столетия, фактически современников. Речь идет о Робине Джордже Коллингвуде (1889–1943), представителе течения «критической философии истории» в английской историографии и его программном труде «Идея истории», вышедшем в свет уже после смерти автора (1946). А также об одном из основателей Школы «Анналов» Марке Блоке (1886–1944) – мыслителе и патриоте своей страны, погибшем в гестаповских застенках оккупированной нацистами Франции. Незавершенный итоговый труд его «Апология истории, или ремесло историка» увидел свет в 1949 г. благодаря усилиям его соратника и друга Люсьена Февра.

К вопросу об объективности исторического исследования они подходят через призму осмысления проблем природы истории, ее предмета, метода и значения. Отталкиваясь при этом от суждений своего предшественника – немецкого историка Леопольда фон Ранке (1795–1886), который усматривал задачу историка в том, чтобы реконструировать события прошлого так, как они «происходили на самом деле», видя именно в этом суть объективного подхода.

Такая позиция, помимо расплывчатости исходной формулировки, ориентировала историка на пассивное, компилятивное следование «букве» истории, а не ее смыслу, что было категорически неприемлемо для Коллингвуда. Опираясь на принцип активности исследования, выдвинутый в свое время его соотечественником Фрэнсисом Бэконом (1561–1626), он в своей «Автобиографии» позволяет себе достаточно резкое (если не сказать – пренебрежительное) отношение

¹ Там же. С. 522, 541.

к такого рода взглядам: «Разве мы все еще зачарованы призраком Ранке, что-то бормотающим относительно того, «как было на самом деле», разве он так запугал нас...»?.. Выдвигая идею «открытой» историографическим веяниям истории, Коллингвуд решительно парирует критику своих оппонентов: «И если кто-нибудь возразит мне, что в том, что было названо мною «открытой» историей, за деревьями нельзя увидеть леса, то я отвечу ему «Ну и что!». На дерево можно смотреть, но на лес не смотрят, в нем живут» [22, с. 363, 366].

На сходных во многом позициях стоит и Марк Блок, решительно выступая против «окаменелого» позитивизма Ранке. Фиксируя, что знаменитая формула последнего является лишь повторением задолго до него сформулированной Геродотом максимы «рассказывать то, что было», Блок констатирует: «Другими словами, ученому, историку предлагается склониться перед фактами. Эта максима, как и многие другие, быть может, стала знаменитой лишь благодаря своей двусмысленности. В ней можно скромно вычитать всего-навсего совет быть честным – таков, несомненно, смысл, вложенный в нее Ранке. Но также – совет быть пассивным». Добавляя при этом, что ни в одной науке пассивное наблюдение не приводило к плодотворному результату, если даже допустить, «что оно вообще возможно» [7, с. 76].

Коллингвуд и Блок едины в понимании того, что только активная позиция при обращении к прошлому способна элементарное познание этого прошлого перевести в ранг исторической науки, которая неизбежно должна дать

четкий ответ на вопрос, для чего она нужна?

«Ответ мой, – формулирует Коллингвуд, – таков: история – «для» человеческого самопознания». И поясняет: «Ценность истории поэтому и заключается в том, что благодаря ей мы узнаем, что человек сделал, и тем самым – что он собой представляет» [22, с. 13, 14]. Далее Коллингвуд в трактовке не только духовной, мировоззренческой, философской, но и социальной, гуманитарной составляющей в истолковании функций исторического знания идет Марк Блок, который видит назначение истории в том, «чтобы работать на пользу человека», ибо «любая наука всегда будет казаться нам неполноценной, если рано или поздно не поможет нам жить лучше» [7, с. 10].

Таким образом, проблема предназначения истории «упирается» в человека – ее субъекта и, одновременно, объекта и предмета изучения. Человека, который, согласно оценке Блока, является «великой переменной величиной». И это обстоятельство, как и в математике, когда она имеет дело с переменными величинами, порождает целую цепь препятствий, которые ожидают историка на пути к объективному, аутентичному познанию прошлого, «обрекая» его на сложное, поэтапное движение к истине. И одновременно побуждая исследователя к распространению принципа историзма и на сферу человеческого сознания.

Из немалого числа такого рода препятствий остановимся только на некоторых из них.

Первое, с чем сталкивается историк, начиная свой путь к познанию истины, заключается в принятии исходной установки относительно того,

следует ли рассматривать намерения, действия, поступки деятелей прошлого исключительно в рациональном ключе. Теория и практика исторического познания подсказывает нам, что, полагаясь на полную рациональность, логическую выверенность исторических действий и процессов, мы вольно или невольно получим искаженную картину прошлого. На это обращают внимание многие историки, в том числе и Марк Блок, критикуя концепцию «ясного сознания» и «осознанных мотивов». А именно – ложного убеждения в том, что «человечество сплошь состояло из логически действующих людей, для которых в причинах их поступков не было ни малейшей тайны» [7, с. 194].

С другой же стороны, если полностью отказаться от фактора рационального видения прошлого, то мы найдем в нем лишь хаос, турбулентность (типа известной точки зрения о Февральской революции как «бунте пьяных солдат»). Профессионализм, мастерство историка в данном случае заключается в том, чтобы на пути воссоздания прошлого найти узкий проход между Сциллой рациональности и Харибдой турбулентности в познании процессов и явлений прошлого. Иными словами, «нащупать» по возможности приближающуюся к объективной реальности меру в соотношении сознательности и стихийности в динамике их реализации.

Сложностью, а подчас и ненадежностью оборачивается для историка процедура установления причинно-следственных связей между давно ушедшими в прошлое событиями ввиду невозможности познания всех причин и всех следствий, проистекавших из их взаимодействия.

Что же касается нюансов психологии и эмоциональной сферы в целом людей даже и не так давно ушедших эпох, то письменные источники часто способны дать нам на этот счет лишь частичную информацию, а в ряде случаев даже дезориентировать исследователя.

Проблема эта вызвала к жизни целое направление в современной западной историографии, получившее название «лингвистический поворот». Ряд французских историков под влиянием взглядов своих соотечественников философов-деконструктивистов (Ролан Барт, Жиль Делёз, Мишель Фуко) заинтересовался «текстуальными, нарративными и синтаксическими процедурами, с помощью которых историческая наука выражает свой режим истины». Поиски эти привели самых последовательных, радикальных сторонников этих новаций (таких, как американский историк Хейден Уайт¹) к выводу, что «история есть лишь один из литературных жанров, который обладает режимом истины не выше, чем у романа, и который обязательно должен быть подвергнут текстуальной критике, обновленной под воздействием структурной лингвистики и психоанализа» [38, с. 93]. Показательно, что подобного рода умозаключения рождаются в головах людей, которые никогда не «нюхали пороха» конкретных исторических исследований, то есть того, что Люсьен Февр назвал «боями за историю» [43].

Своеобразную «ловушку» для историка может представить «доверчивое» отношение историка к терминологии источников прошлых эпох. «Документы, – предостерегает Марк Блок,

¹ White H. Metahistory. The Historical Imagination in Nineteenth Century Europe. Baltimore, 1973

– стремятся навязать нам свою терминологию; если историк к ним прислушивается, он пишет всякий раз под диктовку другой эпохи» [7, с. 86].

Это предостережение правомерно относить к языку источников прошлых эпох в целом. А от пренебрежения этими обстоятельствами уже недалеко до противоположного рода крайности. А именно, до того, что можно квалифицировать как «смертный грех» исследователя прошлого. Именно так соратник Блока Люсьен Февр оценивал по сей день бытующий в историографии (и далеко не в последнюю очередь, в отечественной) «анахронизм». Суть его в морализировании по поводу событий и людей прошлого, приписывании им современных представлений и ценностей. В таком случае историк начинает говорить в большей степени о себе, чем об изучаемой им эпохе.

Позиция Л. Февра на этот счет предельно ясна. И с ней нельзя не солидаризироваться: «Чтобы не уступить соблазну анахронизма со свойственным ему убеждением в неизменности человеческих чувств и не приписывать, таким образом, прошлому того, что принадлежит настоящему, историк должен осознавать культурную дистанцию, отделяющую его от людей прошедших эпох. Следовательно, ему необходимо, прежде всего, отстраниться от привычных условий существования и, погрузившись в изучаемую эпоху, постараться понять верования, представления о мире, научные знания и способы чувствовать, свойственные людям прошлого» [38, с. 15].

«Капитуляция» перед трудностями в деле познания прошлого, а также поспешное стремление объявить о крахе «великого метанарратива» в лице марк-

сизма как теории и идеологии прогресса и освобождения масс вызвали к жизни разношерстную совокупность радикальных идей, объединяемых понятием «постмодернизм». Получив распространение во французской и американской историографии, течение это возвещает о конце упований на всемогущество разума и науки, отказываясь при этом придавать истории какой-либо смысл. «Человечество, – пророчествует американская исследовательница Агнесса Хеллер, – вступило сейчас в постмодернистский период, когда оно не нуждается в костылях философии истории» [37, с. 228]. Сходные позиции занимает и ряд отечественных историков. Категорически отрицает возможности «восстановления», «воскрешения» прошлого А. Я. Гуревич, непоследовательно допуская при этом реальность его «реконструкции» [17, с. 31–32].

Жонглирование понятиями с расплывчатым видением их содержания, характерное для новаций подобного рода, лишний раз убеждает в важности и необходимости всестороннего изучения понятийного аппарата исторической науки, в русле которого понятие объективности можно считать одним из ключевых.

На пути к познанию истины в форме объективного воссоздания прошлого историка ждут, однако, не только трудности, но и возможности, рычаги их преодоления.

Исходя из того, что «наш ум по природе своей гораздо меньше стремится узнать, чем понять», Блок резюмирует: «При нашей неизбежной подчиненности прошлому, мы пользуемся по крайней мере одной льготой: хотя мы обречены знакомиться с ним лишь по

его следам, нам все же удастся узнать о нем значительно больше, чем ему угодно было нам открыть. Если браться за дело с умом, это *великая победа понимания над данностью* (выделено мной. – В. Ж.)» [7, с. 37].

Именно на этом этапе проблема объективности в приложении ее к труду историка встает в полный рост, ставя перед ним новые проблемы, одновременно происходит как бы «расщепление» ее на две составляющих: объективности воссоздания (реконструкции) прошлой реальности и объективности ее осмысления, понимания.

Две эти ипостаси оказываются тесно связанными между собой. Только следование требованиям объективности в процессе реконструкции прошлого дает возможность для объективности в его понимании и осмыслении. Именно *возможность*, но далеко не гарантию. Так как на этапе осмысления вступает в действие целый комплекс новых факторов. Профессионализм, опыт, кругозор, знания историка, его критический и, одновременно, конструктивный настрой можно считать решающими факторами как на первом, так и на втором этапе. Но в процессе осмысления прошлого к ним присоединяются и другие составляющие мировоззренческого и морального плана, в том числе «мировоззренческая стойкость», наличие возможности и стремления противостоять отжившим историографическим канонам и клише, идеологическим и политическим устоям и трендам своего времени и т.д.

Только строгое следование всем этим предпосылкам открывает новые горизонты для историка, Нацеливая его, в том числе на то, чтобы «понять настоящее с помощью прошлого» в

той же мере, в какой «понять прошлое с помощью настоящего» [7, с. 25–29]. В чем правомерно усматривать одну из самых важных социальных, мировоззренческих и культурологических функций нашей науки.

Истина в исторической (как, впрочем, и в любой другой) науке выступает в том же виде, в каком *сверхзадача* в драматургии в соответствии с истолкованием этого понятия в системе Станиславского. С той лишь разницей, что установка на ее реализацию для актера означает стремление целиком и полностью слиться с воссоздаваемым им образом, а для историка – в возможно большей степени погрузиться в изучаемую эпоху, став в каком-то отношении ее «современником». Знающим и понимающим ее «инаковость», способным к сопереживанию в процессе «вживания» в прошлое.

Если даже истина в своем абсолютном выражении недостижима, то уже само стремление к ней мобилизует исследователя, четко ориентируя его усилия в определенном направлении. Исходной же вехой на этом пути можно считать достижение в максимально возможной степени достоверности видения прошлого на базе постановки и решения проблем объективности его знания и понимания.

И. И. Шарифжанов

Проблема объективной истинности исторического познания: историографический аспект (к дискуссии о возможностях истории быть объективной наукой)

Проблема объективности исторической науки уже давно привлекает к себе внимание исследователей: как историков-профессионалов, так

и философов, специализирующихся в различных областях гносеологии и философии истории. В XIX в. она решалась достаточно просто, исходя из наивно-реалистических позиций авторов, их имманентной веры в широкие возможности реконструкции прошлого. Эта вера нашла свое наиболее яркое выражение в призыве знаменитого немецкого ученого Л. Ранке писать историю «*wie es eigentlich gewesen ist*». Ведущие философы этого периода позитивистского толка и прежде всего О. Конт и Г. Спенсер не только признавали важность истории как науки, но и в полном соответствии с методологическими принципами естествознания предписывали ей задачу раскрытия в развитии человеческого общества «порядка», «симметрии» и «закона». Обязанность историка, писал, например, знаменитый английский позитивист Г. Бокль, состоит в том, чтобы показывать, что «движения наций являются совершенно правильными и что подобно всем другим движениям они исключительно определяются своими antecedентами. Если он не может сделать этого, он – не историк» [50, р. 186].

В XX в. ситуация на Западе коренным образом меняется, чему прежде всего способствовали трагические события двух мировых войн. Уже первые десятилетия нового столетия в философской и исторической литературе широко распространяются различные субъективистские и нигилистические концепции и представления, призванные развенчать викторианскую веру в историю как строгую и объективную науку. В книге «Искусство истории» профессор новой истории Шеффилдского университета (Великобритания) Д. Блэк решительно выступал про-

ти попыток трактовать историю как определенную форму научного знания. Несмотря на все претензии, по его словам, история изобилует имплицитными предположениями и никогда не свободна полностью от искажений личного характера. Автор особо подчеркивал, что немногие ныне согласятся с Ранке или Актоном в том, что возможно дать полностью объективное описание какого-либо исторического события, каким бы отдаленным от современности оно ни было [49, р. 8]. Ещё дальше по пути методологической дивергенции истории и науки пошли в своих работах видные британские историки того времени Г. Дэвис и Дж. Фортескью¹. Последовательно защищая субъективистский взгляд, они трактовали влияние современности на историю исключительно с точки зрения сиюминутных интересов и отрицания объективной исторической истины.

После Второй мировой войны отрицание истории как науки стало повсеместным на Западе. «Для большинства из нас, – писал видный британский историк Дж. Барраклаф, – именно Вторая мировая война открыла глаза на ограниченности, а в некоторых случаях и на фальсификацию истории, которую мы изучали и преподавали» [46, р. 89]. Именно 40–50-е гг. XX в. стали пиком распространения субъективизма и релятивизма в историко-методологических воззрениях западных историков [44]. Работа профессора Лондонского университета Г. Ренира «История:

¹ Davis H. The Study of History: An Inaugural Lecture Delivered Before the University of Oxford on 4 November 1925. Oxford: Clarendon Press, 1925; Fortescue J. The Writing of History. L.: Williams and Nordgate, 1926.

её цель и метод», опубликованная в 1950 г., является весьма показательной в этом отношении [54]. Две опасности, по словам автора, угрожали истории как особой дисциплине: одна исходила со стороны академического объективизма, другая – со стороны марксизма. Стремясь преодолеть «крайности» того и другого, Г. Ренир решительно заявлял, что история никогда не была и не может стать наукой, научной дисциплиной. Она всегда только продукт субъективизма и прагматизма, личных пристрастий историка.

Лишь в 60-е гг. началось движение за возрождение научного статуса истории, её подлинно объективной сущности. И во главе этого движения на Западе стал знаменитый британский историк Э. Х. Карр (1892–1982). Его работа «Что такое история» получила широкую популярность и признание за рубежом, но, к сожалению, не была переведена и опубликована в России, несмотря на все предложения сделать это [12, с. 166]. В своей книге Карр стремился к коренному переосмыслению господствовавших в послевоенной западной историографии тенденций в понимании природы исторического познания, задач и целей исторической науки, её методов и исходных принципов. По словам Э. Хобсбаума, книга Карра – это «мощный и блестящий залп, нацеленный против исторического обскурантизма» [52, р. 47]. Несмотря на всю свою непримиримость к позитивистскому объективизму, профессор не скатывался к модным в западной философии истории теориям исторического субъективизма и скептицизма. Он предупреждал о серьезной опасности, связанной с распространением в теории историче-

ского познания субъективно-идеалистических и релятивистских выводов, полной несостоятельности американского прагматического презентизма. «Наше исследование отношения историка к фактам истории, – говорилось в книге, – ставит нас, следовательно, в явно неопределенное положение осторожно плывущих между Сциллой несостоятельной теории истории как объективной компиляции фактов, неограниченного превосходства фактов над интерпретацией и Харибдой в равной мере несостоятельной теории истории как субъективного продукта ума историка» [52, р. 23].

Вторым важным направлением в методологической перестройке исторической науки на Западе в 60–70-х гг. была разработка теорий междисциплинарного синтеза. Требования коренного переосмысления взаимоотношений между историей и другими социальными науками прозвучали почти одновременно с разных сторон: как со стороны историков, так и со стороны представителей смежных общественных наук. Наиболее полно программа сторонников социоисторизма на Западе была представлена в докладе Дж. Барраклафа «Главные тенденции в истории», подготовленном для ЮНЕСКО и в 1979 г. изданном отдельной книгой. Выступая за сближение истории со всей системой общественных наук, британский профессор стремился доказать возможность и необходимость использования историками достижений социально-научного познания, подчеркивая важную роль общественных наук в прогрессе исторического знания. «Если мы, следовательно, – говорилось в работе, – хотим установить, в чем проявилось влия-

ние общественных наук на позиции и взгляды историков, то, несомненно, первым и самым общим его результатом следует признать существенное смещение фокуса от особенного к всеобщему, от событий к структурам и от описания к анализу» [49, р. 51]. В многочисленных других исследованиях западных ученых эта программа была значительно расширена и дополнена¹.

В 80–90-е гг. XX в. в Европу из США хлынули волны нового учения, получившего описание как постмодернизм, постструктуралистская лингвистика, неоиоризм. Всех этих «пост» и «нео» объединяло стремление поставить под сомнение возможность объективной истины в истории и представить объективную реальность как дискурс, царствование абсолютной субъективности. В Англии с беспощадной критикой новейших учений постмодернизма выступил видный британский историк Артур Марвик (1936–2006). В 1995 г. была опубликована его специальная статья, посвященная критике постмодернистской методологии истории под названием «Два подхода к историческому исследованию: метафизический (включая «постмодернизм») и исторический».

В ней маститый ученый выражал глубокую тревогу по поводу сложившейся в современной исторической

науке ситуации: с одной стороны, активная пропаганда концепций дискурсивного анализа, деконструкции, «историзации» текстов, утверждения о том, что профессиональная история бесполезна, что она – просто идеология, «сказки, которые мы сочиняем» и что её необходимо заменить более современной историей, отвечающей потребностям новейшей радикальной политики, а с другой – традиционные научные принципы и методы исследования, которым продолжают обучать студентов на большинстве исторических кафедр в университетах [53, р. 20–26]. Подводя общий итог своему обзору, А. Марвик писал: «Ясно, что в отношении главных проблем понимания прошлого, с которыми имеют дело историки, техника деконструкции или дискурсивного анализа не представляет большой ценности по сравнению с тонкими методами, разработанными историками в течение многих поколений» [53, р. 26–27].

Большое место критика постмодернизма занимала в докладе, который А. Марвик представил на Московской международной конференции «Политическая история на пороге XXI века» (май 1994 г.). Здесь, касаясь претензий постмодернистов на новую и оригинальную историческую методологию, он, в частности, говорил: «Это просто ряд воображаемых скачков, каждый из которых опирается на предшествующий, заманивающих в ловушку специальным вычурным языком, но никогда не находящих подтверждения в действительности» [32, с. 11]. Обращаясь к слушателям, А. Марвик рисовал картину предшествующего опыта развития мировой исторической науки. Современным историкам XXI в.

¹ См.: Шарифжанов И. И. Вызов социоисторизма: политическая история в поисках новых приоритетов // Политическая история на пороге XXI века: традиции и новации. М.: РАН, 1995. С. 22–32; Его же. Английская историография в XX веке. Основные теоретико-методологические тенденции, школы и направления. Казань: Казанский ун-т, 2004. С. 130–146; Его же. История и историография на пересечении эпох: проблемы, события, люди. Казань: Казанский ун-т, 2015. С. 72–79.

он предписывал семь правил, которые следует «крепко держать в уме». Они следующие [32, с. 20–21]:

1) цель истории – обеспечивать надежное знание о прошлом;

2) любая историческая работа – это всего лишь посильный вклад в это знание, она открыта для критики и совершенствования;

3) историки могут обеспечить знание о прошлом только путем систематического изучения первоисточников, которые являются единственными реликтами и следами прошлого;

4) история – это не само прошлое и тем более не метафизическое рассуждение о природе прошлого, она – знание, полученное историками;

5) ясность и точность – это фундаментальные качества профессии историка;

6) общие понятия необходимы историку как для понимания источников, так и для изложения результатов своего исследования. Но они в конечном счете должны соответствовать тому, что он обнаружил в источниках;

7) история должна заботливо оберегать свою автономию как в отношении к другим дисциплинам, так и в отношении ко всяким политическим обязательствам.

Таким был напутственный наказ всем историкам-профессионалам от одного из лучших умов современной Великобритании.

Взгляды А. Марвика выражали типичное отношение ведущих британских историков к постмодернизму. Так, по признанию Дж. Эйлмера, крупнейшего специалиста по истории Английской революции XVII в., он явно не принадлежал к сторонникам постмодернизма, поскольку для него

истина о прошлом – это главная цель деятельности историка. «Это не значит, – продолжал он, – что какой-то историк сможет когда-нибудь достичь полной истины о том или ином фрагменте прошлого, каким бы незначительным он ни был, но если вы отступаете от этого принципа, вы вступаете на скользкий путь, ведущий ... прямо в бездну»¹. Выступая с лекцией «История в британских университетах» на научной конференции в Казани, посвященной революциям в Европе и Америке XVII–XVIII вв., оксфордский профессор говорил, что историк должен неукоснительно выполнять три обязанности: перед обществом в целом, перед своим университетом и перед своей наукой. «Как историк, каждый должен верить, что истина и понимание являются теми ценностями и целями, которые существуют изначально и неотчуждаемы»².

К концу XX в. интерес к постмодернизму в западной исторической науке заметно снизился, о чём наглядно свидетельствовали итоги работы XIX Международного конгресса исторических наук, который состоялся в Осло в августе 2000 г. По словам Ральфа Торстендала³, руководителя секции по историографии XX в., в настоящее время мало свидетельств того, что постмодернизм оказал какое-либо влияние на традиционную историческую методологию и нормативную систему пра-

¹ Эти слова – из письма Дж. Эйлмера, написанного незадолго до его смерти 17 декабря 2000 г.

² Выступление Эйлмера опубликовано в сборнике: Ранние буржуазные революции и современная историческая мысль: тезисы докладов. Казань: Казанский ун-т, 1990.

³ 19th International Congress of Historical Sciences. Proceedings. Actes. Oslo, 2000. P. 115.

вил профессиональной истории, как они приняты во всем мире.

После Второй мировой войны интерес к теоретическим и методологическим проблемам исторической науки заметно повысился и в советской историографии и философии. В СССР появился ряд научных центров, где активно разрабатывались важнейшие принципы теории истории. Один из них был создан в Томском университете во главе с А. И. Даниловым (1916–1980). Здесь были организованы методологические семинары по актуальным проблемам исторической науки, в которых принимали участие как историки, так и философы, начали защищаться диссертации по соответствующей тематике, выходить научные работы.

В 1978 г. Б. Г. Могильницкий, ученик А. И. Данилова, опубликовал монографию «О природе исторического познания» [28], которая сразу привлекла внимание всех специалистов страны. В ней рассматривался широкий круг вопросов, связанных с пониманием предмета истории как науки, возможностей и предпосылок достижения объективной истины в историческом познании, социальных функций исторической науки и т.д. Говоря о связи истории с современностью, Б. Г. Могильницкий подчеркивал, что история, как никакая другая наука, тесно связана с современностью и является важной формой самосознания общества. Её высшая цель – достижение объективно-истинного знания о прошлом. В работе давался глубокий анализ путей и средств, ведущих к этой цели. Тем самым книга Б. Г. Могильницкого остается серьезным научным подспорьем в борьбе с современным методологи-

ческим нигилизмом, распространенным в нашей стране и за рубежом под влиянием учений постмодернизма. На материале своей монографии Б. Г. Могильницкий подготовил учебное пособие «Введение в методологию истории» [27], которое стало настольной книгой для всех преподавателей высшей школы, читавших курс методологии исторической науки.

Под влиянием А. И. Данилова в Казани также появился региональный центр по историографическим и методологическим вопросам исторической науки. Если казанские историки в основном касались историографических проблем науки как в нашей стране, так и за рубежом, то философы освещали теоретические аспекты исторического знания. В этой связи представляет большой интерес статья профессора Казанского университета М. Б. Садыкова «Интерпретация как метод исторического познания» [36]. В ней на современном философском уровне раскрывались отличительные особенности исследовательской практики представителей исторических дисциплин. Продолжением работы М. Б. Садыкова явилась статья доктора философских наук, профессора Э. А. Тайсиной «Постмодернизм – парадигма, уходящая в историю», также опубликованная в сборнике «*Clio Moderna*» [42]. Блестящая по исполнению, глубокая по содержанию, она подводила своеобразные итоги необыкновенной активности постмодернистов в сфере современного научного знания.

2 декабря 2011 г. в МГУ состоялась Международная научная конференция «Может ли история быть объективной?» Её материалы были опубликованы в серии «Труды исторического

факультета МГУ» в том же году. Уже само название конференции вызывало серьезные опасения о намерениях её организаторов. Что же касается выступлений её участников под девизом «В защиту субъективности», то разочарование еще более усугубилось. Несмотря на отдельные серьезные доклады как зарубежных, так и отечественных специалистов, результаты конференции в целом нельзя назвать позитивными, отвечающими современным тенденциям развития исторического знания в мире.

С. И. Реснянский

Истина в православном вероучении

Человека всегда мучил вопрос о его собственном бытии перед лицом вечности и судьбы. Мировые религии возникли как ответ на этот вопрос. Действительно, данная проблема о Боге неизбежно встаёт перед любым философом, как вопрос об источнике бытия (что такое бытие? – это основной вопрос философии). Тот же вопрос встаёт и перед физиками – на путях их познания природы. «Вопрос о существовании Бога – это единственный вопрос, с которым мы сталкиваемся, рассматривая природу реальности» [33, с. 60], – писал известный физик Дж. Полкинхорн.

Слова Понтия Пилата: «Что есть истина» до сих пор остаются камнем преткновения. Известно, что в науке истина – это цель научного познания. Со времён Аристотеля истина – есть соответствие вещи и интеллекта, адекватное изображение действительности. Действительность в этой связи рассматривается как существующая независимо от нашего сознания. Скептики вообще не искали истину, они

считали её изменчивой категорией. У Платона совсем иное: «вечный эйдос» истины. Знание в этой связи рассматривалось Платоном как результат воспоминания души человека о своём пребывании в мире вечных истин, когда душа ещё не соединилась с телом. Августин Блаженный, основываясь на этом концепте Платона, сформулировал учение об истинах как врождённых понятиях и суждениях. Эта концепция получила дальнейшее развитие Р. Декартом. Гегель же, как известно, полагал, что всё действительное разумно, а разумное действительно. А Ф. Ницше, как и античные скептики, вообще считал иллюзией существование истины как таковой. К этому же мнению пришёл и современный постмодернизм. А так как максима Протагора, что человек – мера всех вещей, незыблема до настоящего времени в секулярном прочтении картины мира, то действительно, в этой связи нет объективной истины, того слона или черепахи, на которых бы строилось мироздание, у каждого своя истина. Да, мы с вами знаем, что мифам и космогониям древних вообще было неведомо гносеологическое измерение мира.

Истину во все времена искали, как известно, и в научном, и религиозном, и в художественном, и в нравственном и любом ином освоении мира. Где же, в таком случае, критерий истины? В логическом, рассудочном её понимании, в позитивистской картине мира? И есть ли она в естественной картине мира вообще? Или это нравственная категория, духовное состояние личности? И действительно, говоря о ключевых вопросах мироздания, таких как, например, возникновение Вселенной, её конечности или бесконечности,

мысль приходит к вопросу о человеке как средоточию всех загадок и антиномий нашего мышления. «Что такое человек, что такое сознание человека? Способна ли наука объяснить сознание? Ибо ещё И. Кант разоблачил иллюзии сознания, принимавшего собственный продукт за объективное бытие. Вл. Соловьёв в работе «Теоретическая философия», подвергнув критическому анализу само наше мышление, назвал его становящейся разумностью, а значит – никогда не завершаемой (Я становлюсь, следовательно, меня ещё нет) [41, с. 78]. Известно, что в своё время Макс Планк в знаменитой речи «О смысле и границах точного знания» говорил о пределах, непреодолимых для точного знания, как бы высоко оно не стояло, потому что, подчёркивал знаменитый физик и философ, «окончательная реальность носит метафизический характер». Кроме того, наука как таковая не знает ни добра, ни зла. Именно поэтому так остро встаёт вопрос о моральной ответственности людей науки. Известно, к примеру, что участники проекта «Манхэтэн», создав атомную бомбу, ужаснулись творению рук своих.

Общеизвестно, что и сами научные концепты сохраняются до тех пор научными, пока допускают возможность собственного опровержения («фальсификации» по К. Попперу). Церковные же истины, в отличие от них, неизменны, ибо они констатируют неизменную реальность Бога. И, как мне представляется, смысл человеческого познания состоит не только в удовлетворении естественного человеческого интереса к истине, но в первую очередь в освобождении личности от неведения, которое препятствует его ду-

ховно-нравственному совершенству: «познайте истину, и истина сделает вас свободными».

Примечательно, что на вопрос прокуратора Иудеи Понтия Пилата: «Что есть истина?» в ответ было молчание в силу неподготовленности Пилата к этому вопросу. На Тайной вечере же Иисус однозначно ответил на этот вопрос об истине: «Я есть и путь и истина и жизнь». Николай Сербский (Велемирович), философ и православный мыслитель, говорил, что «истина – не мысль, не слово, не закон. Истина – Существо... К Истине приложим вопрос «Кто?», а не «что?». Истина лична, а не безлична. Истина – Бог, а не вещь. Истина – тот, Кто всегда один и Тот же... Истину можно обрести не в творении, а в Творце».¹ Христос дал миру как богооткровенное знание в виде догматов православного вероучения – непреложные истины. Личность Христа ориентирована не на текучую стихийность мира, а на извечность абсолютного. Христос спасает от мира, всецело находящегося под законом тления и самоповторения. Он даёт смысл не бесконечно изменяющему бытию, а вечно актуальному личному выбору. Христос вводит человека в Иное – абсолютно Иное, с которым несопоставимо не одно измерение мира. Он Сам – это Иное и путь к нему открыт. Он – Бог, с любовью снизошедший к нам и из любви к человеку сам ставший человеком.

Христос связан с вечностью и в то же время Он пребывает в истории. Вневременную основу личности Христа раскрыл Иоанн Богослов: «Слово стало плотью». Христос преодолел господство необратимого энтропийного

¹ Новый Завет, Ин. 8:32.

начала в человеке, «смертью смерть поправ», показав тем самым тварному миру путь к Воскресению, и вся русская духовная гуманитаристика сделала эту максиму своим духовным стержнем. Раскрывая эту православную истину, С. Н. Булгаков писал: «Вера есть, может быть, наиболее мужественная сила духа, собирающая в одном узле все душевные энергии. Ни наука, ни искусство не обладают той силой духовного напряжения, какая может быть свойственна религиозной вере. И, конечно, это возможно только потому, что ей в совершенно исключительной степени присуще качество объективности: сама суровая и величественная истина глядит через неё своим вечным, недвижным оком на человека... Это сознание своей единственности есть неизбежное качество объективности: истина не есть истина, если допускает рядом с собой или вместо себя другую истину» [8, с. 50–51]. Таким образом, знание истины в Православии есть знание Бога, совершаемое цельным человеком, а не одним лишь разумом. Это особое духовное единение с Христом в Евхаристическом пространстве.

В православной модели человек – свободное, совестливое существо, обладающее вечной душой и сознающий свою ответственность за последствия своих решений. Способный нравственно их оценить. Добро и зло актуализируются через человека и его оценки. В Православии приоритетна роль духовно-нравственных ценностей: свободы как ответственности. Духовной красоты, жертвенной любви, сострадания к людям. Главное в иерархии ценностей – любовь к Богу и ближнему как к самому себе. По

слову Максима Исповедника: Любовь есть Божественная сила, стягивающая и связывающая воедино весь космос и всякую вещь, существующую в нём, высшую и низшую». Западная же модель познания мира, потеряв интуицию Священного, утрачивая чувство святости сакральной глубины происходящего в мире, предпочла отбросить «Неведомое Его» и взять в качестве своего инструментария освоения жизненного пространства рассудочное сознание, рациональность и утилитарную полезность. Такой путь оказался, как сейчас это всем предельно понятно, путём тупиковым. Стало ясно, что потерпела полный провал эпоха модерна (со времён Ренессанса), «улучшения мира» путём его преобразования рациональной активностью в природные сферы бытия.

Идея разума, которая была главным мифом познания мира в западной культуре со времён эпохи Возрождения, переживает сегодня глубокий кризис. Вл. Набоков называл эту идеализацию рассудочного сознания «гносеологической мерзостью», а сербский церковный деятель Иустин Попович – «философской пропастью». Н. Бердяев в работе «О характере русской религиозной мысли» писал, что корень ошибки всей западной позитивистской мысли в том, что она приняла разум за цельность духа [6]. Этот кризис, который стал сегодня, как известно, всеобъемлющим для всей экономикополитической цивилизации, неоллиберальной парадигмы картины мира вообще.

Особенно трагична глубокая катастрофа человека. Философ А. С. Панарин вообще говорил о предельной порче человека в современном мире.

Чудовищен разлад между его сущностью и его существованием. Миф о происхождении человека от обезьяны, вверх от животного, привёл к конструированию мира в западной цивилизации как пространства стадиона, где человек, потомок обезьяны, стал победителем в борьбе за выживание вида. Сегодня постмодернизм, культура потребления, глобально навязываемые миру – это «опускание темы», её высокой духовной планки, чтобы уравнивать внутренний духовный смысл с внешней формой, то есть уравнивать сущность с его существованием, выхолостить внутреннюю идею (Образ Божий в человеке), не дающую «разбежаться целому». Медиократия, всевозможные СМИ, шоу-бизнес, сети Интернета навязывают идеалы «нового сознания» без Бога, инаковость, космополитический, «кочевой образ духа».

Итальянский мыслитель Умберто Эко говорил в этой связи, что продуктом культуры потребления является «рецепторный тип молодого человека, пожирающего видеоролики и рекламы с внутренней пустотой в душе» [45]. Поистине, без веры жизнь человека – пиар потребности потребительской культуры – сводят к биологическому характеру. «Бинарность нашего мышления, объект – субъект, материя – сознание, закрывают богатство многомерности нашего бытия, способствуют дурному генезису «одномерного человека» с линейным вектором мышления» [26, с. 245]. А между тем современные образовательные технологии высшей школы вообще противоречат православному пониманию учителя. Православие предполагает существование Высшего смысла, недоступного для человеческого понимания.

Поэтому религиозное образование обучало не столько знаниям, которые относительно в силу ограниченности человеческого разума, сколько умением их постигать и ими оперировать («искусствам»).

Сегодня система обучения наукам, как суммарным знанием по определённым аспектам бытия, себя исчерпала. Обучение не поспевает за динамикой научного приращения. Существуют пределы усвоения студентами эмпирического материала. Рано или поздно образовательная критическая масса будет преодолена. (Симптомы к чему уже обнаруживаются). По-видимому, эра сциентизма подходит к своему завершению. Древние мыслители не проводили дифференциацию наук, а говорили о знании в целом. Нельзя было исследовать сферу дольного без решения вопросов трансцендентных. Но схоластическая перегруженность, при недостаточной разработке эмпирического материала, предопределила рождение теории «двух истин», предполагающей дробление целостного знания. Со временем априорное допущение о самодостаточном характере эмпирического опыта было забыто. В результате усечённые в силу своей природы научные представления преподносились в качестве абсолютной истины. Обучение наукам в школах и вузах, при игнорировании религиозного образования, приводит к искажённому восприятию картины мира. Хотя именно в молодом возрасте важно сформировать целостное в метафизическом плане миропонимание. Интерес представляют религиозные образовательные технологии. Кроме того, современная педагогика исходит из современной природы человека.

Фактор антропогенеза не берется ею в рассмотрение. По-видимому, мы находимся на переломном рубеже трансформации структуры мышления человека.

Письменная культура предопределяет рациональные формы мировосприятия. Человек мыслит, так же как и пишет, проводя цепочку каузальной логики. Сегодняшний феномен компьютеризации становится предвестником гибели письменной цивилизации. Система мышления генераций компьютерной молодежи более близка к мифологической психоментальности древности. Спрессованные в виртуальном поле пространственно-временные характеристики актуализируют мифологическую парадигму феноменологического бытия. Но обучающие методики остаются по-прежнему ориентированы на «письменного человека». Менталитету генерации *«нью эйдж»* соответствуют те же образовательные подходы, как и для человека традиционалистских сообществ, что ставит на повестку задачи реанимации архетипов религиозной педагогики. И в этой связи, хочу еще раз подчеркнуть, насколько важными и актуальными являются духовно-нравственные проблемы православной культуры с точки зрения современных подходов воспитания в контексте модернизации образования. И незыблемые истины в православном вероучении играют здесь определяющую роль. В этой связи становится понятным, что голос Бога «Адам, где ты?» и вопрос Понтия Пилата «Что есть истина?» – это отнюдь не простые метафоры. Они вкоренены в ткань сегодняшней мировой истории, будучи нервом мировой культуры. Энергия мысли не может быть

духовно нейтральной. Очень важно мировоззренческое ценностное основание, на котором человек строит свой духовный дом.

Н. И. Смоленский

Заключительное слово

В выступлениях участников круглого стола проблема объективности исторического познания представлена как предмет ее историографического анализа и в качестве ряда аспектов ее теоретического анализа. Взаимосвязь того и другого не является надуманной, поскольку формирование любого варианта проблемы объективности или варианта отношения к ней осуществимо с опорой на развитие конкретно-исторического исследования и его теоретических основ.

В выступлении В. Э. Багдасаряна проведен анализ соотношения отказа от объективности познания и социальных последствий этого и делается вывод об отрицательном, разрушительном для общества характере релятивизации познания; приведенные данные по отношению к различным временным рамкам истории подтверждают это. Возникает, однако, вопрос: может ли быть результат влияния релятивизации положительным? Приведем несколько соображений. Просветительская оценка средних веков была резко и однозначно отрицательной и лишенной в этом смысле во многом, но не во всем своем содержании, соответствия действительности: средние века не были ошибкой, заблуждением, нелепостью в развитии истории, а ее естественной фазой. Однако это заблуждение в просветительском понимании и оценке средневековья по своему способствовало его уходу, о

чем ярко свидетельствовала французская революция конца XVIII в.

Далее, объединение Германии не вызывает каких-либо сомнений в обоснованности его положительной оценки не только для Германии – если, конечно, отвлечься от взгляда на будущее с его двумя мировыми войнами и ролью и месте в них Германии, хотя в этом заключается ход истории, а не вина или причина объединения Германии. Однако проблема объединения Германии решалась применением различных средств, одним из которых была фальсификация истории Пруссии до объединения и не только в исследованиях историков малогерманской школы Г. Зибеля, Г. Трейчке, И. Дройзена и других. Смыслом фальсификаций было возвеличение Пруссии и не только.

Следование требованию объективности исторического познания не означает гармонии с состоянием основ общества – ни в качестве реальности положительного состояния, ни в качестве цели его достижения. В российской историографии начала XX в. сложилось мощное направление по уровню научно-теоретических основ мышления в целом, по проблеме объективности в теоретическом плане и в результатах конкретно-исторического исследования; его представителями были Н. И. Кареев, А. С. Лаппо-Данилевский, М. М. Хвостов и др., но ситуация в обществе была далека от устойчивости и мирных перемен. Общим во всех изложенных ситуациях является то, что на первом плане стоит общество, продуктом которого являются историческое сознание и историческое познание; вопрос о взаимовлиянии при этом не отвергается.

В источниковедческом анализе гербов участником круглого стола О. Н. Наумова ставится проблема степени объективности этого вида источников по сравнению с другими. Делается обоснованный вывод об их преимуществе в связи с тем, что они отражают реальность визуально. Наличие субъективного в гербах при этом не отвергается, однако важен вывод О. Н. Наумова об объективном в природе источника. Этот вывод по своей значимости выходит за рамки источниковедческого анализа и является подтверждением объективности исторического познания со ссылкой на природу этого вида источника. Объективность в этом плане выглядит не как чисто мыслительная конструкция, а как вид мышления, имеющий свои корни в действительности.

Историографический анализ в выступлениях участников круглого стола рассматривается в качестве средства понимания тех трудностей и проблем, которые возникали у историков с развитием исторического познания в области конкретно-исторического исследования и его гносеологии. Решение проблемы объективности В. В. Журавлев обоснованно относит к двум ее составляющим: объективности воссоздания (реконструкции) реальности и объективности ее осмысления. К этому можно добавить: путь к объективной истине проходит через достижение фактической достоверности картины событий к тому, что является ее осмыслением, то есть объективной истиной. В этой связи В. В. Журавлев проводит различие между художественным образом реальности и содержанием исторического понятия: образ означает стремление его творца

слиться целиком и полностью с образом (сутью) изображаемого, а научное понятие предполагает необходимость для историка в возможно большей степени погрузиться в изучаемую эпоху, став в каком-то отношении и смысле ее «современником». Это верно только с одной оговоркой: это – не взгляд историка на прошлое глазами прошлого.

Историографический анализ в выступлении Н. И. Шарифжанова характеризует становление и развитие проблемы объективности в западной историографии XIX – XX вв. Стержнем этого анализа является изучение борьбы по проблеме объективности с позиций ее признания и отстаивания и с точки зрения – в разных вариантах мышления – ее отрицания. Это означает, что борьба за истину и объективность не ограничена какими-то территориальными и временными рамками и зависит от развития исторического познания.

Круглый стол завершается анализом проблемы истины в православии. С. И. Реснянский – автор этого анализа. С опорой на других исследователей проблемы С. И. Реснянский излагает точный смысл истины в православном вероучении – её единственность и уникальность. К этому следует до-

бавить разницу в пути к истине и ее достижении в светском и религиозном вариантах мышления: в последнем случае истина – не результат мышления, а откровение и постигается не разумом, не логикой, а является результатом озарения, снисходит сразу и во всем объеме. Своеобразный девиз этих представлений – не мудрствуй лукаво, и ты постигнешь истину. Это представление об истине было перенесено в середине века на историческое познание в целом в качестве *studio divina* – божественное знание.

Своеобразным украшением историков, в том числе участников круглого стола, выглядит в этой связи отстаивание позиции об объективности исторического познания и достижении истины как его главной цели, хотя и не божественной. Конечно, это светский вариант мышления, и все же. Достоинством позиции участников круглого стола является также единство, сходство их представлений об объективности и истине и это – результат не «корпоративного сговора», а многолетней самостоятельной научно-исследовательской работы и соответствующего ей поиска истины.

Статья поступила в редакцию 31.05.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенов А. А. Герб Комсомольска-на-Амуре как отражение исторической и социокультурной специфики города // Гербовед. 2006. № 87. С. 8–11.
2. Актуальные теоретические проблемы современной исторической науки // Вопросы истории. 1992. № 8–9. С. 159–166.
3. Багдасарян В. Э. Антироссийские исторические мифы. СПб.: Питер, 2016. 384 с.
4. Багдасарян В. Э. Становление образа исторического врага в школьных учебниках истории на постсоветском пространстве // Преподавание военной истории в России и за рубежом. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 67–86.
5. Багдасарян В. Э. «Теория заговора» в отечественной историографии второй половины XIX–XX вв. М.: Сигналъ, 1999. 515 с.

6. Бердяев Н. А. О характере русской религиозной мысли XIX века // Современные записки. 1936. № LXII. С. 309–343.
7. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1973. 236 с.
8. Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. 415 с.
9. Вилинбахов Г. В. Всадник русского герба // Труды Государственного Эрмитажа. 1981. Т. 21. С. 117–122.
10. Винклер П. П., фон. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи. М.: Планета, 1991. 223 с.
11. Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д. История на продажу: тупики псевдоисторической мысли. М.: Вече, 2005. 320 с.
12. Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып. 1. М.: Наука, 1989. 213 с.
13. Гайдуков А. В. Идеология и практика славянского неоязычества: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2000. 164 с.
14. Гаспаров М. Л. Занимательная Греция: рассказы о древнегреческой культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 284 с.
15. Гербовед, издаваемый С. Н. Троицким, 1913–1914 гг. М.: Терра-Книжный клуб, 2003. 448 с.
16. Гордина Е. Д. Проблемы отечественной истории на страницах массового журнала «Огонек» 1987–1991 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2004. 228 с.
17. Гуревич А. Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2–3. С. 21–35.
18. Егоров Д. Н. Славяно-германские отношения в Средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в.: в 2-х т. Т. 1. М.: Московская художественная печатня, 1915. 567 с.
19. Казеннов А. С., Мочалова И. Н. Гегель о сократических школах: место и значение сократиков в истории философии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2017. № 3. С. 22–34.
20. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. 440 с.
21. Ковальченко И. Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 3–33.
22. Коллингвуд Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 486 с.
23. Королев Г. И. Историко-экологическое истолкование гербов Владимирской земли XVIII – начала XX вв. // Рождественский сборник. Вып. 5. Ковров: БЭСТ-В, 1998. С. 96–101.
24. Лапенков В. История нетрадиционной ориентации. Легенды и мифы всемирной истории. М.: Яуза, 2006. 400 с.
25. Лебедев С. А. Основные парадигмы эпистемологии и философии науки // Вопросы философии. 2014. № 1. С. 72–82.
26. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: АСТ, 2003. 526 с.
27. Могильницкий Б. Г. Введение в методологию истории. М.: Высшая школа, 1989. 174 с.
28. Могильницкий Б. Г. О природе исторического познания. Томск: ТомГУ, 1978. 235 с.
29. Может ли история быть объективной? Материалы Международной научной конференции, Москва, 2 декабря 2011 г. М.: МГУ, 2012. 222 с.
30. Наумов О. Н. Научная геральдика России. М.: Старая Басманная, 2013. 508 с.
31. Новиков М. В., Швецов В. В. Карл Беккер: «Каждый сам себе историк» // Ярославский педагогический вестник. 2001. № 1 (26). С. 102–108.

32. Политическая история на пороге XXI века: традиции и новации. М.: ИВИ РАН, 1995. 276 с.
33. Полкинхорн Дж. Вера глазами физика. М.: Библейско-богословский ин-т св. ап. Андрея, 1998. 228 с.
34. Релятивизм как болезнь современной философии / Отв. ред. В. А. Лекторский. М.: Канон+, 2015. 392 с.
35. Римский-Корсаков И. Генеалогия явленной от Сотворения мира фамилии... Корсаков-Римских. М.: Ангстрем, 1994. 249 с.
36. Садыков М. Б. Интерпретация как метод исторического познания // *Clio Moderna. Зарубежная история и историография*. 2003. Вып. 4. С. 5–16.
37. Семенов Ю. И. Философия истории (Общая теория основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М.: Современные тетради, 2003. 776 с.
38. Словарь историка / Пер с фр. М.: РОССПЭН, 2011. 222 с.
39. Смоленский Н. И. История и логика: проблемы общесторической теории и природы исторических понятий. М.: ИИУ МГОУ, 2013. 183 с.
40. Соболев С. В. Альтернативная история: пособие для хронохичхайкеров. Липецк: Крот, 2006. 232 с.
41. Соловьев В. С. Сочинения: в 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. 892 с.
42. Тайсина Э. А. Постмодернизм – парадигма, уходящая в историю // *Clio Moderna. Зарубежная история и историография*. 2005. Вып. 5. С. 5-22.
43. Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. 632 с.
44. Шарифжанов И. И. К вопросу о релятивистском истолковании методологии истории в англо-американской историографии 40–50-х гг. XX века // *Методологические и историографические вопросы исторической науки*. Вып.1. Томск: Томский ун-т, 1963. С. 27–61.
45. Эко У. Пять эссе на темы этики. СПб.: Симпозиум, 1998. 96 с.
46. Barraclough G. *History in a Changing World*. Oxford: Blackwell, 1955. 246 p.
47. Barraclough G. *Main Trends in History*. N.-Y.-L.: Holmes & Meier, 1979. 259 p.
48. Beard C. *Written History as an Act of Faith* // *American Historical Review*. 1934. № 2. P. 219-231.
49. Black J. *The Art of History*. N-Y.: F. S. Crofts and Co, 1926. 188 p.
50. Buckle H. *History of Civilization in England*. Vol. III. L.: Longmans, Green and Co, 1868. 548 p.
51. Carr E. *What is History*. L.: Penguin Books, 1962. 188 p.
52. Hobsbawm E. *Progress in History* // *Marxism Today*. 1962. Vol. 6. № 12. P. 44–48.
53. Marwick A. *Two Approaches to Historical Study: The Metaphysical (Including “Postmodernism”) and the Historical* // *Journal of Contemporary History*. 1995. Vol. XXX. P. 5–35.
54. Renier G. *History. Its Purpose and Method*. L.: Allen and Unwin, 1950. 272 p.

REFERENCES

1. Aksenov A. [The coat of arms of Komsomolsk-on-Amur as a reflection of the historical and socio-cultural specificity of the city]. In: *Gerboved*, 2006, no. 87, pp. 8–11.
2. [Relevant theoretical problems of modern historical science]. In: *Voprosy istorii* [History Issues J.], 1992, no. 8–9, pp. 159–166.
3. Bagdasaryan V. *Antirossiiskie istoricheskie mify* [Anti-Russian historical myths]. St. Petersburg, Piter Publ., 2016. 384 p.
4. Bagdasaryan V. [The formation of the image of the historical enemy in school history textbooks in post-Soviet space]. In: *Prepodavanie voennoi istorii v Rossii i za rubezhom* [The teaching of military history in Russia and abroad]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2018. pp. 67–86.

5. Bagdasaryan V. «Teoriya zagovora» v otechestvennoi istoriografii vtoroi poloviny XIX–XX vv. ["Conspiracy theory" in Russian historiography of the second half of the XIX–XX centuries]. Moscow, Signal Publ., 1999. 515 p.
6. Berdyaev N. [On the nature of Russian religious thought of the XIX century]. In: *Sovremennye zapiski* [Modern Notes], 1936, no. LXII, pp. 309–343.
7. Bloch M. *Apologiya istorii ili remeslo istorika* [Apology of history or the craft of the historian]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 236 p.
8. Bulgakov S. *Svet nevechernii. Sozertsaniya i umozreniya* [Non-evening Light. Contemplation and speculation.]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 415 p.
9. Vilinbakhov G. [The rider of the Russian coat of arms]. In: *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Transactions Of The State Hermitage], 1981, vol. 21, pp. 117–122.
10. Vinkler P., fon. *Gerby gorodov, gubernii, oblastei i posadov Rossiiskoi imperii* [The coats of arms of cities, provinces, regions and settlements of the Russian Empire]. Moscow, Planeta Publ., 1991. 223 p.
11. Volodikhin D., Eliseeva O., Oleinikov D. *Istoriya na prodazhu: tupiki psevdohistoricheskoi mysli* [History for sale: stubs pseudo-thoughts]. Moscow, Veche Publ., 2005. 320 p.
12. *Vseobshchaya istoriya: diskussii, novyye podkhody* [General history: discussions, new approaches]. Iss. 1. Moscow, Nauka Publ., 1989. 213 p.
13. Gaidukov A. *Ideologiya i praktika slavyanskogo neoyazychestva: dis. ... kand. filos. nauk* [The ideology and practice of the Slavic neo-paganism: PhD Thesis in Philosophy sciences]. St. Peteraburg, 2000. 164 p.
14. Gasparov M. *Zanimatel'naya Gretsiya: rasskazy o drevnegrecheskoi kul'ture* [Entertaining Greece: the stories of the ancient Greek culture]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000. 284 p.
15. *Gerboved, izdavaemyi S. N. Troinitskim, 1913–1914 gg.* [Gerboved, published by S. N. Troinitsky, 1913–1914]. Moscow, Terra–Knizhnyi klub Publ., 2003. 448 p.
16. Gordina E. *Problemy otechestvennoi istorii na strantsakh massovogo zhurnala «Ogonek» 1987–1991 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Problems of national history in popular magazine "Ogonyok" 1987–1991: PhD Thesis in History sciences]. N. Novgorod, 2004. 228 p.
17. Gurevich A. [The crisis of modern historical science]. In: *Voprosy istorii* [History Issues J.], 1991, no. 2–3, pp. 21–35.
18. Egorov D. *Slavyano-germanskie otnosheniya v Srednie veka. Kolonizatsiya Meklenburga v XIII v.: v 2-kh t. T. 1* [Slavic-German relations in the Middle ages. The colonization of Mecklenburg in the XIII century: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Moskovskaya khudozhestvennaya pechatnya Publ., 1915. 567 p.
19. Kazennov A., Mochalova I. [Hegel on Socratic schools: the place and importance of Socratic in the history of philosophy]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad Pushkin State University], 2017, no. 3, pp. 22–34.
20. Kovalchenko I. *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of historical research]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 440 p.
21. Koval'chenko I. [Theoretical and methodological problems of historical research. Notes and reflections on new approaches]. In: *Novaya i noveishaya istoriya* [Modern and Current History J.], 1995, no. 1, pp. 3–33.
22. Collingwood R. J. *Ideya istorii. Avtobiografiya* [The idea of history. Autobiography]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 486 p.
23. Korolev G. [The historical-ecological interpretation of coats of arms of the Vladimir land of the XVIII – early XX centuries.]. In: *Rozhdestvenskii sbornik* [Christmas compilation], Iss. 5. Kovrov, BEST-V Publ., 1998, pp. 96–101.

24. Lapenkov V. *Istoriya netraditsionnoi orientatsii. Legendy i mify vseмирnoi istorii* [History of homosexual. Legends and myths of world history]. Moscow, Yauza Publ., 2006. 400 p.
25. Lebedev S. [The basic paradigms of epistemology and philosophy of science]. In: *Voprosy filosofii* [Philosophy Issues J.], 2014, no. 1, pp. 72–82.
26. Marcuze G. *Odnomernyi chelovek. Issledovanie ideologii razvitoogo industrial'nogo obshchestva* [One-dimensional man. The study of the ideology of advanced industrial society]. Moscow, AST Publ., 2003. 526 p.
27. Mogilnitskii B. *Vvedenie v metodologiyu istorii* [Introduction to the methodology of history]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989. 174 p.
28. Mogilnitskii B. *O prirode istoricheskogo poznaniya* [About the nature of historical knowledge]. Tomsk, TomGU Publ., 1978. 235 p.
29. *Mozhet li istoriya byt' ob"ektivnoi? Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Moskva, 2 dekabrya 2011 g.* [Can history be objective? Materials of International scientific conference, Moscow, 2 Dec 2011]. Moscow, MGU Publ., 2012. 222 p.
30. Naumov O. *Nauchnaya geraldika Rossii* [Science heraldry of Russia]. Moscow, Staraya Basmannaya Publ., 2013. 508 p.
31. Novikov M., Shvetsov V. [Carl Becker: "Everyone is his own historian"]. In: *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2001, no. 1 (26), pp. 102–108.
32. *Politicheskaya istoriya na poroge XXI veka: traditsii i novatsii* [Political history on the threshold of XXI century: traditions and innovations]. Moscow, IVI RAN Publ., 1995. 276 p.
33. Polkinghorne J. *Vera glazami fizika* [Faith is the eyes of physics]. Moscow, Bibleisko-bogoslovskii in-t sv. ap. Andrew Publ., 1998. 228 p.
34. Lektorskii V., ed. *Relyativizm kak bolezni' sovremennoi filosofii* [Relativism is like a disease of contemporary philosophy]. Moscow, Kanon+ Publ., 2015. 392 p.
35. Rimskii-Korsakov I. *Genealogia yavlennoi ot Sotvoreniya mira familii... Korsakov-Rimskikh* [Genealogia manifested from the creation of the world names... Korsakov-Rimskikh]. Moscow, Angstrom Publ., 1994. 249 p.
36. Sadykov M. B. [Interpretation as a method of historical knowledge]. In: *Clio Moderna. Zarubezhnaya istoriya i istoriografiya* [Foreign history and historiography], 2003, no. 4, pp. 5–16.
37. Semenov Yu. *Filosofiya istorii (Obshchaya teoriya osnovnye problemy, idei i kontseptsii ot drevnosti do nashikh dnei)* [Philosophy of history (General theory fundamental problems, ideas and concepts from antiquity to the present day)]. Moscow, Sovremennye tetrady Publ., 2003. 776 p.
38. *Slovar istorika* [Dictionary of the historian]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011. 222 p.
39. Smolenskii N. *Istoriya i logika: problemy obshcheistoricheskoi teorii i prirody istoricheskikh ponyatii* [Story logic: problems of historical theory and the nature of historical concepts]. Moscow, MGOU Ed. off., 2013. 183 p.
40. Sobolev S. *Al'ternativnaya istoriya: posobie dlya khronokhichkhaikerov* [Alternative history: a manual for hankishiev]. Lipetsk, Krot Publ., 2006. 232 p.
41. Solov'ev V. *Sochineniya: v 2-kh t. T. 1* [Works: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Mysl' Publ., 1988. 892 p.
42. Taisina E. [Postmodernism is the paradigm, steeped in history]. In: *Clio Moderna. Zarubezhnaya istoriya i istoriografiya* [Foreign history and historiography], 2005, no. 5, pp. 5–22.
43. Febvre L. *Boi za istoriyu* [The battle for history]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 632 p.
44. Sharifzhanov I. [The question of the relativistic interpretation of the methodology of history in Anglo-American historiography of the 40-50-ies of XX century]. In: *Metodologicheskie i istoriograficheskie voprosy istoricheskoi nauki. Vyp.1* [Methodological and historiographical issues of historical science. Iss.1]. Tomsk, Tomskii un-t Publ., 1963. pp. 27–61.

45. Eco U. *Pyat' esse na temy etiki* [Five essays on the topics of ethics]. St. Petersburg, Simpozium Publ., 1998. 96 p.
46. Barraclough G. *History in a Changing World*. Oxford, Blackwell, 1955. 246 p.
47. Barraclough G. *Main Trends in History*. N.-Y.-L.: Holmes & Meier, 1979. 259 p.
48. Beard C. *Written History as an Act of Faith*. In: *American Historical Review*, 1934, no. 2, pp. 219-231.
49. Black J. *The Art of History*. N-Y.: F. S. Crofts and Co, 1926. 188 p.
50. Buckle N. *History of Civilization in England*. Vol. III. L.: Longmans, Green and Co, 1868. 548 p.
51. Carr E. *What is History*. L., Penguin Books, 1962. 188 p.
52. Hobsbawm E. *Progress in History*. In: *Marxism Today*, 1962. Vol. 6, no. 12, pp. 44-48.
53. Marwick A. *Two Approaches to Historical Study: The Metaphysical (Including "Postmodernism") and the Historical*. In: *Journal of Contemporary History*, 1995, vol. XXX, pp. 5-35.
54. Renier G. *History. Its Purpose and Method*. L.: Allen and Unwin, 1950. 272 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Смоленский Николай Иванович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;
e-mail: kaf-nim@mgou.ru

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права, заведующий кафедрой истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: vardanb@mail.ru

Наумов Олег Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: onnaum@mail.ru

Журавлев Валерий Васильевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: kaf-nnir@mgou.ru

Шарифжанов Измаил Ибрагимович – доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета;
e-mail: izsharif@mail.ru

Реснянский Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: si.resnyanskiy@mgou.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Nikolai I. Smolensky – Dr. Sci. (History), Head at the Department of Modern and Contemporary History and Methodology, Moscow Region State University;
e-mail: kaf-nim@mgou.ru

Vardan E. Bagdasaryan – Dr. Sci. (History), Dean at the Faculty of History, Political Science and Law, Head at the Department of Medieval and Modern Russian History, Moscow Region State University;

e-mail: vardanb@mail.ru

Oleg N. Naumov – Dr. Sci. (History), Professor, Department of Contemporary Russian History, Moscow Region State University;

e-mail: onnaum@mail.ru

Valeriy V. Zhuravlev – Dr. Sci. (History), Head at the Department of Contemporary Russian History, Moscow Region State University;

e-mail: kaf-nnir@mgou.ru

Ismail I. Sharifzhanov – Dr. Sci. (History), Professor, Institute of International Affairs, History and Oriental Studies, Kazan Federal University;

e-mail: izsharif@mail.ru

Sergey I. Resnyansky – Dr. Sci. (History), Professor, Department of Medieval and Modern Russian History, Moscow Region State University;

e-mail: si.resnyanskiy@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Проблема объективности исторического познания. Круглый стол / Н. И. Смоленский, В. Э. Багдасарян, О. Н. Наумов, В. В. Журавлев, И. И. Шарифжанов, С. И. Реснянский // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 4. С. 86–120.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-86-120

FOR CITATION

Smolensky N., Bagdasaryan V., Naumov O., Zhuravlev V., Sharifzhanov I., Resnyansky S. The objectivity of historical knowledge. Round table. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 4, pp. 86–120.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-86-120

Всеобщая история

УДК – 94 (32).04.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-121-132

РИТОРИЧЕСКАЯ СТЕЛА РАМСЕСА III: ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИЙ

Карлова К. Ф., Сафронов А. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,

Российская Федерация

Аннотация. В статье приводится первый перевод на русский язык риторической стелы Рамсеса III и комментарий к ней. Стела была обнаружена в XIX в. в святилище Мересгер в фиванских горах. Ее текст содержит важную историческую информацию о войнах Рамсеса III, а также об ассимиляции египтянами покоренных народов, которые, попав в плен, воспринимали язык основного населения Нильской долины и вливались в состав египетского социума.

Ключевые слова: ливийцы, «народы моря», Рамсес III, риторическая стела, святилище Мересгер

RHETORICAL STELA OF RAMSES III: TRANSLATION AND ANNOTATION

K. Karlova, A. Safronov

Moscow Region State University

24, Very Voloshinoy St., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract. The article presents the first translation of the Rhetorical stela of Ramses III into the Russian language along with its annotation. The stela was discovered in the 19th century in the sanctuary of Meretseger (Theban Mountains). Its text contains important historical information on the wars of Ramses III, as well as data concerning the assimilation of peoples subjugated by the Egyptians. According to the text, the captives adopted the Egyptian language and were integrated into Egyptian society.

Keywords: Libyans, Sea peoples, Ramses III, Rhetorical stela, sanctuary of Meretseger

Упоминания о риторической стеле Рамсеса III из святилища Мересгерт¹ в фиванских горах встречаются в научной литературе еще со времен экспедиций пионеров египтологии в XIX в. [24, р. 707]. Она была высечена в первой половине 12 в. до н.э. в скальном массиве так называемой Долины Дольмена, расположенной между Долиной Цариц и поселком царских ремесленников в Дейр эль-Медина [28, р. 222]. Первое упоминание о ней встречается у Ж.-Ф. Шампольона, который в 1828 г. осмотрел памятник, однако, не привел в своей публикации прорисовки текста стелы [5, pl. 230 bis]. Во время прусской экспедиции К. Р. Лепсиус с коллегами в 1844 г. посетил святилище Мересгерт в Бибан эль-Хаджи Ахмет². В своем издании египетских древностей он привел факсимиле стелы Рамсеса III и ее текста, отметив обилие иностранных этнонимов в нем [17, S. 234, Bl. 218c]. В 1930 г. полное издание стелы осуществил Б. Брюйер, уточнив прорисовку Лепсиуса и добавив недостающие надписи на боковых сторонах памятника [4, р. 34–37, fig. 17, pl. 4]. В 1983 г. транскрипция текста по изданиям

¹ Традиционная транскрипция имени этой богини – Мертсегер [1, с. 136; 16, р. 69], что грамматически подразумевает активное причастие женского рода *mr(.t)* + существительное *sgr* и перевод «любящая молчание». На самом же деле, существование якобы пропущенного в текстах окончания женского рода *-.t* активного причастия от глагольной основы *mrj* «любить» здесь явно надумано. Наличие варианта и [29, Bd. 2, S. 104.19] явно показывает, что мы имеем дело с именем *Mr(.j)=s-gr.t*, где *gr.t* является отглагольным существительным от *gr* «молчать». Соответственно, перевод имени богини должен быть «любит она молчание», и в транскрипции его правильнее передавать как Мересгерт.

² Тогдашнее название Долины Дольмена – К. К., А. С.

К. Р. Лепсиуса и Б. Брюйера была осуществлена К. Китченом в рамках его проекта издания рамессидских текстов [15, р. 90–91]. Стела переводилась полностью А. Пиденом и К. Китченом [23, р. 63–67; 16, р. 68–71]. В данной статье мы приводим первый комментированный перевод стелы на русский язык, осуществленный по иероглифической транскрипции Б. Брюйера с реконструкцией лакун по изданию К. Китчена [4, р. 34–37, pl. 4; 15, р. 90–91]³.

Описание стелы

Рис. 1. Риторическая стела Рамсеса III.

По: [4, pl. 4].

В верхней части стелы изображен

³ Надписи на боковых сторонах и подписи к изображению транслитерированы по прорисовке стелы в издании Б. Брюйера (рис. 1), основной текст – по его иероглифической транскрипции [4, р. 35–37]. Стоит подчеркнуть, что она в ряде мест отличается его авторскими уточнениями от прорисовки основного текста [4, pl. 4; см. рис. 1], поскольку Б. Брюйер скопировал в своем издании факсимиле стелы К. Р. Лепсиуса [17, Bl. 218 c].

крылатый солнечный диск. На концах его крыльев дважды выписан эпитет Хора – *Bḥd.tj*, т. е. «Бехдетец». Ниже расположены увенчанные коронами-*šw.tj* картуши с именами фараона – *Wsr-m3^c.t-R^c mr(j.j) Jmn* и *R^c-ms(j.w)-sw ḥk3 Jwnw* «Усермаатра Мериамон» и «Рамсес Хекаиуну». Картуши подпирают соколы, между их крыльев находятся изображения вариантов знака (фонетическое значение *ḥb-sd* «празднество-сед» – К. К., А. С.). От них влево и вправо отходят две надписи (стрелками показана ориентация текста)¹:

(→) *ḥḥ Hr.w k3 nḥt 3 nsw.yt nb.tj wr ḥb.w mj T3-tnn bjk nbw 3 nḥt.w hr ḥ3s.t nb(t) nswt bj.tj nb t3.wj Wsr-m3^c.t-R^c mr(j.j)-Jmn s3 R^c nb ḥ^c.w R^c-ms(j.w)-s(w) Ḥk3-Jwnw mr(j.j) Mr(j)=s-gr.t ḥn.wt jmn.t*

(→) Да живет Хор, мощный телец, великий царской властью, (воплощение) Двух Владычиц, многочисленный празднествами подобно Татенену, золотой сокол, великий победами над каждым чужеземьем, царь Верхнего и Нижнего Египта, владыка Двух Земель Усермаатра Мериамон, сын Ра, владыка венцов, Рамсес Хекаиуну, любимый Мересгерт, госпожой запада.

(←) *ḥḥ Hr.w k3 nḥt 3 nsw.yt s[ḥ]r.w mj Hr.w s3 3s.t bjk nbw [wsr] rnp.wt mj T3-tnn nswt bj.tj nb t3.wj Wsr-m3^c.t-R^c mr(j.j)-Jmn s3 R^c nb ḥ^c.w R^c-ms(j.w)-s(w) Ḥk3-Jwnw mr(j.j) Mr(j)=s-gr.t ḥn.wt jmn.t*

(←) Да живет Хор, мощный телец, великий царской властью (и) замыслами подобно Хору, сыну Исиды, золо-

той сокол, [мощный]^(а) годами подобно Атому, царь Верхнего и Нижнего Египта, владыка Двух Земель Усермаатра Мериамон, сын Ра, владыка венцов, Рамсес Хекаиуну, любимый Мересгерт, госпожой запада.

На стеле присутствует изобразительная композиция, которую можно условно разбить на две сцены. Первая сцена показывает кормящую грудью фараона богиню Мересгерт. Над ее фигурой имеется следующая надпись:

⁽¹⁾ *ḏd-mdw* ⁽²⁾ *jn Mr(j)=s-gr.t* ⁽³⁾ *ḥn.wt jmn.t dj.t.n(=j)* (sic!) *n=k t3tn* ⁽⁴⁾ *T3-tnn nsw.yt n Hr.w m P*

«⁽¹⁾ Слова, сказанные ⁽²⁾ Мересгертом, ⁽³⁾ владычицей запада: «Дала (я) тебе трон ⁽⁶⁾ ⁽⁴⁾ Татенена, царскую власть Хора в (городе) Пэ».

За фигурой фараона стоит Ра-Харахти, над которым расположена следующая надпись:

⁽¹⁾ *ḏd-mdw jn R^c-Hr.w-3ḥ.tj ntr 3 nb p.t* ⁽²⁾ *dj.n(=j) n=k ḥb.w n* ⁽³⁾ *R^c nsy.wt* ⁽⁴⁾ *n Jtm.w m Jwnw*

⁽¹⁾ Слова, сказанные Ра-Харахти, богом великим, владыкой неба: «⁽²⁾ Дал (я) тебе празднества ⁽³⁾ Ра, царскую власть ⁽⁴⁾ Атума в Гелиополе».

Вторая сцена изображает Амона-Ра, вручающего Рамсесу III меч-хопеш. Подпись к этой сцене следующая:

⁽¹⁾ *ḏd-mdw jn Jmn-R^c nswt ntr.w* ⁽²⁾ *nb p.t ḥk3 W3s.t dj.n(=j) n=* ⁽³⁾ *k ḥ^c.w n R^c ḥpš=k r pḏ.wt-psḏ.t*

⁽¹⁾ Слова, сказанные Амоном-Ра, царем богов, ⁽²⁾ владыкой неба, повелителем Фив: «Дал (я) ⁽³⁾ тебе век Ра (и) меч твой против Девяти Луков» ^(в).

За фигурой фараона имеется следующий текст: *s3ḥ ḥḥ nb ḥ3=f mj R^c* «Защита и жизнь все за ним (т.е. фараоном – К.К., А.С.) подобно Ра» ^(в).

¹ Надстрочные кириллические буквы в скобках означают авторский комментарий к тексту, который можно найти далее в разделе «Лингвистический комментарий».

Основной текст стелы¹

(1) *ʿnh Hr.w k3 nht ʿ3 nsw.yt nb.tj wr
hb.w mj T3-ʿnn bjk nbw wsr rnp.wt mj
Jtm.w jty mk Km.t wʿf h3s.wt nswt bj.tj*

(2) *nb t3.wj Wsr-m3ʿ.t-Rʿ mr(j.j) Jmn s3
Rʿ nb hʿ.w Rʿ-ms(j.w)-sw h3 Jwnw dj ʿnh
h3k.n=f h3s.t [...] Rb.w Mšš.w*

(3) *dj=f d3y=w jtrw jn(.w) r Km.t s.t
jr.w m nht.w n nswt nht sḏm.w md[.wt]
rmt hr šmš nswt jrj=f sw h(.t) mḏ.t*

(4) *=sn p[n]ʿ=f (?) ns=w šm=w hr t3
mj.t jw.tj h3=s.t nswt bj.tj nb t3.wj Wsr-
m3ʿ.t-Rʿ mr(j.j) Jmn s3 Rʿ nb hʿ.w Rʿ-
ms(j.w)-sw h3 Jwnw*

(5) *[.....] jrj=f hbhb h3s.wt t3 šmʿ.j
m Nhs.jw Tr3wy Jrm dj=f [kn]=s[n] m*

(6) *[.....] ph=sn sp3.t nswt s.t jr.w
m krʿ.w kḏn.w šms.w.w hbs(.w) bh.t hr
šms.w.w nswt*

(7) *[nswt bj.tj nb t3.wj Wsr-m3ʿ.t-Rʿ
mr(j.j) Jmn s3 Rʿ nb hʿ.w Rʿ-]ms(j.w)-s(w)
h3k[3 Jwnw.....] hr H3r.w jrj=f ptpt h3s.
wt jw.w d3j=n*

(8) *[b3.w]=f [W3d-wr(?)].....]
m3ʿ Prst.w Trš.w m hr-jb p3 ym*

(9) *[.....] m [.....]=f
nswt bj.tj nb t3.wj Wsr-m3ʿ.t-Rʿ mr(j.j)
Jmn [s3 Rʿ [Rʿ]-ms(j.w)-sw h3 Jwnw*

(10) *[...] m [...] jrj=f sk[sk] [.....]
r Km[.t] dj.t n jw=sn hr pdwn (?) hr.yt
[.....]*

(11) *sgn<n> pḏ.t=f h3s.wt bšt.wt jrj=f
t(3)š<=f> r jr.t.n=f jn=f sn h3k(.w) r Km.t
sd=f n3j=w 3g3[p (?)].....]*

(12) *ht.w šm hr jj m n<3> dmj.w htp.w
dj=f kn=sn pr(.t) r-bnr r wh3 n=sn ʿnh
nswt bj.tj Wsr-m3ʿ.t-Rʿ mr(j.j) Jmn s3 Rʿ
Rʿ-ms(j.w)-sw h3 Jwnw*

(1) Да живет Хор, мощный телец,
большой царской властью, великий

¹ Квадратными скобками с точками обозначаются лакуны, которые невозможно восстановить. Три точки означают один квадрат иероглифов по изданию Б. Брюйера [4, р. 35–37].

празднествами как Татенен, золотой сокол, мощный годами как Атум, владыка, защищающий Кемет, связывающий чужеземья, царь Верхнего и Нижнего Египта, (2) владыка Двух Земель Усермаатра Мериамон, сын Ра, владыка венцов, Рамсес Хекаиуну, тот, кому дана жизнь. Захватил он чужеземье [.....] Ребу (и) Машваша. (3) Он приказал, чтобы они переправились через реку и были приведены в Кемет. Они были поселены² в крепостях царя могучего⁽ⁿ⁾, слыша речь людей, сопровождающих царя. Упразднил он^(e) речь (4) их, изменил^(ж) он языки их, пошли они путем, которым они не спускались⁽³⁾, царь Верхнего и Нижнего Египта, владыка Двух Земель Усермаатра Мериамон, сын Ра, владыка венцов, Рамсес Хекаиуну. (5) [.....] Прошел он по чужеземьям земли южной⁽ⁿ⁾, а именно Нехси, Черави, Ирем^(к). Приказал он, чтобы прекратили они (6) [.....] достигли они округа царя, и стали они щитоносцами, колесничими, спутниками, опахалоносцами при свите царя. (7) [Царь Верхнего и Нижнего Египта, владыка Двух Земель Усермаатра Мериамон, сын Ра, владыка венцов, Рамсес Хекаиуну.....] в Хару. Он растоптал чужеземные нагорья и острова. Пересекла (8) [мощь] его(?) [Великую Зелень (?)⁽ⁿ⁾] Приплыли пелесет (и) турша из середины моря (9) [.....] в [.....] его, царя Верхнего и Нижнего Египта, владыки Двух Земель Усермаатра Мериамона, сына Ра, [Ра]мсеса Хекаиуну. (10) [...] в [...]. Он уничтожил [.....] в Кем[ет]. Было приказано, чтобы пришли они на коленях^(м), ужас [.....] (11) Заста-

² Букв. «они были сделаны в крепостях царя могучего».

вили ослабеть войска^(и) его чужеземья мятежные. Он сделал границу <свою> больше того, что было сделано им. Привел он их пленными в Кемет, он уничтожил их печаль (?)^(о) [..... как(?)]⁽¹²⁾ свита^(и), ходя и приходя в города замиренными. Он приказал, чтобы перестали они выступать, чтобы искать себе жизнь^(п), царь Верхнего и Нижнего Египта, Усермаатра Мериамон, сын Ра, Рамсес Хекауну.

Лингвистический комментарий

(а) Размер лакуны предполагает ее заполнение только знаком. Восстановление словосочетания [wsr] rnp. wt «мощный годами» подтверждается эпитетом Рамсеса III wsr rnp. wt mj Jtm.w «мощный годами как Атум» в строке 1 основного текста стелы.

(б) Слово Btm «трон, помост» является дериватом лексемы *tn3.t* с тем же значением [29, Bd. 5, S. 384.14–16; 18, vol. 2, p. 227, 230].

(в) Собирательное обозначение всех врагов Египта *pd.t-psd.t* «Девять Лук» выписано неполно как вместо обычного [29, Bd 1, S. 570. 6–7].

(г) Транслитерацию *s3h ʿnh nb h3=f mj Rʿ* для   см.: [29, Bd 3, S. 9.16].

(д) Видимо, под выражением *m nht.w n nswt nht* «в крепостях царя могучего» следует понимать форты, названные в честь Рамсеса III. Ср. pHarris I, 77:5, где о плененных ливийцах говорится: *grg=j n3j=w h3.wt.w m nht.w hr rn=j* «Я обустроил их вождей в крепостях с именем моим» [6, S. 94]. Изображение одного из таких фортов, который назывался *Wsr-m3ʿ.t-Rʿ mr(j.j) Jmn hsf(.w) Tmḥ.w* «Усермаатра Мериамон, отражающий ливийцев-темеху» встречается, например, на рельефе Рамсеса III в Мединет Абу [19, Pl. 22].

(е) Буквально «заставил исчезнуть», в тексте стоит инфинитив от глагола *swḥ* «заставлять исчезнуть» [10, S. 735].

(ж) Дословно: «повернул он языки их». Глагол *p[n]ʿ* «поворачивать, переворачивать» восстанавливается здесь и А. Пиденом, и К. Китченом [23, p. 64; 16, p. 70].

(з) Выражение «пошли они путем, которым они не спускались», видимо, является фразеологизмом и указывает на новый уклад жизни пленных ливийцев в Египте.

(и) Связь между словами *h3s.wt t3 ʿmʿ.j* мы трактуем как прямой генитив, в отличие от К. Китчена [16, p. 70].

(к) Предлог *m* здесь вводит перечень из трех этнонимов [3, с. 75], причем после каждого из них стоит детерминатив . Этот факт заставляет усомниться в переводе К. Китчена «the Nubians of Tiriwayu and Irem», который предполагает здесь не перечисление, но прямой генитив, связывающий этноним и два последующих названия [16, p. 70]. Имя   является названием племени, произведенным от известной еще со Старого Царства области Ирем в Нубии [30, S. 84–85].

(л) Б. Брюйер восстановил в начале строки 8 графему [4, p. 36]. Но в издании К.Р. Лепсиуса, на которое он опирался, в этом месте группа знаков показана следующим образом – [17, S. 234, Bl. 218с; см. рис. 1]. Иными словами, художники К.Р. Лепсиуса увидели здесь только нижнюю часть знака G43, тогда как Б. Брюйер воспроизвел в своей публикации графему как неповрежденную произвольно. Однако подобная реконструкция едва ли позволяет восстановить смысл фразы в конце строки 7 – начале строки 8. Как нам представляется, это противоречие можно легко устранить, если предпо-

ложить, что в начале строки 8 в лакуне стоял не знак , но графема . Вероятно, художники К.Р. Лепсиуса из-за плохой сохранности текста спутали ее нижнюю часть с нижней частью графемы . Если это верно, то лакуну в начале строки 8 можно восстановить как , а вся фраза с учетом конца строки 7 должна транслитерироваться как *d3j.n b3.w=f* и переводиться как «пересекла мощь его» (т.е. фараона. – К.К., А.С.). Поскольку перед этой фразой в строке 7 упоминается, что Рамсес III «растоптал чужеземья (*h3s.wt*) и острова (*jw.w*)», для подтверждения нашей реконструкции уместно привлечь текст риторической стелы второго года правления Рамсеса II (1289 г. до н.э.) из Таниса, где встречается схожее выражение. В строке 13 о фараоне говорится следующее: *d3j.n b3.w=f W3d-wr jw.w hr(.jw)-jb hr snd=f* «Пересекла мощь его Великую Зелень, срединные острова (пребывают) в страхе перед ним» [14, р. 290:1]. Соответственно, можно предположить, что мы имеем дело со схожей фразой в конце строки 7 – начале строки 8 риторической стелы, которая может быть восстановлена как «пересекла мощь его [Великую Зелень]». Мотив того, что мощь фараона пересекает море и ужасает заморских обитателей, которые приходят с данью в Египет, достаточно распространен в текстах Нового Царства, ср. надпись из гробницы визира Тутмоса III Рехмира: *ju.t m htp.w jn wr.w n Kft.jw jw.w hr(j.w)-jb n(j).w W3d-wr m ksw m w3h tp n b3.w n Hm=f* «Пришли в мире вожди Кефтиу (и) срединных островов Великой Зелени согбенно, склонив голову перед мощью Его Величества» [27, р. 57].

(м) Лексема *pdwn* зафиксирована только в этом месте [22, S. 568].

Значение слова не определено [29, Bd. 1, S. 566. 9]. Возможно, *pdwn* является производной от *pd* «упасть на колени» [29, Bd. 1, S. 500.13–501.6], ср. перевод К. Китчена [16, р. 70].

(н) Каузатив от *gn(n)* «быть слабым» [29, Bd. 3, S. 5, 174–175.17].

(о) В этом месте в тексте стоит поврежденная фраза [4, р. 36]. Судя по контексту, речь идет о пленниках, которых Рамсес III привел в Египет. К. Китчен и А. Пиден дают одинаковые переводы конца строки 11 – начала строки 12: «Он вошел в их узкие проходы в погоне за ними»¹. Исследователи трактуют остатки в конце строки 11 как вариант лексемы *g3w.t* «узкая дорога, узкий проход» [18, vol. 2, р. 184]. К сожалению, комментарии к этому месту не содержится ни у А. Пидена, ни у К. Китчена, поэтому понять, как исследователи объясняли появление в анлауте лексемы *g3w.t*, невозможно. Кроме того, из контекста ясно, что речь не идет о дороге как таковой, но о чем-то, что связано с участием пленников. Тогда смысл перевода К. Китчена и А. Пидена вообще непонятен. Также следует указать, что основное значение глагола *sd* – «сломать, разбить, разорвать», а не «входить» [29, Bd. 4, S. 373.8–375.7]. Д. Редфорд перевел этот фрагмент как «he has broken their flood [which was] on the move», видя в реконструируемой лексеме *3g3b<3gbj* «разлив, паводок» и пытаясь сравнить врагов фараона с губительным наводнением, которое остановил Рамсес III [25, р. 156–157]. Однако, как нам представляется, есть

¹ К. Китчен: «He penetrated their narrow defiles [in] ¹² pursuit of them» [16, р. 70], А. Пиден: «he has penetrated their [narro]w defiles (?) [.....3 groups lost.....in purs]uit of them» [23, р. 67].

еще один вариант перевода, если предположить, что в восстанавливаемой лексеме видеть отглагольное существительное от слова *ḥg3p* «заволакиваться, быть опечаленным (о сердце)» [29, Bd. 1, S. 22.9]. Тогда смысл конца строки 11 – начала строки 12 проясняется: пленники фараона более не печалятся по поводу своей участи и с радостью служат новому владыке.

⁽ⁿ⁾ Как уже упоминалось, А. Пиден и К. Китчен предполагали в лексеме $\text{ḥt} \text{ḥt}$ в начале строки 12 часть составного предлога $\text{ḥt} \text{ḥt}$ *m-ḥt* «за, позади» [29, Bd. 3, S. 345.1–7], за которым следует местоимение 3-го лица множественного числа –w. Видимо, поэтому они и переводили конец строки 11 – начало строки 12 как «в погоне за ними» (см. прим. 7. – К.К., А.С.). Однако мы полагаем, что здесь речь идет о варианте лексемы $\text{ḥt} \text{ḥt}$ *ḥt.w* «свита» [29, Bd. 3, S. 344.9–11]. Если это верно, тогда при сопоставлении с текстом в строке 11 становится ясно, что речь идет здесь о пленных врагах Рамсеса III, которые впоследствии стали служить фараону. Собственно, о том же самом говорится и в отношении ливийцев и нубийцев в строках 3–6 риторической стелы Рамсеса III.

^(p) Эта фраза как бы подытоживает весь текст, говоря, что фараон добился повиновения от окружавших Египет чужеземных народов и прекратил их нападения на Египет.

Текст стелы демонстрирует смешение новоегипетских и среднеегипетских грамматических конструкций при среднеегипетской орфографии, которая тем не менее показывает вкрапления характерных для новоегипетского языка «избыточных» фонограмм (строки 1, 4) [12, p. 33–34]. Из ново-

египтицизмов можно отметить использование первого презенса в строках 3 и 6 (*s.t jr.w*), артикля женского рода *t3* (строка 5), а также конструкции *jrj* + субъект + инфинитив, которая крайне редко встречается в текстах, написанных на среднеегипетском языке [8, p. 395, § 485], но получает свое распространение уже в новоегипетском [12, p. 111–114]. Из реликтов среднеегипетского языка следует указать на использование формы *sdm.n=f* (стк. 2 и 7), маркирующей в тексте стелы прошедшее время наряду с формой *sdm=f*. Всё вышесказанное позволяет отнести язык риторической стелы к средней ступени новоегипетского языка («Medio»-Late Egyptian), которая сочетает в себе новоегипетские и среднеегипетские грамматические конструкции и в основном среднеегипетскую орфографию, что характерно для монументальных текстов Рамсеса III [12, p. 23].

Исторический комментарий

Несмотря на то, что риторическая стела Рамсеса III является типичным пропагандистским памятником его правления, анализ ее текста позволяет выделить исторические факты, которые либо дополняют сведения об истории царствования этого фараона, либо вообще встречаются впервые. Во-первых, данные текста свидетельствуют о процессе масштабной инфильтрации ливийцев в египетский социум в первой половине 12 в. до н.э., что впоследствии привело к воцарению в Египте XXII ливийской династии в 943 г. до н.э.. Как известно, с конца 13 – начала 12 вв. до н.э. пленные ливийцы в больших количествах стали оседать в Египте [26, p. 338–339]. Собственно,

приведенный выше отрывок из рHarris I показывает, что Рамсес III приказывал селить пленных ливийских вождей в своих крепостях (см. примечание (д) – К. К., А. С.), обеспечивая их всем необходимым за службу. Однако риторическая стела дополняет эту информацию. Строки 3–4 свидетельствуют, что Рамсес III не просто селил их отдельными анклавами, но насильно внедрял среди пленных ливийцев египетский язык и обычаи, стремясь тем самым максимально «египтианизировать» новых подданных.

Во-вторых, риторическая стела дает дополнительный аргумент, подтверждающий реальность нубийской военной кампании Рамсеса III в начале его правления. Как известно, на западной внешней стене заупокойного храма фараона в Мединет Абу имеются сцены сражения египтян с обитателями Куша, триумфального возвращения египетского войска на родину после окончания войны и демонстрации Рамсесом III пленных нубийцев Амону и Мут [19, Pl. 9–11]. Однако неоднократно высказывалось предположение, что это лишь стереотипные изображения, которые призваны подчеркнуть бессилие Нубии перед мощью фараона в числе прочих окружавших Египет врагов [7, p. 244; 23, p. 63]¹. Естественно, подобная трактовка полностью аннулирует историческую ценность рассматриваемых рельефов. Тем не менее в риторической стеле в строке 5 упоминается нубийский этноним Черава, выписанный силлабически как . По мнению некоторых исследователей, подобная, впервые зафиксированная орфография для этого

имени не похожа на прочие известные примеры написания этнонима Черав в эпоху Нового Царства. Само же это название упоминается при Рамсесе III не только абстрактно в списках врагов, но и в связи с конкретными военными действиями, что может указывать на историчность кампании Рамсеса III в Нубии [13, S. 224–225; 30, S. 51].

Об ее историчности может свидетельствовать и тот факт, что в составе египетского войска изображены воины «народов моря» в так называемых «перьевых» шлемах, которые не появляются на египетских изображениях ранее правления Рамсеса III [21, р. 132]. Кроме того, другие источники времени этого правителя также свидетельствуют в пользу реальности нубийской кампании фараона. Так, в pHarris I упоминаются пленные нубийцы, которых Рамсес III даровал в храмы богов Фив и Мемфиса [6, S. 13, 57]². Позднее, уже при Рамсесе V, в pWilbour встречается упоминание о военном поселении нубийцев в Среднем Египте [9, р. 76], которые, вероятно, могли попасть туда при Рамсесе III.

Наконец, в строке 8 риторической стелы говорится о совместном нападении «народов моря» пелесет и турша на Египет. К сожалению, текст сильно поврежден, но само появление имени турша здесь крайне любопытно. Дело в том, что этот этноним не встречается в числе племен коалиции «народов моря», которая напала на Египет при Рамсесе III. Данный факт привел исследователей к выводу, что их упоми-

¹ Подробную историографию по этой проблеме см.: [20, р. 784].

² В параграфах 10:15 и 51a:9 pHarris I упоминается одинаковая фраза: *Ḫṣrw.jw Nḥs.jw n ḥṣk Ḥm=f* *с.в.с.* «сирийцы и нубийцы из захваченного Величеством его, да будет он жив, невредим и здоров».

вание среди «народов моря» в начале 12 в. до н.э. является анахронизмом, возникшим из неосведомленности египетских писцов о реальном положении дел в начале правления Рамсеса III [11, S. 16]. Однако, как показал один из авторов этой работы, турша рассматривались египтянами как племя, тесно связанное с «народом моря» те-кер надписей Рамсеса III, и, вероятно, могли заменять его в данном контексте [2, с. 807–808]. Следовательно, риторическая стела дает нам уникальную ин-

формацию об участии турша в нападении на Египет в начале 12 в. до н.э.

Таким образом, проанализированный выше сравнительно небольшой текст риторической стелы Рамсеса III должен рассматриваться не только как стереотипный памятник египетской царской пропаганды, но и как важный исторический источник, дающий уникальные данные относительно событий правления этого фараона.

Статья поступила в редакцию 17.04.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Коростовцев М. А. Религия Древнего Египта. СПб: Летний сад, 2000. 464 с.
2. Сафронов А. В. Греческая традиция о пеласагах и тирсенах в Анатолии и ее египетские соответствия // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIX: материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского, 22–24 июня 2015 г. СПб.: Наука, 2015. С. 803–810.
3. Сафронов А. В. Очерки по истории Восточного Средиземноморья в 14 – 12 вв. до н.э. М.: ИВРАН, 2018. 174 с.
4. Bruyère B. Mert Seger à Deir el Médineh. Le Caire: Impr. de l'IFAO, 1930. Vii + 322 p. + 12 pl.
5. Champollion J.-Fr. Monuments de l'Égypte et de la Nubie: planches. Tome 3. Paris: Didot, 1845. Xii p. + planches 201–300.
6. Ericsen W. Papyrus Harris I. Hieroglyphische Transkription. Bruxelles: Edition de la fondation égyptologique reine élisabeth, 1933. 100 S.
7. Faulkner R.O. Egypt: From the Inception of the Nineteenth Dynasty to the Death of Ramses III // The Cambridge Ancient History. Volume 2, Part 2: The Middle East and the Aegean Region c. 1380 – 1000 B.C. / Edwards I.E.S., Gadd C.J., Hammond N.G.L., Sollberger E. (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 217–251.
8. Gardiner A.H. Egyptian Grammar. 3d edition. Oxford: Griffith Institute, 2007. Xxxvi + 646 p.
9. Grande P. Ramsès III. Histoire d'un règne. Paris: Pygmalion, 1993. 420 p.
10. Hannig R. Großes Handwörterbuch Ägyptisch-Deutsch (2800–950 v.Chr.). Mainz: Verlag Philipp von Zabern. 2006. XLIV+1474 S. + 21 Karten.
11. Helck W. Die Seevölker in den ägyptischen Quellen // Jahresbericht des Instituts für Vorgeschichte der Universität Frankfurt A.M. München. 1976. S. 7–21.
12. Junge F. Late Egyptian Grammar. Oxford: Griffith Institute, 2005. 391 p.
13. Kitchen K. Historical Observations on Ramesside Nubia // Ägypten und Kush / Endesfelder E., Priese K.-H., Reineke W.-F., Wenig St. (Hrsg.) Berlin: Akademie Verlag, 1977. S. 213–225.
14. Kitchen K. A. Ramesside Inscriptions. Historical and Biographical. Volume 2. Oxford: B.H. Blackwell Ltd., 1979. Xxxi + 928 p.
15. Kitchen K. A. Ramesside Inscriptions. Volume 5. Oxford: B.H. Blackwell Ltd., 1983. Xxx + 672 p.

16. Kitchen K. A. *Ramesside Inscriptions Translated & Annotated: Translations. Volume 5: Setnakht, Ramesses III, & Contemporaries*. Oxford: Blackwell Publishing, 2008. Xxiv + 523 p.
17. Lepsius K. R. *Denkmäler aus Ägypten und Äthiopien*. Berlin: Nicolaische Buchhandlung, 1849. Bd. 3: 308 S. + Bd. 7, Abth. III: 70 Bl.
18. Lesko L., Lesko B. *Dictionary of Late Egyptian*. Providence: B.C. Scribe Publications, 2002. Vol. 1: Xiv + 390 p.; Vol. 2: Xviii + 404 p.
19. Medinet Habu. Volume I: Earlier Historical Records of Ramses III / Breasted J.H. (ed.). Chicago: The University of Chicago Press, 1930. Xviii + 10 p. + 54 Pl.
20. Morris E.F. *The Architecture of Imperialism. Military Bases and the Evolution of Foreign Policy in Egypt's New Kingdom*. Leiden-Boston: Brill. Xvii + 891 p.
21. O'Connor D. The Location of Irem // *The Journal of Egyptian Archaeology*. 1987. Vol. 73. 99–136.
22. Osing J. Rezension: *Etymological Dictionary of Egyptian*. Vol. Two: b-, p-, f-. (*Handbuch der Orientalistik*, I, 48/2). Brill Publishers N.V., Leiden 2001 // *Bibliotheca Orientalis*. 2003. № 5–6. S. 552–569.
23. Peden A. *The Historical Inscriptions of the Twentieth Dynasty*. Jonsered: Aströms. Xix + 286 p.
24. Porter B., Moss R. *Topographical bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs, and Paintings. Volume 1: Theban Necropolis. Part 2: Royal tombs and Small Cemeteries*. Oxford: Griffith Institute, 1999. Xxxviii + 392 p. + 18 Pl.
25. Redford D. *The Medinet Habu Records of the Foreign Wars of Ramses III*. Leiden-Boston: Brill, 2018. Xi+197 p.
26. *The Oxford History of Ancient Egypt* / Shaw I. (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2000. Xv + 512 p.
27. Vercoutter J. *L'Égypte et le monde égéen préhellénique. Étude critique des sources égyptiennes (Du début de la XIIIe à la fin de la XIXe Dynastie)*. Le Caire: *L'Institut français d'archéologie orientale*. Xxxv + 471 p.
28. Weeks K. R. *The Illustrated Guide to Luxor*. Cairo: The American University in Cairo Press, 2005. 564 p.
29. *Wörterbuch der ägyptischen Sprache*. Bd. 1–5 / Erman A., Grapow H. (Hrsg.). Berlin: Akademie Verlag, 1971. Xvi + 2783 S.
30. Zibelius K. *Afrikanische Orts- und Völkernamen in hieroglyphischen und hieratischen Texten*, Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1972. Xxii + 204 S.

REFERENCES

1. Korostovtsev M. *Religiya Drevnego Yegipta* [Religion of Ancient Egypt]. St. Petersburg, Letniy sad Publ., 2000. 464 p.
2. Safronov A. [The Greek tradition of pelasgians and thyrsens in Anatolia and its Egyptian correspondences]. In: *Indoyevropeyskoye yazykoznanie i klassicheskaya filologiya – XIX: materialy chteniy, posvyashchennykh pamyati professora Iosifa Moiseyevicha Tronskogo, 22–24 iyunya 2015 g.* [Indo-European linguistics and classical philology – XIX: readings devoted to the memory of Professor Joseph Moiseyevich Tronsky, June 22–24, 2015]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2015, pp. 803–810.
3. Safronov A. *Ocherki po istorii Vostochnogo Sredizemnomor'ya v 14 – 12 vv. do n.e.* [Essays on the history of the Eastern Mediterranean in the 14th and 12th centuries BC]. Moscow, IV RAN Publ., 2018. 174 p.
4. Bruyère B. *Mert Seger à Deir el Médineh* [Mert Seger in Deir el Medina]. Le Caire: Impr. de l'IFAO, 1930. Vii + 322 p. + 12 pl.

5. Champollion J.-Fr. *Monuments de l'Égypte et de la Nubie: planches* [Monuments of Egypt and Nubia: planks]. Tome 3. Paris: Didot, 1845. Xii p. + planches 201–300.
6. Ericsen W. Papyrus Harris I. Hieroglyphische Transkription. Bruxelles: Edition de la fondation égyptologique reine élisabeth, 1933. 100 p.
7. Faulkner R. O. Egypt: From the Inception of the Nineteenth Dynasty to the Death of Ramses III. In: Edwards I.E.S., Gadd C.J., Hammond N.G.L., Sollberger E., eds. *The Cambridge Ancient History. Volume 2, Part 2: The Middle East and the Aegean Region c. 1380 – 1000 B.C.* Cambridge: Cambridge University Press, 2006. pp. 217–251.
8. Gardiner A. H. *Egyptian Grammar*. 3^d edition. Oxford: Griffith Institute, 2007. Xxxvi + 646 p.
9. Grande P. *Ramsès III. Histoire d'un règne* [Ramses III. History of a reign]. Paris: Pygmalion, 1993. 420 p.
10. Hannig R. *Großes Handwörterbuch Ägyptisch-Deutsch (2800–950 v.Chr.)* [Large Hand Dictionary Egyptian-German (2800-950 BC)]. Mainz, Verlag Philipp von Zabern, 2006. XLIV+1474 S. + 21 Karten.
11. Helck W. [The Sea Peoples in the Egyptian sources]. In: *Jahresbericht des Instituts für Vorgeschichte der Universität Frankfurt A.M.* [Annual Report of the Institute for Prehistory of the University of Frankfurt A.M.], 1976, pp. 7–21.
12. Junge F. *Late Egyptian Grammar*. Oxford: Griffith Institute, 2005. 391 p.
13. Kitchen K. Historical Observations on Ramesside Nubia // *Ägypten und Kush / Endesfelder E., Priese K.-H., Reineke W.-F. Wenig St. (Hrsg.)* Berlin: Akademie Verlag, 1977, pp. 213–225.
14. Kitchen K. A. *Ramesside Inscriptions. Historical and Biographical. Volume 2.* Oxford: B.H. Blackwell Ltd., 1979. Xxxi + 928 p.
15. Kitchen K. A. *Ramesside Inscriptions. Volume 5.* Oxford: B.H. Blackwell Ltd., 1983. Xxx + 672 p.
16. Kitchen K. A. *Ramesside Inscriptions Translated & Annotated: Translations. Volume 5: Setnakht, Ramesses III, & Contemporaries.* Oxford: Blackwell Publishing, 2008. Xxiv + 523 p.
17. Lepsius K. R. *Denkmäler aus Ägypten und Äthiopien, Bd. 3* [Monuments from Egypt and Ethiopia. Vol. 3]. Berlin: Nicolaische Buchhandlung, 1849. 308 p. + Bd. 7, Abth. III: 70 Bl.
18. Lesko L., Lesko B. *Dictionary of Late Egyptian*. Providence: B.C. Scribe Publications, 2002. Vol. 1: Xiv + 390 p.; Vol. 2: Xviii + 404 p.
19. Medinet Habu. Volume I: Earlier Historical Records of Ramses III / Breasted J.H. (ed.). Chicago: The University of Chicago Press, 1930. Xviii + 10 p. + 54 Pl.
20. Morris E.F. *The Architecture of Imperialism. Military Bases and the Evolution of Foreign Policy in Egypt's New Kingdom.* Leiden-Boston: Brill. Xvii + 891 p.
21. O'Connor D. The Location of Irem. In: *The Journal of Egyptian Archaeology*, 1987, vol. 73, pp. 99–136.
22. Osing J. Rezension: *Etymological Dictionary of Egyptian. Vol. Two: b-, p-, f-.* (Handbuch der Orientalistik, I, 48/2). Brill Publishers N.V., Leiden 2001. In: *Bibliotheca Orientalis*, 2003, no. 5–6, pp. 552–569.
23. Peden A. *The Historical Inscriptions of the Twentieth Dynasty.* Jonsered: Aströms. Xix + 286 p.
24. Porter B., Moss R. *Topographical bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs, and Paintings. Volume 1: Theban Necropolis. Part 2: Royal tombs and Small Cemeteries.* Oxford: Griffith Institute, 1999. Xxxviii + 392 p. + 18 Pl.
25. Redford D. *The Medinet Habu Records of the Foreign Wars of Ramses III.* Leiden-Boston: Brill, 2018. Xi+197 p.

26. The Oxford History of Ancient Egypt / Shaw I. (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2000. Xv + 512 p.
27. Vercoutter J. *L'Égypte et le monde égéen préhellénique. Étude critique des sources égyptiennes (Du début de la XIIIe à la fin de la XIXe Dynastie)* [Egypt and the prehellénic Aegean world. Critical Study of Egyptian Sources (From the beginning of the 13th to the end of the 19th Dynasty)]. Le Caire: L'Institut français d'archéologie orientale. Xxxv + 471 p.
28. Weeks K. R. The Illustrated Guide to Luxor. Cairo: The American University in Cairo Press, 2005. 564 p.
29. Erman A., Grapow H., eds. *Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Bd. 1–5* [Dictionary of the Egyptian language. Vol. 1–5]. Berlin: Akademie Verlag, 1971. Xvi + 2783 p.
30. Zibelius K. *Afrikanische Orts- und Völkernamen in hieroglyphischen und hieratischen Texten* [African local and national names in hieroglyphic and hieratic texts]. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1972. Xxii + 204 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карлова Ксения Федоровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, истории Древнего мира и средних веков Московского государственного областного университета;

e-mail: kseniandom87@mail.ru

Сафронов Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры археологии, истории Древнего мира и средних веков Московского государственного областного университета;

e-mail: safronov1477@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ksenia F. Karlova – PhD (History), Associate Professor of Department of Archaeology, Ancient and Medieval History, Moscow Region State University;

e-mail: kseniandom87@mail.ru

Aleksandr V. Safronov – PhD (History), Associate Professor, Department of Archaeology, Ancient and Medieval History, Moscow Region State University;

e-mail: safronov1477@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Карлова К. Ф., Сафронов А. В. Риторическая стела Рамсеса III: перевод и комментарий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 4. С. 121–132.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-121-132

FOR CITATION

Karlova K., Safronov A. Rhetorical stela of Ramses III: translation and annotation. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 4, pp. 121–132.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-121-132

УДК 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-133-140

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОСТРОВА БАРБАДОС В XVII ВЕКЕ

Паутов Д. А.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,**Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена историческому анализу периода зарождения государственности на острове Барбадос, одной из наиболее экономически успешных английских колоний. Рассмотрены демографические, социально-культурные, военно-политические и другие факторы становления Барбадоса как относительно самостоятельной управляемой Англией территории. Развитие острова показано на фоне исторических событий, происходящих в рассматриваемый период в Англии с точки зрения их влияния на формирование экономических и политических отношений в колонии. Сделан вывод, что в XVII в. были заложены фундаментальные основы последующей независимости Барбадоса.

Ключевые слова: Вест-Индия, колониальное управление, плантационное хозяйство, Английская революция XVII в.

SOCIO-ECONOMIC AND POLITICAL DEVELOPMENT OF BARBADOS IN THE 17TH CENTURY

D. Pautov*Moscow State Region University**24, Very Voloshinoy St., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract. The article presents the historical analysis of the period when statehood originated on the island of Barbados, one of the most economically successful English colonies. The author considers demographic, socio-cultural, military-political and other factors which contributed to Barbados becoming a relatively independent territory governed by England. The development of the island is shown in the context of historical events, taking place in England in the period under study, in terms of their impact on the formation of economic and political relations in the colony. It is concluded that the foundation of the subsequent independence of Barbados was laid in the 17th century.

Keywords: West Indies, colonial system, plantation economy, English Civil War

Барбадос – государство в Вест-Индии, расположенное на востоке Карибского моря, на одноименном острове, входящим в состав группы Малых Антильских островов.

Заселение острова проходило в несколько этапов: ориентировочно в 350 г. н. э. его начали осваивать индейцы из Венесуэлы, в 800-х гг. их место заняли араваки. В XIII в. карибы поселились на Барбадосе и вытеснили своих предшественников с территории острова, убивая их или изгоняя на соседние острова. Остров впервые получил название «Барбадос» благодаря португальскому исследователю Педро Кампусу в 1536 г.

Вскоре, в 1538 г., Барбадосом завладели испанцы. Они поработщали карибов и перевозили их в испанские колонии для работ на плантациях. Некоторым индейцам удалось бежать с острова, кто-то погибал от инфекций, привезенных моряками. Несмотря на то, что испанцы успешно взяли под свой контроль остров, они вскоре покинули Барбадос, чтобы захватить большие Карибские острова, оставив Барбадос необитаемым.

В первой половине XVII в. начинается зарождение английской колониальной системы. Именно англичане стали первой европейской нацией, которая образовала долгосрочные поселения на Барбадосе, и именно они стали известны как «первые поселенцы» [3, р. 92].

Как отмечают Патрисия Молен, профессор Университета Джона Хопкинса (США), и ряд других исследователей, изначально Барбадос развивался как коммерческое предприятие по производству сельскохозяйственных культур, которые имели высокую цену в Европе [11, р. 287; 13, р. 55; 5, р. 196; 9, р. 4]. Несмотря на свои незначительные размеры (около 106000 акров), остров имел настолько плодородные почвы и благоприятный климат, что к

концу XVII в. стал самой успешной английской колонией [7, pp. 87–92].

В 1625 г. лондонский купец У. Кортен, с согласия лорда Мальборо, которому Яков I подарил Барбадос, направил на остров корабли с поселенцами. Они достигли острова и основали на его подветренной стороне поселок Джеймстаун, первым губернатором которого стал капитан Уильям Дин (1625–1628).

В 1627 г. король Англии Карл I подарил Карибские острова графу Карлайлу. Началось противостояние Карлайла и Кортена. При помощи влиятельных при дворе покровителей в феврале 1628 г. Кортен добился патента на владение Барбадосом в составе Наветренных островов, так называемых «Островов Провинции Монтгомери».

Борьба двух колонизаторов окончилась победой Карлайла, который в апреле 1628 г. смог окончательно подтвердить свои права на Барбадос. Карлайл направил на остров команду во главе с Ч. Уолферстоном. Она высадилась в бухте Карлайл-бей на наветренной стороне Барбадоса, и основанный там поселок положил начало Бриджтауну. Уолферстон занимал пост губернатора в 1628–1629 гг. При губернаторе был создан Совет, члены которого назначались самим губернатором и были призваны помочь ему внедрять управленческие идеи на пользу интересам колонизаторов.

Поселения наветренной и подветренной стороны острова конфликтовали, но в итоге представителям Карлайла удалось одержать победу. Население острова к тому времени достигло 1850 чел. Основным занятием островитян было выращивание

табака. Рыночные условия для его производства и экспорта были очень благоприятны, что позволило получать высокую прибыль. Граф Карлайл организовал для богатых торговцев из Лондона аренду 10 000 акров земли, но в погоне за прибылью существенно ухудшились условия жизни на острове, что было следствием нежелания колонизаторов нести расходы на содержание рабочей силы.

В 1629 г. граф Карлайл назначил сэра Уильяма Тафтона губернатором и отправил его на Барбадос для управления островом. По прибытии на Барбадос Тафтон обнаружил, что его предшественник не заботился о благополучии островитян, которые оказались в очень тяжелых условиях. Он попытался улучшить положение поселенцев и осмелился нарушить систему абсолютного правления губернатора путем создания шести приходов (*parish*). Тафтон строил церкви для приходов и организовал собрание прихожан для управления каждым приходом.

Хотя Тафтону удалось решить некоторые проблемы поселенцев, он не сумел удовлетворить своих работодателей. Карлайл и торговцы не были довольны размером прибыли, которую получали (Тафтону не удалось преодолеть противоречие финансовых интересов барбадосских плантаторов и лондонских торговых кругов, чьи интересы, по мнению Карлайла, он должен был продвигать), и заменили Тафтона на посту губернатора Генри Хоулем, который прибыл на Барбадос в июне 1630 г.

В 1636 г. граф Карлайл умирает, но владение Барбадосом не перешло сразу к его сыну лорду Карлайлу. Воля графа

Карлайла-отца предусматривала, что после его кончины Барбадос следовало использовать для погашения сделанных им долгов. Еще до своей смерти граф Карлайл договорился о том, что Барбадос должен войти в траст, управляемый попечителями и созданный для удовлетворения требований кредиторов. Только после исполнения всех требований право собственности может перейти к лорду Карлайлу. Не желая расшатывать статус-кво, лорд Карлайл и доверенные лица согласились позволить Хоули продолжать править на посту губернатора Барбадоса.

В этот период истории острова численность жителей Барбадоса постоянно росла, и к 1639 г. Хоули обнаружил, что борется с волной недовольства населения, которое уже исчисляется тысячами. Чтобы сохранить свое положение и завоевать популярность народа, Хоули создал представительный орган власти – Палату собрания (*House of Burgesses*). Таким образом был создан первый парламент на Барбадосе, и второй после самой Великобритании – в ее владениях.

Административное устройство острова приобрело следующий вид. Власть на острове принадлежала губернатору (*Governor*). Также существовал двухпалатный парламент, состоящий из Совета (*Legislative Council*), назначаемого губернатором, и Палаты Собрания (*House of Burgesses*). Члены Палаты собрания избирались в каждом приходе, однако, избирательные права получила лишь небольшая часть населения (землевладельцы и некоторые богатые торговые посредники). Кандидаты в Палату собрания обязательно должны быть землевладельцами. В 1639 г. были избраны 16 землевладельцев, которые

вошли в состав Палаты собрания, а уже в 1645 г. остров был разделен на 11 приходов, от каждого из которых в Палаты собрания входило по два представителя.

К этому времени появление высококачественного вирджинского табака вызвало перенасыщение европейского рынка, и цены на него упали, что существенно снизило прибыли. Для улучшения ситуации барбадосские плантаторы достигли договоренности с голландцами и общиной сефардских евреев, изгнанных из Бразилии и положивших начало сахарной промышленности на Барбадосе. Плантаторы получали помощь в перепрофилировании своих плантаций на производство сахарного тростника в обмен на долгосрочные торговые привилегии. Климат и почвенные условия на острове оказались идеальными для выращивания сахарного тростника. В 1640 г. выращивание сахарного тростника и производство сахара стали основой экономики острова [12, р. 67]. Возникли обширные плантации, требовавшие увеличения численности служащих (низший административный состав, охрана и др.).

Так как мало кто в Англии изъявлял желание работать в колонии, то для привлечения работников использовали обман или принуждение. Англичанам, имеющим долги, предлагалось покрыть трудом на плантациях все расходы, а после этого обещали выделить участок земли для пользования. По прибытии на остров они становились крепостными, никакой земли им не выделяли, а уехать назад они не могли из-за отсутствия средств. Случались также и похищения людей для работы на плантациях.

Английская революция спровоцировала значительный рост населения Барбадоса. В 1643 г. численность населения острова достигла 37 тыс. чел., включая ссыльных и беженцев. В то время появился термин «барбадосировать» – сослать на Барбадос [14, р. 92]. Таким образом, на Барбадосе преобладало белое население, и его численность была наибольшей среди английских колоний в Америке [10, р. 37]. Вскоре стоимость белого труда в Англии возросла, плантаторы обратились в Западную Африку за источником рабочей силы, и поток чернокожих рабов хлынул на Барбадос.

Высокий уровень смертности среди рабов, работающих на сахарных плантациях, требовал постоянного ввоза рабов для поддержания численности рабочей силы. В результате белое население уступило в численности чернокожему населению острова. Это имело глубокие социальные и культурные последствия, затронуло такие вопросы, как внутренняя безопасность, и стимулировало необходимость создания правовой и полицейской системы для контроля над многочисленными рабами [4, р. 237].

Становление и развитие Барбадоса происходило на фоне Гражданской войны в Англии. Нестабильная политическая ситуация в Англии побудила многих состоятельных роялистов мигрировать на Барбадос в 1640-х гг. До казни Карла I на Барбадосе существовало общее мнение, что никакие политические разногласия не должны мешать укреплению местного самоуправления и формирующейся сахарной промышленности острова. Ситуация в Англии привела к ослаблению столичного контроля и усилению

автономии, что очень приветствовали островитяне и, в частности, класс плантаторов. Это проявилось в таких областях, как законотворчество, право назначать местных чиновников, свободная торговля и тесные отношения с голландцами. Таким образом, между 1636 и 1646 гг. произошла серия политических событий, которые серьезно сократили эффективный контроль Англии над островом.

С казнью Карла I это общее мнение на острове перестало существовать. Опасаясь усиления центральной власти в Англии, чья экономическая политика будет мешать свободной торговле на острове и особенно существующим благоприятным отношениям между Барбадосом и голландскими купцами, плантаторы негативно отреагировали на Республику и объявили Карла II законным правителем Барбадоса. Так обнаружилось политическое противостояние, и плантаторы с пристрастиями роялистов взяли верх. Некоторые из них пытались настроить общественность на острове против парламента.

В этой атмосфере, усугубленной восстаниями рабов, назревала социальная и политическая напряженность, и авторитет действующего губернатора Филиппа Белла заметно падал. Из изгнания новый король Англии Карл II подтвердил назначение лорда Френсиса Уиллоуби губернатором острова, ранее сделанное его отцом лордом Карлайлом. В 1650 г. Уиллоуби отплыл на Барбадос. По прибытии он проинформировал членов Палаты собрания о своем назначении, и они утвердили его на посту губернатора.

В то же время Палата собрания объявила около 120 человек «нарушителя-

ми мира», оштрафовала их и изгнала с острова. Среди этой группы были некоторые видные и влиятельные плантаторы, которые по прибытии в Лондон активно выступали на стороне парламента, стараясь отомстить за свое изгнание с острова, и клеймили барбадосцев как мятежников и предателей. Их аргументы убедили законодателей в английском парламенте, и в 1650 г. был принят акт, который остановил всю торговлю между островом и Англией. Для того, чтобы сделать ситуацию как можно более неудобной для Барбадоса, парламент также ударил по голландцам. Были приняты законы, запрещающие торговать с английскими колониями любым судам, кроме английских, и разрешающие ввоз товаров в Англию только английским судам [1, с. 187]. Более того, военно-морской флот получил указание нанести удар по Барбадосу, чтобы вынудить барбадосцев присягнуть Кромвелю и Республике.

Весть об этом достигла острова, и лорд Уиллоуби настоял, чтобы островитяне дали клятву защищать Барбадос от любого врага. Палата собрания приняла акт, утверждающий власть Карла II на острове, также был создан комитет для экспроприации владений тех плантаторов, кто выступал против Уиллоуби. Уиллоуби в то же время предпринял шаги по улучшению укреплений острова и усилению местной гвардии, которая состояла из приблизительно 7000 пехотинцев и кавалерии. Было опубликовано совместное заявление губернатора, Совета и Палаты собраний, призывавшее барбадосцев «защищаться от рабства, которое им предназначено» [8, р. 128].

Затем, 18 февраля 1651 г., была опубликована их совместная декларация,

которая преследовала сразу две цели: показать жителям острова, насколько они будут поработаны, если английское вторжение не будет остановлено, и продемонстрировать английскому парламенту, что барбадосцы не намерены жертвовать своей свободой. Один из пунктов декларации касался британского запрета голландской торговли с островом. В нем говорилось, насколько важна голландская помощь для выживания молодого поселения, и провозглашалась свобода торговли голландцев с Барбадосом.

16 октября 1651 г. флот из семи судов, отправленный Республикой, появился у берегов Барбадоса. Флотом командовал сэр Джордж Айскью, которому было поручено заблокировать остров и заставить его подчиниться. На кораблях прибыли около двух тысяч солдат, а также несколько изгнанных в 1650 г. плантаторов, которые возвращались в надежде вернуть себе поместье. В ходе сражений, несмотря на численное превосходство островитян, Уиллоуби признал, что в конечном итоге он не сможет победить, поскольку в его рядах процветает дезертирство, а флот обеспечил превосходство республиканским силам. Остров вернулся Английской республике, а Уиллоуби покинул его.

В 1652 г. Барбадос официально перешел к английскому государству и стал управляться назначаемым им губернатором. 11 января 1652 г. была согласована устанавливающая условия капитуляции Барбадосская хартия, ратифицированная уже 17 января. Было опубликовано 23 статьи, посвященные религиозной свободе, свободной торговле, полномочиям местного собрания. Власть на острове, согласно

Хартии, принадлежала губернатору, совету и свободно избираемому собранию. Также Англия обязалась не вводить налогов без согласия островитян. По сути, Хартия стала первой конституцией Барбадоса [2, с. 69].

Итак, развитие самоуправления и становление независимости Барбадоса происходило под влиянием исторических событий в Англии. Англичане привнесли в тропики английское право, административное устройство, английские политические учреждения, английские приходы (округа) и пр. Эти учреждения и схема их функционирования сохранялись в течение очень долгого времени, но социально-экономическая среда, в которую они были внедрены, быстро менялась [6, р. 114].

Сотрудничество с голландцами в части становления сахарной промышленности, последующий бурный рост экономики и отсутствие контроля со стороны короны, возможность самостоятельно назначать местных чиновников и принимать законы позволили плантаторам чувствовать себя независимыми, вести свободную торговлю и увеличивать прибыли.

Провозглашение Республики, усиление ее влияния на удаленные колонии, запрет свободной торговли – все это несло в себе угрозу для благополучия плантаторов, и сулило существенное снижение прибыли, а для работающего населения острова и вовсе грозило перебоями с поставками провизии и ухудшением условий жизни. Таким образом, сложилась ситуация, в которой население небольшого острова ради защиты своих интересов было вынуждено вступить в противостояние с Республикой. Хотя эту битву барбадосцы проиграли, но нельзя сказать, что они проиграли

войну. Заключение Барбадосской хартии в некоторой степени удовлетворяло интересы поселенцев. Это событие можно считать большим шагом на пути

к независимости, которая будет провозглашена только в 1966 г.

Статья поступила в редакцию 20.03.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Копелев Д. Н. Европейские военно-морские державы и борьба за карибское пространство в XVII веке: феномен островного владения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 56. С. 178–191.
2. Марчук В. Н. Эволюция конституционных основ в британской Вест-Индии (XVII–XIX вв.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2006. № 2. С. 65–72.
3. Beckles H. A History of Barbados: From Amerindian Settlement to Caribbean Single Market. Cambridge University Press, 2007. 338 p.
4. Beckles H., Downes A. The Economics of Transition to the Black Labor System in Barbados, 1630–1680 // Journal of Interdisciplinary History. 1987. Vol. 18. № 2. P. 225–247.
5. Burns C. History of the British West Indies. London, 1954. 821 p.
6. Dupont J. The Common Law Abroad: Constitutional and Legal Legacy of the British Empire. William S. Hein Publ., 2001. 318 p.
7. Galloway J. The Settlement of Barbados and the Establishment of the Plantation Economy, 1627–1680. Berkely: University of California, 1961. 280 p.
8. Handler J. Plantation slavery in Barbados: an archaeological and historical investigation. Cambridge: Harvard University Press, 1978. 360 p.
9. Harlow V. A History of Barbados, 1626–1685. Oxford, 1926. 256 p.
10. Howe G. The Empowering Impulse: The Nationalist Tradition of Barbados. Canoe Press, 2001. 354 p.
11. Molen P. Population and Social Patterns in Barbados in the Early Eighteenth Century // William and Mary Quarterly. 1971. Vol. 28. № 2. P. 287–300.
12. Starkey O. The Economic Geography of Barbados. New York, 1939. 228 p.
13. Smith F. H., Watson K. Urbanity, Sociability, and Commercial Exchange in the Barbados Sugar Trade: A Comparative Colonial Archaeological Perspective on Bridgetown, Barbados in the Seventeenth Century // International Journal of Historical Archaeology. 2009. Vol. 13. № 1. P. 63–79.
14. Thornton J. K. Englishmen Transplanted: The English Colonization of Barbados, 1627–1660 // The Journal of American History. 2005. Vol. 92. Part 1. P. 68–92.

REFERENCES

1. Kopelev D. [European naval powers and the struggle for the Caribbean space in the XVII century: the phenomenon of island ownership]. In: *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science]*, 2008, no. 56, pp. 178–191.
2. Marchuk V. [The evolution of constitutional foundations in the British West Indies (XVII–XIX centuries)]. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov, seriya: yuridicheskiye nauki* [RUDN Journal of Law], 2006, no. 2, pp. 65–72.
3. Beckles H. A History of Barbados: From Amerindian Settlement to Caribbean Single Market. Cambridge University Press, 2007. 338 p.
4. Beckles H., Downes A. The Economics of Transition to the Black Labor System in Barbados, 1630–1680. In: *Journal of Interdisciplinary History*, 1987, vol. 18, no. 2, pp. 225–247.
5. Burns C. History of the British West Indies. London, 1954. 821 p.

6. Dupont J. The Common Law Abroad: Constitutional and Legal Legacy of the British Empire. William S. Hein Publ., 2001. 318 p.
7. Galloway J. The Settlement of Barbados and the Establishment of the Plantation Economy, 1627–1680. Berkely, University of California, 1961. 280 p.
8. Handler J. Plantation slavery in Barbados: an archaeological and historical investigation. Cambridge: Harvard University Press, 1978. 360 p.
9. Harlow V. A History of Barbados, 1626–1685. Oxford, 1926. 256 p.
10. Howe G. The Empowering Impulse: The Nationalist Tradition of Barbados. Canoe Press, 2001. 354 p.
11. Molen P. Population and Social Patterns in Barbados in the Early Eighteenth Century. In: William and Mary Quarterly, 1971, vol. 28, no. 2, pp. 287–300.
12. Smith F. H., Watson K. Urbanity, Sociability, and Commercial Exchange in the Barbados Sugar Trade: A Comparative Colonial Archaeological Perspective on Bridgetown, Barbados in the Seventeenth Century. In: International Journal of Historical Archaeology, 2009, vol. 13, no. 1, pp. 63–79.
13. Starkey O. The Economic Geography of Barbados. New York, 1939. 228 p.
14. Thornton J. K. Englishmen Transplanted: The English Colonization of Barbados, 1627–1660. In: The Journal of American History, 2005, vol. 92, part 1, pp. 68–92.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Паутов Дмитрий Алексеевич – аспирант кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;
e-mail: aradursul@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry A. Pautov – postgraduate student, Department of Modern and Contemporary History and Methodology, Moscow Region State University;
e-mail: aradursul@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Паутов Д. А. Социально-экономическое и политическое развитие острова Барбадос в XVII веке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 4. С. 133–140.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-133-140

FOR CITATION

Pautov D. Socio-economic and political development of Barbados in the 17th century. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 4, pp. 133–140.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-133-140

УДК: 94(450).094

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-141-150

ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА ОБЪЕДИНЕНИЯ АНТИФАШИСТСКИХ СИЛ В ИТАЛИИ

Дымчак Д. И.*Московский педагогический государственный университет**119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Исследована разработка идеологической платформы антифашистских сил движения Сопротивления периода Второй мировой войны в Италии. Основное внимание уделено анализу деятельности Коммунистического интернационала в 1930-е – начале 1940-х гг., усилению антифашистских тенденций после коренного перелома в Великой Отечественной войне, свержению режима Муссолини в 1943 г. и борьбе за выбор пути развития Италии с 1943 по 1947 гг. На основе изучения источников установлена взаимосвязь решений Тегеранской конференции и роспуска Коминтерна, а также отражение данной тенденции на политической борьбе в Италии после крушения фашизма. Автор обновил проблематику деятельности антифашистского движения Италии, включая участие советских граждан в движении Сопротивления, отход от коммунистических идеалов в Европе и распространение социал-демократии как формы общей борьбы с фашистской угрозой.

Ключевые слова: Коммунистический интернационал (Коминтерн), Коммунистическая партия Италии, движение Сопротивления, Комитет национального освобождения Италии

RESISTANCE MOVEMENT AS AN IDEOLOGICAL PLATFORM FOR THE UNIFICATION OF ANTI-FASCIST FORCES IN ITALY

D. Dymchak*Moscow State Pedagogical University**1, Malaya Pirogovskaya St., Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract. The article analyses the development of the ideological platform of the anti-fascist resistance movement in Italy during the Second World War. The study focuses on the activities of the Communist International in the 1930s – early 1940s; the strengthening of anti-fascist trends following the tipping point in the Great Patriotic War; the overthrow of the Mussolini regime in 1943; as well as the struggle for choosing the development path of Italy (1943–1947). The study of sources revealed a connection between the decisions made at the Tehran Conference and the dissolution of the Comintern, which affected the political struggle in Italy following the collapse of fascism. The author updated the issues regarding the anti-fascist movement in Italy, which includes the participation of Soviet citizens in the resistance movement, a departure from the communist ideals in Europe and the spread of social democracy as a form of the common struggle against the fascist threat.

Keywords: III Communist International, Communist Party of Italy, Resistenza italiana, Comitato di Liberazione Nazionale

В современном общественно-политическом информационном пространстве ведутся дискуссии о месте и роли антифашистского движения Сопротивления в Европе, о его численном и национальном составе, а также о значении вклада в победу над фашизмом и политической принадлежности движения Сопротивления. Современное антиглобалистское движение ведет свои идейные основы от союзов международного рабочего и социалистического движения XX в.

Режим оккупации, установившийся на территории Европы, встречал сопротивление среди гражданского населения. Люди уходили в подполье и создавали целые сети по противодействию фашистам. Движение имело широкую географию и поддержку на всей территории Европы, в том числе в Италии и Германии.

В советской историографии к анализу антифашистского движения в Италии обращались многие исследователи: Н. П. Комолова, Б. Р. Лопухов, Н. А. Ковальский, Г. С. Филатов [2; 3; 5; 8]. Дальнейший интерес к проблемам итальянского сопротивления поднимается только в 2010-е гг., в рамках исследований ряда авторов отражения деятельности советских партизан в Италии в годы войны [1; 7; 9].

В 2019 г. исполняется 100 лет с момента создания III Коммунистического Интернационала (Коминтерна). Революция в России открыла перспективу реализации марксистских идей, предложив для этого организационную структуру иного Интернационала. Коминтерн объединил в своих рядах революционные партии и движения, став формой взаимодействия коммунистических партий, разделявших

идеи мировой революции и распространения социалистического учения.

Начало XX в. явилось переломным периодом в развитии многих стран мира. Мировая война и революции в России обнажили противоречия классового, экономического и политического характера. Активизация деятельности коммунистических и социалистических партий, консолидация рабочего движения в Европе после прихода к власти большевиков в России привели к созданию в 1919 г. III Интернационала.

Наднациональные отношения стали формой взаимодействия коммунистических партий через участие в деятельности Коминтерна. В деятельности Коминтерна принимали участие страны Европы, в которых было сильно рабочее и социалистическое движение. В Италии ИСП присоединилась к Коминтерну уже в 1919 г. Тесные контакты с руководителями советской России позволили представителям ИСП (А. Бордиге, Дж. Серрати) в 1920–1921 гг. посетить страну Советов в составе делегации II конгресса Коминтерна. В августе 1920 г. в письме Ленина, Бухарина и Зиновьева к Серрати говорилось о противостоянии буржуазии пролетариату в рамках «красного двухлетия» Гражданской войны. В такой ситуации революцию в Италии, по их мнению, откладывать не стоило.

После II конгресса Коминтерна 1920 г., прошедшего в Петрограде по вопросам принятия партий в Коминтерн, в ИСП выделились три фракции: унитаристы, социалисты и коммунисты. Коммунистическая фракция в 1921 г. на съезде партии в Ливорно была преобразована в Итальянскую коммунистическую партию во главе с

Антонио Грамши. Новая партия сразу же примкнула к Коминтерну, выполнив необходимые 21 условие для вступления. Они подразумевали разрыв с социал-реформизмом, программу свержения правительства и установление диктатуры пролетариата.

На III Конгрессе Коминтерна, проходившем летом 1921 г., Г. Зиновьев, председатель ИККИ, выступил с заявлением к партии итальянских социалистов о превращении ее «вульгарную социал-демократию» и о результатах «деградации» рабочего движения», которые привели к поражению «красного двухлетия» [11, р. 48]. Представители международного рабочего движения пытались определить свою позицию в отношении итальянских партий, Клара Цеткин и Карл Радек говорили о необходимости влияния Коминтерна на ИСП и руководство Серрати [6, с. 223].

III Конгресс бурно обсуждал вопрос «О положении Итальянской социалистической партии» в связи с протестом ИСП против решения Исполкома КИ об исключении ее из Коминтерна и признанием ИКП единственной секцией от Италии. Требованием Коминтерна было исключение из партии реформистов, которое было выполнено. Таким образом, лидером итальянского коммунистического движения стал А. Грамши. Он приехал в Москву для обмена опытом и участия в IV конгрессе Коминтерна 1922 г.

Острый кризис итальянское рабочее и социалистическое движение пережило в 1922 г. с приходом фашистов к власти. Грамши в этот момент находился в Подмоскovie на лечении и не мог уже вернуться в Италию. Отсутствие сплоченности и необходимого руководства в среде социалистов

помешали созданию действенного антифашистского фронта в начале 1920-х гг. Коммунисты предлагали бороться за роспуск парламента с целью установления рабочего правительства, преодолевать «болезнь левизны» а также умножать связи с массами¹.

Период установления фашистского государства 1922–1926 гг. стал новым витком в установлении единого антифашистского фронта партий рабочего и социалистического движения. В 1924 г. была предпринята попытка выступить единый фронтом ИКП, ИСП и УСП, однако нескординированность тактики действий и кризис «Матеотти» способствовали появлению АVENTинской оппозиции, которая ослабляла рабочее движение и способствовала его расколу.

Деятельность антифашистских партий в рамках рабочего движения осуществлялась до 1926 г. На Лионском съезде ИКП А. Грамши заявил о фашизме как об «орудии промышленной и аграрной олигархии», говоря о природе итальянского капитализма. Путь решения проблем Грамши предлагал «лишь путем вооруженного свержения всех антикапиталистических сил», для которого партии необходимо было привлечь внимание масс.

С 1927 г. после ареста Грамши бесменным руководителем ИКП стал Пальмиро Тольятти, который в журнале *Lo Stato Operaio* в продолжении курса партии называл фашизм мощной силой, напрямую связанной с итальянским капиталом. Коммунисты призывали действовать не только мирными методами, но и добиваться свержения фашистского режима вооруженным путем для установления диктатуры

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 33. Д. 389 л. 20–26.

пролетариата. Будучи в фашистской тюрьме с 1926 по 1937 гг., Грамши анализировал мировой общественный и итальянский процесс развития государственно-монополистических форм хозяйствования. В «Тюремных тетрадах» на теоретическом уровне уделял внимание особенностям развития государства на Западе, соотношению базисно-надстроечных отношений и проблемы гегемонии и диктатуры.

По данным исследователей, в 1926 г. среди осужденных и сосланных в лагерь находилось около 85% коммунистов [4, с. 81]. Подпольная борьба ИКП практически полностью зависела от позиции Коминтерна, а попытки ИСП начать подпольную работу оставались изолированными. В период фашистской диктатуры Москва финансово поддерживала итальянских коммунистов, находившихся в подполье [13, р. 24].

VI конгресс Коминтерна 1928 г. и его решения о нарастании классовой борьбы, социал-фашизме и невозможности политического сотрудничества как с левыми, так и правыми социал-демократами явились следствием оформления нового курса внешней и внутренней политики в СССР, который поддерживал подпольную деятельность ИКП. В это время правительство СССР тесно взаимодействует с лидером итальянских коммунистов П. Тольятти по линии Коминтерна.

В предвоенные 1930-е гг. наблюдался идеологический кризис итальянского фашизма, который проявился в союзе реакционных итальянских кругов и монополистического капитала. Правящий режим опирался на промышленный блок Севера, а также на землевладельцев Юга.

На состоявшемся в 1935 г. VII конгрессе Коминтерна с основным докладом выступил болгарский коммунист Г. Димитров, который признал раскол социал-демократии и недооценность фашистской угрозы¹. Это стало призывом к объединению всех антифашистских сил. Итогом VII конгресса Коминтерна стала выработка тактики Единого фронта по борьбе с фашизмом во всех странах, примыкающих к Коминтерну. Так, по мнению участников конгресса, не только социалисты и коммунисты могут примкнуть к антифашистской борьбе, но и анархисты, синдикалисты и беспартийные, что стало основой для создания Народного фронта. В журнале *Stato Operaio* П. Тольятти опубликовал статью «Проблемы единого фронта», в которой отмечал, что отсутствие коммунистических лозунгов способствовало успеху социал-демократии [10, р. 361–381].

После VII конгресса Коминтерна лидеры рабочего и социалистического движения в Италии разработали общую идеологическую платформу по борьбе с фашизмом, на которую также оказала влияние национально-революционная война в Испании 1936–1939 гг. В числе иностранных добровольцев в защите Испанской республики принимали участие итальянские коммунисты, социалисты, представители блока «Справедливость и свобода», которые сделали вывод о применимости идей испанской революции на итальянской почве и о необходимости консолидации всех итальянских сил [14, р. 145].

В фашистской тюрьме в 1937 г. скончался лидер итальянских комму-

¹ Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала. М.: Партиздат, 1935. С. 41.

нистов А. Грамши. Опыт партийного строительства и борьба с фашизмом стали одним из направлений его теоретических разработок, так называемых «Тюремных тетрадей». Труды Грамши стали известны благодаря сестре жены Антонио Грамши Татьяне Шухт, которая приложила усилия к сохранению и передаче тетрадей сторонникам в партии. В 1938 г., основываясь на разработках Грамши, ЦК ИКП представила новую резолюцию партии, которую П. Тольятти выделял как синтез теории и практики международного антифашистского движения [12, р. 163]. Видный социалист Родольфо Моранди также разделял взгляды единения всех итальянских революционных сил для демократических преобразований, о чем говорил А. Грамши в своей теории гегемонии. Стратегические линии основных сил итальянского сопротивления ИСП, ИКП против фашистского режима сблизилась. Условия нелегальной работы антифашистских сил осложнялись новым витком репрессий в Италии в 1937 г.

Начавшуюся Вторую мировую войну Коминтерн в 1939–1940 гг. оценил как войну империалистическую и призвал население оккупированных стран к сопротивлению пособнической политике собственных правительств. В 1940 г., после захвата фашистами Франции, происходит изменение программы Коминтерна по выработке механизмов сопротивления фашизму в европейских коммунистических партиях. В странах, находящихся под оккупацией, движение Сопротивления носило различные формы: от гражданского неповиновения, пропаганды, диверсий, помощи беженцам и военнопленным до вооруженного сопро-

тивления. В 1939 г. во Франции прошла забастовка 100 тыс. горняков, в ходе которой произошло массовое патриотическое объединение всех слоев населения и различных политических идеологий, был создан национальный фронт.

Повестка выступлений и риторика деятелей Коминтерна менялась в период от 1939 г. к 1941 г. Изначальное отношение к войне как империалистической переросло во всеобщее сопротивление фашизму: «Коминтерн не должен теперь ставить вопрос о социалистической революции, поскольку советский народ ведёт Отечественную войну против фашистской Германии, и вопрос сейчас идёт о разгроме фашизма, поработившего ряд народов Европы и стремящегося поработить и все остальные народы мира»¹. Коммунистический Интернационал способствовал созданию и распространению движения Сопротивления в странах Европы. Во Франции, Польше, Югославии, Греции, Италии оно играло значительную роль в антифашистской борьбе.

После вступления Италии во Вторую мировую войну в 1940 г. началось восстановление сети подпольных организаций ИКП, а в 1942 г. воссоздана подпольная деятельность итальянских социалисты. Основными силами антифашистов стали представители рабочего и социалистического движения – гарibaldiйские бригады (коммунисты), «Справедливость и свобода» (мелкобуржуазная Партия действия), бригады Матеотти (социалисты). В

¹ Из указаний Сталина на встрече с Димитровым и Мануильским 22 июня 1941 г. (Цит. по: Дамаскин И. А. Сталин и разведка. М.: Вече, 2004).

итальянском движении сопротивления участвовали партии либерального толка, которые в своей программе провозгласили восстановление дофашистской демократии (эра Джолитти). В этот период свою политическую активность проявило центристское движение христианских демократов, впоследствии оформленное в крупную политическую силу ХДП.

Поражение 8-й Итальянской армии под Сталинградом в ноябре 1942 – феврале 1943¹ привело к активизации деятельности антифашистских сил в Италии [15]. В марте 1943 г. Комитет действия по объединению итальянского народа призвал готовиться к национальному восстанию под знаменем «нового Рисорджименто»². Основные политические силы по-разному трактовали этот лозунг, однако в совместном документе, принятом социалистами, коммунистами и Партией действия, предлагалось установить республику, основанную на труде, и дать стране новую социальную структуру.

В массовой забастовке в марте 1943 г. принимали участие представители всех социальных групп, от служащих до студентов и солдат. Ее организационным результатом стало создание органа Комитета национального освобождения (КНО). За 20 лет фашистской диктатуры это была первая массовая забастовка, ставшая

началом конца режима Муссолини [3, с. 34–35]. В этот период произошла консолидация всех антифашистских сил, в рядах которой значительную роль играла ИКП.

Коренной перелом в Великой Отечественной войне в СССР дал основание для выстраивания новых международных отношений в антигитлеровской коалиции. 15 мая 1943 г. Коминтерн был распущен. Под постановлением ИК Коминтерна поставили подписи представители коммунистических партий Италии, Венгрии, Финляндии, Испании, Румынии. Как отмечают современные исследователи, это был «жест доброй воли в отношении союзников по антигитлеровской коалиции»³.

После высадки англо-американских войск в Сицилии и создания КНО из бывших министров короля Виктора Эммануила III, борьба против режима Муссолини приобрела национально-освободительный характер. 9 сентября 1943 г. КНО провозгласил ведение борьбы против нацизма и фашизма в союзе с Англией, США и Советским Союзом.

Муссолини, после поражения итальянской армии и крушения фашистского режима, при помощи и поддержке немецкого командования 12 сентября 1943 г. основал марионеточную республику Сало на севере Италии.

В декабре 1943 г. на Тегеранской конференции обсуждались вопросы об открытии Второго фронта, консолидации сил антигитлеровской коалиции, послевоенный миропорядок. После завершения Тегеранской кон-

¹ ARMIR – сокр. ит. *Armata Italiana in Russia*, с июля 1942 г. насчитывала десять дивизий итальянского военного контингента, который назывался «8-я Итальянская Армия», или «Итальянская Армия в России».

² См.: Il comunismo italiano nella seconda Guerra mondiale: Relazione e documenti presentati dalla direzione del partito al V Congresso del Partito comunista italiano. Roma: Editori Riuniti, 1963, pp. 163

³ Спицын Е. Ю. От диктатуры к мягкой силе: Коминтерну 100 лет. Будет ли востребован его опыт? // Литературная газета. 2019. 6 марта.

ференции и расширения деятельности Коминформа, созданного на основе Коминтерна, СССР переходит к новой идеологической платформе международных отношений.

Создание идеологической платформы движения Сопротивления в Европе происходило до 1943 г. под эгидой Коминтерна, а с 1943 по 1945 гг. в борьбе с фашизмом в Италии большую роль сыграла ИКП и деятельность КНО, которые позволили объединить в своих рядах и социалистов, христианских демократов, и беспартийных, перед лицом общей угрозы. В 1944 г. ИКП под руководством П. Тольятти призвала к созданию правительства из представителей всех партий, готовых воевать против нацизма. Это означало переход ИКП к позиции союза с ИСП.

В Итальянской истории период 1943–1945 гг. получил название гражданской войны за будущее развитие и противодействие фашизму, в ходе которой были созданы национально-освободительные армии на базе партизанских отрядов. Итальянские партизаны в ходе ожесточенной борьбы освобождали отдельные районы от оккупантов. К лету 1944 г. в рамках движения Сопротивления действовала партизанская армия численностью свыше 100 тыс. человек. Крупные контингенты движения Сопротивления действовали в районах Альп и Апеннин. На равнинах и в подполье штабы партизан получили название «Патриотические группы действия», которые устраивали саботаж, пропагандистские акции. В Лигурии действовал итало-русский отряд «Бирс».

Борьба и подрывная работа в рамках движения Сопротивления проводилась не только итальянскими

гражданами, в отрядах итальянских партизан были представители и других государств, в том числе СССР. Советское руководство оказывало непосредственную помощь в борьбе с оккупантами: переброску специалистов для партизанской борьбы, снабжение антифашистских движений средствами агитации, обеспечение оружием, медикаментами, перевод раненых в советский тыл.

При поддержке СССР радикальное крыло сопротивления возглавили коммунисты, которые рассматривали вооруженную борьбу против фашистов не только как способ национального освобождения, а также с целью осуществления революционных преобразований. Возрос интерес к ИКП, ее лидеру П. Тольятти и наследию А. Грамши.

Умеренное крыло итальянских антифашистских сил, в которое входили социалисты и социал-демократы, провели восстание 2 апреля 1945 г. против марионеточной республики Сало, подконтрольной режиму Бенито Муссолини. После свержения фашизма и окончания Второй мировой войны произошло примирение политических сил для возрождения демократии и реконструкции хозяйства. Уже в 1945 г. в печати социалистической партии активизировалась реформистская и молодежная радикальная оппозиция. Лидеры социалистов Р. Моранди и Л. Бассо говорили о разрыве с дофашистской традицией социализма, а также преодолении авторитарной бюрократической традиции Коминтерна.

Таким образом, идеологическая платформа итальянских коммунистов в период движения Сопротивления Второй мировой характеризовалась отказом от идеи мировой социали-

стической революции и лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» в рамках общей борьбы с фашизмом. Война примирила все идеологии в борьбе с фашизмом для выработки новой системы общественных отношений, что доказало движение Сопротивления.

ИКП, оказавшаяся в большинстве после крушения фашизма (численность на 1947 г. – порядка 1,7 млн. чел.), была вынуждена прийти к союзу с социал-демократией Италии для выстраивания новой политической системы сдержек и противовесов. С 1948 г. рабочее и социалистическое движение Италии, ИКП и ИСП пришли к тактике единого фронта против пришедшей к власти ХДП, для борьбы за демократию и социализм.

Идеи видного теоретика ИКП А. Грамши об установлении гегемонии

были реализованы в рамках расширения полномочий «гражданского общества» в 1940-е гг. В итальянском рабочем и социалистическом движении идеи создания единого фронта антифашизма означали переход к гегемонии с точки зрения общечеловеческих ценностей в понимании Грамши.

Во второй половине XX в. теория Грамши о гегемонии получила распространение в Европе и Америке и нашла отражение в теории конвергенции систем и сближении курса СССР и социал-демократий Европы. Результатом этой тенденции станет появление еврокоммунизма 70-х гг., а также исследования о расширении полномочий глобального гражданского общества в постмарксизме грамшианского толка.

Статья поступила в редакцию 01.04.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Движение Сопротивления в Италии и советские партизаны: сборник статей / Под ред. Л. А. Королевой. М.: Гелиос АРБ, 2017. 496 с.
2. Ковальский Н. А. Итальянский народ против фашизма. Из истории освободительной борьбы в годы Второй мировой войны. М.: Госполитиздат, 1957. 184 с.
3. Комолова Н. П. Движение Сопротивления и политическая борьба в Италии, 1943–1947 гг. М.: Наука, 1972. 444 с.
4. Комолова Н. П. Новейшая история Италии: пособие для учителей. М.: Просвещение, 1970. 320 с.
5. Лопухов Б. Р. Фашизм и рабочее движение в Италии, 1919–1929 гг. М.: Наука, 1968. 414 с.
6. Любин В. П. Социалисты в истории Италии: ИСП и ее наследники, 1892–2006 гг. М., Наука. 2007. 463 с.
7. Талалай М. Г. Русские участники Итальянской войны 1943–1945: партизаны, казаки, легионеры. М.: Старая Басманная, 2015. 408 с.
8. Филатов Г. С. Итальянские коммунисты в движении Сопротивления. М.: Мысль, 1964. 224 с.
9. Экли М. Советские партизаны в Италии. М.: Вече, 2019. 288 с.
10. Lo Stato Operaio (1927–1939): Antologia a cura di F. Ferri. Volume 2. Roma: Editori Riuniti, 1964. 661 p.
11. Malvestiti P. I Socialdemocratici. Roma: Edizione 5 Luna, 1957. 338 p.
12. Morandi R. Opere. Vol. 1. Torino, 1963. 583 p.
13. Riva V. Oro da Mosca: I Finanziamenti Sovietici Al Pci Dalla Rivoluzione D'Ottobre Al Crollo Dell'urss. Milano: Mondadori, 1999. 879 p.

14. Urban J. B. *Moscow and the Italian Communist Party: From Togliatti to Berlinguer*. London: I. B. Tauris, 1986. 370 p.
15. Vio Sopranis E. *Armir: la tragica avventura dell'Armata italiana in Russia*. Milano: Mursia, 2012. 196 p.

REFERENCES

1. Koroleva L., ed. *Dvizhenie Soprotivleniya v Italii i sovetskie partizany: sbornik statei* [The Resistance movement in Italy, and the Soviet partisans: a collection of articles]. Moscow, Gelios ARB Publ., 2017. 496 p.
2. Koval'skii N. *Ital'yanskii narod protiv fashizma (Iz istorii osvoboditel'noi bor'by v gody Vto-roj mirovoj voiny)* [The Italian people against fascism (From the history of the liberation struggle during the Second world war)]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1957. 184 p.
3. Komolova N. *Dvizhenie Soprotivleniya i politicheskaya bor'ba v Italii, 1943–1947 gg.* [The Resistance movement and the political struggle in Italy, 1943–1947]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 444 p.
4. Komolova N. *Noveishaya istoriya Italii: posobie dlya uchitelei* [The recent history of Italy: a handbook for teachers]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1970. 320 p.
5. Lopukhov B. *Fashizm i rabochee dvizhenie v Italii, 1919–1929 gg.* [Fascism and the labour movement in Italy, 1919–1929]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 414 p.
6. Lyubin V. *Sotsialisty v istorii Italii: ISP i ee nasledniki, 1892–2006 gg.* [Socialists in the history of Italy: the ISP and its successors, 1892–2006]. Moscow, Science, 2007. 463 p.
7. Talalai M. *Russkie uchastniki Ital'yanskoi voiny 1943–1945: partizany, kazaki, legionery* [Russian participants of the Italian war 1943–1945: the guerrillas, cossacks, legionnaires]. Moscow, Staraya Basmannaya Publ., 2015. 408 p.
8. Filatov G. *Ital'yanskii kommunisty v dvizhenii Soprotivleniya* [Italian Communists in the Resistance movement]. Moscow, Mysl' Publ., 1964. 224 p.
9. Eccli M. *Sovetskie partizany v Italii* [Soviet partisans in Italy]. Moscow, Veche Publ., 2019. 288 p.
10. Ferri F., ed. *Lo Stato Operaio (1927–1939): Antologia* [The Worker State (1927–1939): Anthology], vol. 2. Roma, Editori Riuniti, 1964. 661 p.
11. Malvestiti P. *I Socialdemocratici* [The Social Democrats]. Roma, Edizione 5 Luna, 1957. 338 p.
12. Morandi R. *Opere* [Coll. Works]. Vol. 1. Torino, 1963. 583 p.
13. Riva V. *Oro da Mosca: I Finanziamenti Sovietici Al Pci Dalla Rivoluzione D'ottobre Al Crollo Dell'URSS* [Gold from Moscow: Soviet Communist Financing from the October Revolution to the USSR Collapse]. Milano, Mondadori, 1999. 879 p.
14. Urban J. B. *Moscow and the Italian Communist Party: From Togliatti to Berlinguer*. London, I. B. Tauris, 1986. 370 p.
15. Vio Sopranis E. *ARMIR: la tragica avventura dell'Armata italiana in Russia* [ARMIR: the tragic adventure of the Italian Army in Russia]. Milano, Mursia, 2012. 196 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дымчак Дарья Игоревна – аспирант кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета, преподаватель истории Педагогического колледжа № 10 г. Москвы;
e-mail: ddibest@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Daria I. Dymchak – postgraduate student, Department of Modern and Contemporary History, Moscow State Pedagogical University; history teacher, Moscow Pedagogical College no. 10; e-mail: ddibest@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Дымчак Д. И. Движение сопротивления как идеологическая платформа объединения антифашистских сил в Италии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 4. С. 141–150.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-141-150

FOR CITATION

Dymchak D. Resistance movement as an ideological platform for the unification of anti-fascist forces in Italy. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 4, pp. 141–150.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-141-150

УДК 327

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-151-165

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Курылев К. П., Станис Д. В., Баранник М. А., Закарян С. Б.

Российский университет дружбы народов

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, Российская Федерация

Аннотация. Целью статьи является изучение евразийской идеологии как объединительной для стран ЕАЭС и ШОС в контексте реализации Россией ее внешней политики. Особое внимание уделяется эволюции российского понимания евразийской идеи и перспективных направлений ее сопряжения с альтернативными объединительными проектами Европейского союза и КНР. Поскольку заявленная проблема является комплексной, используются междисциплинарный, системный, проблемный подходы, применяются политологические, исторические, социологические, сравнительные и другие исследовательские методы, опираясь на которые авторы, в частности, анализируют динамику развития представлений о евразийской интеграции российского лидера В. В. Путина. Авторы приходят к выводу о том, что, столкнувшись со стремлением Запада перекроить постсоветское пространство в угоду своим геополитическим интересам, не считаясь с интересами России, Москва была вынуждена от идеи «Большой Европы», которую планомерно продвигала все 2000-е гг., развернуться в сторону идеи «Большой Евразии» как более перспективной. Результаты исследования могут быть использованы при изучении роли «евразийского фактора» в мировой политике.

Ключевые слова: Россия, евразийство, Большая Евразия, Большая Европа, Евросоюз, ЕАЭС, внешняя политика, интеграция, идеология

EURASIAN IDEOLOGY IN THE FOREIGN POLICY OF MODERN RUSSIA

K. Kurylev, D. Stanis, M. Barannik, S. Zakaryan

RUDN University

10-2 Miklukho-Maklaya St., Moscow 117198, Russian Federation

Abstract. The article is aimed at considering the Eurasian ideology as the unifier of the EAEU and SCO countries in the context of Russian foreign policy. Particular attention is paid to how the Russian understanding of the Eurasian idea evolved and to the potential of its conjunction with alternative unification projects of the European Union and the PRC. Given the complex nature of the stated problem, the authors employed interdisciplinary, systems and problem approaches, as well as political, historical, sociological, comparative and other research methods, which enabled the analysis of the evolution of views on the Eurasian integration held by the Russian leader V. Putin. It is concluded that faced with the West's desire to reshape the post-Soviet space to suit its geopolitical ends disregarding Russia's interests, Moscow was forced to switch

from the idea of Greater Europe, which it systematically promoted throughout the 2000s, to the idea of Greater Eurasia as a more promising one. The results of the present research can be used to study the role of the Eurasian factor in world politics.

Keywords: Russia, Eurasianism, Greater Eurasia, Greater Europe, European Union, EAEU, foreign policy, integration, ideology

Российская школа по изучению евразийской идеологии является весьма представительной. Среди авторов следует в первую очередь выделить А. Г. Дугина и Л. В. Савина. Необходимо упомянуть труды и таких известных специалистов по евразийской интеграции, как О. А. Воркунова, И. В. Зеленева, М. В. Лапенко и др. Среди фундаментальных работ западных авторов, посвященных изучению евразийства, особо следует отметить работы М. Ларюэль, М. Олкотт, А. Коэна, Г. Фуллера, Ф. Стара и др.

С учетом того, что проблема изучения евразийской идеологии лежит на стыке таких наук, как политология, история, международные отношения, этнология и т. д., полагаем, что для более полного раскрытия заявленного сюжета следует обратиться к политологическим, историческим, социологическим, сравнительным и подобным исследовательским методам, что позволяет говорить о междисциплинарной методологии, используемой в исследовании.

Есть мнение, что России нет необходимости разрабатывать собственную идеологию, альтернативную западной. Подобная точка зрения представляется неверной. Своя идеологическая концепция России жизненно необходима как с точки зрения внутреннего развития, так и в контексте решения международных задач. В этом контексте ее наличие, с одной стороны, дает возможность объединить страны,

признающие верховенство России, в сплоченный региональный конгломерат, с другой – позволяет отодвинуть межгосударственные противоречия внутри интеграционной группировки, с третьей – преодолеть существующие региональные конфликты и не допустить возникновения новых. При этом в условиях выработки такой идеологии нужно учитывать культурное многообразие¹.

Во второй половине 1980-х гг., во времена «перестройки» в СССР на смену интернациональным интересам пришли интересы глобальные общечеловеческие, а интересы национальные вновь оказались на периферии. С точки зрения поиска оптимального баланса между национальными интересами и ценностями не лучше выглядели и 1990-е гг. Тогда у лидеров «новой» постсоветской России родилась идея так называемой «демократической солидарности», согласно которой все демократические страны имеют общие интересы – строительство демократического мира, а потому должны считаться с внешнеполитическими интересами друг друга. Видя в Западе опору реализации в России демократических процессов, новая российская власть ожидала от западных стран и помощи в проведении экономических реформ. Запад стано-

¹ Иванов Е. Тезисы о важности идеологии в международных отношениях, 13.01.2017 // KATEHON. – URL: <http://katehon.com/ru/article/tezisy-o-vazhnosti-ideologii-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah> (Дата обращения: 04.02.2019).

вился для российских демократов своего рода образцом для подражания. Называя себя продолжателями дела русских либералов XIX – начала XX вв. [3; 4; 5], они хотели вестернизировать Россию, ввести российское общество в «западную зону процветания», вернуть страну в «цивилизованную семью народов». Вследствие чего российская внешняя политика в 1990-х гг. носила в целом прозападный характер, наша страна шла в фарватере интересов Запада и обслуживала именно их в ущерб собственным интересам.

Представляется, что одной из идеологических концепций развития внешней политики России могут служить идеи евразийства. Приобщение к ним способно помочь России в объединении вокруг нее государств, которые с опасением относятся к гегемонистскому диктату США и Запада в целом. В отличие от них Россия всегда с уважением относилась к традициям других народов, никогда и никому не отказывала в самобытном развитии.

М. Ларюэль исходит из того, что термин «Евразия» можно определить по-разному. С одной стороны, как геополитический принцип, в соответствии с которым России принадлежит центральная роль «локомотива» всего постсоветского мира, а также право контролировать стратегическую ориентацию своих соседей. С другой стороны, как философский принцип, который провозглашает Россию «другой Европой». В данном случае «Евразия» является неким ответом на то, что в России воспринимается как вызов самой русскости, и альтернативой тому, что в России видится как тупик идеологии либерализма и всей Западной цивилизации. С третьей стороны, «Ев-

разия» – это память, скорбь и ностальгия. «С его помощью Россия может лучше понять свое имперское и советское прошлое, примириться с утерянным, перевернуть исторические страницы, интегрируя их в исторический державный контекст» [8, с. 3–4].

В 1994 г., выступая в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова, глава Казахстана Н. А. Назарбаев инициировал использование интеграционных процессов в качестве ресурса для развития стран СНГ: «В сложных условиях первых лет после распада СССР предложения главы государства означали отправную точку в длительном процессе формирования новых хозяйственных связей — на смену поспешно разорванным производственным цепочкам советского времени»¹.

Евразийство по Н. А. Назарбаеву основывалось на том, что: 1) интеграция должна строиться на основе экономического прагматизма, не отрицая значения культурных и цивилизационных факторов; 2) интеграция должна быть добровольной; 3) Евразийский союз должен быть объединением на основе равенства, невмешательства в дела друг друга, уважения суверенитета и неприкосновенности границ; 4) создание наднациональных органов Евразийского союза, принимающих решения на основе консенсуса, с четкими и реальными полномочиями, без ограничений суверенитета².

Казахстан первым из государств СНГ стал продвигать идею восстанов-

¹ Власов А. В. Евразийская интеграция: взгляд из Казахстана // Развитие и экономика. 2013. № 5. С. 130–136.

² Назарбаев Н. А. Евразийский Союз: от идеи к истории будущего // Известия-Казахстан. 2011. 26 окт.

ления экономических связей на новой основе. Определялось это тем, что в ближайшие после распада СССР годы интеграционные процессы на постсоветском пространстве находились в подвешенном состоянии – отсутствовало видение общей цели. Именно Назарбаев первым попытался определить вектор развития интеграции в регионе. Его инициатива и развернувшаяся вокруг нее дискуссия привели к конкретизации достаточно привлекательной для ряда стран СНГ конечной цели¹.

Первые шаги по реализации идей Назарбаева были предприняты вскоре после его выступления в Москве. 6 января 1995 г. между Российской Федерацией и Республикой Беларусь было подписано Соглашение о Таможенном союзе. Спустя две недели 20 января 1995 г. Россией, Беларусью и Казахстаном было подписано Соглашение о Таможенном союзе, к которому 29 марта 1996 г. присоединилась Киргизия. Тогда же этими государствами был подписан Договор об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях. 26 февраля 1999 г. к подписанным документам присоединился Таджикистан.

Но первая попытка реализовать идею евразийской интеграции провалилась. Это было связано с рядом обстоятельств. С одной стороны, страны-участницы имели разные экономические интересы и не сумели договориться по целому ряду вопросов, в первую очередь по режиму свободной торговли. Важную негативную роль в формировании Таможенного союза сыграл и внешний фактор. Именно в то

время наблюдается рост интереса западных стран и в первую очередь США к СНГ. В те годы Вашингтон не без оснований считал данный регион российской сферой влияния. Такой подход опирался на понимание того, что лишь Москва сейчас способна обеспечить в регионе стабильность, помочь становлению и развитию новых независимых государств, содействовать отказу стран региона (Беларуси, Казахстана и Украины) от ядерного оружия. После того как Москва добилась заморозки конфликтов и помогла добиться отказа Белоруссии, Казахстана и Украины от ядерного оружия, США решили перехватить у нее инициативу. Администрация Клинтона, полагая, что в России могут возникнуть реваншистские настроения, приняла решение активизировать внешнюю политику в зоне ее влияния и тем самым предупредить возможное «собираение земель» [6].

Но если Назарбаев видится скорее как теоретик евразийской интеграции, то практиком, реализовавшем ее на деле и продолжающим кропотливую работу на данном направлении, является уже российский лидер В. В. Путин. Еще на заре своей политической юности, 10 октября 2000 г., недавно избранный президентом России, он, выступая в Университете имени Л. Гумилева в Астане, справедливо заметил, что «Инструктивный заряд, который несут в себе евразийские идеи, особенно важен сегодня, когда мы выстраиваем подлинно равноправные отношения между странами СНГ. И на этом пути нам важно сохранить все лучшее, что накоплено за многовековую историю цивилизации и Востока, и Запада... Я убежден, что присущие нашим народам духовность и чувство

¹ Власов А. В. Евразийская интеграция: взгляд из Казахстана // Развитие и экономика. 2013. № 5. С. 130–136.

справедливости будут сопутствовать созданию цивилизованного Евразийского содружества»¹.

Следует напомнить, что именно в ходе данного визита российского лидера в Казахстан был подписан Договор об учреждении ЕврАзЭС и тем самым был дан новый этап развития интеграционных процессов на пространстве СНГ. Президент отдал должное евразийским интеграционным инициативам президента Казахстана Назарбаева, отметив, что «Нурсултан Абишевич Назарбаев – приверженец не только идеи, но и создания Евразийского союза государств... Документ о создании новой экономической организации, который мы подписали, это идея Президента Казахстана»².

Будучи уже зрелым государственным деятелем и готовясь в третий раз стать президентом России, Путин в октябре 2011 г. пишет статью «Новый интеграционный проект для Евразии». В ней им было отмечено, что реинтеграция постсоветского пространства вокруг России является естественной геополитической судьбой евразийских стран, а также о том, что «только вместе наши страны могут войти в число лидеров глобального роста и цивилизационного прогресса»³.

Путин указывал на необходимость более глубокой интеграции на про-

странстве Евразии и совместной работы стран как связующего звена между ЕС и АТР. Российский лидер высказал перспективную идею сопряжения Евразийского союза с европейским интеграционным процессом. В его представлении, Евразийский союз – неотъемлемая часть Большой Европы, «объединенной едиными ценностями свободы, демократии и рыночных законов». Участие в евразийской интеграции, наряду с экономической выгодой, сулит каждому из его участников «быстрее и на более сильных позициях интегрироваться в Европу». Наконец, «партнерство Евразийского союза и Европейского союза способно создать условия для изменения геополитической и геоэкономической конфигурации всего континента и имело бы несомненный позитивный глобальный эффект»⁴.

В годы своего президентства в 2000–2004 и 2004–2008 гг. Путин стремился создать механизм взаимодействия между Россией и Евросоюзом. На саммите в Санкт-Петербурге в мае 2003 г. состоялось подписание концепции формирования четырех общих пространств России и Евросоюза: Общего экономического пространства, Общего пространства свободы, безопасности и правосудия, Общего пространства внешней безопасности и Общего пространства науки и образования, включая культурные аспекты. В мае 2005 г. на саммите в Москве Россия и Евросоюз одобрили «дорожные карты» по формированию Общих пространств.

При этом В. В. Путин исходил из того, что для «полноценной интеграции» с Европой России необходимо стать «полноценным субъектом», нарастить экономический потенциал, по-

¹ Выступление президента России В. В. Путина в университете им. Гумилёва 10 октября 2000 г., г. Астана // Министерство иностранных дел Российской Федерации [сайт]. – URL: http://www.mid.ru/ru/maps/kz/-/asset_publisher/44tjMzWwjAFr/content/id/597656 (Дата обращения: 04.02.2019).

² Там же.

³ Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 4 окт.

⁴ Там же.

скольку в противном случае будет происходить ее «дальнейшее истощение». Реализовать это возможно посредством интеграции с постсоветским пространством, поскольку, воссоздав большое евразийское пространство, мы интегрируемся с Европой на равных»¹.

Выиграв президентские выборы в 2012 г., В. В. Путин обратил внимание на то, что участие в проекте «Евразия» является шансом сохранить свою культурно-историческую идентичность и политическую субъектность. Согласно Путину, лишь посредством этого евразийские страны могут претендовать на роль «самостоятельного центра развития, а не периферии Европы и Азии»².

Но практическая реализация Россией своих интересов по развитию евразийской интеграции продолжала наталкиваться на сопротивление Запада, направленное на сдерживание планов Москвы. Любая интеграция с участием Москвы на пространстве бывшего СССР оценивалась США и ЕС как опасная и невыгодная, поскольку, в их представлении, это усиливает влияние России, расширяя ее влияние [1]. В связи с чем Вашингтон продолжил попытки, направленные на предотвращение интеграционных процессов в регионе СНГ. Ярким подтверждением такой политики США являются слова госсекретаря США Хиллари Клинтон: «Мы отмечаем некий сдвиг в сторону повторной советизации региона... Мы

знаем, в чем заключается цель, и мы стараемся разработать эффективные способы того, как замедлить это или предотвратить это»³.

Глубокую степень заинтересованности и вовлеченности Запада в процессы на просоветском пространстве в полной мере продемонстрировал кризис на Украине, спровоцированный во многом благодаря активному внешнему вмешательству в дела этого государства.

Государственный переворот на Украине в феврале 2014 г., переросший в гражданскую войну, сопровождавшуюся геополитической декомпозицией этого государства, повлек за собой последствия как мирового масштаба, разрушив отношения России и США, двух крупнейших обладателей ядерного оружия, и запустив вновь маховик Холодной войны, так и регионального, продемонстрировав неэффективность НАТО-центричной системы безопасности в Европе, отвыкшей со времен югославских войн от подобных событий.

При этом украинский кризис трансформировал внешнюю политику России, способствуя формированию новой внешнеполитической программы В. В. Путина, которую можно назвать «доктриной Путина 2.0». Ее основные постулаты нашли свое отражение в исторической «Крымской речи» в Георгиевском зале Кремля 18 марта 2014 г.⁴,

¹ Коровин В. Путин и евразийская идеология, 26.03.2014 // Изборский клуб [сайт]. – URL: <https://izborsk-club.ru/2801> (Дата обращения: 04.03.2019).

² Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» 19.09.2013 // Официальные сетевые ресурсы Президента России. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19243> (Дата обращения: 04.04.2019).

³ Клинтон: США не допустят возрождения СССР, 07.12.2012 // RT на русском [сайт]. – URL: <http://russian.rt.com/article/1787> (Дата обращения: 03.03.2019)

⁴ См. «Крымскую речь» В. В. Путина: Обращение Президента Российской Федерации к депутатам Государственной Думы, членам Совета Федерации, руководителям регионов России и представителям гражданского общества, 18.03.2014 // Официальные сетевые ресурсы

а также в Валдайской речи Путина в 2014 г.¹

Внешнеполитическая доктрина Путина 2014 г. включает такие тезисы: 1) Россия не рассматривает Запад как партнера, заслуживающего доверия, втягивая Украину в НАТО и в ЕС, Запад «перешел черту»; 2) Россия более не рассматривает себя как часть евроатлантической цивилизации, она формирует свою евразийскую идентичность; 3) сфера действия «доктрины Путина» – в первую очередь постсоветское пространство; 4) совокупный потенциал Запада сокращается, одновременно растет вес и влияние стран Азии, Африки и Латинской Америки, крупные незападные страны, объединяющиеся в новые формальные и неформальные через институты (БРИКС, ШОС, и т.д.) заинтересованы в формировании новых правил.

Можно сказать, что насильственная смена власти в Киеве, имевшая целью, в том числе, создание условий для сдерживания России, торможение ведомых ею интеграционных процессов на постсоветском пространстве, обернулась в итоге против своих организаторов, наоборот, усилив интеграционные процессы в Евразии, придав им новую динамику и даже вектор.

Все чаще в выступлениях государственных деятелей стран ЕАЭС и министров ЕЭК встречаются такие понятия, как «Большая Евразия» и

Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20603/videos> (Дата обращения 04.04.2019).

¹ См. «Валдайскую речь» В. В. Путина: Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай», 24.10. 2014 // Официальные сетевые ресурсы Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46860> (дата обращения 04.04.2019).

«Большое евразийское партнерство». Под данными терминами понимается особый формат взаимодействия между ЕАЭС как интеграционным ядром и внешними партнерами, причем как на Западе, так и на Востоке, как взаимодействие, основанное на комплексном развитии инфраструктуры – транспортной, телекоммуникационной и энергетической [7].

В 2014 г. Россия сделала разворот в своей внешней политике в сторону концепции «Большой Евразии». Конфронтация с Западом и осложнение экономической ситуации в стране вследствие введенных санкций, а также снижение цен на нефть не оставили выбора Москве. Серьезным ударом стало и исключение Украины из числа потенциальных участников интеграционных проектов во главе с Россией в результате государственного переворота, прихода к власти радикалов-националистов и форсированного сближения официального Киева с Западом. Без Украины надежды России на создание интегрированного объединения, который был бы наравне с ЕС и другими центрами, были отчасти расстроены. Не имея рынка для создания собственной жизнеспособной геоэкономической зоны, Россия осталась с единственным вариантом выхода на экономическую орбиту другого государства. Россия присоединилась к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций, который контролирует Китай, в марте 2015 г.² Но самый решительный шаг был сделан несколько месяцев спустя, в мае, когда Си Цзиньпин

² См. выступление В. В. Путина: Международный форум «Один пояс, один путь», 14.05.2017 // Официальные сетевые ресурсы Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54491> (дата обращения: 03.05.2019).

и В. В. Путин встретились в Москве на переговорах, чтобы укреплять сотрудничество между Евразийским экономическим союзом России и Экономическим поясом Шелкового пути (ЭПШП) Китая.

Кремль продвигает собственное видение «Большого Евразийского партнерства», сеть существующих и формирующихся интеграционных форматов. Тем не менее Москва стремится предотвратить геополитическое господство Пекина в континентальной Евразии. Россия понимает, что в торгово-финансовой сфере позиции России в Евразии намного слабее, чем у Китая. Поэтому, предоставляя экономические инициативы Китаю, Москва стремится к роли главного актора евразийского политического порядка и порядка безопасности, который бы отражал ее собственные предпочтения и совпадал с основными интересами крупнейших держав континента. Такой мировой порядок, который Россия предлагает для Евразии, является одним из концертов держав, и ставит на первое место отношения между несколькими крупными странами: Россией, Китаем, Индией и Пакистаном, Ираном. Учитывая большую часть населения, суши и военного потенциала континентальной Евразии, пять крупных игроков должны совместно управлять безопасностью и экономическими делами региона. Все участники будущего «Евразийского концерта», за исключением Индии, являются нелиберальными демократиями.

Идея создания «Большой Евразии» уходит корнями в декабрь 2015 г., когда В. В. Путин, обращаясь с Посланием к Федеральному Собранию Российской Федерации, инициировал консульта-

ции по формированию экономического партнерства между ЕАЭС, АСЕАН и ШОС. По его мнению, основой такого процесса являются стратегические отношения России и Китая. Инициатива формирования «Большого евразийского партнерства» в значительной степени была вызвана озабоченностью России падением авторитета ВТО и созданием ряда «закрытых» региональных торговых ассоциаций¹. Большая Евразия будет способствовать более конструктивному диалогу с ближневосточными и южноазиатскими партнерами и позволит создать новое экономическое пространство. Это приведет к выравниванию экономической зоны между ЭПШП и ЕАЭС.

В мае 2015 г. главы государств Китая и России подписали совместное заявление о сотрудничестве по строительству проектов ЭПШП и ЕАЭС. Лидер Китая Си Цзиньпин заявил о том, что будет содействовать дальнейшему развитию и укреплению инициативы «Один пояс – один путь» и ЕАЭС, а также развитию экономических отношений в Евразии². Путин оценил план по открытию совместного экономического пространства на Евразийском континенте³. В отличие

¹ См. материалы Петербургского международного экономического форума 2016: Путин призвал создать большое Евразийское партнерство, 17.06.2016 // ТАСС [сайт]. – URL: <http://tass.ru/pmef-2016/article/3376295> (дата обращения: 03.05.2019).

² Проект «Один пояс, один путь». Досье, 03.07.2017 // ТАСС [сайт]. – URL: <http://tass.ru/info/4383152> (дата обращения: 03.05.2019).

³ См. материалы Петербургского международного экономического форума 2016: Путин призвал создать большое Евразийское партнерство, 17.06.2016 // ТАСС [сайт]. – URL: <http://tass.ru/pmef-2016/article/3376295> (дата обращения: 03.05.2019).

от проекта «Большая Евразия», «Новый Шелковый путь» является проявлением стремления к глобализации, а не регионализации международной политики. Во-первых, Китай рассматривает ЕАЭС как один из коридоров «Нового Шелкового пути», который является единой таможенной зоной. Китай стремится не допустить превращения ЕАЭС в преграду для экономического присутствия Китая на постсоветском пространстве. В то же время Китай не намерен брать на себя политическое руководство в Евразии. Политика, проводимая Пекином, ограничивает потенциальное соперничество между Россией и Китаем на постсоветском пространстве, прокладывая путь к гармонизации проектов, которые Китай и Россия разработали для Евразии. Российский проект представляет собой согласие с китайским видением экономического сотрудничества в Евразии, в котором не преследуется протекционистская политика. В Концепции внешней политики России 2016 г. ЕАЭС рассматривается как инструмент, который способен «сыграть важную роль в деле гармонизации интеграционных процессов в Европейском и Евразийском регионах»¹.

С этого времени концепция «Большой Евразии» стала флагманом российской инициативы по развитию евразийского партнерства. В июне 2016 г. лидеры Казахстана и России обсудили проект «Большой Евразии» и выступили с инициативой создания «Большого Евразийского партнерства» на Петербургском международном эко-

номическом форуме (ПМЭФ). Путин выдвинул предложение о создании «Большого евразийского партнерства» на базе Евразийского экономического союза с участием Китая, Индии, Пакистана, Ирана и ряда стран СНГ. Российский лидер выступил на пленарном заседании ПМЭФ и заявил: «Наши партнеры могут стать одним из центров большой зоны интеграции. В числе других преимуществ мы можем решать технологические проблемы, способствовать технологическому прогрессу и привлекать новых членов», – подчеркнул президент. Президент добавил, что евразийские страны могли бы выработать конструктивную повестку дня, ориентированную на урегулирование существующих вопросов и показать международному сообществу пример совместного, инновационного будущего, основанного на справедливости, равенстве и уважении национального суверенитета, на нормах международного права и нерушимых принципах ООН².

Институциональной основой Большой Евразии считается ШОС, которая является одним из ярких примеров новой модели межгосударственного регионального партнерства. Динамика развития ШОС обусловлена, прежде всего, необходимостью многосторонних соглашений и общих национальных интересов стран-членов ШОС. Данная организация находится в центре масштабных экономических инициатив, которые будут иметь решающее значение для определения пути

¹ Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации».

² См. материалы Петербургского международного экономического форума 2016: Путин призвал создать большое Евразийское партнерство, 17.06.2016 // ТАСС [сайт]. – URL: <http://tass.ru/pmef-2016/article/3376295> (дата обращения: 03.05.2019).

будущего развития Евразии¹. ШОС могла бы служить зонтичной организацией для развития, сотрудничества и безопасности «Большого евразийского сообщества». ШОС – эффективная платформа для объединения ЭПШП с Евразийским экономическим союзом. Совместная декларация РФ и КНР о сотрудничестве ЕАЭС с ЭПШП предусматривает «укрепление связей в области логистики, транспортной инфраструктуры, расширения торгово-инвестиционного сотрудничества, оптимизации взаимных инвестиций, создание механизмов упрощения торговли, укрепление сотрудничества между различными финансовыми учреждениями и расширение сотрудничества в многосторонних региональных и глобальных форматах»². Партнерство с Китаем останется важнейшим элементом поворота России в евразийской стратегии. Отношения между крупнейшими евразийскими государствами уникальны. Россия и Китай выступают за поддержание стабильности существующих политических режимов.

Предложения президента России В. В. Путина о проекте «Большое евразийское партнерство» требует укрепления сотрудничества в рамках интеграционных структур. В то же время такое сотрудничество может быть

эффективно выстроено в рамках открытых интеграционных структур, позволяющих странам-участницам в полной мере реализовать свой потенциал. Путин призывает к изменению политического и экономического ландшафта континента и обеспечению мира, стабильности, процветания и принципиально нового качества жизни в Евразии³. Большое Евразийское партнерство требует построения системы стабильного политического и экономического сотрудничества, культурного и цивилизационного взаимодействия, основанного на углублении связей между различными частями Евразийского континента. В то же время лидер не настаивает на подписании единого договора.

На начальном этапе партнерство должно основываться на построении системы сотрудничества между государствами и региональными организациями и ассоциациями-партнерами, поиске общих интересов. Принципиальное значение имеет дальнейшее развитие и совершенствование концептуальной парадигмы «Большого евразийского партнерства». Парадигма должна основываться на сотрудничестве в политической области и сфере безопасности, а также на экономических и гуманитарных аспектах развития. АСЕАН и ШОС наладили политическую координацию по важным региональным и глобальным темам, изложили подходы и видение решения политических проблем. В то же время АСЕАН и ШОС использу-

¹ Иманалиев М. С. ШОС нуждается в новой концепции развития, 16.06.2017 [электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. – URL: <http://globalaffairs.ru/global-processes/ShOS-nuzhdaetsya-v-novoi-kontseptciiirazvitiya-18781> (Дата обращения: 03.05.2019).

² Си Цзиньпин: на перспективы китайско-российских отношений мы смотрим с полным оптимизмом, 02.07.2017 // ТАСС [сайт]. – URL: <http://tass.ru/opinions/interviews/4379492> (Дата обращения: 03.05.2019).

³ См. выступление В. В. Путина: Международный форум «Один пояс, один путь», 14.05.2017 // Официальные сетевые ресурсы Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54491> (Дата обращения: 03.05.2019).

ют согласованную модель принятия решений, создавая идеологическое сходство в функционировании обеих организаций и предлагая перспективы для развития политического диалога. Расширение сотрудничества на основе меморандума о взаимопонимании между секретариатами ШОС и АСЕАН будет способствовать сближению двух организаций. В этом документе первоочередное внимание уделяется взаимодействию в области борьбы с терроризмом, наркотиками, контрабандой оружия, отмыванием денег и торговлей людьми. Он также предусматривает сотрудничество в области экономики и финансов, туризма, охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, социального развития и энергетики¹.

Концептуальной основой Большой Евразии является поворот России на восток, или поворот в Азию, экономические и технологические рынки будущего. Это означает, что Большая Евразия находится в симбиозе с «Новым Шелковым путем» Китая, или инициативой «Один пояс – Один путь». И все же продвинутый этап российско-китайского стратегического партнерства не означает, что Москва будет пренебрегать своими многочисленными тесными связями с Европой. Концепция «Большой Евразии» находится в стадии разработки. Россия является ключевым геоэкономическим

и геополитическим пересечением, связывающим экономические системы Северной Евразии, Центральной и Юго-Западной Азии. Россия и Китай стали союзниками из-за их общей цели – создания развитого многополярного мира [9]. Неудивительно, что стремление Пекина развивать современные национальные технологические платформы вызывает гнев в США. Проект «Один пояс – Один путь» должен быть гармонизированным с Россией для Большой Евразии.

Таким образом, важным фактором, влияющим на евразийскую политику России, является её центральное геополитическое положение в регионе. Данный факт предоставляет российскому государству исключительную возможность, на фоне других стран-участниц ЕАЭС, стать связующим звеном между ЕС и быстро развивающимися рынками АТР. В случае неудачи евразийской экономической интеграции России была способна утратить свою роль как центра Евразии, который объединяет европейские и азиатские государства.

Немаловажным фактором в данном контексте является дальнейшее сотрудничество России в рамках выдвинутого Китаем проекта «Экономический пояс Шелкового пути», который позволит использовать весь геополитический потенциал России.

Именно российскому геополитическому положению соответствует идея евразийской экономической интеграции. Данная идея создаёт практические условия для позиционирования России в качестве центральной державы Евразии. Удобное геополитическое положение дает возможность использовать его в качестве цивилизационного

¹ Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) Memorandum of Understanding between the Secretariat of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN Secretariat) and the Secretariat of The Shanghai Cooperation Organisation (SCO Secretariat) // ASEAN [сайт]. – URL: <http://asean.org/wp-content/uploads/images/ASEAN-SCO-MOU.pdf> (дата обращения: 18.09.2018).

моста, за счет синтеза системы ценностей, избежав противостояния Запада и Востока. Учитывая переход системы международных отношений на новый виток развития, этот фактор имеет ключевое значение. В контексте евразийской интеграции геополитическое положение России имеет важнейшее значение для полноценного развития страны, обеспечения её внутренней стабильности и целостности. Это вызвано в силу того, что идея евразийства включает в себя исторические корни, а также внутренние и внешние цивилизационные компоненты, по итогам синтеза которых сложилась русская культура, которая стала в дальнейшем стержнем российской [10, с. 544].

На фоне экономических санкций, вводимых против России с 2014 г., евразийская экономическая интеграция служит опорой для экономической безопасности страны. Евразийская интеграция выступает в качестве одного из возможных способов противостояния ослабления суверенитета и потери экономической самостоятельной страны в условиях негативного влияния санкционной политики со стороны западных стран. Запрет на импорт иностранных товаров и экспорт некоторых видов российской продукции не позволяет в полной мере реализовать потенциал отечественных производителей, но создаёт возможности для функционирования реэкспорта через территорию Казахстана и Белоруссии.

Несмотря на разный уровень экономического развития стран ЕАЭС и неблагоприятные условия экономической конъюнктуры, процессы разноскоростной интеграции представляются наиболее перспективными с точки зрения создания нового центра эко-

номического роста [11]. Именно вопрос об экономической безопасности страны является тем фактором, который определяет экономический аспект евразийской интеграции. Утвержденная 13 мая 2017 г. «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации» подчеркивает тенденцию к обострению глобальной конкуренции, а также фиксируется «стремление к перераспределению влияния в пользу новых центров экономического роста и политического притяжения» как наиболее серьезная угроза экономической безопасности страны. Моделирование российским руководством политического диалога между партнерами по евразийской интеграции является частью российской внешнеполитической стратегии по укреплению своего влияния в регионе [2, с. 736–745].

Таким образом, в евразийском регионе разворачиваются глубокие трансформационные процессы. Укрепление позиций Азии как движущей силы мировой экономики усилит тенденцию к построению региональной системы экономических взаимосвязей, направленной прежде всего на повышение конкурентоспособности отраслей в регионе и снижение затрат на доставку их конечной продукции на рынки. Участие стран в торговых соглашениях, вовлечение еще большего числа стран в интеграционные процессы будут способствовать укреплению тенденций и формированию единого евразийского пространства. Институциональная основа для этого будет постепенно возрастать по мере развития и совершенствования форм и механизмов сотрудничества в рамках как ШОС, так и ЕАЭС, что в итоге будет способствовать дальнейшему углублению взаимодей-

ствия между странами. Этот процесс потребует времени и усилий, но общая тенденция в этом направлении уже началась. Чтобы достичь реализации проекта «Большая Евразия», стратегия России должна быть реалистичной в ближайшей перспективе. Концепция будет направлена на преобразование ШОС в платформу для непрерывной дипломатии и переговоров, а также в орган по формированию достижения консенсуса в регионе. Проект должен

будет включать усилия по строительству приоритетов ЕАЭС, ОДКБ. Евразийское партнерство не может полноценно развиваться без участия ЕС. Евразийские страны должны сохранять готовность к созданию зоны свободной торговли с ЕС. Это важный вопрос, который Москве необходимо решить для того, чтобы ее стратегия «Большой Евразии» была успешной.

Статья поступила в редакцию 06.05.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Евразийский экономический союз во внешнеполитической стратегии России / К. П. Курылев, В. С. Нарышкин, Е. Озинковская, К. Х. Рахимов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». 2016. № 1. С. 75–86.
2. Зеленева И. В., Агеева В. Д. Идеология евразийской интеграции // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1. № 8. С. 736–745.
3. Курылев К. П. Либеральная концепция внешнеполитических приоритетов России начала XX в. // Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. № 1. С. 84–117.
4. Курылев К. П. Проблемы войны и мира в представлениях русских либералов начала XX в. // Журнал политических исследований. 2017. Т. 1. № 4. С. 129–143.
5. Курылев К. П. Русские либералы о приоритетных направлениях внешней политики России в конце XIX в. // Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. № 2. С. 16–29.
6. Курылев К. П., Станис Д. В. Процесс развития евразийской интеграции: история, современные проблемы и перспективы // Современная наука. 2015. № 2. С. 13–18.
7. Лапенко М. В. Развитие евразийской интеграции: движение от «евразийской тройки» к континентальному евразийскому партнерству // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1. № 8. С. 746–755.
8. Ларюэль М. Евразия, евразийство, Евразийский Союз: терминологические пробелы и совпадения. Аналитическая записка № 366 (2015) [электронный ресурс] // PONARS Eurasia. – URL: <http://www.ponarseurasia.org/ru/members/marlene-laruelle> (дата обращения: 11.05.2019).
9. Леонова О. Г. Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира // Век глобализации. 2013. Т. 11. № 1. С. 59–66.
10. Титаренко М. Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире: стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М.: ИД Форум, 2012. 544 с.
11. Фарбер В. А. Евразийская интеграция как фактор укрепления экономической безопасности России // Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов. 2018. № 3 (12). С. 60–63.

REFERENCES

1. Kurylev K., Naryshkin V., Ozinkovskaya E., Rahimov K. [The Eurasian Economic Union in Russia's foreign policy strategy]. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [Vestnik RUDN. International Relations], 2016, no. 1, pp. 75–86.

2. Zeleneva I., Ageeva V. [The ideology of Eurasian integration]. In: *Postsovetskie issledovaniya* [Post-Soviet Studies J.], 2018, vol. 1, no. 8, pp. 736–745.
3. Kurylev K. [The liberal concept of Russia's foreign policy priorities at the beginning of the twentieth century]. In: *Zhurnal politicheskikh issledovanij* [Journal of Political Research], 2018, vol. 2, no. 1, pp. 84–117.
4. Kurylev K. [Problems of war and peace in the ideas of Russian liberals in the early twentieth century]. In: *Zhurnal politicheskikh issledovanij* [Journal of Political Research], 2017, vol. 1, no. 4, pp. 129–143.
5. Kurylev K. [Russian liberals on priority areas of Russian foreign policy at the end of the 19th century]. In: *Zhurnal politicheskikh issledovanij* [Journal of Political Research], 2018, vol. 2, no. 2, pp. 16–29.
6. Kurylev K., Stanis D. [The development process of Eurasian integration: history, current problems and prospects]. In: *Sovremennaya nauka* [J. Modern Science], 2015, no. 2, pp. 13–18.
7. Lapenko M. [The development of Eurasian integration: the movement from the "Eurasian troika" to the continental Eurasian partnership]. In: *Postsovetskie issledovaniya* [Post-Soviet Studies J.], 2018, vol. 1, no. 8, pp. 746–755.
8. Laruelle M. [Eurasia, Eurasianism, Eurasian Union: Terminological Gaps and Overlaps. Policy Memos no. 366 (2015)]. In: PONARS Euraziya. Available: <http://www.ponarseurasia.org/ru/members/marlene-laruelle> (accessed: 11.05.2019)
9. Leonova O. [Global regionalization as a phenomenon of global peace development]. In: *Vek globalizacii* [Age of Globalization], 2013, vol. 11, no. 1, pp. 59–66.
10. Titarenko M. *Rossiya i ee aziatskie partnery v globaliziruyushchemsya mire: strategicheskoe sotrudnichestvo: problemy i perspektivy* [Russia and its Asian partners in a globalizing world: strategic cooperation: problems and prospects]. Moscow, ID Forum Publ., 2012. 544 p.
11. Farber V. Eurasian integration as a factor in strengthening the economic security of Russia. In: *Sovremennaya periodicheskaya pechat' v kontekste kommunikativnykh protsessov* [Current periodicals in the context of communication processes], 2018, no. 3 (12), pp. 60–63.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00165).

ACKNOWLEDGMENTS

The study was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (Project no. 19-18-00165).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Курьев Константин Петрович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; e-mail: kurylev-kp@rudn.ru

Станис Дарья Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов; e-mail: stanis_dv@rudn.ru

Баранник Марина Андреевна – магистр в области международных отношений кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов;

e-mail: 1032185066@rudn.ru

Закарян Сурен Багратович – магистр в области международных отношений кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов;

e-mail: 1032186498@rudn.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Konstantin P. Kurylev – Dr. Sci. (History), Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University;

e-mail: kurylev-kp@rudn.ru

Darya V. Stanis – PhD (Economics), Associate Professor, Department of State and Municipal Administration, RUDN University;

e-mail: stanis_dv@rudn.ru

Marina A. Barannik – Master in International affairs, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University;

e-mail: 1032185066@rudn.ru

Suren B. Zakaryan – Master in International affairs, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University;

e-mail: 1032186498@rudn.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Евразийская идеология во внешней политике современной России / К. П. Курылев, Д. В. Станис, М. А. Баранник, С. Б. Закарян // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 4. С. 151–165. DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-151-165

FOR CITATION

Kurylev K., Stanis D., Barannik M., Zakaryan S. Eurasian ideology in the foreign policy of modern Russia. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 4, pp. 151–165.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-151-165

УДК 327: 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-166-175

ЦЕЛИ И ИНТЕРЕСЫ КИТАЯ В АРКТИКЕ

Забелла А. А.*Российский университет дружбы народов**117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10-2, Российская Федерация*

Аннотация. Изложена стратегия Китая в Арктическом регионе в описаниях научного сообщества Китая и России. Внешняя государственная политика рассматривается в системе политических установок, задающих основное содержание развития отношений с другими участниками на международной арене. Автор выявил цели и интересы, определяющие причины роста внимания страны к Арктическому региону. Выделены два блока стран, которые либо поддерживают, либо критически относятся к политике Китая. Сделан вывод, что Китай в ближайшее десятилетие будет осваивать Северный морской путь и укреплять свои позиции в Арктике, что значительно усилит его роль в глобальной политике, а также расширит возможности доступа к природным ресурсам. Кроме того, одним из приоритетов станет изучение климатических изменений. Выводы исследования могут быть использованы для прогнозирования политики Китая в отношении Арктики.

Ключевые слова: Китай, Арктика, Арктический Совет, Северный морской путь, «Морской Шелковый путь»

CHINA'S GOALS AND INTERESTS IN THE ARCTIC

A. Zabella*RUDN University**10–2 Miklukho-Maklaya St., Moscow 117198, Russian Federation*

Abstract. The article presents the Arctic Policy of China as described in the works of the Chinese and Russian scientific communities. The foreign policy is considered as a system of “political attitudes defining the main content of activities for developing state relations with other actors in the international arena”. In this article, the author identifies the goals and interests of China, which determine the reasons for the country's increased attention to the Arctic region. The countries are divided into two blocks, either supporting or being critical of China's policy in the region. The author comes to the conclusion that in the coming decade, China will develop the Northern Sea Route and strengthen its position in the Arctic, which will significantly enhance its role in global politics, as well as expand its access to natural resources. In addition, the study of climate change will become one of the priorities. The findings of the study can be used to predict China's policy regarding the Arctic.

Keywords: China, Arctic, China's Arctic Policy, Northern Sea Route, Maritime Silk Road

Последние годы арктическая проблематика становится актуальной в международном сообществе. Еще в 1992 г. директор Института арктических исследований Дартмутского колледжа и член Совета полярных исследований Национальной академии наук Оран Янг издал книгу «Арктическая политика: конфликт и кооперация на циркумполярном Севере». В своем труде ученый отмечал, что с 1990-х гг. Арктика превратится в полигон для новых форм международного сотрудничества [15]. Прогнозы Янга подтверждаются увеличивающимся вниманием со стороны как арктических, приарктических, так и иных государств к проблемам Арктики.

Заинтересованность государств в Арктике связана с изменениями климата и таянием арктических льдов, которые создают предпосылки для активного использования Арктической зоны для судоходства, более легкой добычи природных ресурсов. Стоит отметить, что Северный Ледовитый океан омывает берега пяти государств – России, США, Канады, Норвегии и Дании. Эти государства входят в число так называемой «Арктической пятерки». Существует также группа «приарктических государств», которая включает Финляндию, Швецию и Исландию. Одновременно интерес к Арктике проявляют и другие неарктические государства, например: Китай, Япония, Индия, Сингапур.

В нашей статье выявляются цели приарктической политики КНР, которые описаны в китайских нормативно-правовых документах. Необходимо выделить опубликованный в январе 2018 г. документ Информационного бюро Государственного совета Китай-

ской Народной Республики – «Политика Китая в Арктике» (*China's Arctic Policy*)¹. Появление специализированного документа по Арктике является важным глобальным событием, поскольку в нем отражены и официально оформлены цели, интересы и амбиции Китая в Арктической зоне. Уже в начале документа отражена главная цель КНР – интернационализация Арктики, что крайне выгодно для китайской стороны, так как позволяет сохранить за регионом открытый и регулируемый нормами международного права статус.

Китайская сторона подчеркивает особую роль Совета Безопасности ООН по вопросам Арктики. Таким образом, «красной нитью» прослеживается задача расширения влияния Китая по арктической проблематике. Китай, обладая правом вето в Совете Безопасности ООН, готовится стать активным игроком при регулировании арктической повестки. Подчеркивается, что арктическая проблематика выходит за рамки «приарктических государств» или региона, крайне важна для реализации интересов других государств и международного сообщества в целом.

В указанном документе Китай провозглашается в качестве «околоарктического» государства (*Near-Arctic State*), одного из континентальных государств, наиболее близких к Полярному кругу. В соответствии с документом «Политика Китая в Арктике», Китай является заинтересованной стороной

¹ China's Arctic Policy [электронный ресурс] // The State Council Information Office of the People's Republic of China. – URL: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (дата обращения: 05.05.2019).

в арктических вопросах ввиду того, что природные изменения, происходящие в Арктике, оказывают непосредственное влияние на климатическую систему Китая и его экологическую среду, а также на экономические интересы, сельское и лесное хозяйство, рыболовство, морскую промышленность и т. д.

Политическими целями Китая в Арктике провозглашаются понимание, защита, развитие и участие в управлении Арктикой для защиты общих вопросов международного сообщества, а также содействие устойчивому развитию. Китай, являясь приверженцем принципам уважения, взаимовыгодного сотрудничества, стабильности, выступает за создание устойчивого экономического режима. А. В. Цвык отметил, что Китай стал отводить себе роль одного из центров формирующейся полицентрической системы, что представляется новым явлением, учитывая внешнеполитический курс КНР и заявления китайских лидеров о том, что Поднебесная никогда не будет стремиться к роли «сверхдержавы», равно как и к статусу «полюса» [11, с. 57].

Автор полагает, что китайская сторона особое внимание стала уделять вопросам экологии, и не только ввиду заинтересованности в укреплении своих позиций в арктической зоне. К такому выводу можно прийти ввиду заявления Дональда Трампа в 2017 г. о прекращении участия США в Парижском соглашении 2015 г., несмотря на то, что в соответствии со статьей 28 Парижского соглашения США не смогут выйти из него ранее 4 ноября 2020 г. Такого рода заявления США укрепляют позиции КНР в качестве борца с климатическими изменениями

и за разрешение экологических вопросов. В подтверждение, стоит обратиться к высказыванию спецпредставителя КНР по делам климатических изменений Се Чжэньхуа: «в настоящее время Китай является первой державой в мире, использующей новые и возобновляемые источники энергии, а также крупнейшим в мире инвестором в чистые источники энергии на протяжении девяти лет подряд. В 2017 году общий объем инвестиций составил 132,6 млрд. долларов США, что в 2,3 раза больше, чем у занимающих второе место по этому показателю США»¹.

«Политика Китая в Арктике» предусматривает пять основных направлений: углубление изучения и обогащение представления об Арктике; защиту экологической среды и решение проблем с изменением климата (а именно: защита окружающей среды, защита экосистемы, реагирование на изменения климата); использование ресурсов Арктики законным и рациональным образом (а именно: участие Китая в разработке арктических морских путей; участие в разведке и эксплуатации нефтяных, газовых, минеральных и других ресурсов; участие в сохранении и использовании рыбных и других живых ресурсов; участии в развитии туристических ресурсов); активное участие в управлении Арктикой и международном сотрудничестве; содействие миру и стабильности в Арктике.

¹ Китай продолжит играть важную роль в глобальном управлении климатом – Се Чжэньхуа, 26.01.2018 [электронный ресурс] // ИА Синьхуа. – URL: https://news.rambler.ru/asia/38985988/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 05.05.2019).

Особый интерес Белая книга представляет ввиду того, что в ней Китай впервые признает, что государство не ограничивается лишь научными исследованиями, но и заинтересовано в коммерческой деятельности. В опубликованной Белой книге, помимо прочего, говорится о намерении создать «Полярный Шелковый путь», который будет частью инициативы «Один пояс, один путь». Здесь следует упомянуть о том, что еще в 2017 г. китайская сторона включила транспортные коридоры Северного Ледовитого океана, в частности Северный морской путь (СМП), в китайскую инициативу «Один пояс, один путь» (ОПОП). Данная инициатива была предложена во время визитов Председателя КНР Си Цзиньпина в Центральную и Юго-Восточную Азию в сентябре-октябре 2013 г. Она включает строительство «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века», которые предполагают активное сотрудничество с другими странами.

«Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь 21-го века» могут быть определены как программы улучшения и развития транспортных маршрутов. «Экономический пояс Шелкового пути» требует строительства Евразийского сухопутного моста. По большому счету это будет логистическая цепочка, соединяющая стартовый пункт на восточном побережье Китая с Роттердамом в Западной Европе. Кроме того, ожидается, что инициатива свяжет Китай с Монголией и Россией, Центральной Азией и Юго-Восточной Азией путем создания ряда экономических коридоров.

«Морской Шелковый путь 21-го века» – это морская часть маршрута.

Как и древний морской Шелковый путь, он будет простирается на Запад от восточного побережья Китая, соединяя Китай и Европу через Южно-Китайское море и Индийский океан [3, с. 43]. «Полярный Шелковый путь» включает Северо-Восточный проход (идет на Нью-Йорк), Северо-Западный проход (идет на Роттердам) и Центральный проход (от Шанхая до Северного полюса, где идет по северо-восточному побережью Китая и расходится на два вышеназванных прохода).

Северный маршрут крайне выгоден для китайской стороны, так как сокращает сроки доставки грузов на европейский рынок на 10–14 дней. В свете таяния льдов этот путь будет более популярен, однако на данный момент использовать его можно только в течение 5–6 месяцев. Необходимо также сказать о том, что инфраструктура Северного морского пути устарела, что не позволит в ближайшие годы обслуживать потенциально растущий грузооборот. В настоящее время российской стороной ведется лишь полномасштабное строительство порта Сабетта.

Одновременно с введением секторальных санкций против России и выхода европейских компаний из совместных проектов, Китай начал занимать освободившиеся ниши. Российская сторона заинтересована в совместном развитии Северного морского пути, что подтверждается выступлением В. В. Путина на втором форуме «Один пояс, один путь», который проходил в Пекине 25–27 апреля 2019 г. «Большое внимание уделяем развитию Северного морского пути. Рассматриваем возможность состыковать его и китайский «Морской

Шелковый путь», тем самым создать глобальный и конкурентный маршрут, связывающий Северо-Восточную, Восточную и Юго-Восточную Азию с Европой. Такой масштабный проект подразумевает тесное сотрудничество стран Евразии в наращивании транзитных перевозок, строительстве портовых терминалов, логистических центров. Приглашаем представленные здесь государства подключиться к его реализации»¹, — сказал Владимир Путин. В Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» ставилась задача максимального расширения международного сотрудничества в Арктике и многократного расширения объемов перевозок (см. статью 15 Указа).

Интерес представляет позиция российского научного сообщества относительно сотрудничества с иностранными государствами, в том числе с Китаем. По мнению А. Н. Пилясова и А. В. Котова, «следует поощрять участие зарубежных партнеров в создании в российской Арктике объектов инновационной инфраструктуры – промышленных парков, бизнес-инкубаторов, центров трансфера технологий, филиалов университетских консорциумов и др. – с целью постепенного выращивания здесь интеллектуального промышленного сервиса

для ресурсных отраслей Заполярья» [6, с. 91]. Позиция Н. Д. Елецкого [2, с. 85]: «На шельфовые месторождения Северного Ледовитого океана приходится четверть разведанных мировых запасов углеводородного сырья, и противоречия по поводу их хозяйственного освоения становятся всё более опасными в условиях дестабилизации и хаотизации международных отношений, кризиса сформировавшейся к настоящему времени модели глобализма, ренессанса принципа национально-государственного суверенитета, новой холодной гибридной войны, усиления тенденций регионализации и фрагментации мирового хозяйства, практики неопротекционизма и распространения различных моделей глобализации экономических и иных социальных взаимодействий».

В монографии «Российская Арктика в изменяющемся мире» Ю. Ф. Лукашук раскрывает актуальные вопросы освоения Российской Арктики в современном мире, а также отмечает, что «в Арктике XXI века реально сталкиваются интересы многих стран мира, и дальнейшее развитие событий поэтому может пойти по трем стратегическим сценариям: а) как по силовому сценарию, в первую очередь, по отношению к России со стороны НАТО (США, Норвегии, Великобритании и др.); б) так и вполне мирным путем в условиях многополярности при активном участии Китая, Японии, Индии, Южной Кореи и других стран мира, с использованием различных вариантов мягкой силы; в) третий сценарий представляет собой сочетание как жестких силовых, так и относительно мирных инструментов для достижения поставленных целей» [4, с. 178–179].

¹ Развитие Северного морского пути, цифровая экономика, энергетика – выступление Владимира Путина на форуме «Один пояс, один путь» [электронный ресурс] // Первый канал. – URL: https://www.1tv.ru/news/2019-04-27/364278-razvitie_severnogo_morskogo_puti_tsifrovaya_ekonomika_energetika_vystuplenie_vladimira_putina_na_forume_odin_poyas_odin_put (дата обращения: 05.05.2019).

По мнению автора, особый интерес представляют труды китайских специалистов. Так, Ван Цзюньтао считает, что «для Китая Россия является важнейшим партнером в реализации своих арктических планов. Не имея реальных геополитических оснований для получения прямого доступа к богатствам Арктики, Китай заинтересован в развитии отношений именно с Россией, обладательницей Северного морского пути и большей части арктических ресурсов, и готов предложить ей инвестиции и передовые технологии» [1, с. 95].

Сунь Сюэнь в своей работе отмечает: «китайская дипломатическая философия «Цютун Цунь» («Искать общую почву при сосуществующих расхождениях») будет способствовать преодолению существующих разногласий и укреплению арктического взаимодействия» [10, с. 16]. К так называемым расхождениям автор относит подходы к статусу Арктики и различия в национальных интересах, в частности эгоистических. КНР выступает за интернационализацию морских путей в Арктике, тогда как Россия стремится сохранить свой контроль над ними. В то же время Сунь Сюэнь полагает [9, с. 55–56], что для успешной реализации китайской арктической политики необходимо большее внимание уделять «мягкой силе».

Интерес представляют коллективная работа западных исследователей «Арктические амбиции Китая и их значение для Канады». Ее авторы утверждают, что опасения Запада в отношении деятельности Китая в Арктике преувеличены, «повествование об угрозе» бесполезно [13, р. 4]. Исследователи делят ученых и журналистов

на две «школы мысли»: «паникеров» («конфликтная школа») и «комментаторов», которые «видят возможности для сотрудничества и взаимной выгоды» [13, р. 9].

Возвращаясь к внешнеполитической стратегии, автор полагает, что лейтмотивом обнародования арктической стратегии КНР является необходимость интернационализации Арктики, а также обеспечение ее устойчивого развития и освоения с учетом интересов всех заинтересованных государств. Китайская сторона особое внимание обращает на важность совместного проведения научных исследований для большего понимания арктической повестки дня.

Безусловно, приоритет в деле продвижения китайских интересов в Арктике отдается экономической составляющей. Энергетический сектор для китайской стороны является одним из важных для обеспечения экономического роста государства. Несмотря на мировой кризис и спад производства, конкуренция на мировом рынке энергоресурсов продолжает носить острый характер. С ЕС за топливо конкурируют США, Япония, Китай, Индия, Бразилия, предлагающие странам-производителям зачастую более благоприятные условия сотрудничества [12, с. 27].

В XXI в. энергетический сектор существенно изменился по причине вступления на нефтегазовый рынок новых игроков, а также ввиду усиления и ослабления влияния его участников. КНР принимает непосредственное участие в деле формирования глобальной энергетической системы. Главной целью, которой руководствуется государство, является обеспечение

стабильного экономического роста при помощи бесперебойных поставок необходимого для этого количества энергоресурсов [8, с. 74]. Китай рассматривает арктические минеральные ресурсы в качестве одного из важнейших источников диверсификации мировой географической структуры импортируемых страной энергоносителей [7, с. 59]. Таким образом, Арктика включена в перечень национальных интересов Китая в XXI в. [5, с. 21].

Говоря об этапах продвижения китайской арктической дипломатии, стоит отметить, что китайская сторона большое внимание этому вопросу стала уделять лишь с конца XX в. В тоже время, по мнению заместителя директора Шанхайской академии международных исследований Ян Цзяня, «несмотря на то, что Китай еще в 1925 году присоединился к Шпицбергенскому трактату (1920 года), однако реальное участие в арктической повестке дня и научных исследованиях происходило после освобождения (1949 года)» [14, р. 2]. В 1996 г. китайская сторона присоединилась к Международному арктическому научному комитету. С 1999 г. Китай начал проводить научные экспедиции в Арктику на построенном в Украине ледоколе *Хие Лонг* (Снежный дракон). В 2003 г. Полярным научно-исследовательским институтом Китая было осуществлено открытие арктической станции Хуанхэ в поселке Нью-Олусунн, Шпицберген.

В 2013 г. Китай был принят в качестве наблюдателя в Арктический совет, который в настоящее время включает в себя 13 наблюдателей; в том числе восемь государств: Россия, США, Канада, Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия и Швеция, а также

шесть организаций, представляющих коренные народы Арктики. В этом же году китайская группа COSCO осуществила первый коммерческий рейс с северо-востока Китая, Даляня, в Роттердам.

В 2014 г. КНР выпустил путеводитель по Арктике (северо-восточный путь). Справочные материалы послужат не только руководством в сфере навигации, научной работы, но и политики. Помимо того, что в материалах представлена детальная информация по климату, географии, морским трассам Северного морского пути, в них также содержатся обширные данные по законам и нормативам приарктических государств, что, по мнению автора, будет способствовать интенсификации политического диалога. Большое внимание уделяется коммерческой составляющей, так как таяние льдов позволит осуществлять транспортировку грузов из Китая в Европу в более короткие сроки.

В 2016 г. пять судов китайской группы COSCO были отправлены по Северному морскому пути. В этом же году Китай выпускает рекомендации по навигации у северо-западного побережья Канады. В 2016 г. начинается строительство первого атомного ледокола китайского производства *Хие Лонг 2* (Снежный дракон 2) при взаимодействии с финской стороной. В 2017 г. *Хие Лонг* впервые пересек Центральную Арктику (зона между Северной Землей и Новосибирскими островами).

В Китае постепенно стали появляться исследовательские институты, занимающиеся арктической проблематикой, например: Институт океанологии (в составе китайской Академии

наук), Морской институт (занимается разработкой китайской стратегии в контексте международного морского права), Институт полярных исследований в Шанхае и другие.

Автор приходит к выводу, что политику Китая в Арктике можно разделить на два исторических этапа: первый этап – это 80–90-е гг. прошлого века, когда у китайской стороны появляется интерес к Арктике; второй этап – с 2000-х гг. по настоящее время, когда Китай реализует свои экономические и политические арктические амбиции (создает научные институты, строит ледокольный флот, заключает двусторонние соглашения для освоения ресурсов и т. д.).

Следует заключить, что приоритеты КНР в исследовании Арктики отдаются экономической сфере, а также охране окружающей среды. Автор полагает, что причина превалирования экономических интересов над дру-

гими в первую очередь связана с необходимостью сократить временной интервал доставки грузов из Китая, не меньшую роль на возрастающее внимание к Арктике играют природные богатства региона. Стоит отметить, что многие государства, несмотря на опасения, относительно активизации китайской арктической политики, все же положительно относятся в совместной работе, освоению ресурсов ввиду, безусловно, активной инвестиционной политики КНР. К слабой стороне китайской политики в регионе стоит в первую очередь отнести малую изученность северного пространства, отдаленность от Арктики. По мнению автора, арктическая политика является одной из перспективных для китайской стороны, что будет способствовать усилению позиций КНР в международных вопросах по Арктике.

Статья поступила в редакцию 06.05.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Цзюньтао. Российско-китайские отношения в Арктике: проблемы и перспективы // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (СПбПУ). Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 239 (1). С. 92–97.
2. Елецкий Н. Д. Интересы России в условиях глобализации отношений собственности и управления (на примере Арктического региона) // Арктика и Север. 2018. № 32. С. 82–94.
3. Забелла А. А. Место Африки в энергобезопасности КНР // Международные отношения. 2017. № 4. С. 74–79. DOI: 10.7256/2454-0641.2017.4.24670.
4. Лукин Ю. Ф. Российская Арктика в изменяющемся мире. Архангельск: САФУ, 2012. 483 с.
5. Морозов Ю. В. Китай в Арктике: цели и риски для российско-китайских отношений // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 5. С. 21–32.
6. Пилясов А. Н., Котов А. В. Некоторые аспекты международного экономического сотрудничества в Арктике // Вестник Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. Серия 6: Политология. Международные отношения. 2016. Вып. 2. С. 81–92.
7. Погодин С. Н., Ван Цзюньтао. Геополитические и геоэкономические интересы Китая в Арктике // Геополитика и безопасность. 2017. № 2 (38). С. 59–64.
8. Пономаренко Л. В., Сидоров Д. А., Забелла А. А. Инициатива «Один пояс, один путь»

- как способ соединения Китая с миром // Дипломатическая служба. 2018. № 1(76). С. 42–48.
9. Сунь Сюэнь. Потенциал международного сотрудничества РФ и КНР в Арктике: сравнительный анализ национальных интересов // Социально-политические науки. 2017. № 3. С. 12–17.
10. Сунь Сюэнь. «Мягкая сила» Китая в Арктике // Азия и Африка сегодня. 2019. № 2. С. 53–57.
11. Цвык А. В. Эволюция внешнеполитических доктрин КНР (1950–1990-х гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2010. № 3. С. 53–59.
12. Черненко Е. Ф. Энергетическая дипломатия в орбите энергетической безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2010. № 3. С. 17–41.
13. China's Arctic ambitions and what they mean for Canada / P.W. Lackenbauer, A. Lajeunesse, J. Manicom and F. Lasserre // Calgary: University of Calgary Press. 2018. 262 p.
14. Yang Jian. An Interpretation of China's Arctic Policy // Pacific Journal. 2018. Vol. 26. № 3. P. 1–11.
15. Young O. Arctic Politics: Conflict and Cooperation in the Circumpolar North. Hanover, N. H.: University Press of New England, 1992. 303 p.

REFERENCES

1. Wang J. [Russian-Chinese relations in the Arctic: problems and prospects]. In: *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SpbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences], 2016, no. 239 (1), pp. 92–97.
2. Eletsii N. [The interests of Russia in the conditions of globalization the relations of ownership and control (for example, Arctic region)]. In: *Arktika i Sever* [Arctic and North J.], 2018, no. 32, pp. 82–94.
3. Zaballa A. [The place of Africa in the energy security of China]. In: *Mezhdunarodnye otnosheniya* [International relations], 2017, no. 4. С. 74–79. DOI: 10.7256/2454-0641.2017.4.24670.
4. Lukin Yu. *Rossiiskaya Arktika v izmenyayushchemsya mire* [The Russian Arctic in a changing world]. Arkhangelsk, SAFU Publ., 2012. 483 p.
5. Morozov Yu. [China in the Arctic: objectives and risks for Russian-Chinese relations]. In: *Problemy Dal'nego Vostoka* [The Far Eastern Affairs], 2016, no. 5, pp. 21–32.
6. Pilyasov A., Kotov A. [Some aspects of international economic cooperation in the Arctic]. In: *Vestnik SPbGU. Seriya 6: Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Vestnik of Saint-Petersburg State University, Series 6: Political Science. International Relations], 2016, no. 2, pp. 81–92.
7. Pogodin S., Wang J. [Geopolitical and geo-economic interests of China in the Arctic]. In: *Geopolitika i bezopasnost'* [Geopolitics and Security J.], 2017, no. 2 (38), pp. 59–64.
8. Ponomarenko L., Sidorov D., Zaballa A. [The initiative "One belt, one road" as a way to connect China with the world]. In: *Diplomaticheskaya sluzhba* [Diplomatic service], 2018, no. 1 (76), pp. 42–48.
9. Sun X. [The potential of international cooperation of Russia and China in the Arctic: comparative analysis of national interests]. In: *Sotsial'no-politicheskie nauki* [Sociopolitical Sciences], 2017, no. 3, pp. 12–17.
10. Sun X. ["Soft power" China in the Arctic]. In: *Aziya i Afrika segodnya* [Afrika and Asia today], 2019, no. 2, pp. 53–57.

11. Tsvyk A. [The evolution of the foreign policy doctrines of the PRC (1950–1990)]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [Vestnik RUDN. International Relations], 2010, no. 3, pp. 53–59.
12. Chernenko E. [Energy diplomacy in the orbit energy security]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [Vestnik RUDN. International Relations], 2010, no. 3, pp. 17–41.
13. Lackenbauer P., Lajeunesse A., Manicom J., Lasserre F. China's Arctic ambitions and what they mean for Canada. Calgary, University of Calgary Press, 2018. 262 p.
14. Yang J. An Interpretation of China's Arctic Policy. In: *Pacific Journal*, 2018, vol. 26, no. 3, pp. 1–11.
15. Young O. Arctic Politics: Conflict and Cooperation in the Circumpolar North. Hanover (N. H.), University Press of New England, 1992. 303 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Забелла Анастасия Александровна – ассистент кафедры теории и истории международных отношений, кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов;
e-mail: zabella-rudn@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anastasia A. Zabella – Assistant Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University;
e-mail: zabella-rudn@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Забелла А. А. Цели и интересы Китая в Арктике // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 4. С. 166–175.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-166-175

FOR CITATION

Zabella A. China's goals and interests in the Arctic. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 4, pp. 166–175.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-166-175

УДК 327(73)“2008/2019”

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-176-190

ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ НЕСТАБИЛЬНОСТИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ США В СВОИХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСАХ

Воронкова Д. О.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена анализу использования во внешней политике США внутренних факторов нестабильности региона Ближний Восток и Северная Африка накануне и в период «Арабской весны». Показана эволюция внешнеполитической деятельности Соединенных Штатов от начала событий до настоящего времени. Исследование содержит определение факторов нестабильности в регионе, анализ их взаимосвязей, примеры использования этих факторов в американской внешнеполитической деятельности в начале XXI в. Приведены оценки этой деятельности региональными союзниками США. Сделаны выводы о трансформации региональных отношений под влиянием внутренних и внешних факторов, спаде влияния США и о стремлении преодолеть этот спад, используя традиционные дипломатические и экономические методы. Научная значимость статьи заключается в комплексной оценке ряда внутренних проблем региона, их взаимосвязей и использовании во внешней политике США.

Ключевые слова: внешняя политика США, Ближний Восток, Северная Африка, «Арабская весна»

INTERNAL INSTABILITY FACTORS IN THE MENA REGION AND THEIR USE BY THE USA FOR ITS GEOPOLITICAL ENDS

D. Voronkova*Moscow Region State University**24, Very Voloshinoy St., Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation*

Abstract. The article analyses the use of internal factors associated with the instability in the Middle East and North Africa (MENA) region in the US foreign policy on the eve of and during the Arab Spring; as well as shows the evolution of the US foreign policy from its onset to the present time. The author determines the instability factors in the region; analyses their interrelations and examples of their use in the American foreign policy at the beginning of the 21st century; as well as provides the assessment of these actions by US regional allies. Conclusions are made about the transformation of regional relations under the influence of internal and external factors, the decline in US influence and their desire to overcome this decline using traditional diplomatic and economic methods. The scientific merit of the article lies in the fact that it comprehensively

assesses a number of internal problems of the region, their interconnection and use in the US foreign policy.

Keywords: US foreign policy, Middle East, North Africa, Arab Spring

Ключевое значение для понимания внутренних факторов нестабильности проблем региона Ближний Восток и Северная Африка имеют географическое положение государств региона, возможность добычи и транзита энергоносителей. Причины нестабильности в регионе можно условно раздеть на два взаимосвязанных комплекса: проблемы, напрямую связанные с распределением доходов от продажи энергоносителей и прочих ресурсов, и проблемы, связанные с региональными конфликтами по исторически сложившимся причинам.

Нефть остается основой экономической и военной мощи. На распределение доходов от продажи энергоносителей напрямую влияет отсутствие выборности власти в большинстве государств, что влечет за собой проблемы социально-экономического неравенства, проблемы коррупции, проблемы легитимности власти, проблемы роста населения и трудоустройства молодежи. Эти дискуссионные проблемы современного общества подробнее рассмотрены ниже. Внутренние исторические сложившиеся факторы нестабильности связаны с религиозным конфликтом между суннитами и шиитами¹, а также с проблемой границ, следствием чего являются сложное по-

ложение религиозных и национальных меньшинств в государствах региона, арабо-израильский конфликт. Решающее воздействие на оба комплекса проблем оказывают: вмешательство иностранных держав, региональное соперничество и рост экстремистского ислама. Рассмотрим вышеописанные положения подробнее.

США используют региональное соперничество как средство укрепления своего влияния в регионе путём экономической и дипломатической поддержки интересов своих союзников, продаж вооружений и наличия своего военного контингента в ряде стран региона. Это является следствием роста вооружений в регионе. Активное, в том числе военное, вмешательство США во внутренние дела региона вызвало рост антиамериканизма, который, наряду с проблемами социально-экономического неравенства и регулярно обостряющимися арабо-израильским и суннитско-шиитским конфликтами, способствовало росту экстремистского ислама, влияние которого выходит за пределы региона.

Несменяемость власти характерна для военных режимов, свергнувших в прошлом предыдущего правителя, и для неограниченных монархий. В этих государствах высоки степень коррупции и социального расслоения. Приверженцы демократических взглядов трактуют несменяемость власти в течение десятилетий как незаконное её удержание, не принимая в расчет традиционные для Востока формы власти и религиозно ориентированную орга-

¹ Подробно на эту тему – в интервью сотрудника Парижского института политических исследований Ф. Ансельма газете *Le Figaro* “Главная проблема Ближнего Востока – холодная война суннитов и шиитов, 11.01.2018”. См.: рус. пер. на сайте ИноСМИ. – URL: <https://inosmi.ru/politic/20180111/241166158.html> (дата обращения: 24.05.2019).

низацию общества. Так, по мнению Рафаэлла А. Дель Сарто [12, pp. 779–780, 781], «волна арабских восстаний, охватившая регион после 2011 г., несомненно, является кульминацией дефицита легитимности арабских режимов», так как «... богатые нефтью монархии могли позволить себе буквально купить уважение населения... однако легитимность политического правления оставалась слабой». Из-за перекосов в финансировании государственных институтов, распределение финансовых потоков между узкой группой лиц, коррупция, низкие бюджеты на социальные нужды способствовали углублению социально-экономического неравенства и финансовых проблем.

Глубокие экономические и политические связи США с лояльными авторитарными режимами требовали обоснования устойчивости этих режимов для сдерживания критики западного мира, упреков о нарушении прав человека в этих странах (КСА¹, Бахрейн, ОАЭ, Катар, Иордания). Для обоснования сотрудничества с недемократическими странами в США была разработана концепция авторитарной стабильности, заменившая идею внедрения демократии [3, с. 102]. Президент Египта Х. Мубарак сотрудничал с США более тридцати лет, однако США не поддерживали президента в ходе «Арабской весны», и тот оказался свергнут (так же, как ранее: шах Ирана, Маркос – на Филиппинах, Сухарто – в Индонезии и Саддам – в Ираке, а позже Каддафи в Ливии)². Ха-

¹ КСА – здесь и далее по тексту обозначение Королевства Саудовской Аравии.

² Han Dongping. Arab Spring is now US awakening, 19.09.2012 [Электронный ресурс] // ChinaDaily Africa. – URL: http://africa.chinadaily.com.cn/opinion/2012-09/19/content_16006900.

рактер высказывания официальных лиц США в ходе развития «Арабской весны» в Египте за несколько дней изменился с поддержки существующей власти, до солидарности с протестующими и требований о немедленной передаче власти³.

Г. Мирский отрицает участие США в свержении Мубарака из-за крайне выгодных для США соглашений [3, с. 99–100]. Он считает, что в ситуации с поддержкой волнений в Египте США проявили гибкость для налаживания отношений с новой властью [4, с. 171], поскольку США заинтересованы в сохранении сложившейся системы власти, пусть и во главе с другим президентом [3, с. 101]. Так, Египет ежегодно получал от США, в среднем, 1,5 млрд. долларов, а, в свою очередь, суда американского ВМФ имели возможность использовать Суэцкий канал, военная авиация США – право пересекать воздушное пространство Египта. Еще 3 февраля 2011 г. Обама заявлял, что арабские волнения «не являются следствием политики США или другой внешней силы»⁴.

В 2013 г. Центр стратегических международных исследований США издал доклад, согласно которому видимая

htm (Дата обращения: 24.05.2019).

³ См. релиз офиса пресс-секретаря Президента США Барака Обамы “Remarks by the President on the Situation in Egypt, February 1, 2011”. – URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/02/01/remarks-president-situation-egypt> (дата обращения: 24.05.2019).

⁴ President Obama Speaks on the Turmoil in Libya: “This Violence Must Stop”, 23 February, 2011 // The White House President Barak Obama. – URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/blog/2011/02/23/president-obama-speaks-turmoil-libya-violence-must-stop?utm_source=022411&utm_medium=blog&utm_campaign=daily (дата обращения: 24.05.2019).

стабильность диктатур в Арабском мире, которой руководствовались политики на протяжении десятилетий, показала свою иллюзорность. Реакции руководства США на падения режимов, с которыми Америка имела длительные и плодотворные взаимоотношения, заставили региональные державы иначе взглянуть на баланс сил в регионе и предпринять ряд шагов для укрепления собственных позиций.

Отдельные исследователи проблем роста численности молодежи в странах Ближнего Востока в конце XX в. заявляли о влиянии этого фактора на устойчивость правящих режимов и потенциальную опасность для американской ближневосточной политики [13, р. 151–154]. На основе статистики прироста населения в регионе были сделаны выводы, что страны MENA¹ должны поддерживать 7% экономический рост, иначе в регионе начнутся многочисленные молодежные волнения [18]. В результате мирового экономического кризиса 2008 г. обострилась проблема безработицы и доходов населения в ряде стран региона MENA: в 2009 г. среди молодежи в возрасте 18–29 лет безработица составляла около 49%, почти каждый второй выпускник, получивший диплом о высшем образовании, не смог найти работу (в 1999 г. число безработных с дипломом было в два раза ниже – 22%) [7, с. 48]. Экспорт товаров и услуг сократился за год кризиса на 3,7% [6, с. 100].

Одна из гипотез, высказанных после начала войны в Ираке на основе исследований демографов, гласила: США вторглись в Ирак, ожидая, что

молодежные волнения могли бы создать цепную реакцию в регионе и вдохновить арабов на свержение других режимов. Однако путь, выбранный правительством США, на практике не привел к вышеуказанным выводам и «задержал эту цепную реакцию, сплотив народ вокруг действующих режимов»². По мнению Ф. Фукуямы, «администрация Буша была чрезмерно оптимистичной, считая, что будет очень легко осуществить широкомасштабную демократизацию не только в Ираке, но и на Ближнем Востоке в целом» [9, с. 10]. Тем не менее, по мнению П. П. Рябова, к 2010 г. в регионе «выросли новые поколения, которые всё больше ассоциируют себя с западными экономическими системами, но не имеют возможности в прежних условиях эти желания осуществить», автор считает, что в государствах региона останется прежняя система равновесия кланов и племен, только станет называться «многопартийной системой» [5, с. 55–56].

Стремление США к утверждению своего влияния в регионе реализовывалось, во-первых, информационным путём, через культурные составляющие (музыка, кинематограф, мода, новости, научные статьи и т. д.), которые распространялись посредством СМИ, а также через социальные сети, форумы, блоги, новостные ленты в сети Интернет; во-вторых, через действия неправительственных организаций (поддержка оппозиционных кружков,

¹ MENA – здесь и далее по тексту аббревиатура для стран *Middle East and North Afrika*.

² Цит. по: Corley M. Rove: a “Win” after more years in Iraq “will rally Muslim world to us”, 21.03.2008 [Электронный ресурс] // Thinkprogress. – URL: <https://thinkprogress.org/rove-a-win-after-more-years-in-iraq-will-rally-the-muslim-world-to-us-c07240ee8d6b/> (Дата обращения: 24.05.2019)

поиск и обучение лидеров, могущих возглавить оппозиционные партии и течения и т. д.); в-третьих, дипломатическими методами. Методы так называемой американской «демократизации» не одобрялись правительствами стран региона, но и их последствия не были определяющими в развитии политической региональной системы. Согласно опросам агентства Гэллуп в Египте в ходе волнений «Арабской весны» 2011 г., 73% египтян ответили, что не видят в США поддержки демократии (в 2008 г. 75% египтян ответили так же)¹.

Региональное соперничество прямо влияет на ряд проблем региона: суннитско-шиитский конфликт, арабо-израильский конфликт, гонку вооружений, соперничество при получении иностранной экономической поддержки, в продажах энергоносителей и проч. ЛАГ, как региональный союз, являлся площадкой для обмена мнениями среди стран-участниц, но не влиял всерьез на ситуацию в регионе. Например, на заседании ЛАГ в 2008 г. М. Каддафи выступал за расследование казни президента страны-члена ЛАГ (С. Хусейна), с возмущением описывая «иностранную оккупацию» Ирака вооруженными силами США. Однако ЛАГ не предпринял никаких шагов для защиты одного из своих членов².

¹ Younis M., Younis A. Opinion Briefing: Egyptians on the Arab Spring, 22.02.2012 // Gallup. – URL: https://news.gallup.com/poll/152879/Opinion-Briefing-Egyptians-Arab-Spring.aspx?g_source=FOREIGN_POLICY_OPINION_BRIEFINGS&g_medium=topic&g_campaign=tiles (дата обращения: 24.05.2019)

² [Video] Speech by M. Qaddafi at the summit of the League of Arab States in Syria, 2008. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Wc4Ifz2Voz8> (дата обращения: 24.05.2019)

Ближневосточный регион всегда был подвержен межконфессиональным конфликтам по причине существования двух альянсов: «суннитской оси» с Саудовской Аравией, Египтом, Катаром и Бахрейном и «шиитского полумесяца» с Ираном, Ираком, Сирией и Ливаном. Эти альянсы можно рассматривать как решающие в определении структуры союзов между внутренними и внешними участниками [16, р. 48]. Иран, в силу своего географического положения, имеет контроль над Ормузским проливом (по которому поставляется около трети мирового трафика нефти)³, и неоднократно угрожал закрыть доступ в пролив в ответ на иностранную агрессию. Такой возможный шаг Ирана неприемлем для стран Персидского Залива, так как добыча и экспорт нефти является важнейшей составляющей экономики этих государств.

Саудовская Аравия и Израиль являются для США опорными государствами, обладающими довольно серьезным региональным влиянием в определенной группе стран, и могущими обеспечить поддержку с позиции силы или геополитики. По некоторым оценкам, присутствие Израиля, традиционно враждебного КСА в альянсах с США, стало возможным вследствие «заинтересованности суннитов в существовании стабильного и могущественного израильского государства в качестве противовеса иранскому доминированию в Ближневосточном регионе» [14, р. 56]. Военное вторжение США и их союзников на Ближний Восток в начале XXI в. показало, что американо-

³ Raval A. Strait of Hormuz becomes focal point after oil attacks // Financial Time. 2019. 20 May.

саудовский и американо-израильский альянсы являются сильнейшими в регионе. Устранение Саддама Хусейна, антагонизм по отношению к Ирану, нефтяная гегемония с арабскими компаниями и борьба с глобальным терроризмом указывают на тот факт, что США стали управлять структурами альянсов региона [16, p. 43].

С началом событий «Арабской весны», продолжая традиционную политику взаимного недоверия, региональные державы и негосударственные субъекты (включая Саудовскую Аравию, страны Персидского залива, Турцию, Иран и «Хезболлу») начали вмешиваться в ход волнений, каждый финансировал свои собственные ополчения, или, как в случае с ливанской «Хезболлой», принимал участие в боевых действиях¹. В ходе волнений изменились устойчивые политические блоки: Катар порвал отношения с Сирией, в которой разразилась гражданская война, в Египте к власти пришли новые силы. ЛАГ трансформировалась в подконтрольную Саудовской Аравии и Катару структуру после переворотов в Египте, Ливии и исключения из неё Сирии. Иран, давний противник Саудовской Аравии, был объявлен инициатором отдельных восстаний и пособником террористов. США активно поддерживали Саудовскую Аравию в стремлении ограничить влияние Ирана, исходя из соображений регионального доминирования.

Перед заключением ядерной сделки с Ираном, в марте 2015 г. госсекретарь США Джон Керри делал заявления о возможности сотрудничества с Баши-

ром Асадом, невзирая на крайне несогласие с этим Саудовской Аравии². Но через некоторое время на Иран вновь были наложены санкции со стороны США. Союзник Ирана, ливанская «Хезболла», воюющая на стороне Асада, на экстренной сессии ЛАГ 19 ноября 2017 г. по инициативе КСА была признана террористической организацией, невзирая на то, что эта партия представлена в парламенте Ливана. Можно предположить, что важнейшие региональные союзники США в определенной мере оказывают влияние на внешнеполитические решения последних. По мнению Н. Хусейна, непоследовательная позиция США по ряду региональных вопросов, их нежелание увеличивать военное вмешательство в гражданскую войну в Сирии, а также влияние на региональные события России, Турции и Китая, поставили под сомнение могущество американо-арабо-израильского союза [16, p. 44].

Как представляется, недовольство политикой США в регионе побуждает союзников Америки предпринимать самостоятельные внешнеполитические шаги. В частности, в 2015 г. был подписан ряд договоров в сфере энергетики между Россией и Саудовской Аравией, 5–8 октября 2017 г. состоялся первый государственный визит короля Саудовской Аравии в Россию³. Вышеописанные события также ока-

² См. рус. перевод статьи из *Asharq Al-Awsat* (Саудовская Аравия): Абд ар-Рахман ар-Рашид. Керри сошел с ума? 18.03.2015 // ИноСМИ. – URL: <https://inosmi.ru/asia/20150318/226947301.html> (Дата обращения: 24.05.2019)

³ Итоги первого госвизита короля Саудовской Аравии в Россию, 08.10.2017 [Электронный ресурс] // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4627597> (Дата обращения: 24.05.2019)

¹ Fisher M. Syria's Paradox: Why the War Only Ever Seems to Get Worse // The New York Times. 2016. 26 Aug.

зали влияние на переоценку политических союзов государствами региона. По мнению Дж. Дженкинса, бывшего британского посла в Саудовской Аравии, угрозой для королевства является «гнетущее ощущение того, что традиционное партнерство с Соединенными Штатами в качестве основы внешнеполитической стратегии все более себя изживает» [10, р. 91]. В тоже время, французский исследователь Ф. Ансель считает, что трансформация баланса сил в регионе лишь продолжилась событиями «Арабской весны», а тенденцию к ослаблению арабского мира можно проследить с конца XX в. (распад Сомали и ослабление Ирака в 1991 г.). По его мнению, эта тенденция продолжилась разделом Судана и Ирака в 2011 г., падением Ливии и Йемена в ходе «Арабской весны», ослаблением стран, не затронутых волнениями вследствие падения цен на нефть (Алжир, нефтяные монархии Персидского залива), усилением терроризма (Ирак, Египет, Марокко, Ливия), геополитическим противостоянием (Марокко – Алжир, ОАЭ – Бахрейн)¹.

Процесс политических изменений в регионе MENA начался не событий «Арабской весны» и не закончился с её фактическим затуханием, а является этапом трансформации региональных отношений. Так, 5 июня 2017 г. о разрыве дипломатических отношений с Катаром объявили такие государства, как Бахрейн, Объединенные Арабские Эмираты, Египет, Йемен, Мальдивы, переходное правительство Ливии, и ключевой в прошлом союзник – Саудовская Аравия². Причиной этого раз-

рыва стали попытки сближения катарского правительства с Ираном. Помимо того, обостряется ситуация в Ливии³, в Алжире прошла волна протестов против нового срока Президента А. Бутефлика, правящего страной с 1999 г.⁴

В большинстве ближневосточных государств военные получали (и получают) важные экономические привилегии, имеют значительное влияние в руководстве страны в течение многих лет. Амбиции военных элит были укреплены личными отношениями с арабскими лидерами (Х. Мубарак, Х. Асад, иорданские монархи Хусейн, Абдалла II), высок статус карьеры военного в большинстве арабских государств⁵. По мнению В. Ахмедова, значительная часть национального бюджета ключевых государств Арабского Востока (до 1/3), шла на оборону за счет сокращения расходов на развитие и социальные нужды ради поддержания лояльности военных⁶. Таким образом, армия была глубоко вовлечена в гражданскую деятельность, в результате военно-промышленный комплекс пере-

Востока. Досье, 05.06.2017 [Электронный ресурс] // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/info/4314685> (дата обращения: 24.05.2019).

³ Лукьянов Г. Триполи: блицкриг Хафтара провалился. Что дальше? 18.04.2019 [Электронный ресурс] // МДК Валдай. – URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/tripoli-blitskrig-khaftara/> (дата обращения: 25.05.2019).

⁴ Кузнецов В. Почему «уход» Бутефлики грозит Алжиру ещё большими потрясениями, 13.03.2019 [Электронный ресурс] // МДК Валдай. – URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/ukhod-butefliki-grozit-alzhiru/> (дата обращения: 24.05.2019).

⁵ Ахмедов В. М. Роль армии в политических системах арабских государств Ближнего Востока, 17.04.2009 [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=8475> (дата обращения: 24.05.2019).

⁶ Там же.

¹ См. сноску выше на интервью Ф. Анселя газете *Le Figaro*.

² Конфликты Катар со странами Ближнего

секался с политикой государственной индустриализации, основанной на импортозамещении.

По мнению Д. Линд, «региональное соперничество и вмешательство США привели к росту вооружений в регионе, постоянному присутствию военного контингента США в ряде стран, зависимости от экономической и дипломатической поддержки США по ряду региональных вопросов» [15, р. 180]. Нужно отметить, что с 1970-х и 1980-х гг. военные базы США присутствуют в ряде нефтедобывающих стран Персидского Залива: в Бахрейне находится главная стоянка 5 флота ВМФ США, в Кувейте – сухопутные войска США, в Катаре – ВВС США и одна из военных баз, Эль-Удейд. Численность личного состава ВС США в регионе – 35 тыс. чел., и «может быть значительно увеличена в случае обострения обстановки» [2, с. 20]. Это является определенной гарантией бесперебойных поставок нефти на рынки Запада и Востока, уравнивая потенциальные возможности Ирана по препятствию этому транзиту. После военного вмешательства США в Ирак и Афганистан, американский военный контингент сохраняется в этих странах, несмотря на неоднократные заявления руководства США о его выводе. В рамках военно-технического сотрудничества США не только поставляют вооружения и запчасти для военной техники, но и занимаются обучением военных специалистов в странах Ближнего Востока; ряд военных должностей в странах Персидского Залива занимают британские и американские специалисты, что говорит о влиянии и определенном контроле вооруженных сил этих стран.

Следствием регионального соперничества и взаимного недоверия среди стран региона является наращивание вооружений, особенно в 2000-х гг., после начала войн в Ираке и Афганистане. С 1990-х гг. регион *MENA* занимал высшие позиции в рейтингах затрат на военные нужды в мире как в целом, так и в процентах от ВВП¹. США являлись крупнейшим экспортером вооружений в страны *MENA*: общая стоимость военных поставок в арабские государства за период с 1999 г. по 2006 г. составила примерно 88 млрд. долларов². По данным российского Центра анализа мировой торговли оружием (ЦАМТО), США являлись поставщиками около 60% всех вооружений в регион в 2007–2010 гг. Американский военный экспорт в страны Ближнего Востока резко возрос в 2011–2014 гг., по оценке ЦАМТО, на 53% (62,145 млрд. долларов из общего объема прогнозируемых поставок продукции военного назначения США)³. США традиционно использовали военно-техническое сотрудничество в качестве инструмента внешней политики, обеспечивающего национальные интересы⁴, в том числе обеспечения заказами собственной

¹ Global Militarization Index [Электронный ресурс] // Bonn International Center for Conversion (BICC). – URL: <http://gmi.bicc.de/> (дата обращения: 24.05.2019).

² Юрченко В. П. Военно-техническое сотрудничество США с арабскими странами, 14.02.2008 [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=6806> (дата обращения: 24.05.2019).

³ В структуре военного экспорта США в 2011–2014 гг. произойдут существенные изменения, 26.10.2011 [Электронный ресурс] // ЦАМТО. – URL: <http://www.armstrade.org/includes/periodics/news/2011/1026/110010123/detail.shtml> (дата обращения: 24.05.2019).

⁴ См. ссылку выше на публикацию Юрченко В. П.

оборонной промышленности. Таким образом, мы видим, что в начале XXI в. Соединенные Штаты стремились сохранять и приумножать своё влияние в странах региона через укрепление военно-технического сотрудничества, увеличение экспорта вооружений и, кроме того, силовой внешней политики (при Дж. Буше-младшем).

Д. Линд отмечает [15, р. 181], что США стремились укреплять связи с государствами региона не только за счет военного сотрудничества, но и путем налаживания личных отношений между дипломатами: «повседневное взаимодействие между официальными лицами США и Совета сотрудничества стран Залива предназначены для предоставления американским официальным лицам доступа к ключевым фигурам Бахрейна, ОАЭ, Кувейта, Катара и КСА, которые принимают решения, влияющие на США». Она указывает, что благодаря этим связям, американские дипломаты могут влиять на решения вышеперечисленных стран-экспортеров нефти, что крайне важно, так как США заинтересованы в контроле ближневосточных запасов энергоносителей, а также в обеспечении бесперебойных поставок нефти, трансокеанские потоки которой контролируются ВМС США.

По мнению А. Сушенцова, результатом войн в Ираке (2003–2011 гг.) и Афганистане (2001–2014 гг.) стало не «единое союзное пространство» Большого Ближнего Востока, а растущая милитаризация конфронтации между суннитами и шиитами, актуализация проблем межрегионального соперничества, арабо-израильского конфликта, рост антиамериканских настроений [8, с. 251].

К 2008 г. региональное медианное одобрение США составляло всего 15%, а опросы агентства Гэллуп в 143 странах показывали, что авторитет Соединенных Штатов является низким по всему миру, при этом в Египте рейтинг удовлетворения действиями американского правительства составлял 6%, в Сирии – 4%¹. Администрация Обамы стремилась воздержаться от прямого военного вмешательства в арабские волнения из-за колоссальных финансовых затрат предыдущих военных операций, отрицательного экономического и политического влияния на страны региона: потери США составили более 8000 погибших и 150 000 раненых в Ираке и Афганистане, стоимость операций по «войне с террором» с 2001 г. оценивается в 2,3–2,6 трлн. долларов, а суммарные затраты США по обязательствам в Ираке, Афганистане и Пакистане составили 3,7–4,4 трлн. долларов [17, р. 81]. Однако многие влиятельные политики и экономисты не разделяли убеждения президента по вопросам ближневосточной политики, не желая признавать ошибочность политики и, как следствие, потери напрасными.

Поляризация взглядов проявлялась и в опросах общественного мнения²,

¹ Ray J. Opinion Briefing: U.S. Image in Middle East / North Africa, 27.01.2009 [Электронный ресурс] // Gallup. – URL: https://news.gallup.com/poll/114007/Opinion-Briefing-Image-Middle-East-North-Africa.aspx?g_source=FOREIGN_POLICY_OPINION_BRIEFINGS&g_medium=topic&g_campaign=tiles (дата обращения: 24.05.2019).

² Obama Faces Familiar Divisions Over Anti-Terror Policies, 18.02.2009 [Электронный ресурс] // Rew Research Center. – URL: <http://www.people-press.org/2009/02/18/obama-faces-familiar-divisions-over-anti-terror-policies/> (дата обращения: 05.04.2019).

и на высшем уровне¹. После распада СССР США обладали доминирующим влиянием в регионе. З. Бжезинский говорил в 2011 г., что США теряют позиции, их влияние – на спаде или утрачено, а арабские союзники разочарованы внешнеполитической деятельностью США². Г. Киссинджер писал, что «американская политика стремилась учитывать интересы всех сторон и (к 2015 г. – Д. О.) оказалась на грани потери способности влиять на ситуацию», а также, что «США в настоящее время находится в противоречиях или расхождении по целому ряду вопросов со всеми влиятельными силами в регионе»³. По высказываниям этих двух влиятельнейших внешнеполитических специалистов можно сделать выводы, что, во-первых, они не одобряют внешнюю политику Обамы и, во-вторых, их мнение о спаде влияния США последовательно – и в 2011, и в 2015 гг.

Не только американские политики высказывались о спаде влияния США, например, о «благоприятной международной обстановке (для французской внешней политики), в связи с подрывом доверия к США» говорил так же французский геополитик Ф. Ансель⁴; профессор Гарвардского университета Стивен М. Уолт писал, что «Америка

не так сильна, как думает»⁵, «основой подхода администрации Трампа является «бери или уходи», несмотря на то, что такой высокомерный подход «Буша – Чейни породил череду неудач»⁶. Можно предположить, что влияние США снизилось из-за жесткого вмешательства администрации Дж. Буша-младшего в дела региона. Под грузом внешнеполитических противоречий и накопившихся внутригосударственных и региональных проблем администрация Обамы не сумела смягчить последствия силовой политики предшественника. Это стало дополнительным толчком к трансформации баланса сил в регионе.

Администрация Д. Трампа, как представляется, планирует укрепление своего влияния путем демонстрации силы. В настоящее время США нагнетают обстановку в Персидском Заливе, угрожая Ирану военным вмешательством⁷, что может привести к катастрофическим последствиям⁸, вводит вторичные санкции против стран, сотрудничающих с Ираном, ведут ожесточенную торговую войну с Китаем⁹, имеющим на Ближнем Восто-

⁵ Walt St. America Isn't as Powerful as It Thinks It Is // Foreign Policy. 2019. 26 Apr.

⁶ Там же.

⁷ См. рус. пер. редакционной статьи газеты *Хуаньцю шибао*, Китай: Америка не может позволить себе «Иранскую войну», но ей нравится запугивать, 23.05.2019 [Электронный ресурс] // ИноСМИ. – URL: <https://inosmi.ru/politic/20190523/245129542.html> (дата обращения: 24.05.2019).

⁸ См. рус. пер. статьи газеты *The Nation* (Пакистан): Иранский конфликт может спровоцировать Третью мировую войну, 21.05.2019 [Электронный ресурс] // ИноСМИ. – URL: <https://inosmi.ru/politic/20190523/245125973.html> (дата обращения: 24.05.2019).

⁹ «Мы будем бороться до конца»: китайские СМИ повышают градус в высказыва-

¹ Госсекретарь США Хиллари Клинтон в 2009 г. настаивала на увеличении военного вмешательства в страны Ближнего Востока.

² См. текст интервью в рус. пер. «Бжезинский: мы утратили былое влияние» (Dar Al-Hayat, Ливан), 27.06.2011. [Электронный ресурс] // Рамблер. – URL: https://news.rambler.ru/usa/10312697/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 24.05.2019).

³ Kissinger H. A Path Out of the Middle East Collapse // The Wall Street Journal. 2015. 16 Oct.

⁴ См. сноску выше на интервью Ф. Анселя газете *Le Figaro*.

ке свои интересы и не планирующим отступать. Такое поведение Соединенных Штатов создает предпосылки для дальнейшей эскалации конфликтов, усиливает тем самым напряженность в регионе и в мире, и в целом внешнеполитическая деятельность Америки остается важным фактором нестабильности.

Важным фактором нестабильности является рост экстремистского ислама. И как важнейшая часть жизни арабов – религия, и как политическая оппозиция – исламисты успешно расширяли круг недовольных властью. Беспрецедентной радикализации исламских организаций в начале XXI в. способствовало стремительное развитие информационно-пропагандистских технологий [1, с. 288]. Главы режимов, например, в Египте, в Ливии, позиционировавшие себя как светское государство, говорили о том, что в случае их свержения ислам немедленно займет их место у власти, что и произошло в Египте, Тунисе в результате волнений. В ходе арабских волнений США поддерживали вооруженную оппозицию в Ираке, Ливии, Сирии. Ряд районов Ирака, Афганистана, Сирии, Ливии перестал контролироваться центральной властью этих государств в результате свержения предыдущих правителей (С. Хуссейн, М. Каддафи) и начала междоусобных войн (Ирак, Сирия, Ливия). В этих районах власть фактически стала принадлежать полевым командирам, а радикальные исламисты объявили о создании государ-

ства, основанном на нормах шариата. В отсутствие контроля центральной власти над военными складами в были зафиксированы случаи попадания этого оружия в руки экстремистов (в Ираке, Ливии). После свержения Каддафи Майкл Флинн, бывший глава разведуправления Министерства обороны, говорил: «Это не был провал. Это была катастрофа. Мы уничтожили не очень хорошего парня, который поддерживал стабильность в очень плохом регионе»¹.

По мнению Р. А. Дель Карто, в случае дальнейшего ослабления центральной власти вооруженные и насильственные группы смогут бесконтрольно перемещаться от Туниса и Ливии через Синай до Сирии и Ирака, являясь угрозой балансу сил по всему региону [12, р. 783], и это предположение находит своё подтверждение: по данным арабского издания *Asharq Al-Awsat*, террористическая организация ИГИЛ (запрещена на территории России) переместилась из Сирии и Ирака в другие регионы мира, в частности в Афганистан². Можно предположить, что рост радикального ислама стал следствием прямого военного вторжения США, роста антиамериканских настроений, ухудшения социально-экономического положения населения в результате войн, распада ряда государств и ослабления контроля

ниях о торговой войне с США (*The Guardian*, Великобритания), 24.05.2019 [Электронный ресурс] // ИноСМИ. – URL: <https://inosmi.ru/politic/20190524/245139874.html> (дата обращения: 24.05.2019)

¹ Цит. по: Becker J., Shane S. In Their Own Words: The Libya Tragedy // *The New York Times*. 2016. 27 Feb.

² См. рус. пер. статьи: Таха абд аль-Вахид. Пять тысяч боевиков ИГИЛ (террористическая организация, запрещенная на территории России. – Д. О.) находятся в Афганистане, 25.05.2019 [Электронный ресурс] // ИноСМИ. – URL: <https://inosmi.ru/social/20190525/245141124.html> (Дата обращения: 25.05.2019).

центральной власти над некоторыми территориями, а также усиления регионального соперничества, застарелой проблемы границ (курды, палестинцы), гонки вооружений.

Внутренними, исторически сложившимися причинами нестабильности являются: суннитско-шиитский конфликт, проблема границ, арабо-израильский конфликт и проблемы межкультурной и межнациональной розни. По мнению Жана-Пирра Кассарино, Р. А. Дель Сарто, после распада Османской империи ответственность за создание «современных национальных государств» с определенными границами, таких как Сирия, Ливан, Ирак, Иордания, Израиль и меньшие монархии Персидского залива, «лежит на европейских колониальных державах, которые налагали границы там, где их не было», «независимо от каких-либо исторических местных ранее существовавших факторов и без каких-либо консультаций с местным населением» [11, р. 883–896]. Государства *MENA*, имевшие длительные общиe связи (например, Египет, Ливия, Сирия) делали попытки в разные годы создать единые государства с союзниками, однако эти союзы не просуществовали долго. По сей день почти каждое государство Ближнего Востока и Северной Африки имеет проблему демаркации границы с соседом или соседями. Проблема палестинцев, не имеющих своего государства на землях, занятых еврейским государством Израиль, является причиной арабо-израильского конфликта.

США традиционно поддерживают Израиль во внешнеполитических взаимоотношениях государства со странами региона, США прилагали мас-

су усилий для примирения арабских стран с Израилем. Однако США (под влиянием произраильского лобби в Конгрессе) и ряд стран Евросоюза причисляют ХАМАС (палестинскую организацию) к террористическим организациям, что дает основание Израилю вести против них военные действия и применять жесткие блокадные меры против населения сектора Газа. Кроме того, Израиль полностью исключает возможность участия ХАМАС в двусторонних палестино-израильских переговорах, что еще больше тормозит решение проблем [7, с. 87–88]. Нужно отметить, что технологический, экономический и демографический рост Израиля, подкрепленные поддержкой США, не побуждает Израиль к уступкам арабским странам на фоне ослабления последних.

«Арабская весна» актуализировала и обострила ряд внешних и внутренних проблем региона Ближний Восток и Северная Африка. Как представляется, причины «Арабской весны» лежат в области конфликта социального запроса на перемены в жизни общества и консервативной модели управления, а сами волнения явились этапом трансформации Ближневосточного региона. Несмотря на ожидания западного мира, цепного распространения либеральной демократии на традиционные государства региона не произошло, а собственно волнения были быстро «умиротворены». Однако катастрофические последствия арабских волнений, усугубившие внутренние проблемы региона, делятся по сей день, демонстрируют отсутствие успешных попыток решения причин нестабильности и являются результатом стремления заинтересованных сторон под-

твердить и расширить экономические и дипломатические договоренности с новыми политическими силами.

В результате военных вторжений в начале XXI в., проведения непоследовательной и противоречивой внешней политики, позиции США в регионе ослабли, а их региональные союзники пересматривают собственную политику, реагируя на изменение баланса сил. США стремятся сочетать традиционное дипломатическое, экономическое и военное давление на правительства государств Ближнего Востока и Северной Африки с целью сохранения своего влияния. При этом США сами

являются фактором нестабильности, оказывают влияние на комплекс застарелых проблем региона и создают новые (поддержка вооруженных оппозиций в ряде стран, эскалация напряженности по отношению к Ирану). Можно заключить, что прежняя противоречивая внешняя политика не даёт нужного эффекта руководству США и требует пересмотра стратегии в регионе, однако американское руководство придерживается традиционных, жестких методов реализации своей внешнеполитической деятельности.

Статья поступила в редакцию 17.04.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Ислам в мировой политике в начале XXI века : учеб. пособие / под ред. Л. М. Ефимовой, М. А. Сапроновой. М.: МГИМО-Университет, 2016. 345 с.
2. Конышев В. Н., Сергунин А. А. США и создание систем ПРО на Ближнем Востоке // Азия и Африка сегодня. 2015. № 11. С. 18–24.
3. Мирский Г. И. Арабский мир: надоело, не верим, не боимся // Международные процессы. 2011. Т. 9. № 25. С. 99–105.
4. Мирский Г. И., Седова Н. Н. Ближний Восток — нереспектабельные падения режимов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 1 (101). С. 171–179.
5. Рябов П. П. Арабская весна по-йеменски. М.: ИП Козлов Р. В., 2017. 245 с.
6. Селянина Ю. Г. Малые и средние экономики Ближнего Востока и Северной Африки в условиях мирового финансового кризиса // Проблемы современной экономики. 2010. № 3. С. 100–102.
7. Социальный протест на современном Востоке / Под ред. Д. В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2016. 304 с.
8. Сушенцов А. А. Малые войны США: политическая стратегия США в конфликтах в Афганистане и Ираке в 2000–2010-х годах. М.: Аспект Пресс, 2014. 272 с.
9. Фукуяма Ф. Америка на распутье: демократия, власть и неоконсервативное наследие / пер. с англ. М.: АСТ, 2007. 282 с.
10. Bardaji R. L. Religion, power and chaos in the Middle East // European View. 2016. №. 15. doi: 10.1007/s12290-016-0391-9 https://www.researchgate.net/publication/301716922_Religion_power_and_chaos_in_the_Middle_East
11. Cassarino J.-P. Approaching borders and frontiers in North Africa // International Affairs. 2017. Vol. 93. Iss. 4. P. 883–896. doi:10.1093/ia/iix124
12. Del Sarto R. A. Contentious borders in the Middle East and North Africa: context and concepts // International Affairs. 2017. Vol. 93. Iss. 4. P. 767–787. doi: 10.1093/ia/iix070
13. Fuller G. The Demographic Backdrop to Ethnic Conflict: A Geographic Overview // The Challenge of Ethnic Conflict to National and International Order in the 1990s. Washington: CIA, 1995. P. 151–154.

14. Hough T. M. 1979 and the Re-Emergence of the Islamic Empire. Pickle Partners Publishing, 2014. 56 p.
15. Lind J., Press D. Markets or Mercantilism? How China Secures Its Energy Supplies // International Security. 2018. Vol. 42. № 4. P. 170–204. doi:10.1162/ISEC_a_00310
16. Nazir H., Amna J. Alliance politics and the new power equation in the Middle East // NDU Journal. 2018. P. 41–50.
17. Kitchen N. Hegemonic transition theory and US foreign policy // Parmar I., Miller L., Ledwidge M., eds. Obama and the World: New Directions in US Foreign Policy. London: Routledge, 2014. P. 80–92.
18. Owen R., Pamuk Ş. A history of Middle East economies in the twentieth century. London: Tauris, 1998. 310 p.

REFERENCES

1. Efimova L., Sapronova M., eds. *Islam v mirovoi politike v nachale XXI veka: ucheb. posobie* [Islam in global politics at the beginning of the XXI century: tutorial]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2016. 345 p.
2. Konyshov V., Sergunin A. [The US and the establishment of missile defense systems in the middle East]. In: *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Afrika today], 2015, no. 11, pp. 18–24.
3. Mirskii G. [The Arab world: tired, not believe, not afraid]. In: *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends], 2011, vol. 9, no. 25, pp. 99–105.
4. Mirskii G., Sedova N. [The middle East were looked down upon and the fall of their regimes]. In: *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal], 2011, no. 1 (101), pp. 171–179.
5. Ryabov P. *Arabskaya vesna po-iemenski* [The Arab spring in lemanski]. Moscow, IP Kozlov R. Publ., 2017. 245 p.
6. Selyanina Yu. [Small and medium-sized economies of the Middle East and North Africa the global financial crisis]. In: *Problemy sovremennoi ekonomiki* [Problems of Modern Economics], 2010, no. 3, pp. 100–102.
7. Streltsov D., ed. *Sotsial'nyi protest na sovremennom Vostoke* [Social protest in modern East]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2016. 304 p.
8. Sushentsov A. *Malye voyny SSHA: politicheskaya strategiya SSHA v konfliktakh v Afganistane i Irake v 2000–2010-kh godakh* [Small wars of the United States: the political strategy of the United States in conflicts in Afghanistan and Iraq in 2000–2010]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2014. 272 p.
9. Fukuyama F. *Amerika na rasput'e: demokratiya, vlast' i neokonservativnoe nasledie* [America at the Crossroads: Democracy, Power, and the Neoconservative Legacy]. Moscow, ACT Publ., 2007. 282 p.
10. Bardaji R. L. Religion, power and chaos in the Middle East. In: *European View*, 2016, no. 15. doi: 10.1007/s12290-016-0391-9 https://www.researchgate.net/publication/301716922_Religion_power_and_chaos_in_the_Middle_East.
11. Cassarino J.-P. Approaching borders and frontiers in North Africa. In: *International Affairs*, 2017, vol. 93, iss. 4, pp. 883–896. doi:10.1093/ia/iix124.
12. Del Sarto R. A. Contentious borders in the Middle East and North Africa: context and concepts. In: *International Affairs*, 2017, vol. 93, iss. 4, pp. 767–787. doi: 10.1093/ia/iix070
13. Fuller G. The Demographic Backdrop to Ethnic Conflict: A Geographic Overview. In: *The Challenge of Ethnic Conflict to National and International Order in the 1990s*. Washington, CIA, 1995, pp. 151–154.

14. Hough T. M. 1979 and the Re-Emergence of the Islamic Empire. Pickle Partners Publishing, 2014. 56 p.
 15. Lind J., Press D. Markets or Mercantilism? How China Secures Its Energy Supplies. In: *International Security*, 2018, vol. 42, no. 4, pp. 170–204. doi:10.1162/ISEC_a_00310
 16. Nazir H., Amna J. Alliance politics and the new power equation in the Middle East. In: *NDU Journal*, 2018, pp. 41–50.
 17. Kitchen N. Hegemonic transition theory and US foreign policy. In: *Parmar I., Miller L., Ledwidge M., eds. Obama and the World: New Directions in US Foreign Policy*. London, Routledge, 2014, pp. 80–92.
 18. Owen R., Pamuk S. A history of Middle East economies in the twentieth century. London, Tauris, 1998. 310 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Воронкова Дарья Олеговна — аспирант кафедры новой и новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;
e-mail: aairon@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Darya O. Voronkova – postgraduate student, Department of Modern and Contemporary History and Methodology, Moscow Region State University;
e-mail: aairon@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Воронкова Д. О. Внутренние факторы нестабильности на Ближнем Востоке и Северной Африке и их использование США в своих геополитических интересах // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 4. С. 176–190.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-176-190

FOR CITATION

Voronkova D. Internal instability factors in the Mena Region and their use by the USA for its geopolitical ends. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 4, pp. 176–190.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-176-190

Отечественная история

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-191-203

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФСОЮЗОВ В ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ КАМПАНИИ 1920–1921 гг. (НА МАТЕРИАЛАХ СТАВРОПОЛЬЯ И КУБАНИ)

Суханова Н. И.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,

Российская Федерация

Аннотация. В статье дан анализ эволюции рабочих профсоюзов в условиях первых лет советской власти. Используя методы историзма, системности и многомерного подхода, автор рассматривает объект и предмет исследования в процессе их меняющейся сущности под влиянием происходящих политических перемен. Обращение к реалиям начальных лет советской власти, в которых под влиянием централизаторской политики происходили деформации многих общественных структур, создает возможность увидеть архаичную сущность новой государственности. Ее структуры действовали известными российскому обществу методами адаптации к расколу, что мешало преодолению массы внутренних конфликтов и противоречий, но содействовало удержанию власти и общества. На примере участия профсоюзов в продовольственной политике 1920–1923 гг. выявляется тенденция «врастания» общественных организаций в систему централизованной вертикали власти и подчинение их деятельности идеологическим задачам большевиков. Проблема взаимоотношений власти и общественных организаций не теряет своей актуальности.

Ключевые слова: профсоюз, продовольственная политика, большевик, крестьянство, Северный Кавказ

PARTICIPATION OF TRADE UNIONS IN THE IMPLEMENTATION OF THE FOOD-SUPPLY CAMPAIGN OF 1920–1921 (ON THE MATERIALS OF STAVROPOL TERRITORY AND KUBAN)

N. Sukhanova

Moscow Region State University

24, Vera Voloshina St., Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation

Abstract. The article analyses the evolution of trade unions in the first years of Soviet power. Using the method of historicism, systems analysis and multi-dimensional approach, the author

considers the object and subject of research affected by political changes. The analysis of the early years of Soviet power, when many social structures were transformed under the influence of the centralising policy, reveals the archaic nature of the new state. Its structures employed methods of adapting to schisms known to Russian society, which prevented the resolution of various internal conflicts and contradictions while contributing to the retention of power and control over the society. The example of trade unions participating in the implementation of the food-supply policy (1920–1923) reveals the trend of public organisations being integrated into the centralised vertical power structure to further the ideological objectives of Bolsheviks. The issue of relations between the authorities and public organisations is of continued relevance.

Keywords: trade unions, food policy, Bolsheviks, peasantry, North Caucasus

Профессиональные союзы, массовая организация которых на предприятиях в различных городах России пришлась на начало XX в., сыграли значительную роль в формировании организованности российского пролетариата. Появившись вследствие развития экономической борьбы рабочих, профсоюзы зачастую противостояли попыткам российской социал-демократии вовлечь их в политическую борьбу. С начала существования большевизма как самостоятельного политического течения, его лидеры четко понимали, какие возможности воздействия на общественное сознание предоставляют профсоюзы, – как самые массовые общественные организации. Необходимость партийной работы в профсоюзах признавалась большевиками всегда. РСДРП(б) видела в профсоюзах свои опорные базы.

По мере нарастания системного кризиса в стране происходил процесс «полевления» значительной части профсоюзов. А это служило серьезным основанием для их вовлечения в политическую борьбу. Известно, что диктатура пролетариата для практической реализации должна была опираться на значительный социальный пласт. Он, в свою очередь, должен быть хорошо организован. В этом плане альтернативы про-

фсоюзам не было. Массовость, классовое единение, понимание потребности серьезных перемен – эти и другие качества делали профсоюзы незаменимой опорой власти большевиков. Не случайно в решениях VI съезда партии экономическая борьба пролетариата рассматривалась как одна из форм классовой борьбы. При этом профсоюзы объявлялись боевыми организациями рабочего класса, действующими в тесном контакте с политической партией пролетариата¹. В ряде городов их новый облик начал проявляться осенью 1917 г. А с приходом к власти большевиков ситуация постепенно начала меняться, профсоюзы становились опорой новой власти и подчинялись решению задач, поставленных ею.

В годы Гражданской войны на профсоюзы возлагались и военные задачи. Было создано Военно-продовольственное бюро Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов. В июле 1919 г. секретариат бюро издал «Положение о создании губернских рабочих бюро». В их функции должно было входить управление всеми рабочими продовольственными, заготовительными и заградитель-

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1. М.: Политиздат, 1983. С. 586–587.

ными отрядами, которые должны были осуществлять свою деятельность во всех губерниях, реализуя одну из сторон диктатуры пролетариата.

Большевики видели профсоюзы проводниками своих стратегических и тактических задач. «Профсоюзы являются не только исторически необходимыми, но исторически неизбежной организацией индустриального пролетариата, охватывающей его, при условиях диктатуры пролетариата, почти поголовно. Профсоюзы, по месту их в системе диктатуры пролетариата, стоят, если можно так выразиться, между партией и государственной властью. И, не имея такого фундамента, как профсоюзы, нельзя осуществлять диктатуру, нельзя выполнять государственные функции... Профсоюзы – это «резервуар» государственной власти... Профсоюзы создают связь авангарда с массами» – так высказывался В. И. Ленин на соединенном заседании делегатов VIII съезда Советов, членов ВЦСПС и МГСМС – членов РКП(б) в декабре 1920 г. [6, с. 202, 204].

После окончания Гражданской войны расширились задачи, возлагаемые на профсоюзы. Развитие классовой борьбы в условиях действующей диктатуры пролетариата должно было выявить новые ее формы. Профсоюзы, как передаточный механизм, должны помогать партии бороться с «бюрократическими извращениями», за укрепление «товарищеской дисциплины», лояльности по отношению к «власти трудящихся (т. е. советской власти)», за реализацию хозяйственной политики власти¹. Важным фактором, делающим

профсоюзы явным приводным ремнем партии, стал рост членов РКП(б) в профсоюзных рядах. Многочисленные ряды членов различных профсоюзов привлекались к решению значительного количества насущных проблем в новом советском государстве.

Начало 1920-х гг. связано с новыми подходами власти к организации работы профсоюзов. Послевоенные условия сформировали новые нормы стимулирования трудовой деятельности. При этом продолжала сохраняться система натурального снабжения рабочих. К 1922 г. рабочие крупной промышленности получали выплаты натурой в размере 77,5% зарплаты [7, с. 274]. Значительную долю этих выплат составляли продукты. Для реализации столь масштабной работы по сбору продовольствия начали активно вовлекать профсоюзные организации. Они реализовывали одновременно несколько задач: снабжали изъятым у крестьян продовольствием города и формировали у крестьянства представление о сущности новой власти, опирающейся на диктатуру пролетариата. Особенно важной представлялась работа в отдаленных регионах и плодородных районах страны. К примеру, на юге перед большевиками стояла важная политическая задача завоевания симпатий населения и привлечения его на сторону советской власти. Но в противоречие с ней вступала хозяйственная – необходимость изъятия продовольствия для обеспечения населения городов. Сложный комплекс политики власти в регионах пока еще не стал предметом завершенных исследований по проблеме. Известный историк российского крестьянства В. В. Кондрашин, проанализировав опубликованную к 2017 г.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М.: Политиздат, 1983. С. 343–344.

литературу по истории крестьянства, констатирует, что проблему продовольственной политики в начальный период советской власти следует изучать, прежде всего, на региональном уровне [5, с. 68].

К числу проблемных регионов с позиций противоречивости политической и хозяйственной деятельности власти следует отнести Северный Кавказ и особенно его плодородные районы – Ставрополье и Кубань. В регионе в начале XX в. зародились собственные профсоюзы в городах, и они действовали достаточно успешно, поскольку здесь развивалось свободное предпринимательство. Советский этап деятельности профсоюзов в крае начался уже в ноябре 1917 г. Их формирование происходило на основе узкопрофессиональных признаков. Накануне событий в Петрограде зародились первые профсоюзы парикмахеров, трамвайных работников и портных в Пятигорске. Вскоре в городе была созвана межсоюзная конференция. Из десяти человек, избранных в оргбюро местных профсоюзов, девять были большевиками¹. До осени 1918 г. их деятельность протекала относительно спокойно. Более того, после прихода в регион Добровольческой армии работа профсоюзов не прекратилась, поменялись лишь лидеры союзов. Но в этих условиях было невозможно создание рабочих бюро, которые были обязаны заниматься изъятием продовольствия. Лишь осенью 1920 г. здесь начала действовать система рабочих бюро – от губернских до уездных.

Разрушенное после революций и Гражданской войны хозяйство Ставро-

польской губернии и Кубанской области, непрочность положения новой власти в широких слоях казачьего и крестьянского населения, недостаток квалифицированных кадров вынудил новое правительство при проведении продовольственной кампании прибегнуть к помощи профсоюзов. Постановлением ВЦСПС 1920 г. профработники были мобилизованы на работу в губернские и уездные продовольственные бюро².

С весны-лета 1920 г. стал активизироваться процесс создания профильных профсоюзов. Формировались и их региональные органы. Нормальной практикой стал созыв профсоюзных конференций. Отчетность того периода показывает множественность направлений профсоюзной работы: организация культурной работы, сбор средств на различные нужды, формирование и деятельность товарищеских судов, помощь в организации и работе продовольственных отрядов. В ряде профильных профсоюзов работали комиссии помощи голодающим.

В начале 1920-х гг. они стали активно посылать свои заготовительные отряды в сельские районы губернии. При этом активизировали свое внимание к продовольственным запасам региона профсоюзы северных городов России.

В результате засухи 1921 г. в стране голодали 27 млн. человек, погибло около 1 млн. крестьян [4, с. 387]. Неурожай 1921 г. катастрофически повлиял и на снижение объема сельскохозяйственного производства на Северном Кавказе. Здесь посевные площади сократились до 51,4% к 1913 г.; общее поголовье скота – до 37,3%. Валовой сбор зерна в крае к 1925 г. составлял 68,2% от 1913 г. [8, с. 275].

¹ Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 20. Оп. 212. Д. 1. Л. 18.

² ГАСК. Фр. 256. Оп.1. Д. 21. Л. 2.

В сложившихся условиях крестьяне стремились уменьшить производительность отрасли разными путями: сокращением посевных площадей до размеров личного потребления, засеиванием свободных земель зерном, подлежащим конфискации, массовым убоем скота, ухудшением ухода за землей. Не получая от государства необходимых товаров, местное крестьянство было вынуждено, используя в качестве эквивалента свой хлеб, добывать их самостоятельно [9, с. 187].

Поскольку на территориях Ставропольской губернии и Кубано-Черноморской области достаточно успешно развивалось сельскохозяйственное производство, на их население возлагались весьма серьезные задачи по поставкам продовольствия в разные районы Российской Федерации. В процесс реализации продовольственной политики 1920–1921 гг. стали активно вовлекать различные структуры.

В середине 1920 г. на территории Кубани и Ставропольской губернии была введена продовольственная разверстка. В сборе продовольственного налога принимали участие многие советские организации, созданные в этот период большевиками. В числе прочих весомой была деятельность профессиональных союзов Кубано-Черноморской области и Ставропольской губернии.

Профсоюзные организации приняли активное участие в восстановлении экономики хозяйства Ставропольской губернии и Кубани, разрушенного во время Гражданской войны. Производственные союзы проводили серьезную работу по борьбе с разрухой народного хозяйства. Они участвовали в ремонтных работах по восстановлению

транспорта и дорог, мостов, а также во всех мероприятиях по восстановлению экономики регионов.

Из числа работников-активистов профессиональных союзов создавались так называемые рабоче-продовольственные отряды, которые направлялись в уезды для выполнения всех продразверсток. В их обязанности входило:

- точное выполнение разверстки и всех работ, связанных с ее выполнением, как то: а) выдвигание излишков на ссыпункты, б) обмолот зерна и т. д.;
- агитационная работа с устройством митингов и собеседований и содействие всем агентам продорганов в их работе;
- организация совместно с Волисполкомом гужевого транспорта для перевозки продуктов к ссыпунктам;
- доставка в Управление рабочего бюро (Ураббюро) сведений о ходе разверстки и ссыпке хлеба на ссыпункты и т.п.;
- участие с правом совещательного голоса на заседаниях Волпродсовещаний по вопросам продовольствия.

Важным экономическим рычагом при проведении продовольственной разверстки был учет всего имеющегося продовольствия. Первые мероприятия новой власти в продовольственной сфере были ориентированы и нацелены именно на учет всех запасов прошлых лет. Для выполнения этих задач была создана должность агент-контролеров. Исполнением этой работы могли заниматься только квалифицированные кадры, а поскольку в них новая власть ощущала большой недостаток, местным советским организациям пришлось прибегнуть к помощи профессиональных союзов, в

среде которых было немало профессиональных счетоводов и учетчиков. Военно-продовольственное бюро направляло в уезды Ставропольской губернии агентов-контролеров, выдавая им мандаты.

Агент-контролер по прибытии на место в местный продовольственный комитет наделялся немалыми полномочиями. Он имел право на внеочередное получение подвод и право проезда по грунтовым дорогам за установленную твердую цену. Все советские и должностные лица на месте должны были оказывать ему всемерное содействие в деле выполнения возложенного на него поручения¹.

На агент-контролеров возлагались следующие важные задачи:

- наблюдение за деятельностью продотрядов своего района в деле исполнения ими инструкций и всех распоряжений;

- инструктирование отрядов по всем вопросам, возникающим в процессе работы, а также ознакомление их со всеми положениями и распоряжениями, имеющими отношение к деятельности отрядов;

- знакомство с постановкой продовольственного дела в волостях и сельских советах;

- право следить за распределением продуктов местной кооперации и деятельностью агентов Упродкома;

- участие с правом совещательного голоса на заседаниях Волпродсовещаний по вопросам продовольствия;

- все свои действия агент-контролер должен был согласовывать с работой агентуры на местах.

При обнаружении в работе продотрядов нарушений, плохой дисциплины,

бездеятельности, злоупотреблений, неисполнения распоряжений Ураббюро, агенту-контролеру предоставлялось право немедленной отправки под конвоем виновных в Ураббюро с письменным изложением дела. Такой уровень полномочий, с одной стороны, создавал гарантированные условия для изъятия продовольствия. С другой стороны – содействовал росту злоупотреблений и субъективному подходу к решению поставленных задач. При этом менялось содержание и сущность общественных организаций, которые приобретали права и опыт командно-административной работы, что делало их прямыми проводниками государственной политики. Так формировалась этика политики «военного коммунизма» при, казалось бы, участии в ее реализации общественных организаций. Как раз об этом говорил В. И. Ленин, подчеркивая противоречивый характер методов работы профсоюзов. С одной стороны, главными методами их работы должны были стать воспитание и убеждение. С другой – профсоюзы, реализуя государственные задачи в условиях диктатуры пролетариата, «не могут отказываться от методов принуждения» [6, с. 203].

Недостаток товаров первой необходимости, нехватка продовольствия, а особенно хлеба, во многих городах России, вынуждали профессиональные организации посылать представителей своих союзов в «походы в села за хлебом». Из числа членов профессиональных союзов различных организаций создавались продовольственные отряды, их направляли для заготовки хлеба для своих организаций в различные регионы страны. Продовольственные отряды из членов профсоюзов

¹ ГАСК. Ф.р. 256. Оп.1. Д. 42. Л. 45.

формировались и местными профсоюзами для заготовки хлеба совместно с продовольственными организациями в данном регионе на местах.

На территории Ставропольской губернии и Кубанской области действовали не только продовольственные отряды, созданные местными профсоюзами, но и те, которые направлялись профессиональными союзами из других городов для сбора продовольственного налога. В 1920–1921 гг. на Кубани и в Ставропольской губернии действовало несколько отрядов из других регионов. Так, местными уездными профсоюзами Архангельской губернии были мобилизованы продотряды для сбора продналога из союза охотников, союза работников просвещения, союза охотников и лесорубов и ряда других профсоюзов. Вполне объяснима причина столь далекого путешествия северян на плодородный юг. Елецким же бюро профсоюзов в военно-продовольственный отряд 21 сентября 1920 г. было выделено 23 человека – продотрядников из союза цементников, союза табачников, из союза народного питания и других¹.

Отряды в данный регион направлялись из Подмосковья, Покровска, Самары, Перми. Сформированные продотряды, прибыв на места, поступали в распоряжение губернских и уездных рабочих бюро. Основной целью местных отрядов, общей численностью от 21 до 23 человек, был сбор продовольственной разверстки у населения. Отряды из других регионов прибывали на место своего командирования сроком на шесть месяцев, по истечении

которого им на смену присылался другой отряд, сформированный их профсоюзом или какими-либо другими организациями.

Часть собранного хлеба (15 пудов) продотрядники могли официально отсылать своим семьям. Часть продовольствия поступала в фонд того профессионального союза, которым они были командированы, остальное зерно оставалось на ссыпных пунктах. Таким образом, заинтересованность в более эффективной работе у членов отряда была велика. Стимулом и мотивацией для плодотворной и эффективной работы у них было обеспечение собственных семей, которые ждали дома посылки с мукой, а также довольно солидная заработная плата за выкачку хлеба и премиальные выплаты лучшим работникам в продотряде².

Вопрос мотивации рабочих из профсоюзов, приезжавших для осуществления продразверстки очевиден – исполнение приказа, личная заинтересованность, но не следует исключать и убежденность людей в необходимости этой политики. В. В. Журавлев в статье «Революционные эпохи в контексте личного интереса» пишет о том, что в экстремальных условиях революционных перемен человек находится в состоянии серьезной внутренней борьбы между ценностями и интересами, соотношения личного интереса и личного долга. Выбор – всегда непростое дело, а в условиях переломных, когда социальная энергия работает по-особому, тем более [2, с. 142].

Профсоюзные организации принимали активное участие в создании и деятельности еще одной советской организации. 27 мая 1920 г. на состо-

¹ Центр документации новейшей истории Ставропольского края (далее – ЦДНИСК). Ф.р. 197. Оп. 1. Д. 15. Л. 22.

² ГАСК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1434. Л. 2.

явшемся краевом совещании Северо-Кавказских профсоюзов было принято решение о создании на местах рабоче-крестьянской инспекции (РКИ)¹. Ее органы были созданы по уездам Ставропольской губернии и отделам на Кубани. В их составе было немало членов профессиональных союзов. Задачей РКИ являлась борьба за строгий учет материальных ценностей и продовольствия, за совершенствование государственного аппарата в центре и на местах, за ограничение частного капитала. Основным методом работы ЦКК–РКИ являлось вовлечение в дело контроля широких масс трудящихся в разнообразных формах (ячейки содействия РКИ, посты бюро жалоб, массовые рейды и т.д.). ЦКК–РКИ изучал и обобщал опыт работы государственных и общественных органов, проводил в жизнь мероприятия по рационализации управленческого аппарата, ревизовал деятельность всех госучреждений, предприятий и общественных организаций, осуществлял контроль учета, хранения и использования госимущества, контролировал выполнение постановлений высших государственных и партийных органов.

В первой половине 1921 г. Ставропольской губернской рабоче-крестьянской инспекцией были созданы «ударные отряды», которые направлялись в уезды и волости губернии для сбора продразверстки, а также для выявления остатков хлеба и скрытых «излишков» у крестьян. Они наделялись правом обысков в крестьянских хозяйствах. По мере нахождения сокрытого хлеба всё имущество крестьянина описывалось, конфисковалось, а сам хозяин подлежал аресту, преданию

суду Революционного трибунала и, согласно выносимому им приговору, – соответствующему наказанию.

Ставропольский Губернский продовольственный комитет привлекал профессиональных работников из местных организаций на борьбу в продовольственной работе против т.н. «кулацкого элемента». Для этого были организованы продовольственные штабы в губернии, при которых действовали «ударные группы» во главе с членами профсоюзов. Задачи данных «ударгрупп» во многом были схожи с задачами, возлагаемыми на продовольственные отряды. Однако методы их работы были более лояльными, чем у продотрядников, действовавших почти военными методами.

Помимо перечисленных форм вовлечения профсоюзов в различные формы работы, их представители являлись постоянными участниками губернских и уездных продовольственных совещаний, проводившихся продовольственными комитетами Ставропольской губернии и Кубано-Черноморской области².

На Ставропольской губернской конференции, состоявшейся 11 января 1921 г., было принято решение в сложившейся тяжелой обстановке объявить основной задачей производственных союзов облегчение работы продовольственных органов, содействие всеми мерами выполнению разверстки на 100 процентов. Уполномоченный Кавказского бюро Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов (ВЦСПС) т. Бахутов подчеркивал, что «произ-

¹ ЦДНИСК. Ф.р. 257. Оп.1. Д. 25. Л. 11.

² Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.

водственные союзы, как массовые (общественные) организации, являются опорой Советской власти и должны не только развивать агитацию, но применять там, где необходимо, принуждение» [3, с. 18].

31 января 1921 г. постановлением президиума Ставропольского губернского совета профсоюзов была определена структура губернского совета профсоюзов, которая отражала многомерность задач, стоящих перед организацией. Она включала организационно-инструкторский, экономический, культурный отделы, а также отделы нормирования труда, социальной охраны труда и др. На экономический отдел возлагалось наибольшее количество задач. Его сотрудники руководили экономическими отделами губернских профсоюзов, занимались всесторонним обследованием производства в губернии, отвечали за итоговую продуктивность изъятия продукции на селе, принимали участие в процессе ее перераспределения, заключали договоры с руководством профсоюзов, прикомандированных к продработе в губернии¹.

Отдел культурной работы, помимо своих прямых обязанностей, налаживал связи с другими общественными организациями, привлекаемыми к работе продотрядов. Наиболее активно профсоюзы включали комсомольцев в эту работу. Члены профсоюзов вместе с большевиками и комсомольцами устраивали митинги и партсобрания, на которых выступали с агитацией в пользу сдачи продовольственной разверстки. Совместно они организовывали различные акции, направленные на усиление продработы. Примером

тому служит опыт проведения «Красного продмесяца»².

Значительную роль играли профсоюзы региона в организации культурно-просветительской работы среди населения. По распоряжениям вышестоящих организаций их члены устраивали для жителей сел спектакли и костюмированные представления, организовывали всеобщее (всенародное) чтение и комментирование (разъяснение) книг и литературы, имевших в большинстве своем агитационную направленность. Активное внимание к вопросам культуры было продиктовано общими задачами власти, направленными на изменение облика советского гражданина. При этом подъем настроения, воспитание интереса к чтению, беседам, представлениям несколько «выравнивали» настроение в деревне в условиях усилившейся разверстки.

Среди работников губернских, волостных и уездных комитетов труда, которые по распоряжениям продовольственных комитетов участвовали в продовольственной кампании, значительное количество работников было из профсоюзов. Их работа распространялась на приемку зерна на ссыпных пунктах, перевозку его на железнодорожные станции для отправки в голодающие города и губернии. По распоряжению посевкомов работники профсоюзов участвовали в посевной кампании 1921 г., принимали активное участие в ремонте сельскохозяйственной техники, обеспечению полей семенами. Ремонтные работы по восстановлению транспорта, дорог, мостов, разрушенных в период Гражданской войны, также проводились с привлечением членов профсоюзов.

¹ ГАСК. Ф.р. 2573. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.

² ГАСК. Ф.р. 869. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

Анализ документов показывает, что новая власть использовала профсоюзы во многих сферах деятельности. Ее методы также были различны: от убеждений, бесед, значительного объема культурной и образовательной работы до жестоких дисциплинарных мер с использованием законов советской власти. Постепенное изменение задач профсоюзов шло в сторону ужесточения их работы, что отражало насущную потребность большевиков в удержании власти и страны от нового гражданского противостояния. В течение нескольких лет облик экономической общественной организации стал резко меняться. Большевики, используя самую многочисленную общественную организацию, – профсоюзы – в апробации диктатуры пролетариата, реализовывали тем самым идею народовластия. Однако при этом формировали ее деятельность на основе указов и декретов большевистской власти. Внешняя видимость общественной сущности профсоюзов подменялась директивной политикой со стороны власти.

Известно, что начало 1920-х гг. было временем раннего системного кризиса большевистско-советской власти. В стране усугублялись признаки экономического, финансового, социального, политического и внутрипартийного кризиса. Предложенный Лениным переход к НЭПу не означал скорого и полного отказа от политики продразверстки. Было необходимо обеспечивать население послевоенной страны продовольствием. Эта проблема, в том случае, если она не была бы решена, могла стать серьезной угрозой для большевиков. Поэтому урожайные южные районы страны продолжали ее

выполнять. Но в новых условиях она вызывала крайне негативную реакцию населения. Поэтому в казачьих и горских районах во избежание активных выступлений населения ее исполнение прекратили к середине 1921 г. А вот в крестьянской Ставропольской губернии она осуществлялась и в 1923 г. Но теперь, чтобы не допустить проявления массового недовольства, методы ее организации становились намного жестче. По признанию представителей ЦК РКП(б), «к осени 1923 г. “методы нажима” на Северном Кавказе, где ещё очень ярка память о наиболее резких периодах Гражданской войны, проводились особенно решительно и жестоко»¹.

Необходимость, заключающаяся в том, чтобы не допустить роста недовольства властью после окончания Гражданской войны, оправдывала политику продразверстки. Но при этом советская власть предложила известные архаичные методы осуществления хозяйственной политики. Они, с одной стороны, были известны и понятны российскому крестьянству, адекватны его картине жизни, с другой – не создавали предпосылок для действительно-го движения страны и общества в сторону более высокого уровня развития. Известно, что в 1920-е гг. некоторые российско-советские ученые-экономисты искали пути решения проблем экономического развития, «которые сочетали бы экономическую эффективность и социальную справедливость», но власть избрала привычные для российского общественного сознания

¹ ГАСК. Ф. 17. Оп. 12. Д. 551. Л. 16; Центр хранения документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦХДНИРО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 61а. Л. 116.

ния методы нажима и форсированного решения насущных проблем [1, с. 248].

Можно сделать вывод, что роль профессиональных союзов в общественной и политической жизни на Ставрополье и Кубани была весьма значительна. Профессиональные союзы принимали непосредственное участие в реализации продовольственной политики вновь образованной власти. В условиях укрепляющейся советской власти профсоюзы своеобразно эволюционировали из органов самозащиты интересов трудящихся в инструмент правящей партии и власти, став одной из структур утверждавшейся диктатуры пролетариата.

В русском крестьянском сознании город всегда был враждебной средой, а рабочий класс – чуждым элементом. Если учесть, что методы действий городских профсоюзов в южной сельской местности в начале 1920-х гг. были настолько жесткими, то очевиден вывод о том, что крестьянские настроения вновь обратились против большевиков. Крестьянская «война» 1920–1921 гг. стала продолжением крестьянской революции 1917 г. Но временная по-

беда крестьянства в 1921 г. (обращение большевиков к идее НЭПа) была призрачной. Противостояние деревни и города в России начала XX в., отражающее противостояние двух миров, двух уровней цивилизации в условиях политики продразверстки создавало предпосылки еще большего разгорания крестьянской войны.

Местное руководство в сложных условиях стало искать формы выгодного обмена сельхозпродукции на нужные для губерний товары. Помимо централизованных действий местных Советов и комитетов, появились частные кооперативы, занимавшиеся таким обменом. Однако подобные начинания жестко пресекались контролирующими и силовыми структурами, действия которых нередко осуществлялись особенно «решительно и жестко»¹. Политика изъятия продовольствия в послевоенный период привела к ослаблению хозяйства региона, увеличила количество малоимущих крестьян, усилила антирабочие настроения в крестьянской среде.

Статья поступила в редакцию 22.04.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Беспятова Е. Б. Российские экономисты и их наследие в контексте модернизационной теории развития страны // Проблемы отечественной истории нового и новейшего времени: сборник научных статей в честь профессора Валерия Васильевича Журавлева / отв. ред. В. Э. Багдасарян. М.: ИИУ МГОУ, 2018. 448 с.
2. Журавлев В. В. Революционные эпохи в контексте личного интереса // Россия XXI. 2017. № 3. С. 126–145.
3. История профсоюзного движения на Ставрополье. Хроника событий (1905–2005 гг.). Пятигорск: Пятигорский гос. лингвист. ун-т, 2005. 128 с.
4. Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. – 1991 г.) / Отв. ред. В. В. Журавлев. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 783 с.
5. Кондрашин В. В. Крестьянство и революция // Великая российская революция, 1917: 100 лет изучения. Материалы Международной научной конференции (Москва, 9–11 октября 2017 г.) / отв. ред. Ю. А. Петров. М.: ИРИ РАН, 2017. С. 66–73.

¹ ГАСК. Ф. 17. Оп. 12. Д. 551. Л. 15.

6. Ленин В. И. О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого // Полн. собр. соч. Т. 42. М.: Политиздат, 1981. С. 202–226.
7. Лобок Д. В. Профсоюзы и советское государство в годы новой экономической политики: опыт социального партнерства (1921–1928 гг.) // Человек труда в истории: актуальные вопросы исторической науки, архивоведения и документоведения. III Смирновские чтения. Чебоксары: Интерактив плюс, 2016. С. 273–289.
8. Наухацкий В. В. Сельское хозяйство Северо-Кавказского края в годы НЭПа: состояние и противоречия государственной аграрной политики // Веков неспешный ход: проблемы социально-экономической и политической истории России: сб. ст. к 70-летию проф. В. Н. Никулина. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2018. С. 272–290.
9. Хандогина М. М. Крестьянское хозяйство Ставрополя и Кубани в условиях проведения продразверстки 1919–1922 гг. // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века: сборник научных статей. Коломна: Коломенский гос. пединститут, 2009. 694 с.

REFERENCES

1. Bespyatova E. [Russian economists and their legacy in the context of the modernization theory of development of the country]. In: *Problemy otechestvennoi istorii novogo i noveishego vremeni: sbornik nauchnykh statei v chest' professora Valeriya Vasil'evicha Zhuravleva, otv. red. V. E. Bagdasaryan* [Bagdasaryan V., ed. Problems of national history of new time: collection of scientific articles in honour of Professor Valery Zhuravlev]. Moscow, IIU MGOU Publ., 2018. 448 p.
2. Zhuravlev V. [The revolutionary era in the context of personal interest]. In: *Rossiya XXI*, 2017, no. 3, pp. 126–145.
3. *Istoriya profsoyuznogo dvizheniya na Stavropol'e. Khronika sobytii (1905–2005 gg.)* [History of the trade Union movement in the Stavropol region. Chronicle (1905–2005)]. Pyatigorsk, Pyatigorskii gos. pedinstitut Publ., 2005. 128 p.
4. Zhuravlev V., ed. *Patriotizm i natsionalizm kak faktory rossiiskoi istorii (konets XVIII v. – 1991 g.)* [Patriotism and nationalism as factors of Russian history (the end XVIII – 1991)]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2015. 783 p.
5. Kondrashin V. [The peasantry and the revolution]. In: *Velikaya rossiiskaya revolyutsiya, 1917: 100 let izucheniya. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 9–11 oktyabrya 2017 g.), otv. red. Yu. A. Petrov* [Petrov Yu., ed. the Great Russian revolution, 1917: 100 years of the study. Materials of International scientific conference (Moscow, 9–11 October 2017)]. Moscow, IRI RAN Publ., 2017, pp. 66–73.
6. Lenin V. I. [On trade unions, on the current situation and the mistakes of Trotsky]. In: *Poln. sobr. soch. T. 42* [Full Coll. Op., vol. 42]. Moscow, Politizdat Publ., 1981, pp. 202–226.
7. Lobok D. [Trade unions and the Soviet state during the NEP: the experience of social partnership (1921–1928 gg.)]. In: *Chelovek truda v istorii. III Smirnovskie chteniya* [Working Man in history. III Smirnoff read]. Cheboksary, Interaktiv plus Publ., 2016, pp. 273–289.
8. Naukhatskii V. [Agriculture of the North Caucasus region during the NEP: the state and contradictions of the state agrarian policy]. In: *Vekov nespeshnyi khod: problemy sotsial'no-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii Rossii: sb. st. k 70-letiyu prof. V. N. Nikulina* [Centuries unhurried course: problems of socio-economic and political history of Russia: collection of articles dedicated to the 70th anniversary of Professor V. N. Nikulin]. Kaliningrad: BFU im. I. Kant Publ., 2018, pp. 272–290.
9. Khandogina M. [The farm of Stavropol territory and Kuban in terms of the surplus 1919–1922]. In: *Gosudarstvennaya vlast' i krest'yanstvo v kontse XIX – nachale XXI veka: sbornik*

nauchnukh statei [State power and the peasantry in the late XIX – the beginning of the XXI century: collection of scientific articles]. Kolomna, Kolomenskii gos. pedinstitut Publ., 2009. 694 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Суханова Наталья Ивановна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: Sukhanovani@rambler.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Natalia I. Sukhanova – Dr. Sci. (History), Professor, Department of Russian Modern History, Moscow Region State University;
e-mail: Sukhanovani@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Суханова Н. И. Деятельность профсоюзов в продовольственной кампании 1920–1921 гг. (на материалах Ставрополя и Кубани) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 4. С. 191–203.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-191-203

FOR CITATION

Sukhanova N. Participation of trade unions in the implementation of the food-supply campaign of 1920–1921 (on the materials of Stavropol territory and Kuban). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 4, pp. 191–203.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-191-203

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-204-212

ВВЕДЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КАРТОЧНОЙ СИСТЕМЫ В МОСКВЕ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Маркова Е. А.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,**Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена введению карточной системы в Москве в начальный период Великой Отечественной войны. Подчеркивается целесообразность введения карточной системы, рассмотрены основные виды карточек и механизм централизованного снабжения. Тема нормированного снабжения Москвы мало исследована, хотя имеется ряд публикаций на близкие темы. В исследовании использованы принципы историзма и системности, а также общенаучные исторический и логический методы. Познавательная значимость статьи заключается в анализе архивных документов и публикаций по системе снабжения эпохи Великой Отечественной войны. Статья адресована историкам, исследователям, занимающимся историей Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Государственный Комитет Обороны, Москва, продовольственная карточка, нормированное снабжение

INTRODUCTION AND FUNCTIONING OF THE RATIONING SYSTEM IN MOSCOW AT THE INITIAL STAGE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

E. Markova*Moscow Region State University**24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 14101, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract. The article covers the introduction of the rationing system in Moscow at the initial stage of the Great Patriotic War; emphasises the feasibility of introducing a rationing system; as well as considers the main types of cards and the mechanism of centralised supply. Despite the fact that there is a number of publications on related topics, the topic of rationed supply in Moscow is poorly researched. In this work, the author used the principle of historicism and systems approach, as well as historical and logical methods. The theoretical importance of the article consists in the analysis of archival documents and publications on the supply system of the time of the Great Patriotic War. The article is addressed to historians and researchers studying the history of the Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War, State Defense Committee, Moscow, ration card, rationed supply

Проблема продовольствия – одна из самых важных экономических проблем во всех мировых войнах. Разрешение этой проблемы выдвигает перед государством проблемы снабжения не только армии, но и гражданского населения, главным образом городского. При возросшей роли тыла и экономических факторов во время войны одним из необходимых условий ее ведения было снабжение городского населения продуктами питания. Указом Президиума Верховного Совета СССР 22 июня 1941 г. в Москве, Московской области и других городах было введено военное положение¹.

Целью продовольственной политики СССР являлось постановка под контроль снабжения населения в условиях военного времени [11, с. 139; 6, с. 5]. Обеспечение городов продовольствием затрагивало все сферы советского производства сельскохозяйственной продукции и пищевых фабрикатов, распределение национального дохода, торговлю продовольственными товарами и их потребление. Карточная система не являлась новой для экономической политики СССР, она начала функционировать еще в годы Гражданской войны. Великая Отечественная война задержала не только техническое развитие невоенного характера и культурный рост СССР, но и развитие торговли.

30 июня 1941 г. был создан Государственный Комитет Оборона (ГКО) под председательством И. В. Сталина. В ГКО, сосредоточившим всю полноту власти в стране, немало внимания уделяли вопросам снабжения населения.

¹ Москва военная, 1941–1945: мемуары и архивные документы. М.: Мосгорархив. 1995. С. 37.

В день создания ГКО правительство утвердило мобилизационный план [7, с. 13] на III квартал 1941 г. Этот план военного времени вносил существенные изменения в хозяйственную жизнь страны: были сокращены рыночные фонды продовольственных и промышленных товаров, снижен план розничного товарооборота. Производство продовольствия и изделий широкого потребления намного уменьшилось в связи с захватом территорий немцами в первый период войны, и поэтому государство взяло на себя функции формирования и контроля цен на эти категории товаров.

Объявление о начале войны послужило сигналом к покупательной панике: население начало массово скупать все продукты с прилавков магазинов. Организационно-инструкторский отдел Московского горкома ВКП (б) 22 июня 1941 г. сообщал: «В Свердловском районе в магазине ТЭЖЭ (ул. Горького) большая очередь за мылом, в магазине № 102 (ул. Горького) в продаже нет хозяйственного мыла, покупатели берут семейное мыло, которого раньше продавалось по 50 кусков в день, а сегодня за два часа было продано 500 кусков. В магазине № 1 «Гастроном» кроме сахара, круп, макаронных изделий, консервов, хлеба и других продуктов разбирают также и кондитерские изделия. В булочной № 5 Октябрьского райхлебторга в 14 часов 15 мин. директор магазина Дирыбо закрыл магазин перед очередью 100–130 человек и объявил, что “Москва в угрожающем положении, а поэтому магазин закрывается”. После вмешательства представителя Свердловского райторготдела т. Яковлевой магазин был открыт и торговля продолжается.

В магазинах, торгующих мясом, рыбой и зеленью, торговля проходит нормально» [10, с. 14].

В информации Организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б) 28 июня 1941 г. отмечалось: «Как сообщают обкомы, в первые дни после начала военных действий в торговой сети усилился спрос на продукты питания и промтовары, в связи с чем в магазинах образовались очереди. Наибольший спрос наблюдается на сахар, соль, спички, мыло, муку, крупы. В результате проводимой массовой работы очереди несколько уменьшились, но еще не ликвидированы окончательно»¹. В сберегательных кассах в первый день войны образовались большие очереди вкладчиков, которые забирали свои вклады. В такой обстановке стало затруднительным удержать что-либо на прилавках магазинов. В большинстве магазинов стало невозможно купить молочные и мясные продукты, чай, спички, сахар и даже соль. Это поставило партийно-государственную власть перед необходимостью жесткого регулирования снабжения населения продовольственными и промышленными товарами².

18 июля 1941 г. вышло постановление СНК СССР о введении карточной системы снабжения населения в Москве и Ленинграде, а также в их пригородах и отдельных городах Московской и Ленинградской областей³,

и с этого момента началось нормированное распределение продуктов для граждан СССР. Переход на карточную систему продолжался с июля по октябрь 1941 г.

Ниже приводим текст распоряжения от 16 июля 1941 г. по отделу торговли Мосгорисполкома «О введении в г. Москве карточек на некоторые продовольственные и промышленные товары»⁴ зампредседателя Исполнительного комитета Московского городского Совета депутатов трудящихся, завотделом торговли И. А. Фадына.

«В соответствии с приказом Наркомторга Союза ССР за № 275 от 16 июля 1941 г. в целях установления твердого порядка и организации бесперебойного снабжения населения г. Москвы основными продовольственными и промышленными товарами в условиях военного времени и недопущения очередей предлагаю:

1. Ввести с 17 июля 1941 г. в Москве продажу: по продовольственным карточкам: хлеба, хлебобулочных изделий и муки, крупы и макарон, сахара и кондитерских изделий, масла животного, растительного и маргарина, мяса, мясопродуктов, рыбы и рыбопродуктов. По промтоварным карточкам: хлопчатобумажных, льняных и шелковых тканей, швейных товаров, трикотажных товаров, чулочно-носочных товаров, кожаной и резиновой обуви, мыла хозяйственного и туалетного. Продажу всех других продовольственных и промышленных товаров производить без карточек.

2. Установить нормы отпуска по карточкам хлеба, крупы, макарон, сахара и кондитерских изделий, мяса и мясопродуктов, рыбы и рыбопродук-

¹ Забота о бытовых нуждах населения // Правда. 1942. 5 янв.

² Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам (1917–1957 годы): в 4-х т. Т. 2: 1929–1945 годы. М.: Госполитиздат, 1957. С. 46.

³ Москва военная, 1941–1945: мемуары и архивные документы. М.: Мосгорархив. 1995. С. 705.

⁴ ЦГАМ. Ф.46. Оп.1. Д. 16. Л. 45.

тов, масла животного и растительного согласно приложению № 2.

3. Установить, что продажа по карточкам хлопчатобумажных, льняных и шелковых тканей, швейных товаров, трикотажных товаров, чулочно-носочных товаров, кожаной и резиновой обуви производится в пределах установленных норм отпуска этих товаров в одни руки по купонам карточек с предоставлением права выбора и покупки из перечисленных в приложении № 4 товаров, но не превышая следующего количества купонов: для рабочих и инженерно-технических работников 125 купонов, для служащих – 100 купонов, для иждивенцев (включая детей и учащихся) 80 купонов. Продажу мыла хозяйственного и туалетного производить по разовым талонам ежемесячно – по куску хозяйственного и туалетного на 1 карточку.

4. Отпуск мясных блюд и хлеба в столовых производить по талонам продовольственных карточек в счет установленных норм на хлеб и мясо в порядке, определенном прилагаемой инструкцией.

5. Ввести с 17 июля 1941 г. в действие в г. Москве инструкцию Наркомторга Союза ССР о порядке продажи товаров и обедов по карточкам (инструкция прилагается).

6. Всем руководителям торгующих организаций г. Москвы и Мосглавresta: а) тщательно проинструктировать работников магазинов и предприятий общественного питания о порядке продажи продовольственных и промышленных товаров по карточкам, снабдить предприятия всеми инструктивными материалами; б) установить строжайший контроль за расходованием фондов продовольственных и промышленных товаров,

получаемых магазинами и предприятиями общественного питания для снабжения населения г. Москвы по карточкам. В случае обнаружения злоупотреблений и недостачи продовольственных и промышленных товаров у работников торговли и общественного питания дела на виновных лиц немедленно передавать прокурору для привлечения к судебной ответственности.

7. Сохранить существующий порядок снабжения продовольственными и промышленными товарами детских садов, санаториев и других закрытых учреждений.

8. Снятие остатков во всех магазинах и предприятиях общественного питания по товарам, переводимым на нормирование, произвести на 17 июля 1941 г.

9. Организационно-инспекторскому сектору отдела торговли установить систематический контроль за работой районных Бюро продовольственных и промтоварных карточек и предприятий, учреждений и домоуправлений по выдаче, учету и хранению продовольственных и промтоварных карточек и отчетности по ним. Одновременно с этим установить строжайший контроль за правильностью расходования фондов продовольственных и промышленных товаров торгующими организациями, торговыми предприятиями и предприятиями общественного питания, привлекая виновных лиц к судебной ответственности.

10. С изданием настоящего распоряжения все ранее изданные приказы, распоряжения, правила и инструкции, противоречащие данному распоряжению, отменить».

Согласно инструкции № 1 «О порядке продаже товаров по продоволь-

ственным карточкам», были установлены следующие правила: «Продажа хлеба по карточкам населению производится по соответствующим талонам на каждый день в пределах установленных норм. Разрешалось продавать хлеб населению на один день вперед. На просроченные талоны продажа хлеба запрещается. При продаже хлеба и других продовольственных товаров продавцы были обязаны лично отрезать соответствующие талоны от карточек и только после этого, строго подсчитав полагающееся по талонам количество продуктов и хлеба, отпустить их покупателю. После окончания рабочего дня продавец обязан сгруппировать талоны отдельно по каждому товару, по соответствующим купюрам, подсчитать их и сдать заведующему магазином или отделением. Заведующие магазинами, торгующими хлебом и нормированными продовольственными товарами по карточкам, обязаны ежедневно полученные от продавцов талоны упаковывать в пачки по товарам и купюрам. На каждой пачке должно быть четко указано количество талонов и дата продажи. Талоны хлебных и продовольственных карточек хранятся в магазинах наравне с денежными документами» [1, с. 88].

Карточная система основывалась на принципе дифференцированного снабжения [9, с. 27]. Все городское население страны разделялось на группы: 1) рабочие и приравненные к ним лица (ИТР промышленных предприятий, работники связи и транспорта, науки, искусства, медицины, доноры, учителя); 2) служащие и приравненные к ним; 3) иждивенцы и приравненные к ним; 4) дети до 12 лет. К первой кате-

гории¹ относились работники оборонной, угольной, нефтяной, химической, резиновой, цементной, металлургической, машиностроительной и ряда других отраслей тяжелой промышленности, транспорта,строек оборонной промышленности, цветной и черной металлургии, шахт, станкостроения, а также отдельных предприятий, отнесенных к первой категории специальными решениями правительства. Карточки первой категории на хлеб и сахар получали только лица, работавшие непосредственно на предприятиях указанных отраслей. Отпуск хлеба и мяса в столовых производилось по продовольственным карточкам по установленным нормам, за исключением рабочих, занятых на подземных работах и в горячих цехах и рабочих и служащих на предприятиях оборонной промышленности. Последней категории населения мясо, выдаваемое с обедом, не засчитывалось в счет установленных норм.

Был утвержден специальный справочник по соотношению населения к группам по снабжению при выдаче карточек² [2, с. 95]. Например, к иждивенцам³ относились нижеследующие категории населения: иждивенцы рабочих, служащих и студентов, проживающие в г. Москве; надомники за исключением отнесенных к группе служащих; лица, не работающие по найму в государственных, кооперативных организациях, в том числе работающие по разовым и индивидуальным

¹ Москва военная, 1941–1945: мемуары и архивные документы. М.: Мосгорархив. 1995. С. 510

² Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник. М.: Росстат, 2015. С. 95

³ ЦГАМ. Ф.150. Оп.1. Д.739. Л. 67.

договорам; пенсионеры, инвалиды, домашние работницы, кустари одиночки, члены промысловых артелей; лица свободных профессий, занимающиеся частной практикой и их иждивенцы; лица, временно не работающие в предприятиях, учреждениях и организациях; слушатели различных краткосрочных курсов, кружков, если они не получают карточек другой категории по своей основной работе; изобретатели, рационализаторы, работающие на дому и не состоящие в штате предприятий, учреждений, организаций.

Снабжение населения основывалось на следующих принципах: 1) экономия товарных ресурсов; 2) ни одна категория населения не должна выпадать из поля зрения торгующих организаций; 3) дифференцированное снабжение; 4) изыскание дополнительных ресурсов; 5) сохранение стабильных цен в государственной розничной торговле [11, с. 45].

В июле 1941 г. при введении карточек в Москве были установлены отдельные нормы на мясо и рыбу, но практика показала нежизненность этого, особые нормы отпуска рыбы были отменены. Колбаса и другие мясопродукты, рыбопродукты, сельди, мясные и рыбные консервы засчитывались в норму отпуска «мясо-рыбы» по установленному коэффициенту [6, с. 85].

Карточки на промышленные товары выдавались на основании общей стандартной справки, печатавшейся вместе с продовольственными карточками. Для покрытия расходов, связанных с выдачей населению карточек, устанавливалась плата за каждую карточку в размере 10 копеек.

В Московском горкоме партии и Моссовете работали отделы обще-

ственного питания, а на крупных предприятиях промышленности и транспорта – отделы рабочего снабжения (ОРСы), функцией которых было накормить москвичей, обеспечить необходимое питание. В 1942 г. в Москве действовали 410 ОРСов [5, с. 53], хозяйства которых располагали десятками тысяч гектаров посевных площадей и десятками тысяч голов крупного рогатого скота и свиней. Всего в Москве в годы войны было введено 114 различных норм и видов продовольственного и промтоварного снабжения.

Работники, питающиеся в столовых, обязаны были сдавать там талоны продовольственных карточек на мясо-рыбу, жиры и крупу в соответствии с установленными нормами для раскладки этих продуктов в готовые блюда. С этой целью в карточках были введены мелкие купюры талонов – на 100 и 50 г мяса. Такие же дробные талоны были введены на хлебные карточки. Так, при норме отпуска на день 600 г хлеба имелось три талона: на 300, 200 и 100 г¹.

Существенным значением для улучшения питания трудящихся на оборонных предприятиях промышленности и транспорта, для стимулирования высокой производительности труда было второе горячее питание [3, с. 134]. Обеды, отпускаявшиеся в фабрично-заводских столовых и буфетах с зачетом купонов продовольственных карточек, на предприятиях называли первым горячим питанием. Для тех рабочих и инженерно-технических работников, которые выполняли и пере-

¹ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам (1917–1957 годы): в 4-х т. Т. 2: 1929–1945 годы. М.: Госполитиздат, 1957. С. 706

выполняли нормы выработки или производственные задания, существовало дополнительное, сверх нормы, второе горячее питание. Впоследствии второе горячее питание получали также рабочие ряда предприятий, занятые на тяжелых работах, имевшие удлинённый рабочий день. Нормой расхода продуктов для второго горячего питания являлось 50 г мяса (рыбы), 50 г крупы и 10 г жиров, и 100 или 200 г хлеба на человека в день в зависимости от вида деятельности. Картофель и овощи добавлялись в зависимости от наличия.

В дальнейшем распределение продуктов по карточкам в Москве, Ленинграде и в их областях явилось основой для использования этой системы и в других городах СССР. Карточная си-

стема была вынужденной экономической мерой правительства.

Карточная система снабжения была введена в Москве для регулирования снабжения населения продовольственными и промышленными товарами, в условиях, когда после объявления войны началась покупательная паника и в большинстве магазинов стало невозможно купить продукты. Особенность функционирования карточной системы заключалось в дифференцированном подходе к выдаче карточек населению, сохранение стабильных цен в государственной розничной торговле и защите всех категорий населения в условиях Великой Отечественной войны.

Статья поступила в редакцию 15.02.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12-ти т. Т. 10: Государство, общество и война. М.: Кучково поле, 2014. 864 с.
2. Волков И. М., Вылцан М. А., Зеленин И. Е. Вопросы продовольственного обеспечения населения СССР (1917–1982 гг.) // История СССР. 1983. № 2. С. 3–20.
3. Дегтев Д., Зубов Д. Будни советского тыла: жизнь и труд советских людей в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., Центрполиграф, 2016. 591 с.
4. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941 – 1945 гг.: в 6-ти т. Т. 2. М., Воениздат, 1965. 682 с.
5. Козлов Н. Д. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. Некоторые аспекты современной российской историографии // Вестник Ленинградского университета имени А. С. Пушкина. 2012. Т. 4. № 2. С. 93–110.
6. Красноженова Е. Е. Государственная политика по снабжению населения товарами народного потребления в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Нижнего Поволжья). Астрахань: Альфа Принт, 2014. 200 с.
7. Любимов А. В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М.: Экономика, 1968. 231 с.
8. Парамонов В. Н. Тени военного времени 1941–1945 гг.: распределение и спекулятивный рынок [Электронный ресурс] // Вестник Самарского государственного университета. 1999. № 3. – URL: <http://vestniksamgu.ssau.ru/gum/1999web3/hist/199930901.html> (дата обращения: 16.05.2019).
9. Твердюкова Е. Д. Борьба со злоупотреблениями в сфере карточного снабжения населения СССР, 1941–1947 гг. // Вестник Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (СПбПУ). Серия 2. 2010. № 2. С. 32–40.
10. Чернявский У. Г. Война и продовольствие: снабжение городского населения в Великую Отечественную войну (1941–1945 гг.). М.: Наука, 1964. 207 с.

11. Экономический фундамент Победы: параллели истории и современности / Под общей ред. И. В. Караваевой. М.: Институт экономики РАН, 2015. 344 с.

REFERENCES

1. *Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 godov: v 12-ti t. T. 10: Gosudarstvo, obshchestvo i voyna* [The Great Patriotic War of 1941–1945: in 12 volumes T. 10: State, society and war]. Moscow, Kuchkovo Pole Publ., 2014. 864 p.
2. Volkov I., Vytsan M., Zelenin I. [Issues of food supply for the population of the USSR (1917–1982)]. In: *Istoriya SSSR* [USSR History J.], 1983, no. 2, pp. 3–20.
3. Degtev D., Zubov D. *Budni sovetskogo tyla. Zhizn i trud sovetskikh lyudey v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. 1941–1945* [Everyday life of the Soviet rear: the life and work of Soviet people during the Great Patriotic War, 1941–1945]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2016. 591 p.
4. *Istoriya Velikoy Otechestvennoy voyny Sovetskogo Soyuza 1941–1945 gg. v 6-ti t. T. 2.* [The history of the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945, in 6 vols. Vol. 2]. Moscow, Voenizdat Publ., 1965. 682 p.
5. Kozlov N. [Everyday life of the people during the Great Patriotic War. Some aspects of modern Russian historiography]. In: *Vestnik Leningradskogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 2012, vol. 4, no. 2, pp. 93–110.
6. Krasnozhenova E. *Gosudarstvennaya politika po snabzheniyu nasekeniya tovarami narodnogo potrebleniya v period Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. (na materialakh Nizhnego Povolzhya)* [State policy on supplying the population with consumer goods during the Great Patriotic War of 1941–1945 (based on the materials of the Lower Volga region)]. Astrakhan, Alfa Print Publ., 2014. 200 p.
7. Lyubimov A. *Torgovlya i snabzhenie v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Trade and supply during the Great Patriotic War]. Moscow. Ekonomika Publ., 1968. 231 p.
8. Paramonov V. [Shadows of war time 1941–1945: distribution and speculative market]. In: *Vestnik Samarskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 1993, no. 3, <http://vestniksamgu.ssau.ru/gum/1999web3/hist/199930901.html>
9. Tverdukova E. [The fight against abuses in the field of card supply to the population of the USSR, 1941–1947]. In: *Vestnik SPbGU (Ser. 2)*, 2010, no. 2, pp. 32–40.
10. Chernyavskiy U. *Voina i prodovolstvie. Snabzhenie gorodskogo naseleniya v Velikuyu Otechestvennuyu voinu (1941–1945)* [War and food: supply of urban population in World War II (1941–1945)]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 207 p.
11. Karavaeva I., ed. *Ekonomicheskiy fundament Pobedy: paralleli istorii Isovremennosti: monografiya* [The economic foundation of Victory: parallels of history and modernity]. Moscow, Institut ekonomiki RAN Publ., 2015. 344 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маркова Екатерина Александровна – аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: Vels63@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Ekaterina A. Markova – postgraduate student, Department of Contemporary Russian History, Moscow Region State University;
e-mail: Vels63@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Маркова Е. А. Введение и функционирование карточной системы в Москве на начальном этапе Великой Отечественной войны // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 4. С. 204–212.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-204-212

FOR CITATION

Markova E. Introduction and functioning of the rationing system in Moscow at the initial stage of the Great Patriotic War. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 4, pp. 204–212.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-204-212

УДК 94(470) «1941/1945»

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-213-225

ОБРАЗЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ЧАСТЬ 1)

Ларионов А. Э., Дворковая М. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,

Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу важнейшего компонента советской пропаганды периода 1941–1945 гг. – русским историческим событиям и личностям, образы которых активно использовались во всех разновидностях агитационно-пропагандистской работы в тылу и на фронте. На основе текстовых и визуальных источников, с использованием достижений отечественной и зарубежной историографии прослежены истоки идеологического разворота накануне и в годы Великой Отечественной войны, сделан вывод о его закономерности и соответствии историко-культурной традиции русской цивилизации. В первой части статьи отдельно затронуты события периода с начала 1930-х гг., которые характеризуются идеологическими новациями.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, пропаганда, идеология, массовые коммуникации, русская история, традиционное общество

IMAGES OF RUSSIAN HISTORY IN SOVIET PROPAGANDA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (PART 1)

A. Larionov, M. Dworcowa

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy St., Mytishchi 14101, Moscow Region, Russian Federation

Abstract. The article analyses the most important component of the Soviet propaganda in 1941–1945 – Russian historical events and personalities, which were actively used in all kinds of propaganda in the rear and at the front. Drawing on both text and visual sources, as well as using the achievements of domestic and foreign historiography, the authors traced the origins of the ideological turn which occurred on the eve of and during the Great Patriotic War, concluding its conformity with the historical and cultural tradition of Russian civilization. The first part of the article specifically addresses events of the early 1930s, which are characterised by ideological innovations

Keyword: Great Patriotic War, mass propaganda, ideology, mass communications, Russian history, traditional society

Феномен разворота советской идеологии и пропаганды в сторону русских национально-исторических ценностей неоднократно становился предметом

научного анализа в исторических исследованиях последних лет. Так, в работе Ф. Л. Сеницына мы можем прочесть следующее: «... политика балансирования между “пролетарским интернационализмом” и “патриотизмом” не была эффективной... в этой ситуации, когда новая политика, направленная на развитие здорового, правильного “национализма”, в связке с “советским патриотизмом”, только набирала обороты, наша страна вступила в самую жестокую и кровопролитную войну в ее истории» [8, с. 7–8].

В новейшей коллективной монографии, посвящённой проблемам исторической динамики патриотического дискурса в течение двух с лишним столетий истории России (XVIII–XX вв.), один из авторов пишет о патриотическом повороте как постепенно нараставшей тенденции: «В период 1930–1931 гг. обозначились первые признаки официального идеологического поворота в сторону “реабилитации” таких определяющих и необходимых для пропаганды государственности понятий, как отечество и патриотизм... Осуждению (пока еще негласному) со стороны сталинского руководства стали подвергаться попытки принизить роль и значение русского рабочего класса в социалистическом строительстве и освободительном движении, глумление над революционными и национально-историческими традициями русского народа» [4, с. 452]. По ходу дальнейшего изложения автором отмечается неуклонное усиление патриотической тенденции с активным использованием исторического контекста как опоры новых идеологических установок.

Примечательно, что факт идеологической инверсии советской власти

предвоенного периода интересует не только российских, но и зарубежных учёных. Например, в интереснейшей работе американской исследовательницы Катерины Кларк «Москва. Четвёртый Рим» конец 1930-х – начало 1940-х гг. связывается с постепенным, но глубоким разворотом в культурной политике и пропаганде СССР – от интернационализма («патриотического космополитизма» в терминологии автора) к национально-почвенническому, по сути же – к руссоцентричным ориентирам. Правда, автор парадоксальным образом усматривает истоки этой аксиологической инверсии в сближении СССР и Германии после Пакта о ненападении 23 августа 1939 г.

В то же время сама культурная и идеологическая политика 1931–1941 гг. рассматривается Кларк как сложное переплетение национальных (и даже великорусско-националистических) тенденций с тенденциями интернационально-космополитическими, когда даже Сталин не склонялся полностью к национализму, проявляя колебания. Лишь начало войны с Германией поставило точку в культурной дихотомии. «Не нужно долго искать доказательства того, что в советской культуре 1930-х годов имело место ослабление “пролетарского интернационализма” и усиление великорусского национализма, или “национал-большевизма”. Но этим история не исчерпывается...эту эпоху нельзя свести к одному-единственному нарративу. В ней соседствовали несхожие тенденции и явления, допускающие разные точки зрения на один и тот же исторический момент... Настоящая книга ставит целью дополнить обычное представление, в рамках которого это десятилетие предстаёт

как переход к великорусскому национализму, – представление, в достаточной мере подкрепленное документами и доводами, – указанием на параллельно существовавший, пусть и не столь очевидный интернационализм» [3, с. 14–15].

Другой зарубежный исследователь склонен рассматривать руссоцентризм в качестве логичного феномена, обусловленного общими социально-культурными традициями и процессами в СССР, спецификой исторической ситуации и субъективными предпочтениями самого Сталина и ряда лиц из его ближайшего окружения. Культурные и идеологические тенденции 1930-х гг. предстают как достаточно противоречивые: «Если руссоцентристский, этатистский вектор советской пропаганды и сделался заметнее во 2-й половине 1930-х годов, то при этом не произошло полного разрыва с двумя предыдущими десятилетиями коммунистического идеализма и пролетарского интернационализма... балансируя в рамках сталинско-руссцентристского курса, партийное руководство пыталось популяризировать свои этатистские и марксистско-ленинские воззрения с помощью общедоступного словаря национальных героев, мифов и легенд. Однако своеобразное идеологическое равновесие оказалось нарушено паникой, последовавшей за неожиданным фашистским нападением в июне 1941 года» [2, с. 139].

Однако, при всём внимании к данной проблеме и многоаспектности рассмотрения, она не может считаться исследованной полностью. В частности, надлежащего внимания актуализации русской истории как ведущего фактора пропаганды не уделено в рамках соци-

альной истории, которая в немалой степени является и историей социальных коммуникаций. Выскажем предварительную гипотезу, что при синтезе данного ракурса социально-исторических исследований с семантическим анализом самих транслируемых в массовое сознание образов можно рассчитывать на выявление новых граней понимания истории войны и советского общества. И, в конечном итоге, на качественный прирост исторического знания, включая вопросы методологии.

Как показывает элементарный анализ фактов, к началу Великой Отечественной войны уже существовал достаточно мощный пласт информационного продукта традиционной культурно-исторической направленности, который ориентировал общественное сознание на позитивное восприятие русской истории и культуры. В качестве наиболее симптоматичных проявлений этой тенденции отметим восстановление курсов русской литературы и отечественной истории в школьном образовании, осуществлённое под пристальным вниманием лидеров СССР¹; переиздание русской классики и 100-летие гибели Пушкина, которое приобрело характер маркера социальной памяти в 1937 г. Непосредственно перед войной снимаются художественные фильмы историко-патриотической направленности, сре-

¹ См. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 15 мая 1934 года «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Особое значение имел п. 3: «В целях подготовки квалифицированных специалистов по истории восстановить с 1 сентября 1934 года исторические факультеты в составе Московского и Ленинградского университетов с контингентом осеннего приема на каждый из факультетов по 150 человек, установив срок обучения 5 лет».

ди которых наибольшей известностью заслуженно пользовался «Александр Невский» Эйзенштейна с Николаем Черкасовым в главной роли, но были и другие кинокартины.

Явно с подачи власти советскими писателями создаётся историческая проза, которая обращает внимание читателя к русской истории не только как к классовой борьбе, но и как тернистому пути государственного и культурного строительства, в котором принимали участие все социальные слои. Во 2-й половине 1930-х гг. острой и явно политизированной критике подверглась научно-историческая «школа Покровского», ранее занимавшая доминирующие позиции в советской историографии и гуманитарном образовании 1920-х – начала 1930-х гг. Следует иметь в виду, что «учебник М. Н. Покровского выдержал пятнадцать основных изданий, из них десять при жизни автора. По существу, в 20-е гг. XX века учебник М. Н. Покровского приобрел статус единственного официального учебника по истории России вплоть до начавшихся гонений со стороны И. В. Сталина на Покровского и его школу» [10, с. 13].

Как известно, историки того времени подобно Покровскому, нивелировали значимость национальной самобытности в историческом процессе, идя в этом значительно дальше основоположников марксизма. Соответственно, почти полностью дезавуировалась роль России как самостоятельного субъекта мировой истории. Но в конце 30-х гг. был выпущен двухтомник, в котором ведущие советские историки, явно с санкции Верховной власти, подвергли разносторонней критике основные положения и кон-

кретные проявления исторической концепции недавнего властителя историографического «олимпа» в СССР.

Данный экскурс потребовался нам для того, чтобы обосновать принципиальный тезис, что к моменту начала Великой Отечественной войны в культуре и идеологии Советского Союза стала свершившимся фактом инверсия в сторону русской истории как некоей надвременной ценности и ресурса для пропаганды и построения национально-государственной идентичности. Война лишь придала процессу более внятные формы, определённости содержания и яркости прикладной направленности. Уместно задать вопрос: конъюнктура ли только определяла и направляла поворот в сторону русской истории, или же имело место и обратное воздействие?

Анализируя проблему, поставленную в рамках данной статьи, необходимо условиться, что мы вкладываем в понятие «пропаганды»? В наиболее общем виде под пропагандой понимается «распространение взглядов, идей, мнений с целью позитивно или негативно настроить аудиторию и стимулировать её реакции в желаемом направлении»¹. Иными словами, пропаганда подразумевает направленную трансляцию определённых смыслов рационального и образно-эмоционального характера для воздействия на поведение и социальные практики людей. Война почти с самого начала проявилась не столько как классовая, сколько как именно национальная. Не вдаваясь в описание противоречивых тенденций в советской пропаган-

¹ Кравченко И. И. Пропаганда // Новая философская энциклопедия. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 366.

де начального периода войны, будем непосредственно рассматривать тот историко-патриотический гипертекст, который в итоге стал доминирующим содержанием всей идейно-пропагандистской работы в тылу и на фронте.

К 40-м гг. XX в. развитие средств массовой коммуникации уже давало возможность организации систематической и многоканальной пропаганды. Советское государство в полной мере воспользовалось имевшимся техническим арсеналом для всемерной популяризации необходимых идей и образов, максимального охвата ими всех слоёв и групп населения. Газеты и журналы, книги и брошюры, радио, плакаты и кино, штат лекторов и агитаторов в совокупности позволили создать колоссальную по масштабам информационную среду, управляемую из единого центра. Это был инструмент, который можно было приспособить под различное содержание.

Необходимо понимать, что начало Великой Отечественной войны породило качественно новую социокультурную и информационную реальность. В её рамках установились иные ценностные доминанты и мотиваторы социальной деятельности. Соответственно, все прежние заботы и интересы превратились в собирательное понятие «до войны» и на весь военный период снизили свою значимость. В речи Сталина от 3 июля 1941 г. (вообще чрезвычайно насыщенной концептуальными смыслообразами общенационального характера) наряду с прочими прозвучала фраза: «Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР...»¹.

¹ Сталин И. В. О Великой Отечественной

Логичной была организационная и содержательная перестройка пропаганды в тылу, на фронте и в тех областях СССР, которые попадали под оккупацию. Данная перестройка происходила в быстром, чрезвычайном порядке, хотя внутри процесса некоторые авторы отмечают наличие противоречивых тенденций. Например, упомянутый выше Ф. Л. Сеницын на основе образцов советской военной пропаганды и документальных источников отмечает колебания в деле актуализации собственно русской тематики пропагандистского продукта. По его мнению, усиление данной темы было характерно для периодов ухудшения обстановки на фронтах, тогда как улучшение военной ситуации вело к некоторому снижению «русско-исторической» риторики, а интернациональный компонент, напротив, нарастал: «Русский национальный фактор использовался лишь утилитарно – нажим на него делался в моменты, когда положение на фронте было наиболее тяжелым (октябрь 1941 г. – февраль 1942 г. и с июня 1942 г.)... в 1944 г. в армейских пропагандистских изданиях произошло снижение в 2 раза по сравнению с 1943 г. количества публикаций о героическом прошлом русского народа» [8, с. 22, 48].

Однако нас интересует само содержание пропаганды в контексте социальных коммуникаций. Основными каналами трансляции пропагандистского продукта становятся периодическая печать, книжная продукция, плакат, киноискусство и радио. Отдельно следует упомянуть изменения в наградной системе, о чём еще будет сказано. Важными условиями деятельности пропаганды являются её войне Советского Союза. М.: ОГИЗ, 1948. С. 13.

массовость и повторяемость ключевых образов и идей – с целью их закрепления в общественном сознании и превращении в мотивирующие факторы повседневных социальных практик. Советская пропаганда военного времени вполне отвечала вызовам исторического момента. Выступления И. В. Сталина явились не просто симптомом корректировок в идеологии, но и указаниями к практическим действиям работников агитационного фронта. Со 2-й половины 1941 г. и до конца войны устойчивое место среди мощного потока агитационных плакатов занимают те их образцы, которые используют образы исторического прошлого России в качестве обоснования действий армии и народа в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Составление полного перечня образцов визуальной пропаганды представляет определённые трудности. Хотя исследовательские работы в этом направлении ведутся. Наиболее

выразительные образцы плакатной продукции периода Великой Отечественной войны были представлены в юбилейном издании «Наша Победа» к 65-летию Победы СССР над Германией и её союзниками [7]. Даже по этому, достаточно ограниченному по охвату материала, изданию можно построить статистическую выборку (см. рис.) актуализации самой тематики русской истории в общем контексте визуальной пропаганды. В указанном издании помещено 397 образцов плакатного искусства, из них 20 плакатов обращают внимание аудитории на героическое прошлое русского народа, что составляет около 6% общего количества. Столь небольшое количество не должно нас смущать. Во-первых, данная выборка – неполная относительно общего числа разнообразной по тематике плакатной продукции военного времени, во-вторых, значимость того или иного образа далеко не всегда равнозначна его чисто количественному весу.

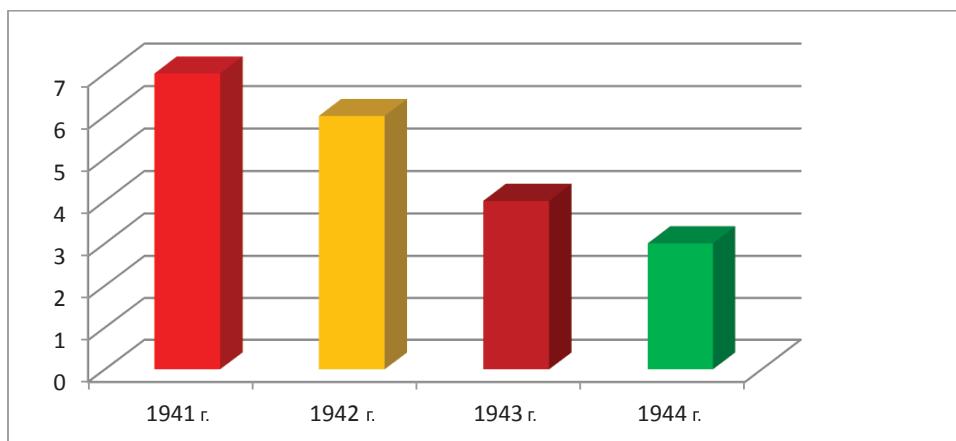

Рис. Рис. Плакаты на тему русской истории (кол-во экземпляров)

В 2013 г. было предпринято более масштабное с точки зрения полноты

информации издание, хотя и с меньшей степенью наглядности – книга

А. С. Морозова «Окна ТАСС. 1941–1945». В ней собрана и систематизирована по местам выпуска информация обо всех «Окнах ТАСС», которые за годы войны выпускались в различных местах СССР [6]. Множественность центров публикации позволяет говорить о тотальном охвате тождественными историческими образами подавляющего большинства населения огромной страны. Что, в свою очередь, создавало единство ценностных ориентаций, мировоззрения и социальных практик. Визуальная пропаганда порождала эффект аксиологической гомогенности общества на основе единых историко-героических образов. Прошлое становилось частью настоящего, создавая очень специфический хронотоп войны [1, с. 234].

Теперь обратимся к собственно историческим образам, демонстрируемым на плакатах. Вполне закономерно в качестве сюжетов для пропаганды избирались те исторические эпизоды, которые были связаны с противостоянием Российского государства и русского народа иностранной агрессии. Выступление И. В. Сталина на Красной площади 7 ноября 1941 г. очертило хронологические, событийные и личностные контуры историко-патриотической пропаганды, которая нашла отражение в плакате. Таковыми стали период с XIII по XIX вв. включительно, от Александра Невского до фельдмаршала Кутузова. В качестве вдохновляющих событий предлагались победоносные эпизоды русской военной истории. Однако военно-исторический ряд деятелей был не единственным, к которому апеллировал советский лидер. Сутками ранее, в выступлении перед партийно-совет-

ским активом Москвы в метро «Маяковская» Сталин обратился также к великой русской культуре, напомнив имена великих русских литераторов, учёных, художников и композиторов и противопоставив их гитлеровцам как «лишённым чести и совести людям с моралью животных» [9, с. 30]. Иначе говоря, кроме образов героев-защитников Отечества в сознание общества транслировались архетипические образы тех, сугубо мирных, деятелей, которые формировали фундаментальные ценности и смыслы Русской цивилизации, её сущностное ядро, которое и следует защищать всеми силами от посягательств врага «с моралью животных».

При этом сам Сталин представлял не просто харизматичным национальным лидером, но как бы концентрированным выразителем, носителем и защитником этих ценностей. Едва ли это был предусмотренный эффект его выступлений, но объективно сталинские речи занимали первое место в общественном «пространстве внимания» [5, с. 61] и в дальнейшем ассоциировались именно с ним. Не случайно на ряде плакатов образы национальных героев сопровождались соответствующей фразой из выступления Сталина 7 ноября 1941 г. Интересными представляются практические способы трансляции историко-героических образов. В частности, на многих плакатах создавались своеобразные историко-художественные коллажи, где советские воины оказывались во главе ряда защитников Родины от древнерусских дружинников до солдат эпохи Наполеоновских войн и Русской Императорской армии периода Первой Мировой войны. Что сопровождалось соответ-

ствующими случаю стихотворными или прозаическими текстами:

«Били мы врага копьём, били мы врага ружьём и теперь стальным оружием бьём врага, где обнаружим» [9, с. 19];

«Наполеон потерпел поражение в России. То же будет и с зарвавшимся Гитлером» [9, с. 22].

Логичным дополнением, продолжением и развитием концептуальных идей лидера государства и его Вооружённых Сил, отражённых в плакатах, явились многочисленные произведения искусства, созданные советскими литераторами, художниками, кинематографистами. Исторические интенции культурной жизни СССР в этот

период становятся одними из доминирующих во всех её жанрах. Обратимся к примерам. Так, в момент наивысшего военного напряжения на фронтах – в июле 1942 года, когда немецкие части Группы армий «Б» вышли в Большую излучину Дона и устремились к Сталинграду, в ведущей советской военной газете «Красная звезда» с трёхдневным промежутком появились стихи двух видных советских поэтов – Ильи Сельвинского и Константина Симонова. Нас будут интересовать в этих произведениях наиболее важные для понимания проблемы отрывки, оперирующие архетипами, неразрывно связанными с историческим прошлым России.

*«Люблю великий русский стих,
Еще непонятый, однако,
И всех учителей своих
От Пушкина до Пастернака...
<...>
Какие ж трусы и ввали
О нашей гибели судачат?
Убить Россию это значит
Отнять надежду у Земли!»*

Сельвинский И. Л., «России»¹

*«Если дорог тебе твой дом,
Где ты русским выкормлен был,
Под бревенчатым потолком,
Где ты, в люльке качаясь, плыл;
Если дороги в доме том
Тебе стены, печь и углы,
Дедом, прадедом и отцом
В нем исхоженные полы ...»*

Симонов К. М., «Убей его!»²

В одном случае мы видим обращение к традициям и именам русской литературы как смыслообразующему зерну личностного бытия и с последующим переходом к мироустроительной роли России. В итоге получаем логическую цепочку смыслов: русская литература → фундирование бытия личности → абсолютизация исторического бытия России → невозможность существования мира без России. Национальный культурно-исторический образ получает, таким образом, всемирно историческую значимость абсо-

лютного характера.

У Симонова исторические образы выполняют более интимную архетипическую роль. Они связаны с русской избой, которая, если обратиться к культурологии, являлась не чем иным, как концентрированной моделью трёхуровневой картины мироздания. Начало человеческой жизни и её дальнейшее смыслополагание оказываются связаны исключительно с нерушимостью родного дома и «исхоженностью» полов поколениями предков. Именно на потолке и полах родной избы,

¹ Красная звезда. 1942. 15 июля.

² Красная звезда. 1942. 18 июля.

люльки на «очепе», которая от века плывёт под потолком-«небосводом», возможна национальная идентичность, которую и следует защитить. Таким образом, если у Сельвинского исторический контекст призван мотивировать солдата на исполнение всемирно-сотериологической миссии, то в варианте Симонова солдат оказывается мотивирован на жертву своей глубинно-интимной связью с родной избой, заключающей в себе всё мироздание. Разумеется, противоречия в двух поэтических концептах нет, просто они отражают разные грани понимания целей и смысла Великой Отечественной войны. Хотя, безусловно, для основной массы рядовых солдат обыденные и менее патетичные образы Симонова были ближе и действеннее, нежели глобальная поэтика Сельвинского.

В известном смысле апофеозом литературно-исторической пропаганды можно считать роман Юрия Германа «Россия молодая», начало создания которого приходится на 1942 г. Обращение к Петровской эпохе с её предельным напряжением народных сил и укреплением государственности, тяжёлой, но победоносной войной укладывалось в идеологический тренд 1941–1945 гг. Одновременно роман – это апология русского народа, его гражданских и ратных добродетелей, которая вкладывалась и в уста противника: «Шпага не брошена, граф! – произнес премьер-лейтенант значительно. – Рука москвитов крепко сжимает ее эфес. И нужны все наши силы, весь шведский здравый смысл, весь гений нашего народа, крайнее напряжение всех наших возможностей, дабы противостоять стремлению России к

морю. Россияне считают это стремление справедливым... Им приходится туго, есть еще налоги: берут за уход в море и за возвращение с рыбой, берут за дубовый гроб, берут уздечные, за бороды, за топоры, за бани. Мужиков гонят на непосильные работы; сотни, тысячи людей умирают на постройках крепостей, на верфях, на прокладке дорог, на канатных, суконных, полотняных мануфактурах... война с Россией – безумие! Мы можем презирать эту страну, как презирали ее до сих пор, но во всех наших внешних проявлениях мы должны искать дружбы с нею, вести торговлю, показывать себя добрыми соседями. Русские – сильный народ...»¹.

Художественно-литературный текст выходит за рамки описываемой эпохи, приобретая значимость вневременной, метафизической характеристики России и русского народа. Картина, относящаяся к далёкому прошлому и вызывающая чувство национальной гордости, прекрасно отражала и в то же время укрепляла умонастроения настоящего, когда выживание страны и народа вновь зависело от мобилизации всех сил и лучших качеств. Интересно, что на фоне разворачивающихся исторических событий и судеб главных героев исподволь проводится мысль о значимости единения власти и народа в лихолетье. Никакие личные обиды и допущенные государством несправедливости не должны заслонять от людей единства высшей ценности, каковой представлена защита Родины. Иными словами, героические образы из прошлого были призваны не только мотивировать советских людей на

¹ Цит. по изд.: Герман Ю. П. Россия молодая. М.: Эксмо, 1997.

подвиги, но и служить ресурсом политической лояльности и внутреннего порядка в обществе. Повышать устойчивость социальной системы ради сохранения исторической субъектности страны и защиты её будущего.

Особая роль в патриотической пропаганде военного времени принадлежала кинематографу. Задолго до войны руководство СССР вполне чётко осознавало агитационные и морально-воспитательные возможности этого сравнительно молодого вида искусства, как то видно из поздравительных слов Сталина, сказанных советским кинематографистам в 1935 г.: «Кино в руках Советской власти представляет огромную, неоценимую силу. Обладая исключительными возможностями духовного воздействия на массы, кино помогает рабочему классу и его партии воспитывать трудящихся в духе социализма, организовывать массы на борьбу за социализм, подымать их культуру и политическую боеспособность»¹.

Политика СССР в области кинематографа в военное время стала практическим воплощением данной установки. Среди художественных картин, снятых в 1941–1945 гг., было несколько работ виднейших советских режиссёров, непосредственно посвящённых избранному моментам русской истории. В качестве характерных примеров укажем на кинокартины «Кутузов» (1944 г., режиссёр В. М. Петров), «Иван Грозный» (1945 г., режиссёр С. М. Эйзенштейн). Явный историко-фольклорный подтекст имел сказочный фильм «Кощей Бессмертный» (1944 г., режиссёр А. А. Роу). Основным сю-

жетным мотивом фильма-сказки была борьба с захватчиками, которые ассоциировались с inferнальным, абсолютным злом, что в условиях войны было чрезвычайно актуальным. Особенно впечатляющим в сказочной киноленте выглядит эпизод, когда за спиной русского богатыря Никиты Кожмяки встаёт стеной русское войско из горсти родной земли (58-я минута фильма). Мотив более чем прозрачен – родная земля даёт силы своим воинами на борьбу с врагом. Вполне «идеологически выдержанным» выглядел и сюжет дружбы русского богатыря и восточного удалца. Можно представить себе, какое воздействие на сознание зрителя, не избалованного спецэффектами, должны были оказывать «чудеса» и аллюзии на киноэкране – причём не только на детей, но и на взрослых.

Поскольку эта публикация представляет первую часть нашего исследования, постольку и выводы, приводимые ниже, носят, по необходимости, промежуточный характер.

1. С одной стороны, наша статья описывает трансформацию культурных образов и идеологии сталинской эпохи, отраженных в ряде репрезентативных исторических трудов. С другой стороны, это попытка отыскать и должным образом осветить ещё не раскрытые в достаточной степени аспекты проблемы.

2. Глубокие изменения содержания пропаганды военного времени в направлении усиления русских исторических компонентов хотя и были подстёгнуты войной, но имели собственные, более глубокие корни в политике и культурной жизни СССР 1930-х гг.

¹ Приветствие И. В. Сталина работникам советской кинематографии // Правда. 1935. 11 янв.

3. Русская историко-культурная тема находит своё яркое выражение не только в узком пропагандистском поле, но и во много более широком слое всей культурной жизни советского общества 1941–1945 гг. В конечном итоге именно историко-патриотическая тема стала одной из важнейших отличительных черт советской отечественной культуры военных лет.

4. Обращение к истории в русле пропаганды и культуры военного времени обращали советские власть и общество в сторону многовековой национальной традиции, на порядок более

древней, чем марксизм, являвшийся официальным идеологическим фундаментом СССР. Но *de facto* это означало серьёзнейшую ревизию всей советской идеологической системы. Как мы помним, Маркс крайне скептически относился к ценностям исторического наследия: «Традиции всех мёртвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых»¹. В реальности же оказалось, что наследие предков спасало не только настоящее, но и будущее огромной страны.

Статья поступила в редакцию 01.04.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
2. Бранденбергер Д. Сталинский руссоцентризм. Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. 407 с.
3. Кларк К. Москва, четвертый Рим: сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931–1941). М.: Новое литературное обозрение, 2018. 520 с.
4. Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. – 1991 г.) / Отв. ред. В. В. Журавлев. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 783 с.
5. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1284 с.
6. Морозов А. С. Агит-окна. Окна ТАСС. 1941–1945. М.: Контакт-Культура, 2013. 480 с.
7. Наша Победа: плакаты Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. М.: Контакт-культура, 2010. 256 с.
8. Синицын Ф. Л. За русский народ: национальный вопрос в Великой Отечественной войне. М.: Эксмо-Яуза, 2010. 416 с.
9. Смех – дело серьёзное: сатирическая печатная графика Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: ГЦМСИР, 2015. 78 с.
10. Фукс А. Н. «Русская история в самом сжатом очерке» М. Н. Покровского как историографический источник // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2010. № 3. С. 13.

REFERENCES

1. Bakhtin M. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 504 p.
2. Brandenberger D. *Stalinskii russotsentrizm. Sovetskaya massovaya kul'tura i formirovanie russkogo natsional'nogo samosoznaniya (1931–1956 gg.)* [Stalin russocentrism. Soviet mass culture and the formation of Russian national consciousness (1931–1956)]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2017. 407 p.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Том 8. М.: Госполитиздат, 1957. С. 119

3. Klark K. *Moskva, chetvertyi Rim: stalinizm, kosmopolitizm i evolyutsiya sovetskoi kul'tury (1931–1941)* [Moscow, the Fourth Rome: Stalinism, cosmopolitanism, and the evolution of Soviet culture (1931–1941)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018. 520 p.
4. Zhuravlev V., ed. *Patriotizm i natsionalizm kak faktory rossiyskoy istorii (konets XVIII v. – 1991 g.)* [Patriotism and nationalism as factors of Russian history (the end of XVIII century – 1991 g.)]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2015. 783 p.
5. Kollinz R. *Sotsiologiya filosofii. Global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya* [The sociology of philosophies. A global theory of intellectual change]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 2002. 1284 p.
6. Morozov A. *Agit-okna. Okna TASS. 1941–1945* [Propaganda purposes. TASS Windows. 1941–1945]. Moscow, Kontakt-Kul'tura Publ., 2013. 480 p.
7. *Nasha Pobeda: plakaty Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 godov* [Our Victory: posters of the great Patriotic war of 1941–1945]. Moscow, Kontakt-kul'tura Publ., 2010. 256 p.
8. Sinitsyn F. *Za russkii narod: natsional'nyi vopros v Velikoi Otechestvennoi voine* [For Russian people: the national question in the great Patriotic war]. Moscow, Eksmo-Yauza Publ., 2010. 416 p.
9. *Smekh – delo ser'yoynoye: satiricheskaya pechatnaya grafika Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.* [Laughter is a serious matter: a satirical printed graphic of the Great Patriotic War of 1941–1945]. Moscow, GTSMSIR Publ., 2015. 78 p.
10. Fuks A. ["Russian history in the most concise essay" by M. N. Pokrovsky as a historiographical source]. In: *Vestnik MGOU. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*, 2010, no. 3, pp. 13.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ларионов Алексей Эдиславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: allar71@yandex.ru

Дворковая Марина Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: marinadvorkovaya@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORES

Aleksey E. Larionov – PhD (History), Associate Professor, Department of Russian middle ages and modern history, Moscow Region State University;
e-mail: allar71@yandex.ru

Marina V. Dworcowa – PhD (History), Associate Professor, Department of Russian middle ages and modern history, Moscow Region State University;
e-mail: marinadvorkovaya@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ларионов А. Э., Дворковая М. В. Образы русской истории в советской пропаганде периода Великой Отечественной войны (часть 1) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 4. С. 213–225. DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-213-225

FOR CITATION

Larionov A., Dworcowa M. Images of Russian history in Soviet propaganda during the Great Patriotic War (part 1). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 4, pp. 213–225.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-213-225

УДК 94(470.5) 084.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-226-229

НЕУДАЧНАЯ ПОПЫТКА Н. С. ХРУЩЕВА СОЗДАТЬ АГРОГОРОДА В МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Горлов В. Н.

Институт деловой карьеры

117105, г. Москва, Варшавское шоссе, 23. Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы колхозного строительства в 1950 г., когда Н. С. Хрущев возглавил руководство МК ВКП(б). Автор основывал работу на документальных источниках из фондов Центрального государственного архива города Москвы. Хрущев увлекся идеей создания агрогородов и колхозов-гигантов. Под его давлением началась подготовка к развертыванию строительства агрогородов в Московской области. По мнению Н. С. Хрущева, маленькие подмосковные колхозы тормозили развитие сельского хозяйства. Он мечтал превратить колхозников в подмосковных агрогородах в сельскохозяйственных рабочих.

Ключевые слова: Н. С. Хрущев, Московская область, агрогород, колхоз, крестьянство

UNSUCCESSFUL ATTEMPT OF KHRUSHCHEV TO CREATE AGRICULTURAL TOWNS IN THE MOSCOW REGION IN THE POST-WAR YEARS

V. Gorlov

Institute of Business Career

Varshavskoye shosse, 23, Moscow, 117105. Russia

Abstract. The article considers the development of collective farms in 1950, when N. Khrushchev became the leader of the Moscow regional committee of the CPSU, drawing on documents from the funds of the Moscow Central State Archive. Khrushchev was fascinated by the idea of creating agro-towns and giant collective farms. He initiated preparations for the construction of agro-towns in the Moscow Region. According to Khrushchev, small collective farms outside Moscow hampered the development of agriculture. Khrushchev wanted to turn farmers in the agro-towns near Moscow into agricultural workers.

Keywords: N. Khrushchev, Moscow Region, agro-town, collective farm, peasantry

Укрупнения мелких колхозов началось на рубеже 40-х–50-х гг. В это время у первого секретаря МК ВКП(б) Н. С. Хрущева зародилась мысль об «агрогородах». По его мнению, «укрупнение колхозов открывает неисчерпаемые возможности»¹. Слияние колхозов проводилось с целью, прежде всего, ликвидации их маломощности и убыточности, повышения товарности. На совещании в МК ВКП(б) в 1950 г. формулировались главные задачи: «...полная перестройка

© СС ВУ Горлов В. Н., 2019.

¹ Центральный государственный архив города Москвы (далее – ЦГА Москвы). Ф.П-3. Оп.138. Д.215. Л.53.

сельскохозяйственного производства и подъем его еще на более высокий уровень на основе внедрения крупной машинной техники и достижений советской агротехнической науки»¹.

Очень быстрыми «ударными» темпами проводилось объединение колхозов. В Московской области к началу 50-х гг. насчитывалось 6069 колхозов, их осталось 1578 к 10 июля 1950 г.² Слияние колхозов сопровождалось массовым сселением колхозников на новые места, на которых планировалось построить крупные поселки с новыми жилищами, магазинами, клубами, медицинскими пунктами. На одном из Пленумов МК ВКП(б) Н. С. Хрущев говорил уже о том, что «наступили такие времена, когда должны быть стерты грани между городом и деревней»³. Для таких масштабных планов требовались очень большие финансовые и трудовые затраты. Необходимо было провести огромную подготовительную работу: разработать проекты, найти источники финансирования, обеспечить стройки кадрами.

В начале было принято политическое решение. Но так как невозможность разворачивания таких объемов жилищного строительства после принятия решений о сселении была ясна сразу же, было решено перевозить старые избы на новые места «временно». Колхозники на собраниях зачастую негативно отзывались о необходимости перебираться на необжитые места. Требовалось сажать вновь плодовые деревья, рыть колодцы, разводить огороды и т. д. Предстояло, одним словом, приспособлять новое место «под себя»⁴. Старики никак не могли

взять в толк, зачем так быстро нужно перетаскивать старые избы, срываться с обжитых мест. Одна жительница колхоза говорила: «...куда вы такую рухлядь поставите в агрогород, он вам все испортит»⁵. Председатели местных Советов и колхозов видели проблемы воочию, хорошо понимая трудности. Они удивлялись искренне тому, как из старых домов с 50–80% износа предстоит строить «красивую деревню»⁶.

В Коломенском районе в колхозе им. Димитрова было собрано в единый населенный пункт несколько деревень, было перевезено 60 домов с разборкой домов на старых местах и с установкой их на новом месте. Колхозники, не соглашась с местами новых усадеб, возмущаясь, открыто роптали: «Отдельные председатели меряют на свой аршин и производят сселение в тот колхоз, или в тот населенный пункт, в которых живут»⁷.

Темпы сселения деревень Н. С. Хрущев всемерно поощрял, поставив задачу за 2,5–3 года переселить все мелкие деревни Подмосковья в крупные центры⁸. На совещании председателей колхозов области летом 1950 г. Хрущев раскрывал планы: «С помощью колхозов колхозники мелких деревень смогут перевезти свои дома и другие постройки в крупные села и собрать их на новом месте, а потом постепенно с ростом колхоза будут строить для колхозников более благоустроенные дома...»⁹.

Руководство Московской области лихорадочно стало требовать переориентации работы архитектурных мастерских, проектных институтов. Однако колхозники очень резко кри-

¹ ЦГА Москвы. Ф.П-3. Оп. 124. Д. 191. Л. 2.

² ЦГА Москвы. Ф.П-3. Оп. 138. Д. 191. Л. 2.

³ ЦГА Москвы. Ф.П-3. Оп. 138. Д. 215. Л. 64.

⁴ ЦГА Москвы. Ф.П-3. Оп. 124. Д. 214. Л. 40.

⁵ ЦГА Москвы. Ф.П-3. Оп. 138. Д. 215. Л. 67.

⁶ Там же. Л. 69.

⁷ ЦГА Москвы. Ф.П-3. Оп. 124. Д. 211. Л. 47.

⁸ ЦГА Москвы. Ф.П-3. Оп. 124. Д. 214. Л. 69.

⁹ Там же.

тиковали архитекторов. Колхозники обоснованно требовали, чтобы в проектах были «сарай, где был бы поросенок, свиньи, куры, чтобы можно было держать 10–12 овец, чтобы было место, где можно положить дрова» Больше всего их поражала некомпетентность проектантов в вопросах сельского строительства: «Это ведь не рабочий поселок, а это колхоз»¹. Заведующий отделом колхозного и сельского строительства МК ВКП(б) С. К. Уваров откровенно говорил на совещании по проблемам сельского строительства: «Наши архитекторы, инженеры слишком оторвались от жизни колхозов, ни одного архитектора мы в нашем районе не видели»². Изба как традиционное жилище средней полосы России уступала место в проектных планах дому с несколькими квартирами. Архитекторов, кто стремился учитывать традиции крестьян, подвергали критике: «... большинство типовых проектов на жилые дома повторяет крестьянскую избу с примыкающей к ней холодными сенями, большим хозяйственным двором»³. По мнению областного руководства, это явно не годилось для новых деревень. «Это некоторые городские люди думают за колхозников и говорят, что колхозник не привык жить на втором этаже», – наставлял Н. С. Хрущев на проходившем в Москве 4 сентября 1950 г. Совещании работников промышленности строительных деталей»⁴.

Появление многоэтажек в сельской местности, строительство агрогородов объяснялось твердым желанием руководства государством «индустри-

ализировать труд и быт крестьян». Колхозники относились к квартирам очень и очень неоднозначно, так как проводилось крушение устоявшегося поколениями крестьянского быта, неоправданно сокращалась традиционная жилая площадь, что отвращало крестьян от личного подворья.

Составление перспективных планов застройки и развития сел сильно отставало от решений властей. Только в 650 колхозах перспективное планирование было начато в 1951 г.⁵ Крупные села было решено строить «комбинировано», «сократить часть усадьбы, прилегающей непосредственно к дому и вынести остальную часть усадьбы, прилегающей непосредственно к дому, за пределы села»⁶. По таким планам колхозники должны были теперь «ходить на огород». Такое размещение хозяйства колхозников должно было вести к «сближению города и деревни».

Специфика населения сельской местности области была такова, что часть сельчан традиционно работала на промышленных предприятиях городов. После решения о сселении мелких деревень рабочие вынуждены были оставлять рабочие места или перебираться ближе к месту работы. В одном из колхозов в Пушкинском районе Московской области должны были перенести 15 домов рабочих и служащих и 41 дом колхозников. У председателей колхозов часто возникал вопрос: «Куда мы денем рабочих?»⁷.

В Пушкинском районе в колхозе «Майское» большинство колхозников работало на производстве, из 300 домов колхоза 220 принадлежало рабочим. В

¹ ЦГА Москвы. Ф.П-3. Оп.124. Д.191. Л.40.

² ЦГА Москвы. Ф.П-3. Оп.138. Д.112. Л.33.

³ ЦГА Москвы. Ф.П-3. Оп.124. Д.191. Л.36.

⁴ ЦГА Москвы. Ф.П-3. Оп.124. Д.195. Л.129.

⁵ ЦГА Москвы. Ф.П-3. Оп.126. Д.191. Л.15.

⁶ ЦГА Москвы. Ф.П-3. Оп.124. Д.214. Л.1.

⁷ ЦГА Москвы. Ф.П-3. Оп.138. Д.Т215. Л.67.

Мытищинском районе наметили сселение 16 деревень, из 1358 жилых домов 608 домов принадлежали работающим на производстве. На фабриках и заводах Коломны из окружающих деревень работало 3 тыс. сельчан¹.

Работающие в городах ещё более были недовольны намечавшимся переездом не по их воле. Н. С. Хрущев предлагал решать вопрос с переселением просто и быстро: «...обязать рабочих нельзя, но надо перенести туда, где они работают»². И это несмотря на то, что большое количество жителей Подмосковья, проживающие в деревнях, работали в Москве.

Большинство колхозников не могли самостоятельно начать строительство новых «квартирных» домов. В Мытищинском районе колхозники отказыва-

лись наотрез переезжать, мотивируя тем, что нет денег, открыто говоря о том, что «не ожидают помощи от государства»³.

Курс руководства государством на укрупнение колхозов означал, что мелкие хозяйства должны были стать «крупными социалистическими колхозами». Объединение колхозов проводилось под непосредственным руководством Н. С. Хрущева, который сам лично контролировал и форсировал процесс. В этом политическом решении главным было то, что «крупными колхозами проще управлять», чем множеством мелких хозяйств. Опыт Подмосковья должен был использоваться для «индустриализации труда и быта» колхозников всей страны.

Статья поступила в редакцию 14.11.2018

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры общегуманитарных дисциплин и теории и истории государства и права Института деловой карьеры;
e-mail: Gorlov812@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir N. Gorlov – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Humanities and the Theory and History of the State and Law, Institute of Business Career;
e-mail: Gorlov812@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Горлов В. Н. Неудачная попытка Н. С. Хрущева создать агрогорода в Московской области в послевоенные годы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 4. С. 226–229.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-226-229

FOR CITATION

Gorlov V. Unsuccessful attempt of Khrushchev to create agricultural towns in the Moscow Region in the post-war years. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 4, pp. 226–229.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-226-229

¹ ЦГА Москвы. Ф.П-3. Оп.138. Д.Т215. Л.67.

² ЦГА Москвы. Ф.П-3. Оп.138. Д.215. Л.81.

³ Там же. Л. 82.

УДК 94(470.661)“1994”

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-230-237

НАЧАЛО ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА В ЧЕЧНЕ В 1994 г.

Шайхаев Т. И.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,**Российская Федерация*

Аннотация. Чеченский кризис на протяжении 1994–1996 гг. оставался центральной информационной темой и оказывал влияние на внутреннюю и внешнюю политику Российской Федерации. Руководство Чечни и России в начале кризиса не смогло прийти к решению ситуации путем переговоров. Попытка быстрого решения «чеченского вопроса» обернулась масштабной военной кампанией с огромными человеческими жертвами, а также гуманитарной катастрофой. В своей работе автор освещает внутреннюю борьбу в Чеченской республике до декабря 1994 г., проводя анализ материалов различных российских средств массовой информации. Целью работы явилось освещение событий в самой Чечне и влияние федерального центра на оппозиционные силы внутри республики. Автор дает обобщенную характеристику начала военной операции против режима Джохара Дудаева, проведенной силами оппозиции при поддержке федерального центра. Статья адресована для преподавания курса по современной истории России.

Ключевые слова: Чеченская республика, Джохар Дудаев, чеченская оппозиция, Борис Ельцин, вооруженный конфликт в Чечне 1994 г.

THE ONSET OF ARMED CONFLICT IN CHECHNYA IN 1994

T. Shaykhaev*Moscow Region State University**24, Very Voloshinoy St, Mytishchi 14101, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract. For more than two years (1994–1996), the Chechen crisis remained the central theme and affected the domestic and foreign policy of the Russian Federation. The leadership of Chechnya and Russia could not resolve the situation through negotiations. An attempt to solve the Chechen problem quickly resulted in a large-scale military campaign inflicting a huge number of human casualties, as well as a humanitarian catastrophe. In this article, the author covers the internal struggle in the Chechen Republic (up to December 1994) by analysing various Russian mass media sources. The author aims to cover the events that occurred in Chechnya, as well as the influence of the federal centre on the opposition forces within the republic. The author gives a general description of the military operation against the regime of Dzhokhar Dudayev conducted by the opposition forces with the support of the federal centre. The article is intended as a contribution to the course on Russian modern history.

Keywords: Chechen Republic, Dzhokhar Dudayev, opposition forces, Boris Yeltsin, Chechen-Russian armed conflict.

После прихода к власти в Чечне в конце 1991 г. генерала Джохара Дудаева отношения между Москвой и Грозным постепенно стали обретать тревожный характер. Встреча президентов России Б. Н. Ельцина и президента самопровозглашенной республики Ичкерия Д. Дудаева так и не состоялась. Ситуация между Центром и Чеченской республикой обретала черты политического тупика, где ни одна из сторон не могла прийти к конкретным договоренностям и компромиссам. Чеченская сторона настаивала на полном суверенитете республики, равноправных отношениях с Россией как независимого государства. Россия со своей стороны не признавала власть Д. Дудаева легитимной и продолжала вести диалог с руководством Чечни как с субъектом Российской Федерации.

Долго продолжаться такой статус-кво не мог, и Центром было принято решение найти в самой Чечне людей, пользующихся авторитетом в республике, но настроенных против власти Д. Дудаева, лояльных к российскому руководству. Замысел был прост: сыграть на внутривеченских противоречиях и таким образом свергнуть режим Дудаева. Этими людьми стали вчерашние соратники Дудаева: Руслан Лабазанов (бывший начальник охраны Дудаева), Бислан Гантамиров (бывший мэр г. Грозного, назначенный Дудаевым), а также Умар Автурханов, глава Надтеречного района Чеченской республики, в котором преимущественно проживало русскоязычное население (в основном казаки), а рядом проходила граница между Чечней и Ставропольским краем. Впоследствии, не без помощи Москвы формирует-

ся вооруженная оппозиция режиму Д. Дудаева.

Необходимо отметить, что не все населенные пункты были подконтрольны сторонникам Дудаева: центром оппозиции стал Надтеречный район, далее селение Толстой-юрт (вотчина Руслана Хасбулатова), Урус-Мартан (родовое селение Бислана Гантамирова), г. Аргун (подконтрольный формированиям Руслана Лабазанова). Активная фаза подготовки оппозиции к свержению режима Дудаева начинается летом 1994 г., когда в Кремле приняли соответствующее решение. Был сформирован временный совет Чеченской республики во главе с лидером оппозиции Умаром Автурхановым. Примерно в это же время в Чечню возвращается Руслан Хасбулатов и формирует «Миротворческую миссию профессора Хасбулатова» с целью примирения противоборствующих сторон и проведения переговоров между ними и российскими властями. Руслан Хасбулатов пользовался симпатией среди чеченцев и был широко известен всей стране, особенно после событий октября 1993 г. Но миссия Хасбулатова провалилась, так как ни одна из сторон не пришла к взаимопониманию. В результате Руслан Хасбулатов фактически присоединился к антидудаевской оппозиции.

Многочисленные «ходы» из числа представителей оппозиции стали частыми гостями в российской столице, в кабинетах руководителей силовых структур России. Каждый из них старался убедить московских кураторов, что именно за ним стоит сила, которая сможет свергнуть Д. Дудаева и вернуть республику в российское правовое поле, но для этого им необходима

значительная поддержка Москвы. К 1994 г., однако, страна находилась в глубочайшем экономическом и социальном кризисе: миллионы безработных, вчерашние инженеры, работники науки, профессора, специалисты высочайшего уровня оказались невос требованными. Политика молодых «демократов-реформаторов» во главе с Борисом Ельциным с их экономическими экспериментами подвели страну к полному экономическому краху. Начинается массовая приватизация промышленных, нефтяных, горнодобывающих объектов страны, которые еще вчера при СССР были народным достоянием. Тем самым вокруг тогдашней власти в России формируется новая элита, которая располагает огромными ресурсами и властью и преследует исключительно свои экономические и политические интересы.

«Реформаторы» из команды Б. Ельцина позже назовут все происходящее «рыночными отношениями» в новом демократическом обществе. Большая часть экономики России на тот момент была теневой, в бюджет государства не поступало налоговых отчислений от коммерческой и иной деятельности частных предприятий. Сильно было также влияние крупных криминальных группировок, которые контролировали многочисленные коммерческие структуры. Эта ситуация наблюдалась практически во всех регионах страны.

Аналогичное положение дел наблюдалось и в Чеченской республике, где узкая прослойка людей контролировала продажу нефтепродуктов, поток движения беспошлинных товаров по территории республики и их вывоза в страны дальнего зарубежья. Чечня стала своеобразным офшором, на ко-

тором успели нагреть руки многие не только в Грозном, но и в Москве. Наивно полагать, что руководству Чечни могли позволить без ведома федерального центра практически три года реализовывать нефтепродукты и горюче-смазочные материалы на миллионы долларов США.

На фоне тяжелейшей экономической ситуации в России летом 1994 г. события вокруг Чечни начали развиваться стремительно, оппозиционные силы во главе с Умаром Автурхановым были признаны Москвой единственной законной властью в Чечне. Можно полагать, что в этот момент сам Джохар Дудаев и его окружение поняли, что красная черта проведена: Б. Н. Ельцин дал понять, что готов принять решительные меры для решения «чеченского вопроса». Ни западные страны, ни государства Ближнего Востока не стремились оказать Д. Дудаеву сколько-либо значимую политическую поддержку на официальном уровне в вопросе политического статуса Чечни.

В это время на территории Надтеречного района начинается активная фаза по подготовке сил оппозиции. Из воспоминаний участника тех событий генерал-майора пограничных войск Юрия Колоскова: «Группа Автурханова была не просто оппозиционным Дудаеву центром силы, каких в тогдашней Чечне было немало. Это была централизованная сила, которую подготовил Кремль для устранения режима Дудаева. По сути, это была российская военная база внутри Чечни»¹.

Основной костяк формирований

¹ Латунский И. Позорный рейд: авторский блог, 23.11.1994 г. // Завтра: блоги и сообщества. – URL: <http://zavtra.ru/blogs/pozornyy-rejd> (дата обращения: 12.06.2019).

оппозиции состоял из местных жителей, большинство из которых не имело профессиональной военной подготовки, но на помощь им были направлены военные инструкторы, большое количество стрелкового оружия, танки и даже три вертолета. Успех любой боевой операции зависит от многих факторов, но ключевым является подготовка, а с этим в рядах бойцов оппозиции были, по словам Ю. В. Колоскова, сложности. Не было точных разведданных об опорных точках сил противника, отсутствовала налаженная координация между частями. Банальное отсутствие строевой подготовки не сулило ничего хорошего в предстоящем штурме. Те немногие профессионалы, которые были в курсе происходящих событий, возможно, понимали весь авантюризм данного похода, но не могли повлиять на ход операции. Решения принимались не ими, а политическим руководством. Незадолго до штурма силы Умара Автурханова были подкреплены танками из Кантемировской дивизии. По словам Б. Гантамирова, практически все они были в неисправном состоянии, не было и налаженной частоты связи между боевыми машинами, что было недопустимо для такой серьезной операции. Штурм Грозного начался 26 ноября 1994 г. Вооруженные формирования Временного совета, оснащенные артиллерией, бронетехникой, вертолетами двинулись на столицу Чечни с севера и северо-востока и окружили город. В первой половине дня успех сопутствовал атакующим силам оппозиции: им удалось захватить здание МВД и ряд других административных объектов. Подавляющее число населения оставалось в стороне от происхо-

дящих событий, несмотря на призыв Д. Дудаева к населению формировать народное ополчение¹.

Бои шли в течение семи часов, в результате чего оппозиции удалось ворваться в пустующий президентский дворец и захватить здание телекомплекса, поспешив оповестить о своей победе и свержении Д. Дудаева.

Во вторую половину дня ситуация стала меняться. Силы Дудаева атаковали танковую колонну из гранатометов и начали наносить удары с разных сторон. Несколько танков было сразу же подбито, после массивного шквального огня части оппозиции стали рассеиваться и стремительно отступать от ранее занятых позиций. Не сумев воспользоваться своим преимуществом в начале штурма, антидудаевские силы начали выходить из города, оставляя подбитые танки и боевые машины пехоты в центре Грозного. Стало очевидным, что операция по свержению Д. Дудаева потерпела фиаско. Большой неожиданностью для российской общественности стал тот факт, что среди захваченных в плен отрядами Дудаева оказались российские военнослужащие².

Кадры штурма Грозного и последующий захват в плен российских военнослужащих, которые были показаны по местному телевидению, облетели весь мир. Для многих россиян и политиков увиденное стало шоком. Безграмотная разработка операции с военной и политической стороны дала повод для мобилизации вокруг Дуда-

¹ Хайтина Ю. Белый цвет смерти // Московский комсомолец. 1994. 27 ноября.

² Пачегина Н. Попытка свергнуть Дудаева провалилась // Независимая газета. 1994. 29 ноября.

ева молодого мужского населения республики.

Тем временем Министерство обороны РФ вопреки обнародованию имен, воинских званий и частей российских военнослужащих, захваченных в плен, упорно отказывается признавать участие российской армии во внутречеченском конфликте, называя военнопленных наемниками. Тем самым Министерство обороны вслед за Администрацией Президента отказывается признать пленных своими военнослужащими. Судьбой захваченных солдат занялся председатель комитета по обороне Государственной думы Сергей Юшенков¹.

Направленный Комитетом солдатских матерей запрос Президенту РФ, Федеральному Собранию с требованием предать гласности, какие войска используются в Чечне, остался без ответа².

Для большинства россиян чеченский конфликт, переросший в реальные боевые действия к концу 1994 г., оказался непонятным и воспринимался как война кланов за власть внутри республики. Центральные массмедиа в отношении событий в Чечне транслировали разногласия мнений различных групп [3].

Прервав молчание после провала штурма 29 ноября 1994 г., Б. Н. Ельцин по телевидению обращается к участникам вооруженного конфликта с требованием в течение 48 часов сложить оружие и распустить вооруженные формирования. Требование звучит в ультимативной форме с угрозой при-

менения военной силы на территории Чеченской республики³.

С начала вооруженного конфликта Россия занимала позицию «невмешательства» между противоборствующими сторонами. Дудаев, захватив военнослужащих российской армии, доказал обратное. Мало того, он потребовал, чтобы Россия подтвердила свое участие в штурме Грозного под угрозой расстрелять пленных как «ничейных» наемников. Вместо того, чтобы искать выход из ситуации, Президент потребовал сложить оружие и разойтись. То, что сторонники Дудаева от подобного заявления Ельцина опомнятся и сдадут оружие, мягко говоря, было маловероятно. Следовательно, обращение Ельцина следовало понимать, как полное нежелание ведения дальнейшего диалога, пусть сложного и неприятного для руководства России, но который давал надежду бескровного решения, сложившегося кризиса⁴.

Политика России в Чечне не изменилась потому, что ее попросту не было. Были люди, связанные с оппозицией, и были другие люди, у которых существовала возможность осуществлять свои цели при дудаевской власти. Соответственно, лоббировались обе стороны конфликта. От того, какое российское лобби на определенный период оказывалось сильнее, зависели спорадические движения Ельцина, последовательность, которых никак не производила впечатления продуманной, твердой политики главы государства. В течение срока ультиматума была проведена определенная

¹ Пачегина Н. Кремль готовится к ведению чрезвычайного положения в Чечне // Независимая газета. 1994. 30 ноября.

² Устюжанин В. Спасет ли Родина-мать пленных своих сыновей // Комсомольская правда. 1994. 1 дек.

³ Бельдюгина Л. Разделенные кровью // Российская газета. 1994. 3 дек.

⁴ Калинина Ю. Ельцин дал Чечне 48 часов // Московский комсомолец. 1994. 30 ноября.

кампания по подготовке общественного мнения в пользу введения чрезвычайного положения на территории Чеченской республики. Пресс-служба президента Ельцина обратилась через свои каналы в обход Совета Федерации к главам субъектов, находящихся по соседству с Чечней, с предложением коллективно поддерживать готовящиеся меры по наведению порядка в республике. Это обращение было подписано всеми субъектами Северного Кавказа, кроме Дагестана и Ингушетии, которые считали, что еще не исчерпаны меры политического урегулирования¹.

Министр обороны Павел Грачев заверял, что в случае введения режима «ЧП» российская армия не будет воевать с чеченским народом, основная роль вооруженных сил будет состоять в оказании помощи внутренним войскам в разоружении незаконных формирований². Примечательно, но всего два года назад 1992 г. Павел Грачев пришел к договоренности с Дудаевым о разделе оставшегося на территории Чечни оружия по схеме 50/50. При этом позднее Грачев утверждал, что передача военной техники была согласована им с главой государства. Вероятно, Б. Н. Ельцин не придавал в мае 1992 г. большого значения этому факту, так как чеченская проблема на тот момент не воспринималась достаточно острой [4]. Т. е. уже тогда было очевидно, что курс Дудаева явно идет вразрез с российским руководством и потенциальный конфликт между Чечней и Россией вполне реален.

¹ Пачегина Н. Если принятое решение не отменили в последний момент // Независимая газета. 1994. 1 дек.

² Пачегина Н. Войска в Чечню пока не введены // Независимая газета. 1994. 2 дек.

Но даже при таком раскладе силы Дудаева и России были несопоставимы. Реальный военный потенциал сторонников генерала Дудаева — это тема отдельная, Дудаев не обладал регулярной военной армией со строгой дисциплиной. Отсутствовали у него также силы ПВО, что в дальнейшем показал сам характер боевых действий, когда авиация беспрепятственно контролировала воздушное пространство республики. Костяк сепаратистов был сформирован из верных Дудаеву ополченцев, прошедших службу в рядах советской армии, некоторые из них обладали реальным боевым опытом, который был получен в основном в Афганистане и в ходе грузино-абхазского конфликта.

Как и следовало ожидать, ультиматум президента не дал никаких результатов, в том смысле, что сторонники Дудаева не стали разоружаться, а ситуация в регионе продолжала оставаться напряженной. Не способствовала успеху переговоров и фронтовая авиация, которая наносила довольно ощутимые удары с воздуха, Грозный стал подвергаться ракетным обстрелам с конца ноября 1994 г. Так, были нанесены удары по аэропорту Северный, уничтожено несколько учебных самолётов, в том числе и гражданский ТУ-134. Были нанесены удары по предполагаемым складам вооружений и военной техники. В результате массированных авианалетов жертвами становились мирные граждане, женщины, дети, старики. Это способствовало возникновению антироссийских настроений. Рядовые чеченцы, которые считали себя вне политики и ожидали наведения порядка, никак не думали, что будут подвергнуты обстрелу. К тому же в городе оставалось большое

количество прежде всего русскоязычного населения, которому просто некуда было ехать. И только русские, по большому числу, находились в панельных пятиэтажках, которые сыпались, как карточный дом, при попадании глубинных бомб¹. Они не могли опереться на широкие родственные связи, как то было среди чеченцев [1].

Андрей Козырев, тогда министр иностранных дел, который присутствовал на заседании Совета безопасности России 28 ноября 1994 г., писал: «Военные убедили нас, что это должен быть “бескровный блицкриг” и он будет продолжаться не дольше чем, до 20 декабря 1994 года». Поэтому Ельцин не сомневался, что война в Чечне будет короткая [2].

Несмотря на заверения военных чинов о попытках решения вопроса мирным путем и быстрой локализации конфликта, обе стороны активно готовились к боевым действиям. В Грозном и на подступах к городу воздвигались боевые укрепления. На границе с Чечней сосредотачиваются крупные войсковые бригады: 131-я мотострелковая бригада, воздушно-десантные дивизии, подразделения ГРУ и спецназа, а также большое количество тяжелой артиллерии².

Последней попыткой прийти к мирному исходу сложившейся ситуации была встреча 6 декабря министра обороны Павла Грачева и Дудаева в

станции Орджоникидзе́вская Сунженского района республики Ингушетия. Встреча проходила более часа за закрытыми дверями. Главным ее итогом стала договоренность о передаче всех ранее захваченных в плен российских военнослужащих. Но договориться о мире не удалось. Больше они никогда не встречались.

По итогам исследования, автор пришел к заключению, что точкой невозврата в чеченском конфликте явился провал штурма Грозного силами оппозиции. Ситуация усугубилась и фактом участия российских военнослужащих в боестолкновениях в столице Чечни в ноябре 1994 г. на стороне оппозиции, а также широкая компания по освещению данных событий в средствах массовой информации, в том числе и западных. Сложившиеся обстоятельства не могли способствовать конструктивному переговорному процессу ни с одной, ни с другой стороны в силу взаимных обвинений в эскалации конфликта.

11 декабря Президент РФ Борис Ельцин подписал указ № 2169 «О мерах по обеспечению законности, правопорядка и общественной безопасности на территории Чеченской республики». В тот же день объединённая группировка вооруженных сил России вступила на территорию Чечни.

Статья поступила в редакцию 27.02.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдурахманов Д. Б., Ахмадов Я. З. Битва за Чечню: «Война историографий», или информационная война. Грозный: ИПК Грозненский рабочий, 2015. 432 с.
2. Ибрагимов М. М. Чечня: через круги ада: войны, переселения и депортации чеченского народа. Грозный: Чеченский государственный университет, 2017. 306 с.

¹ Зайнашев Ю. Военная победа — это начало поражения // Московский комсомолец. 1994. 3 дек.

² По материалам информационных агентств. Конфликта между Чечней и Россией не существует. Есть лишь борьба за власть // Красная звезда. 1994. 9 дек.

3. Куличкина Г. В. Журналистика и войны: к 100-летию Первой мировой войны. Боевые действия в Чечне и проблема факта и правды журналистского текста. СПб.: Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ, 2015. 274 с.
4. Тумаков Д. В. Горячая точка новой России: чеченский кризис 1991–1996 гг. в оценках российского общества. Ярославль: Аверс Плюс, 2017. 739 с.

REFERENCES

1. Abdurakhmanov D., Akhmadov Ya. *Bitva za Chechnyu: «Voyna istoriografii», ili informatsionnaya voyna* [The Battle for Chechnya: “War of Historiography”, or Information War]. Grozny, IPK Groznenskiy rabochiy Publ., 2015. 432 p.
2. Ibragimov M. *Chechnya: cherez krugi ada: voyny, pereseleniya i deportatsii chechenskogo naroda* [Chechnya: through the circles of hell: war, resettlement and deportation of the Chechen people]. Grozny, Chechenskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2017. 306 p.
3. Kulichkina G. *Zhurnalistika i voyny: k 100-letiyu Pervoy mirovoy voyny. Boyevyye deystviya v Chechne i problema fakta i pravdy zhurnalistского teksta* [Journalism and war: the 100th anniversary of the First World War. The fighting in Chechnya and the problem of the fact and truth of the journalistic text]. Saint-Peterburg, Vysshaya shkola zhurnalistiki i massovykh kommunikatsiy SPbGU Publ., 2015. 274 p.
4. Tumakov D. *Goryachaya tochka novoy Rossii: chechenskiy krizis 1991–1996 gg. v otsenkakh rossiyskogo obshchestva* [The hot spot of the new Russia: the Chechen crisis of 1991–1996. in the estimates of the Russian society]. Yaroslavl, Avers Plyus Publ., 2017. 739 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шайхаев Тимур Исмаилович – аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: inter007@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Timur I. Shaykhaev – postgraduate student, Department of Contemporary Russian History, Moscow Region State University;
e-mail: inter007@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шайхаев Т. И. Начало вооруженного конфликта в Чечне в 1994 году // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 4. С. 230–237.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-230-237

FOR CITATION

Shaykhaev T. The onset of armed conflict in Chechnya in 1994. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 4, pp. 230–237.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-230-237

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-238-248

СОВРЕМЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И СТРАН ЗАПАДА: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Ивашко М. И.*Российский государственный университет правосудия**117418, г. Москва, ул. Новочерёмушкинская, д. 69, Российская Федерация*

Аннотация. Рассмотрено состояние отношений России и стран Запада в начале XXI в., отмечен их кризисный характер. Предпринята попытка ответа на вопрос, является ли это состояние проявлением «новой холодной войны». Методом сравнения проведен анализ процессов, присущих современным российско-западным отношениям, а также событий советско-американского противоборства второй половины 40-х гг. XX в. Установлено сходство и различие в причинах обострения отношений между сторонами в разные временные эпохи; выявлены программные документы, нацеленные на противостояние; продемонстрированы некоторые приемы, средства и методы, использовавшиеся в годы «холодной войны» и применяющиеся уже в ходе «новой эпохи противостояния». Представлено авторское видение современного состояния отношений между Россией и странами Запада, отмечены отдельные исторические уроки, вытекающие из истории противостояния между СССР и США.

Ключевые слова: СССР, Россия, Запад, США, «холодная война», доминирование, «новая эпоха противостояния», российско-западные отношения, санкции

MODERN RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND WESTERN COUNTRIES: HISTORICAL PARALLELS

M. Ivashko*Russian State University of Justice**69, Novocheremushkinskaya St., Moscow 117418, Russian Federation*

Abstract. The article covers the crisis state of relations between Russia and Western countries at the beginning of the 21st century, attempting to answer the question of whether this situation is the manifestation of a new cold war. Using a comparison method, the author analyses the processes inherent to modern Russian-Western relations, as well as the events of the second half of the 1940s associated with the Soviet-American confrontation. The author finds similarities and differences in the causes of aggravated relations between the sides in different time periods; identifies program documents promoting confrontation; as well as demonstrates some ways, means and methods used in the years of the cold war and in the new era of confrontation. The author presents his vision of the current state of relations between Russia and Western countries, noting some historical lessons arising from the confrontation between the USSR and the USA.

Keywords: USSR, Russia, USA, West, Cold War, confrontation, domination, new era of confrontation, Russian-Western relations, sanctions

В Кэмп-Дэвиде 1 февраля 1992 г. главами государств России и США была подписана Декларация, где обе стороны больше не рассматривали «друг друга в качестве потенциальных противников». Было подчеркнуто, что «их отношения характеризуются отныне дружбой и партнерством, основанными на взаимном доверии, уважении и общей приверженности демократии, и экономической свободе». А на совместной пресс-конференции двух лидеров было заявлено об окончании «холодной войны» и начале новой эры взаимоотношений двух государств¹.

Прошло чуть более четверти века. Дня не проходит, чтобы мировая общественность не узнала об «угрозах», якобы исходящих со стороны России и очередных ограничительных мерах, предпринимаемых в связи с этим западными странами по отношению к российскому государству или его гражданам. В этом ряду стоят экономические санкции, меры военного характера, направленные на усиление вооруженных сил Североатлантического блока вблизи границ Российской Федерации, шаги США по одностороннему выходу из долгосрочных договоренностей по ограничению распространения ядерного оружия и обвинения в этом России, блокирование российских конструктивных инициатив в международных структурах, антироссийская риторика, шпиономания, развернутая западными средствами массовой информации. Перечень мер, направленных на создание нега-

тивного фона вокруг России, можно было бы продолжить.

В условиях неоднозначных оценок происходящего сегодня между Россией и странами Запада², которые встречаем в разного рода публикациях, слышим в высказываниях как на научном, так и обыденном уровнях, возникает ряд вопросов. Как классифицировать отношения, которые сложились на сегодняшний день между Россией и странами Запада? В чем причина или что лежит в основе их обострения и можно ли состояние российско-западных отношений обозначить категорией «новая холодная война»? Попытка найти ответ на поставленные вопросы и является целью данной статьи.

Анализ историографии заявленной проблемы показал, что содержание отношений между Россией и Западом на современном этапе нашло отражение, главным образом, на страницах периодических изданий и Интернет-ресурсах [3, с. 5–17; 5, с. 212–218; 8, с. 208–216]. Это объясняется, прежде всего, тем, что точка отсчета явной эскалации российско-западных отношений не стала ещё глубокой историей, сегодня пока идет процесс накопления фактов и постепенного осмысления в новых исторических условиях непростых отношений между Россией и странами Запада. Вместе с тем представляется, что одним из инструментов понимания сложившейся ситуации между ними может выступить историческое знание такого явления, как «холодная война» на начальном этапе её разви-

¹ Михеев В. Россия – США: в Кэмп-Дэвиде забили последний гвоздь в гроб «холодной войны» // Известия. 1992. 2 февр.

² автор под термином «страны Запада» или «Запад» понимает государства Европейского Союза и Северной Америки.

тия между США и СССР. Опыт пережитого позволяет более зримо понять происходящее сегодня между Россией и Западом, помогает найти ответы на злободневные вопросы, которые возникают при их рассмотрении. Безусловно, есть осознание того, что мир меняется и делать прямые аналогии с историческим прошлым – дело неблагоприятное и даже опасное. Вместе с тем при выстраивании событийного ряда, характеризующего современные российско-западные отношения, нельзя избавиться от мысли об исторических параллелях, ассоциации с явлением второй половины 40-х гг. XX в., которое вошло в историю под названием «холодная война» между США и СССР.

Первая параллель: причина возникновения противостояния

Однозначного ответа на вопрос о генезисе обострения отношений между Российской Федерацией и Западом в современной отечественной историографии нет. Обобщение же существующих точек зрения на данную проблему позволяет говорить о том, что определенной чертой, за которой стала складываться новая ситуация в мире, являлся 1991 г. Год, когда окончательно была разрушена социалистическая система в странах Восточной Европы, распался СССР, прекратил свое существование один из полюсов биполярной системы. Вместе с ним, по сути, рушился тот миропорядок, который существовал после окончания Второй мировой войны. Одновременно старые политические институты эпохи разрядки 70-х гг. XX в. демонстрировали свою неэффективность и не обеспечивали стабильности в мире. В этой ситуации, по мнению члена Зиновьевского

клуба МИА «Россия сегодня» О. Юрьева, и появился «проект однополюсного мира, предложенный и навязываемый в первую очередь США». Задача такого проекта, по мнению автора статьи «Второе пришествие “холодной войны”», была направлена на то, чтобы «обеспечить управляемость истории путем закрепления доминирования Соединенных Штатов, их союзников во всех сферах жизни человечества»¹.

По окончании «холодной войны» США, по словам президента России В. В. Путина, решили «перекроить мир исключительно под себя, под свои интересы»². В результате на протяжении 90-х – начала 2000-х гг. по отношению к России выстраивалась своеобразная политика со стороны «победителей». По меткому замечанию российского ученого-американиста Э. Я. Баталова, в это время стратегия Запада «складывалась из трех взаимосвязанных компонентов, а именно: вовлечения её (в разных областях – на разную глубину) в западную сферу; ограничения возможностей её развития и пространства для маневра; и в этих целях – максимального возможного окружения России по периметру её границ государствами, выступающими в роли форпоста Запада» [1, с. 5–20]. Российский ученый Т. А. Шаплеина политику Запада, направленную, с одной стороны, на ограничение влияния России в мире (главным образом – на постсоветском пространстве),

¹ Юрьев О. Второе пришествие «холодной войны», 18.07.2014 г. [Электронный ресурс] // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20140718/1016511368.html> (дата обращения: 10.05.2019).

² Циллюрик Д. Владимир Путин не объявлял «Второй холодной войны» // Независимая газета. 2014. 27 окт.

с другой – на сотрудничество, называет «двойственной и непоследовательной». А её результатом «недоумение и обиду» у российской элиты [11, с. 352].

Правда, открыто выступить против такого содержания российско-западных отношений, новой системы миропорядка, выстраиваемой Западом в целом, Россия смогла не сразу. В тоже время, именно такой безапелляционный тон навязывания «побежденной стороне» своего видения мироустройства становился в новых исторических условиях первопричиной понимания российской стороной необходимости защиты своих национальных интересов и формирования адекватной внешней политики.

Ответить на внешнеполитический вызов, по мнению политолога и экономиста С. Караганова, Российская Федерация смогла лишь тогда, когда «усилилась», «возросла способность и готовность защищать и отстаивать свои интересы». И этот факт ученый называет «наиболее очевидной причиной возникновения» «новой эпохи противостояния», заметим, на этот раз между Россией и США [4].

Оценивая последствия появившихся возможностей у российского государства, директор Института США и Канады РАН В. Гарбузов обращает внимание на поведение Европы и США, которые «впервые за долгие годы восприняли Россию как мощную геополитическую угрозу собственным позициям на мировой арене». По его мнению, США и их союзники такую опасность увидели, во-первых, в особой позиции России в отношении постсоветского пространства, из отдельных районов которого исходит угроза российской безопасности,

а во-вторых, в «активности Москвы по формированию новых интеграционных объединений на пространстве бывшего СССР», в-третьих, в проведении российским государством независимой внешней политики¹. В то же время американская медиа организация в области политической журналистики Politico придерживается другого мнения, считая, например, виновником кризиса в отношениях России и Запада «агрессивную политику» В. В. Путина². Правда, объяснений тому, чем вызвана эта «агрессия», авторы не дают. По-другому говоря, определение Россией очертаний своих внешних экономических и политических приоритетов, видение мира многополярным в противовес американскому однополярному было воспринято Западом как посягательство на его интересы и послужило причиной появления кризиса в российско-западных отношениях.

Кроме геополитических интересов, которые легли в основу противоречий между Россией и Западом, в отечественной и зарубежной историографии встречаем рассмотрение и других причин. Одна из них, которую нельзя не упомянуть, принадлежит С. Караганову. В частности, он считает, что одним из направлений острой конкуренции, которая наблюдается сегодня в мире, является разворачивающаяся

¹ См.: Торин А. Противостояние России и Запада: чьи нервы крепче? 02.04.2018 г. [Электронный ресурс] // Международная жизнь. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/19636> (дата обращения: 1.04.2019).

² Politico: «новая холодная война» с Россией диктует США политику сдерживания, 26.12.2017 г. [Электронный ресурс] // ИноТВ. – URL: <https://russian.rt.com/inotv/2017-12-26/Politico-novaya-holodnaya-vojna-s> (дата обращения: 10.04.2019).

«борьба между двумя моделями развития – либерально-демократическим капитализмом традиционного Запада и моделью «авторитарного полудемократического капитализма», по утверждению политолога, «экономически эффективного и политически приемлемого» [4].

Конечно, существуют и другие точки зрения на предмет понимания причин осложнения российско-западных отношений. Но примечательно то, что даже беглый взгляд на состояние отношений России с Западом позволяет увидеть сегодня схожие черты с той ситуацией, которая сложилась в мире во второй половине 40-х гг. XX в. между СССР и США. Расстановка политических сил после Второй мировой войны по сравнению с довоенной изменилась. Одни игроки (фашистская Германия и ее союзники) были разгромлены. Другие – Англия и Франция – крайне ослаблены. А США вышли из войны окрепшей державой. На поставках вооружения и продовольствия за годы войны американские монополии заработали не менее 300 млрд. долларов, а золотой запас США к 1948 г. составил около 70% всего золота мира¹. Опираясь на экономическое превосходство, США «ориентировались, по мнению авторов 2-томного издания «Холодная война», на послевоенное доминирование в мире» [10, с. 54]. Иначе говоря, в условиях не остывшего после окончания войны мира США заявили о своих геополитических интересах и готовности их отстаивать. Уже 19 декабря 1945 г. президент США Г. Трумэн в специальном послании конгрессу про-

возгласил об «ответственности» США «за руководство миром» и о «решимости сохранить свою роль руководителя всех наций»². По мнению американского историка Дж. Боффа, – «все (т. е. в США – М. И.) были согласны не только с амбициозной целью руководить миром, но даже со стремлением, выраженным в еще более сильной формулировке: “перестроить по образцу и подобию Соединенных Штатов”» [2, с. 260].

Препятствием на пути реализации этих планов стал Советский Союз, который, несмотря на колоссальные потери, вышел из войны победителем и вправе был рассчитывать на участие в послевоенном обустройстве мира, проведении такой международной политики, которая обеспечивала бы безопасность его границ. А её реализация на практике привела к столкновению с интересами США и их союзниками. Именно с этих позиций необходимо рассматривать разногласия между СССР и США в первые послевоенные годы вокруг Ирана, Турции, Греции, стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы.

Таким образом, более 70 лет назад, с одной стороны, прежде всего, геополитические интересы США, желание выстроить американоцентричную систему, остановить распространение влияния СССР, с другой – внешнеполитические планы Советского Союза, стремление к созданию зоны безопасности вдоль своих границ, в том числе и при помощи навязывания своей, «советской» модели развития, распространения коммунистических идей,

¹ Скиданов Ю. План Маршалла оказался сильнее планов маршалов // Парламентская газета. 2017. 11 июня.

² USA. Congressional Record: proceedings and debates of the 79th Congress first session, 1945, vol. 91, part 9, pp. 12398–12399.

послужили поводом к обострению международных отношений в мире и стали одной из причин начала «холодной войны» между СССР и США.

Вторая параллель: концептуальное оформление противостояния

Противостояние, которое набирало силу во второй половине 40-х гг. XX в., с первых же шагов получило концептуальное оформление, становилось внешнеполитической программой действий как со стороны Соединенных Штатов, так со стороны Советского Союза. Свидетельством тому являются известная речь бывшего, на тот период времени, премьер-министра Великобритании У. Черчилля в Фултоне в присутствии президента США Г. Трумэна 5 марта 1946 г., провозглашённая 12 марта 1947 г. Соединенными Штатами «доктрина Трумэна», объявленный 5 июня 1947 г. «план Маршалла» и т. д. Все они были направлены на сдерживание расширяющейся сферы влияния СССР всеми доступными средствами, в том числе и угрозой применения ядерного оружия.

А с другой стороны, под руководством СССР 22 сентября 1947 г. было основано Информационное бюро коммунистических и рабочих партий – международная коммунистическая организация, программным документом для которой стал доклад Секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова, призывающий к сплочению всех демократических антифашистских сил против новых планов войны и агрессии¹. Еще большее сопротивление За-

пада вызывала «политика советизации Восточной Европы», которую активно проводил Советский Союз во второй половине 40-х гг. XX в.

В современных условиях концептуальное оформление сложившихся российско-западных отношений нашло отражение в принятой в июне 2015 г. новой редакции «Национальной военной стратегии» (прежняя была утверждена в 2011 г.). Согласно данному документу, авторами Стратегии Россия недвусмысленно относилась к разряду тех государств, которые «демонстрируют неуважение к суверенитету соседних стран», её «агрессивность» признавалась фактором, который влияет «на перспективы отношений между ведущими державами» [6, с. 3–10].

Ещё более жестко политика Соединенных Штатов по отношению к России провозглашена в Новой стратегии национальной безопасности США, которая была опубликована в декабре 2017 г. Россия в этом документе, наряду с Китаем, отнесена к разряду «ревизионистских держав» и «наиболее серьёзным источникам угроз для США». Российское государство напрямую обвиняется в применении «подрывных мер» с целью «размыть американскую безопасность и процветание». Определяя угрозы, перечисленные документы предусматривают и шаги по «сдерживанию российской агрессии». Одним из примеров ответных мер на вызов Запада служит Послание Президента России В. В. Путина Федеральному собранию в 2018 г. И все же следует отметить, что, в отличие от документов, отражающих противостояние СССР и США во второй половине 40-х гг. прошлого века, Стратегии США 2000-х гг., оставляют, в концептуальном плане, по

¹ См.: Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 года. М.: Госполитиздат, 1948. С. 30–35.

мнению исследователя А. Маринина, «двери открытыми для сотрудничества с Россией по вопросам, представляющим взаимный интерес» [7, с. 12–16].

Третья параллель: средства, методы и приёмы, используемые в ходе противостояния

На практике же современное противостояние – это не только концептуальное оформление позиций противоборствующих сторон, но и конкретные действия с использованием определенных средств, методов, приёмов. В «этой войне, – так называет нынешнее состояние между Россией и Западом немецкий журналист и политолог А. Рар, – каждый стремится выстроить свою правду, уничтожить альтернативные точки зрения, объявить аргументацию противника пропагандой, не слушать её и перестать вести диалог ...», а приемы, которые используются при этом, по его замечанию, «весьма изысканны»¹.

Среди них – экономические санкции, инициатором которых выступили США. Их первая волна пришлась ещё на 2012 г., когда Конгрессом США был принят «Акт Магнитского» в связи со смертью российского юриста фонда *Hermitage Capital Management* С. Л. Магнитского. С 2014 г. в связи с событиями на Украине странами Запада против России была развязана «экономическая война», которая продолжается и по сей день. Всего к ограничительным мерам экономического характера с 2014 по 2018 гг. против России присоединилось 40 государств.

¹ Цит. по: Россия-Запад. В чём суть конфликтов [Электронный ресурс] // National Business. – URL: <https://nb159.ru/experts/persony/mneniya/rossiya-zapad-v-chyom-sut-konfliktov/> (дата доступа: 8.04.2019).

Главной целью принятых мер является стремление стран Запада, и прежде всего США, лишить Россию экономических и технологических перспектив, при этом используется язык ультиматума, угроз, шантажа.

Наряду с экономическими санкциями США наращивают военное присутствие за рубежом, в том числе непосредственно у границ с Россией, увеличивают свои военные расходы и требуют увеличения взносов на содержание Североатлантического блока от своих союзников. По мнению А. Куртова, редактора журнала «Проблемы национальной стратегии», «широкое военное присутствие за рубежом – это альфа и омега оборонной политики США... Военные базы позволяют Вашингтону проецировать силу, держать под контролем глобальные процессы и “сдерживать” конкурирующие с ним державы»².

Целенаправленная антироссийская пропаганда, развернутая в связи с делом «Скрипалей» шпиономания, демонстрация «всесилия» России в глазах западного обывателя выразились в том, что власти более десяти западных стран обвинили Россию в попытках манипулирования их электоральными процессами и общественным мнением. А американские эксперты подсчитали, что с 2004 г. Москва вмешалась в дела как минимум 27 государств³.

² Цит. по: Заквасин А. Нападать всегда дороже, чем защищаться: почему в США заговорили о нецелесообразно высоких расходах на оборону, 14.01.2019 г. [Электронный ресурс] // RT на русском. – URL: <https://russian.rt.com/world/article/592151-ssha-voennye-rashody> (дата обращения: 14.04.2019).

³ Черненко Е. Москва долгорукая. Как Россию обвиняли во вмешательстве в дела других государств // Коммерсант. 2017. 29 дек.

Для предотвращения так называемой российской угрозы «Актом о противодействии оппонентам Америки посредством санкций», введенным американской стороной против России в августе 2017 г., предусматривалось ассигнование специальному «Фонду противодействия российскому влиянию» 250 млн. долл. США на 2018/19 фискальный год¹. Об атмосфере, формируемой в самом американском обществе по отношению к России, свидетельствует, например, решение Министерства энергетики США о запрете штатным сотрудникам участвовать в разработке программ, которые финансировала Россия².

Однако перечисленные приёмы не новы. Переживаемое сегодня современной Россией знакомо нашей отечественной истории. Так, в 1948 г. США были введены экспортные лицензии, в 1949 г. был принят «Закон о контроле над экспортом» и создан Координационный комитет по контролю над экспортом (КОКОМ), в 1951 г. принят закон «О контроле над оказанием помощи в целях взаимной обороны» и т. д. Все перечисленные меры были направлены на ограничение или запрет вывоза большинства товаров западных государств в СССР и страны, ставшие на путь построения социализма, лишения Советского Союза новых западных технологий, усиления финансово-экономического давления не только на СССР, но и на его союзников [9, с. 5–24].

Об уровне идеологического противостояния свидетельствует история

политики маккартизма, которая была развернута США во второй половине 40-х гг. под лозунгом «защиты демократии от мирового коммунизма». Так, в 1947 г. была создана специальная Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности. Она разрабатывала списки лиц, которым за симпатию коммунистическим взглядам запрещалось занимать государственные должности. В 1949 г. по инициативе правительства США был организован процесс над лидерами Коммунистической партии США. А «Закон о внутренней безопасности», принятый в сентябре 1950 г., предписывал всем американским коммунистам регистрироваться в Министерстве юстиции в качестве агентов иностранной державы³. О масштабах деятельности идеологических институтов США под «флагом антикоммунизма и антисоветизма» демонстрирует «Закон о взаимном обеспечении безопасности», принятый в 1951 г., предусматривающий специальные ассигнования в сумме 100 млн. долларов на проведение подрывной деятельности против СССР и стран народной демократии. Безусловно, Советский Союз принимал адекватные меры для того, чтобы противостоять военному, политическому, экономическому, идеологическому давлению Запада. Результатом этого противостояния между СССР и США, миром капитализма и социализма и стало на многие десятилетия XX в. такое явление, которое получило у историков название «холодная война».

¹ Ремчуков К. Это не просто новые санкции, это принципиально новое давление на российскую элиту // Независимая газета. 2017. 24 июля.

² Сухова С. Война по науке // Огонёк. 2019. № 10 (5555). С. 16–20.

³ См.: Семенова С. Маккартизм, 22.11.2011 г. [Электронный ресурс] // История США: материалы к курсу. URL: <https://ushistory.ru/popular-jarnaja-literatura/727-makkartizm-sp-294332634> (дата обращения: 7.01.2019).

Представляется, что выстраиваемые параллели в определённой мере позволяют объяснить факт существования в отечественной и зарубежной историографии неоднозначной оценки нынешнего состояния российско-западных отношений и российско-американских, в частности. Когда одни называют это временем «продолжения холодной войны», утверждая, что она «так и не заканчивается», другие – противоречия РФ и США в начале XXI в. обозначают термином «холодная война 2.0» или «второе пришествие «холодной войны». Третьи считают противостояние США и России «частью холодной войны, которая сегодня де-факто развязана США против Китая». Мнения можно множить. Но в то же время, на наш взгляд, приведенные параллели позволяют видеть и отличия того противостояния, которое было между СССР и США и существует сегодня между Россией и странами Запада.

Те конкретные шаги, которые предпринимаются сегодня Российской Федерацией и странами Запада для отстаивания своих интересов в разных сферах жизнедеятельности государств, действительно схожи с пережитым на протяжении ряда десятилетий XX в., что в определенной степени оправдывает тех исследователей, которые происходящее сегодня называет «холодной войной». Однако следует подчеркнуть, что смысловая нагрузка этого термина в начале XXI в. иная. Во-первых, субъектами противостояния сегодня выступают, с одной стороны, Россия, с другой – страны Запада, где лидером выступают Соединенные Штаты. Во-вторых, в условиях информационного развития она

ведется другими, чем в XX в., средствами и методами. В-третьих, цели этого противостояния иные.

Россия более чем за четверть века стала частью той капиталистической системы, которой в свое время противостоял Советский Союз. Сегодня отсутствуют идеологические причины для этого противоборства, но наблюдается разное видение моделей развития капиталистического общества. Политическое устройство, не подпадающее под американские стандарты, выступает одним из источников противостояния. Главной же причиной кризиса российско-западных отношений выступают геополитические интересы США, за которыми стоят американские капиталы. В тоже время Россия, несмотря на ту ослабленную позицию, в которой оказалась после распада СССР, в силу своего географического положения, исторической традиции не приемлет внешнего подчинения. Поэтому считаем, что в основе сегодняшнего противостояния лежит стремление США к доминированию в мире и нежелание России подчиняться ему. Отстаивая свои национальные интересы в условиях стремления США оставаться глобальным лидером, Российская Федерация, прежде всего, защищает принципы, свое видение мироустройства в начале XXI в., которое не совпадает с представлениями мирового порядка США и их союзников, но разделяется по многим позициям рядом государств, которые стремятся быть независимыми игроками на международной арене.

Россия выступает за многополярный мир, где все государства должны иметь равные права и равные возможности как участия в построении ново-

го мироустройства, так и выстраивания такой модели развития, которая соответствует национальным интересам государства. В этом противостоянии важно учитывать уроки противоборства между СССР и США. Один из них подсказывает, что уступки, даже временные, противником воспринимается не как попытка к компромиссу, а как слабость. Потерянные позиции в период временных отступлений вернуть очень сложно. В тоже время следует быть реалистом. Соотношение сил и экономические возможности в новых условиях не в пользу России.

Сдерживающим фактором действий «с позиции силы» выступает, как и в период «холодной войны», ядерное оружие. В этих условиях исторический опыт подсказывает выход – это переговоры, переговоры не только России и США, но всех других государств, которые на сегодняшний день обладают ядерным оружием. Переговоры с одной целью – предотвращения ядерной угрозы, как реальности при той конфронтационной обстановке, которая характеризует сегодняшний мир.

Статья поступила в редакцию 08.05.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Баталов Э. Я. Какая Россия нужна Западу // Современная Европа. 2005. № 4. С. 5–20.
2. Боффа Дж. История Советского Союза: в 2-х т. Т. 2. М.: Международные отношения, 1990. 628 с.
3. Ильинский И. М. Холодная война: новый этап // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3. С. 5–17.
4. Караганов С. Новая эпоха противостояния // Россия в глобальной политике. 2017. № 6. С. 114–127.
5. Луцкая Е. Е. Война санкций между Западом и Россией и ее экономические последствия: (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Серия 2: Экономика. 2015. № 1. С. 212–218.
6. Маринин А. Национальная военная стратегия США // Зарубежное военное обозрение. 2015. № 12. С. 3–10.
7. Маринин А. Новая стратегия национальной безопасности США // Зарубежное военное обозрение. 2018. № 2. С. 12–16.
8. Нэх В. Ф. «Холодная война»: её причины и результаты // Безопасность Евразии. 2016. № 1 (51). С. 208–216.
9. Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии 1947–1953 гг.: документы и материалы / Сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарев. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 647 с.
10. Холодная война: в 2-х т. Т. 1: Противостояние двух сверхдержав / Путилин Б.Г., Золотарев В.А. / под ред. В. А. Золотарева. М.: ИНЭС, РУБИН, 2014. 984 с.
11. Шаклеина Т. А. Россия и США в новом мировом порядке: дискуссия в политико-академических сообществах России и США (1991–2002). М.: ИСКРАН, 2002. 445 с.

REFERENCES

1. Batalov E. [What Russia needs the West]. In: *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], 2005, no. 4, pp. 5–20.
2. Boffa J. *Istoriya Sovetskogo Soyuz: v 2-kh t. T. 2* [The history of the Soviet Union: in 2 v. Vol. 2]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1990. 628 p.
3. Il'inskii I. [The cold war: a new stage]. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2015, no. 3, pp. 5–17.

4. Lutsкая E. [The war of sanctions between the West and Russia and its economic consequences: (combined abstract)]. In: *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Seriya 2: Ekonomika* [Social sciences and Humanities. Economics series], 2015, no. 1, pp. 212–218.
5. Karaganov S. [A new era of confrontation]. In: *Rossiia v global'noi politike* [Russia in Global Affairs], 2017, no. 6, pp. 114–127.
6. Marinin A. [National military strategy of the United States]. In: *Zarubezhnoe voennoe obozrenie* [Foreign military review], 2015, no. 12, pp. 3–10.
7. Marinin A. [The new strategy of US national security]. In: *Zarubezhnoe voennoe obozrenie* [Foreign military review], 2018, no. 2, pp. 12–16.
8. Nekh V. [The cold war: its causes and results]. In: *Bezopasnost' Evrazii* [Security of Eurasia J.], 2016, no. 1 (51), pp. 208–216.
9. Zhuravlev V., Lazarev L., comps. [Stalin's economic legacy: plans and discussions of 1947–1953: documents and materials]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2017. 647 p.
10. Zolotarev V., ed. *Kholodnaya voina: v 2-kh t. T. 1: Protivostoyanie dvukh sverkhderzhav* [The cold war: in 2 t. T. 1: the Confrontation of the two superpowers]. Moscow, INES & RUBIN Publ., 2014. 984 p.
11. Shakleina T. *Rossiia i SShA v novom mirovom poryadke: diskussiya v politiko-akademicheskikh soobshchestvakh Rossii i SShA (1991–2002)* [Russia and the United States in the new world order: the debate in political and academic communities of Russia and the United States (1991–2002)]. Moscow, ISKRAN Publ., 2002. 445 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ивашко Михаил Иванович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой общеобразовательных дисциплин Российского государственного университета правосудия; e-mail: mihail-ivashko@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail I. Ivashko – Dr. Sci. (History), Head at the Department of General Education, Russian State University of Justice; e-mail: mihail-ivashko@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ивашко М. И. Современные отношения России и стран Запада: исторические параллели // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 4. С. 238–248.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-238-248

FOR CITATION

Ivashko M. Modern relations between Russia and Western countries: historical parallels. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 4, pp. 238–248.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-238-248.

УДК 327.8

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-249-257

КОНЦЕПЦИЯ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА ФУКИДИДА, И ТЕОРИЯ «ГЕГЕМОНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ» РОБЕРТА ГИЛПИНА

Рожков А. А.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Целью статьи является доказательство некорректности использования структурного метода Роберта Гилпина для объяснения теоретического аспекта «Истории» Фукидида. Автор проанализировал концепцию природы человека древнегреческого историка, а также изучил теорию гегемонической войны Гилпина. В ходе проведенного анализа использовался метод структурного реализма. По итогам работы сделан вывод о неадекватности применения структурного подхода при анализе текста Фукидида: выявлена ключевая ошибка Роберта Гилпина в определении основного стремления фукидидовской «человеческой природы». Теоретическая значимость статьи заключается в доказательстве ошибочности использования некоторых методов современного политического реализма для изучения классических текстов. Статья адресована историкам и политологам, занимающихся изучением современной теории международных отношений.

Ключевые слова: Фукидид, Пелопоннесская война, Роберт Гилпин, теория гегемонической войны, структурный реализм

THE CONCEPT OF HUMAN NATURE BY THUCYDIDES AND THE THEORY OF HEGEMONIC WAR BY ROBERT GILPIN

A. Rozhkov

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991 Russian Federation*

Abstract. The article is aimed at proving the incorrectness of using R. Gilpin's structural method for explaining the theoretical aspect of History by Thucydides. The author analysed the concept of human nature by the ancient Greek historian and studied The Theory of Hegemonic War by R. Gilpin. The method of structural realism was employed for the analysis. The analysis revealed the key error made by R. Gilpin in determining the basic aspiration of Thucydidian human nature; thus, it was concluded that the structural approach should not be used when analysing the text

of Thucydides. The theoretical relevance of the article lies in proving the incorrectness of using some methods of modern political realism to study classical texts. The article is addressed to historians and political scientists who study the modern theory of international relations.

Keywords: Thucydides, Peloponnesian war, Robert Gilpin, theory of hegemonic war, structural realism

Труд Фукидида «История», посвященный описанию Пелопоннесской войны между Спартой и Афинами (431–404 гг. до н. э.), является фундаментом политического реализма. Так, по словам заведующей кафедры политической теории МГИМО (У) МИД РФ Татьяны Алексеевой, «многие современные исследователи, обращаясь к Фукидиду, видят в нем прямую трансляцию сегодняшних предположений, убеждений и заблуждений» [1, с. 7]. В отечественной научной литературе теоретическому аспекту в «Истории» Фукидида уделено сравнительно небольшое внимание. Как справедливо отмечает Татьяна Кудрявцева, «отечественная историческая наука задолжала Фукидиду» [3, с. 407]. За исключением работ Феохарая Кессиди «Философия истории Фукидида» [2, с. 15] и Александра Мишурина «Фукидид: сущность политической истории» [4, с. 1], мы не можем назвать более или менее серьезных исследований, принятых на данную тематику.

В данной статье мы проведем анализ ключевой концепции Фукидида, а именно: эгоистической сущности природы человека, а также сравним ее с одной из наиболее влиятельных реалистических концепций «гегемонической войны» Роберта Гилпина. Актуальность статьи обусловлена как современным кризисом мировой политики, так и вытекающей из него необходимостью теоретического осмысления международной системы. Если в

2015 г. такие исследователи, как Ламонт Колуччи только начинали говорить о возвращении великих держав в мировую политику [8, р. 44], то, по мнению экспертов Мюнхенской конференции по безопасности 2019 г., будущее международной системы зависит от воли могущественных государств¹. Структурные реалисты, в том числе и Роберт Гилпин, убеждены, что международная система всегда обуславливалась интересами могущественных стран и философские выводы «Истории» Фукидида являются ярким тому подтверждением. Несмотря на то, что сам Гилпин ссылается на теорию Фукидида и пытается обосновать свой подход к международным отношениям учением древнегреческого историка, его объяснение теоретического аспекта «Истории» является противоречивым и в сущности своей неверным.

Учение о природе человека в «Истории» Фукидида

Проблема природы человека является одной из ключевых тем в учении древнегреческого историка: Фукидид полагал, что человек является эгоистическим существом [6, с. 42].

Френсис Корнфорд в своей работе «Фукидид Мифоисторик» демонстри-

¹ См.: Munich Security Report 2019: "The Great Puzzle: Who Will Pick Up the Pieces?" Авторы доклада Мюнхенской конференции по безопасности полагают, что в текущей неопределенной системе международных отношений отчетливо видна роль трех великих держав: США, Китая и России.

рует исторический метод древнегреческого автора [9, р. 57]. По его мнению, под причинами войны Фукидид понимает определенные события, а не экономические, социальные и прочие факторы. Фукидид не изучает рассматриваемые им события с точки зрения причинно-следственных связей. Если мы будем следовать логике Фукидида, то, по мнению Корнфорда, найдем три причины Пелопоннесской войны. Так, началом столкновения послужит конфликт вокруг Эвбеи, предложением – жалобы керкирян и коринфян, а непосредственной причиной – страх лакедемонян перед возрастающим могуществом Афин.

Задаваясь вопросом о причинах начала Пелопоннесской войны, Фукидид говорит в первую очередь о ссоре, которая произошла между участниками конфликта. Можно сказать, что, по Фукидиду, «история есть развертывание заложенных в человеке качеств, возможностей, устремлений и действий, сообразно обстоятельствам» [2, с. 124].

Фукидид жил в период расцвета афинской культуры – золотой век Перикла. Он получил прекрасное образование и, судя по всему, находился под влиянием ученых софистов. Софисты скептически относились к традиционным ценностям афинского полиса [7, р. 36]. Следование государственным законам, по их мнению, не приносило пользы человеку, поскольку ему приходилось пренебрегать своими природными наклонностями. Софисты утверждали, что следование своим природным наклонностям представляет собой подлинную пользу для человека.

По нашему мнению, Фукидид не только усвоил основные положения

учения софистов, но и использовал их понимание человеческой природы в своей работе. Жажда власти для него – это не просто эгоистическое желание, но фундаментальное свойство человеческой природы, выражающееся в первую очередь в стремлении следовать своим желаниям. Смысл постулируемого историком тезиса можно свести к следующей максиме: «право – это сила, а сила – это право». Руководствуясь этим правилом, действуют не только отдельные люди, но и целые государства. Знаменитый отрывок из «Пятой книги», получивший название «мелосского диалога», представляет собой точнейшую иллюстрацию мировоззрения Фукидида.

Руководствуясь принципом «право – это сила, а сила – это право», афинский военно-морской отряд во главе с Алкивиадом высадился на острове Мелос с целью его подчинения. Предлагая жителям добровольно сдаться, афиняне аргументировали свое решение общим благом для обоих государств. Когда же население осажденного полиса задавало резонный вопрос о том, в чем, собственно, это благо будет заключаться, афиняне, руководствуясь избранной ими философией, отвечали: правом сильного подчинять слабого. «Но не согласитесь ли вы оставить нас нейтральными, не врагами вам, а друзьями, с условием не вступать ни в один из союзов?» – спрашивали мелосцы, подчеркивая, что, в отличие от спартанцев, они (афиняне) ценят свою выгоду больше права. Посланцы Афин отвечали, спартанцы «с большей откровенностью отождествляют приятное для них – с честным, а выгодное – со справедливым». Оказание сопротивления со стороны мелосцев

афиняне назвали простой ошибкой. Неразумно сопротивляться тем, перед кем ты бессилён.

Мелосцы: «...мы все же верим, что божество нас не умалит, ибо мы благочестиво противостоим вам, поступающим несправедливо».

Афиняне: «Благодать богов, надемся, не оставит и нас... Ведь о богах мы предполагаем, о людях же из опыта знаем, что они по природной необходимости властвуют там, где имеют для этого силу. Этот закон не нами установлен, и не мы первыми его применили. Мы лишь его унаследовали и сохранили на все времена» [6, с. 293].

Итак, мелосцы, не желая становиться рабами, призвав на помощь судьбу и богов, решают оказать сопротивление и сохранить свободу. «Если судить по вашим решениям, – говорят им афиняне. – то вы – единственные люди, для которых будущее достовернее настоящего, которое у вас перед глазами, и вы принимаете незримое за уже осуществляющееся, так как оно вам желательно. Предавшись всецело вере в лакедемонян и в судьбу, вы рискуете всем, но вы все и потеряете!» [6, с. 295]. Итогом осады стало поражение мелосцев, уничтожение мужского населения и порабощение детей и женщин. Уничтожение Мелоса афинской экспедицией является иллюстрацией принципа верховенства силы не только в политике, но и в жизни.

Теория «гегемонической войны» Роберта Гилпина

Роберт Гилпин является одним из наиболее влиятельных теоретиков международных отношений нашего времени. Несмотря на то, что его подход к исследованию межгосударствен-

ной политики во многом опирается на подход структурного реализма Кеннета Уолца [5, с. 87], значительное место в его работах уделено изучению внутригосударственных факторов¹.

Одним из лейтмотивов всех работ Роберта Гилпина является мысль о том, что не международные институты, а государства и их интересы по-прежнему остаются ключевыми акторами на мировой арене [11, р. 4]. Можно сказать, что доказательству этого утверждения он посвящает значительное, если не определяющее место в своей научной карьере. Реалистические взгляды Гилпина или, как он отмечает, его философские идеи [12, р. 6] представляют собой фундамент для подтверждения этого доказательства.

Первым основоположением реалистического подхода Роберта Гилпина является его убеждение в том, что человек является социальным существом, формирующим конфликтные группы. Люди объединяются в группы и склонны скорее к противостоянию друг с другом, поэтому мир и стабильность – это не проявление солидарности, а сформировавшийся в процессе борьбы баланс сил [12, р. 7].

Вторым основоположением теории Гилпина является особое отношение к роли национальных интересов. По его словам, национальные интересы формируются исключительно политическими элитами и могут изменяться в зависимости от того, меняется ли сама элита, либо ее цели. Подход Гилпина значительно отличается от взглядов

¹ Гилпин не отрицает основных постулатов теории Кеннета Уолца. По его словам, теория «гегемонической войны» не отвергает, а дополняет структурный реализм.

Ганса Моргентау и Кеннета Уолца. С одной стороны, он отрицает объективный аспект национальных интересов, а с другой – полагает, что отношение элит к безопасности определяется не только стремлением к выживанию своего государства, но и стремлением к собственному групповому выживанию [12, р. 8].

Третье основоположение Гилпина напрямую связано с его оценкой принципа силы. В мире политической анархии и конфликтных интересов главной особенностью отношений между государствами является принцип силы. В то время как сторонники остальных теорий международных отношений уделяют значительное внимание роли универсальных моральных ценностей, реалисты говорят о том, что универсальные ценности едва ли могли бы иметь какую-то значимость без использования силы [12, р. 8].

Теория международных отношений Роберта Гилпина – концепция «гегемонической войны» – является важнейшей составляющей современного политического реализма. Архитектурное строение политолога отсылает нас к «Истории Пелопоннесской войны» Фукидида [13, р. 591]. Согласно Роберту Гилпину, международные отношения представляют собой не только анархическую систему, но и определенную иерархию власти, устанавливаемую наиболее могущественным государством-гегемоном. Могущество гегемона обеспечивает стабильность системы, с одной стороны, а с другой, позволяет менее сильным странам перемещаться по вертикали власти. Гилпин подчеркивает, что внутри системы возможны войны, но они не имеют глобального значения до тех пор, пока

один из участников международного сообщества не решится занять место гегемона на вершине иерархии.

Гилпин перечисляет неструктурные факторы, которые, по его мнению, позволяют государству претендовать на роль гегемона. Среди них он выделяет географический, демографический, технологический, военный и идеологические факторы. Ученый отмечает, что эффективное сочетание этих факторов у страны, стремящейся занять достойное место в вертикали власти, усиливает страх со стороны актуального гегемона. Именно страх заставляет гегемона формировать новые коалиции, направленные против потенциального агрессора, разбивая мировое сообщество на два противостоящих друг другу лагеря. Иначе говоря, прежняя вертикаль или, как выражается Гилпин, иерархия престижа устаревает, и именно по общесистемной, а не по конкретной причине.

Результатом гегемонической войны является не только исчезновение прежнего лидера, но изменение всего международного порядка [14, р. 112]. Трудно, если вообще возможно спрогнозировать итог гегемонических войн, поскольку, как подчеркивает Гилпин, победителями в ней вовсе не обязательно становятся страны, изначально участвующие в борьбе. Победителем может стать в том числе и третья сторона, как, например, США после Второй мировой войны [10, р. 1].

По мнению Гилпина, конфликт между Афинами и Спартой представляет собой яркий пример гегемонической войны. Так, перед началом столкновения Лакедемон являлся ключевым греческим государством, решения и авторитет которого ока-

зывали непосредственное влияние на действия всех остальных полисов. Действительно, можно согласиться с Гилпином в том, что правление Спарты создало систему гегемонической стабильности, внутри которой существовала определенная мобильность полисов.

Основной причиной Пелопонесской войны стал страх спартанцев перед возрастающим могуществом Афин. Правители Спарты поняли, что чем дольше они будут откладывать начало вооруженного конфликта, тем сильнее будет возрастать власть Афин и, соответственно, снижаться их собственный авторитет.

Как мы утверждали ранее, рассуждения Фукидида о причинности имеют мало общего с современным подходом к этому явлению. Гилпин подтверждает эту мысль, выделяя, впрочем, ключевые факторы, которые, по его мнению, повлияли на возвышение Афин. В соответствии со своей теорией он выделяет географический, демографический, экономический, технологический и политический элементы. Последний элемент, политическое возвышение Афин, стал определяющим: обострившийся страх со стороны Спарты расколол греческий мир на две части. Результатом войны двух лагерей, как отмечается в самой теории Гилпина, стало исчезновение прежней системы отношений греческих городов-государств и победа стороны, не участвовавшей в конфликте – Македонии.

Ключевой ошибкой Роберта Гилпина в объяснении теоретического аспекта «Истории» Фукидида является попытка исследования труда древнегреческого автора сквозь при-

зму структурного реализма. По мнению американского ученого, Фукидид сформулировал свое понимание отношений между государствами, опираясь на законы, присущие всей международной системе. Несмотря на то, что Гилпин сознает роль концепции «человеческой природы» у древнегреческого автора, он говорит о ней вскользь, при этом допуская ошибку в определяющем ее свойстве, а именно: в стремлении к силе. Если мы будем следовать мысли Гилпина, то окажется, что вовсе не сила, а страх и сопутствующее ему стремление к безопасности является по Фукидиду определяющим свойством человека.

Попытка Гилпина использовать структурный подход при исследовании труда Фукидида создает существенные границы для объяснения теоретического аспекта «Истории». Фактически благодаря этой оптике мы не понимаем философского значения древнегреческого текста. Действительно, нельзя не согласиться с Гилпином в том, что фактической причиной войны между Афинами и Спартой стал страх со стороны последних, однако вовсе не он является определяющей особенностью Пелопонесской войны. Техническое преимущество афинского полиса позволило ему сдерживать осаду войска Лакедемона в тяжелых условиях: при чуме и отсутствии сельского хозяйства. Афины обладали мощнейшим флотом, который позволил не только удерживать, но и находить новых союзников в неблагоприятных для демократического полиса обстоятельствах.

Одним из важнейших уроков Пелопонесской войны является то, что даже при наличии существенного гео-

графического, демографического, экономического и военного преимуществ отсутствие благоразумия и слепое подчинение собственным желаниям привели государство к краху. Так, согласно тексту «Истории», ключевую роль в экспансии Афин на Сиракузы сыграл массовый психоз афинских граждан, посчитавших завоевание сходного по политической системе государства прекрасной возможностью личного обогащения. Более того, как показывают высказывания самих предводителей Афин, неутолимость желаний демоса оказалась неподконтрольной элитам, поэтому они не могли нести ответственности за их внешнеполитические решения, хотя в действитель-

ности подогревали их эгоистические желания. Коллективный психоз граждан в сочетании с безответственным поведением правящей элиты привели Афины к империализму и поражению в Пелопоннесской войне.

Таким образом, по нашему мнению, структурный подход Роберта Гилпина не проясняет, а наоборот — затрудняет адекватное восприятие мыслей древнегреческого историка. Как показало наше исследование, отправной идеей Фукидида является не размышление о самодовлеющей роли анархической международной системы, а исследование эгоистической природы человека.

Статья поступила в редакцию 28.12.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Т. А. Перечитывая классиков: Фукидид и политический реализм // Сравнительная политика. 2015. Том 6. № 3. С. 7–20.
2. Кессиди Ф. Х. Философия истории Фукидида. СПб.: Алетейя, 2008. 272 с.
3. Кудрявцева Т. В. Рецензия на: «Кессиди Ф. Х. Философия истории Фукидида. СПб.: Алетейя, 2008, 272 с.» // Метаморфозы истории. 2014. Вып. 5. С. 477–490.
4. Мишуринов А. Н. Фукидид: Сущность политической истории // Vox: философский журнал. 2016. Вып. 21. С. 1–20.
5. Сетов Н. Р. Политический реализм как теоретико-методологический подход в политической науке XX в.: сущность, эволюция, основные направления: дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 183 с.
6. Фукидид. История. М.: Академический проект, 2012. 557 с.
7. Adkins A. Merit and Responsibility. A Study in Greek Values. Oxford: Clarendon Press, 1960. 380 p.
8. Colucci L. Great power conflict: will it return? // World Affairs. 2015. Vol. 177. № 5. P. 44–53.
9. Cornforth F. Thucydides Mythistoricus. Londres: E. Arnold, 1907. 252 p.
10. Dong S. L. America's International Leadership in Transition: From Global Hegemony towards Offshore Leadership // Journal of International and Area Studies. 2017. Vol. 24. № 1. P. 1–19.
11. Gilpin R. Global Political Economy: Understanding the International Economic Order. Princeton: Princeton University Press, 2001. 440 p.
12. Gilpin R. No-one Loves a Political Realist // Security Studies. 1996. Vol. 5. № 3. P. 3–26.
13. Gilpin R. The Theory of Hegemonic War // The Journal of Interdisciplinary History. 1988. Vol. 18. № 4. P. 591–613.
14. Hawre H. H. Is the United States Still a Global Hegemonic Power? // International Journal of Social Sciences & Educational Studies. 2016. Vol. 3. № 2. P. 109–117.

REFERENCES

1. Alekseeva T. [Rereading the classics: Thucydides and political realism]. In: *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics], 2015, vol. 6, no. 3, pp. 7–20.
2. Kessidi F. *Filosofiya istorii Fukidida* [The philosophy of history Thucydides]. Saint-Peterburg, Aleteiya Publ., 2008. 272 p.
3. Kudryavtseva T. [Review: "Cassidy, F. H. The Philosophy of history of Thucydides. SPb.: Aletheia, 2008, 272 p."]. In: *Metamorfozy istorii* [Metamorphoses History], 2014, no. 5, pp. 477–490.
4. Mishurin A. [Thucydides: the Nature of political history]. In: *Vox. Filosofskii zhurnal* [Vox. Philosophical Journal], 2016, no. 21, pp. 1–20.
5. Setov N. *Politicheskii realizm kak teoretiko-metodologicheskii podkhod v politicheskoi nauke XX v.: sushchnost', evolyutsiya, osnovnye napravleniya: dis. ... kand. ist. nauk* [Political realism as a theoretical and methodological approach in political science of the twentieth century: the nature, evolution, main direction: PhD thesis in Historical sciences]. Moscow, 2011. 183 p.
6. *Fukidid. Istoriya* [Thucydides. History]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2012. 557 p.
7. Adkins A. Merit and Responsibility. A Study in Greek Values. Oxford, Clarendon Press, 1960. 380 p.
8. Colucci L. Great power conflict: will it return? In: *World Affairs*, 2015, vol. 177, no. 5, pp. 44–53.
9. Cornforth F. Thucydides Mythistoricus. Londres, E. Arnold Publ., 1907. 252 p.
10. Dong S. L. America's International Leadership in Transition: From Global Hegemony towards Offshore Leadership. In: *Journal of International and Area Studies*, 2017, vol. 24, no. 1, pp. 1–19.
11. Gilpin R. Global Political Economy: Understanding the International Economic Order. Princeton, Princeton University Press, 2001. 440 p.
12. Gilpin R. No-one Loves a Political Realist. In: *Security Studies*, 1996, vol. 5, no. 3, pp. 3–26.
13. Gilpin R. The Theory of Hegemonic War. In: *The Journal of Interdisciplinary History*, 1988, vol. 18, no. 4, pp. 591–613.
14. Hawre H. H. Is the United States Still a Global Hegemonic Power? In: *International Journal of Social Sciences & Educational Studies*, 2016, vol. 3, no. 2, pp. 109–117.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рожков Александр Алексеевич – аспирант кафедры философии политики и права Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
E-mail: Rozhkov1922@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Alexandr A. Rozhkov – postgraduate student, Department for Philosophy of Politics and Law, Lomonosov Moscow State University;
E-mail: Rozhkov1922@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Рожков А. А. Концепция природы человека Фукидида, и теория «гегемонической войны» Роберта Гилпина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 4. С. 249–257.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-249-257

FOR CITATION

Rozhkov A. The concept of human nature by Thucydides and the theory of hegemonic war by Robert Gilpin. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 4, pp. 249–257.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-249-257

УДК 316.422

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-258-268

СОВРЕМЕННАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Котельникова Е. В., Пахомова М. О.

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 69, Российская Федерация

Аннотация. Представлены результаты изучения влияния глобализации на политические процессы в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Авторами использованы фактологический, исторический и аналитический методы. В настоящее время Ассоциация государств Юго-Восточной Азии обеспечивает политическую стабильность в регионе, способствует взаимодействию между странами и поддерживает баланс «внерегиональных» сил. Приведенные данные свидетельствуют, что глобализация порождает, помимо позитивных, негативные экономические, социальные и политические последствия для государств региона. Негативные тенденции вызывают необходимость принятия протекционистских мер со стороны правительств для защиты национальных производителей от внешней конкуренции. Сопротивление глобализму характеризуется подъемом традиционализма и патриотизма, а также активизацией движения антиглобалистов. Практические результаты исследования заключаются в объяснении особенностей протекания политических процессов в странах Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, глобализация, национальная политика, протекционизм, экономическое сотрудничество

MODERN GLOBALISATION AND THE ASIA-PACIFIC REGION: DOMESTIC AND FOREIGN POLICY

E. Kotelnikova, M. Pakhomova

Rostov State University of Economics (RINH)

69 Bolshaya Sadovaya ul., Rostov-na-Donu 344002, Russian Federation

Abstract. The article presents the results of studying the impact of globalisation on the political processes in the countries of the Asia-Pacific region. In this work, the authors employed historical and analytical methods along with the fact analysis. Currently, the Association of Southeast Asian Nations provides political stability in the region, promotes interaction between countries and maintains a balance of extra-regional forces. The presented data indicate that globalisation leads to both positive and negative economic, social and political consequences for the states of the region. Negative trends necessitate the adoption of measures aimed at protecting national producers from external competition. Resistance to globalism is characterised by the rise of traditionalism and patriotism, as well as the rise of the anti-globalist movement. The practical results of the study consist in the characterisation of political processes in the countries of Southeast Asia.

Keywords: Asia-Pacific region, globalisation, national policy, protectionism, economic cooperation

Глобализация является одной из основополагающих тенденций XXI в., охватившей почти все сферы финансовой, экономической, политической, культурной жизни государств по всему миру и представляющей «всеобъемлющий процесс развития транснациональных связей и отношений, ведущий к становлению глобального человеческого сообщества» [8, с. 10]. Процесс глобализации начался с создания могущественных транснациональных корпораций (ТНК), распространившихся по всему миру, минуя национальные границы [3, с. 256–259]. Данный процесс проявляется у большинства стран в выравнивании уровня социально-экономического развития, нарастающей поляризации как на государственном, так и на региональном уровне; их взаимозависимости в производственной и торговой сферах (вплоть до внутриотраслевого разделения труда); возникновении глобальных электронных финансовых рынков. Происходит перегруппировка основных субъектов системы международных отношений в сфере мировой политики: возвышение Китая и Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), увеличение роли национальных государств.

Объектом нашего исследования являются процессы глобализации в АТР, их влияние на развитие стран Азиатско-Тихоокеанского региона в целом. Целью является выяснение характера влияния глобализации на внутренние и внешние политические процессы в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Нами предпринята попытка выявить и исследовать противоречивость глобализационного процесса на примере конкретного региона – АТР.

Одной из основополагающих составляющих регионального процесса

глобализации является политическая заинтересованность США в развитии собственных стратегически важных экономических и военно-политических отношений. Европейский Союз также представляется важнейшим актором, заинтересованным в развитии экономических отношений на более долгосрочную перспективу и проявляющим интерес к сфере безопасности. Серьезным фактором глобализации становится интенсивно растущая экономика Китая. На современном этапе прослеживается тенденция пропорционального усиления позиций всех сторон.

О влиянии глобализации на страны АТР свидетельствуют процессы постепенного смещения потоков мировой экономики в Азиатско-Тихоокеанский регион. Глобализация стягивает регионы в новую общность – АТР, где берет свое начало регионализация и формируются устойчивые объединения на основе географической, исторической, экономической и культурной общности [9, с. 44–45]. Регионализация – это своего рода реакция на процесс глобализации, приводящий к образованию зон различной протяженности и масштаба. Регионализация протекает в условиях глобализации, которая усиливает интеграционные процессы, а они, в свою очередь, находят отражение в регионализации [13, с. 27].

Так, под эгидой США было создано Транстихоокеанское партнерство (ТТП), назначением которого было регулирование внутренних правил в странах-участниках [1, с. 68]. Изначально соглашение предусматривало унификацию норм в различных сферах деятельности, отмену таможенных пошлин и т. д. При помощи ТПП США

стремились к продвижению создания зоны свободной торговли в АТР, таким образом захватив под свой контроль весь интеграционный процесс в Азиатско-Тихоокеанском регионе [8, с. 129]. Несомненно, основная задача США – достижение безоговорочного политического и экономического доминирования в регионе и сдерживание развития Китая.

Стратегия США, связанная с заключением многочисленных договоров со странами АТР (Вьетнамом, Индией, Индонезией и др.), направлена не на поддержку других государств, как заявляют США, а, прежде всего, на получение экономических выгод и дивидендов¹. США направляют стратегии на то, чтобы страны увидели выгоды от сотрудничества с ними. В сфере политики и безопасности США стремятся расположить как можно больше военных ресурсов в странах региона, таким образом обеспечить военное господство в Тихом океане, сдерживая военные амбиции Китая. В этой связи США заключают соглашения со стратегически важными партнерами в этой области: Южной Кореей, Японией, Филиппинами, Сингапуром. Китай, в свою очередь, также ищет союзников, стремясь усилить свое влияние в регионе, оказывая экономическую помощь нуждающимся государствам и доведя связь с ними до уровня взаимозависимости [2, с. 87–99]. Стратегии США и Китая в АТР можно охарактеризовать

как направленные на «соперничество» и «опережение».

США, преследуя свои экономические выгоды, переносили свои производства в Китай на протяжении долгого времени, так как Китай нуждался в инвестициях, а США – в дешевой рабочей силе и минимизации издержек. Но, как известно, процесс глобализации неизменно для одних его участников несет выгоды, а для других – потери. Об этом, например, свидетельствует то, что действующая администрация США во главе с президентом Дональдом Трампом приняла решение выйти из соглашения Транстихоокеанского партнерства, увидев, как интеграционный процесс влияет на внутреннюю обстановку в стране, в частности, ведет к уменьшению количества рабочих мест для американских рабочих².

По утверждению экономиста-востоковеда В. А. Мельянцева, в эпоху глобализации в мире происходит, в целом, как некоторая гармонизация интересов мировых «акторов» и конвергенция общественно-экономических систем, так и очевидное «накопление неустойчивости» [16, с. 355], формирующих вместе противоречивый характер глобализации. Показателен в этой связи провал переговоров Всемирной торговой организации (ВТО) в Дохе в 2001–2006 гг., в ходе которых США требовали от азиатских стран снижения пошлин на продукты и товары

¹ См.: Ружинская Т.И., Ширковец М.К., Щербакowa А.М., Ефимова В.А. (2017) Новые направления американских интеграционных процессов в зоне АТР [Электронный ресурс] // МГИМО университет: научные работы аспирантов и студентов. – URL: <https://mgimo.ru/upload/2017/06/new-trends-in-pacific-rim.pdf> (дата обращения 28.04.2019)

² Яковлев П. (2017) Азиатско-Тихоокеанский регион и будущее глобальной экономики [Электронный ресурс] // Перспективы: сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. – URL: http://www.perspektivy.info/rus/ekob/aziatsko-tihookeanskij_region_i_budushheje_globalnoj_ekonomiki_2017-05-11.htm (дата обращения 28.04.2019)

стран Запада и открытия своих рынков для западных финансовых, страховых и других услуг [6, с. 100–111].

Между тем в условиях глобализации обеспечиваются возможности для качественно нового уровня сотрудничества стран по всему миру, минуя путь бездумного копирования и воссоздания в восточных капиталистических странах. «Рынки способны чудодейственным образом искоренять бедность не больше, чем решать проблемы глобального потепления или загрязнения окружающей среды. Только уверенная в себе и решительно настроенная общественность богатых стран может обеспечить правительствам бедных стран возможность свободно принимать решения, которые были бы выгодны жителям этих стран. Это предполагает, что нам следует отвергнуть наряду с ожидаемой рациональностью ортодоксии свободной торговли, еще и этичность “справедливой” системы глобальной торговли, – утверждает норвежский экономист Эрик Райнерт и добавляет, – <...> это также значит, что мы должны следить за своими правительствами, чтобы они не вмешивались во внутренние дела бедных стран»¹.

Одним из ярких примеров глобализации в АТР является вступление Китая во Всемирную торговую организацию (ВТО) в 2001 г. В этом случае невозможно недооценить положительное влияние глобализации, поскольку это был лучший путь удержания темпов экономического роста и реформ, а также соблюдения правил международной торговли, что в конечном ито-

ге имело для самого Китая важнейшее значение. Став членом ВТО, Китай приобрел право участия в формулировании правил, контролирующих международную торговлю и инвестиции, но одновременно влияние правительства Китая на собственный национальный финансовый сектор значительно уменьшилось, в чем проявляется одно из противоречий процесса глобализации. В некоторых случаях Китай трактует глобализацию как «опасный и неприемлемый путь гегемонизма», необходимость «делиться суверенитетом», что влечет за собой экономическую взаимозависимость Китая и мировых экономических лидеров – США, Японии, Евросоюза. Такое положение дел, в свою очередь, является причиной постепенной политической трансформации, что также отражает противоречивый характер глобализации. На других странах-участницах АТР, например, Малайзии, Таиланде, Индонезии вышеупомянутые явления сказываются отрицательно, замедляя их развитие.

Так, например, внешнеполитический курс Японии на протяжении десятилетий определялся военно-политическим союзом с США, которые обеспечивали ее безопасность. В настоящее время, после выхода Японии из длительной экономической депрессии, она является одной из ведущих экономических держав, прочно удерживая второе место после США по уровню ВВП. Затронутые процессом глобализации, японские компании все больше стали ориентироваться на Азиатско-Тихоокеанский регион, а в частности, заметно выросло число стран АТР, ведущих внешнюю торговлю с Японией за последние пятьдесят

¹ Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: ВШЭ, 2011. 384 с.

лет. Повышение внешнеполитической активности и стратегии Японии проявились в участии в международных организациях, таких как АСЕАН и АТЕС, о которых будет сказано ниже¹.

Характерной чертой текущего этапа развития Азиатско-Тихоокеанского региона является активизация многосторонних форм сотрудничества. Глобализация запускает процессы интеграции, которые, в свою очередь, проявляются регионально, порождая крупные региональные блоки и структуры, такие как «Шанхайская организация сотрудничества» (ШОС), форум «Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества» (АТЭС), «Региональный форум АСЕАН по безопасности» (АРФ), «Механизм Восточноазиатских саммитов» (ВАС), «Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии» (СВМДА), «Диалог по сотрудничеству в Азии» (ДСА), и также «Система диалоговых партнерств Ассоциации государств Юго-Восточной Азии» с ключевыми «внерегиональными» государствами и региональными организациями [7, с. 112–115]. Рассмотрим некоторые из них.

Текущее положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе можно охарактеризовать как по большей части стабильное, поскольку Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, обеспечивая связь и взаимодействие между государствами региона, наряду с этим, поддерживает баланс «внерегиональных» сил², что происходит за

счет установления с крупными мировыми «акторами» сети диалоговых партнерств». АСЕАН – одна из крупнейших и важнейших международных организаций, «закрытого регионализма» [4, с. 114–117], служит важнейшим фактором в обеспечении региональной безопасности, поддержания мира, стабильности и взаимного развития, укрепления позиций на внешних рынках [10, с. 255].

Отношения между АСЕАН и Китаем расширяются и углубляются в новых сферах посредством формирования ряда структур. Изучив официальные документы АСЕАН, можно предположить, что Китай стремится как можно сильнее расширить свое геостратегическое влияние в АСЕАН и получить всевозможные преференции от создания зоны свободной торговли. В отношениях Японии и АСЕАН, помимо активного процесса реализации уже достигнутых договоренностей, Япония продолжает расширять сотрудничество в областях: применение спутниковых технологий, разрешение вопросов ликвидации стихийных бедствий, взаимодействие в вопросах здравоохранения и дипломатии, борьба с климатическими изменениями, управление муниципальным планированием. АСЕАН и Республика Корея нацелены на увеличение объема товарооборота до 150 млрд. долларов США к концу текущего года. АСЕАН и США стремятся поднять уровень отношений по данному диалогу на стратегический уровень. США особо

¹ Долгосрочная экономическая стратегия Японии, 2011 г. [Электронный ресурс] // Webeconomy.ru. – URL: <http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&newsid=1048&type=news> (дата обращения 26.04.2019)

² См. справочный материал на сайте Мин-

экономразвития РФ: Справка об АСЕАН [Электронный ресурс]. – URL: <http://economy.gov.ru/minrec/resources/7b08110040b1d64bac54fe2af281cc1b/Справка+об+АСЕАН.doc> (дата обращения 26.04.2019)

активно себя проявляют в налаживании экономического и политического диалога с АСЕАН. Так в 2010 г. был заключен торговый договор, который предопределил дальнейшее сотрудничество в сфере инвестиций и стал важным шагом в развитии отношений между АСЕАН и США (объем взаимного оборота товарами и услугами за 1996–2015 гг. увеличился на 97% и составил 260 млрд. долларов в год).

Американская сторона рассматривает АСЕАН как центр структуры АТР и центр для выполнения своей стратегии возобновления баланса, подтвердив важность сотрудничества между АСЕАН и США, в частности, в сфере обороны: «Следует подтвердить, что дружественные отношения между странами АСЕАН и США служат возможностью для дальнейшего развития сотрудничества в разрешении новых долговременных вызовов безопасности в АТР. Асеано-американское сотрудничество в сфере обороны показывает стремительное развитие отношений США со странами АСЕАН»¹.

Стратегию Японии в АСЕАН можно охарактеризовать как «формирование единого антикитайского фронта» [5, с. 8]. В конфликте по поводу островов в Южно-Китайском море, где сталкиваются интересы Пекина и Вашингтона, Япония, присутствуя в формате «АСЕАН + Япония», поднимает вопросы безопасности на море и свободы навигации, противостоит попыткам Китая расширять свое влияние в этой зоне. Говоря о стратегии

Японии в отношении АСЕАН, следует также отметить стремление «страны восходящего солнца» к многоуровневой кооперации, интеграционным мерам внешнеэкономического характера, распространению своих инноваций в развивающихся странах.

АСЕАН является особым примером интеграции с целым рядом различного рода глобализационных противоречий. Страны отстают друг от друга по уровню экономического развития, и «в одном ряду» с высокоразвитым государством Сингапур стоят такие беднейшие страны, как Лаос, Мьянма, Камбоджа. Ярко проявляется противоречие по качеству экономического развития. Увеличивается асимметрия товарооборота в экспорте-импорте стран с разным уровнем экономического развития. Несоблюдение санитарных норм и требований при расширенном воспроизводстве влечет за собой распространение инфекций. Противоречие между производством и экономическими условиями его развития порождает угрозу экологической катастрофы, связанную с постоянным и неконтролируемым увеличением объемов производства [12, с. 49–55], возрастает имущественное расслоение населения, усиливается недоступность и кастовость образования.

Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) – международная организация, «интегрирующая» страны Азиатско-Тихоокеанского региона, была создана для эффективного взаимодействия в области торговли и инвестиций. Среди стратегических целей организации декларируется развитие в регионе основ интеграции принципов свободной торговли, свободного движения

¹ Ань Хуен. Центральная роль АСЕАН в регионе, 03.08.2015 [Электронный ресурс] // VOV5: Радио «Голос Вьетнама». Служба новостного вещания. – URL: <http://vovworld.vn/ru-RU> (дата обращения 26.04.2019).

капиталов [15, с. 148–149]. В состав АТЭС входит 21 страна, среди которых страны-лидеры – КНР, США, Канада, Япония, Австралия. Наряду с политической свободной торговли, существует и система протекционизма, которая стимулирует национальную экономику, защищает ее от иностранной конкуренции, навязывания иностранных вкусов, и является по существу противоречием глобализации. Этой системы придерживается ряд стран, в частности США.

Вместе с тем, по мнению российского политика и экономиста А. Л. Кудрина, противоречивый процесс глобализации сделал Азиатско-Тихоокеанский регион «более уязвимым к кризисным явлениям»¹, так как данный регион активно взаимодействует с другими государствами, что, несмотря на все преимущества, несомненно, влечет за собой и негативные последствия. Как известно, азиатские банки в недалеком прошлом одобрили большое количество кредитов европейским партнерам, а затем впоследствии испытывали определенную степень зависимости от нестабильной ситуации в Европе. Процесс глобализации впервые начал давать сбой еще на этапе кризиса 2008–2009 гг., когда многие государства, дабы оградить национальных производителей от конкуренции извне, активно применяли протекционистские меры [11, с. 57–71]. Тот факт, что либерализация международной торговли дала сбой, Вашингтон воспринял как провал политики «гло-

бального мультилатерализма» (несмотря на то, что такая политика, прежде всего, проводилось в интересах транснациональных корпораций – главных игроков глобальной экономики). В качестве альтернативы «глобальному» Америкой был предложен «региональный мультилатерализм» – «формирование интеграционных объединений, способных на практике реализовать либеральные нормы и правила трансграничной торговли в отдельно взятых регионах» [16, с. 343]. Таким образом, угасающую глобализацию планировалось вернуть к жизни и воссоздать «новый глобализм» [14, с. 45–47].

Отметим, глобализация видоизменяет работу практически всех видов бизнеса, начиная от транснационального, заканчивая средним и малым. В настоящее время бизнес-сообщество не может не испытывать разного рода влияния международной конъюнктуры и колебания курса валют. Подтверждением тому является возникновение мировых финансовых кризисов. Локальным производителям приходится конкурировать с крупными иностранными оппонентами даже в мелкой торговой лавке. Бесспорно, задача бизнеса – приспособливаться к новым условиям, но в данном случае, невозможно избежать естественного конкурентного отбора. Из этого вытекает вопрос о том, как добиться минимизации влияния потрясений в финансовой сфере на основы социальной безопасности отдельных государств и личности, а также того, чтобы, ввиду непродуманных действий правительств, «битвы транснациональных гигантов» не приводили в упадок производительные силы. Так выражается еще одно противоречие глобализации.

¹ Привалова М. Азиатский вектор: АТЭС нам становится ближе, 26.06.2012 [Электронный ресурс] // РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/04/07/2019/5d1e2f339a79477b03283863> (дата обращения 26.04.2019).

Однозначно – не просто в современном мире сочетать цели бизнеса с интересами общества.

Противоречие глобализации в сфере экономики проявляется также в создании многочисленных предпосылок для возникновения и распространения международной экономической преступности. Это прежде всего противозаконная миграция капитала, налоговые и таможенные манипуляции, отмывание денег, незаконный оборот наркотиков и оружия (первопричина терроризма). Вместе с тем глобализация встречает все большее и большее сопротивление, о чем свидетельствует подъем традиционализма, патриотизма и регионализма в странах АТР. Государства с коммунистическим партийным режимом, Китай, Вьетнам через некоторое время развития будут способны предложить сообществу свой, отличный от американского, глобализационный проект. Сингапур, Малайзия, Вьетнам активно вступают в подобный процесс, сохраняя свои политические и идеологические основы государственного устройства и фиксируя высокие темпы роста экономики.

Таким образом, исследование характера влияния глобализации на политические процессы стран Азиатско-Тихоокеанского региона свидетельствует о ее сложном, противоречивом характере. Способствуя экономическому росту, она продолжает оказывать непосредственное влияние на формирование ключевых стратегий стран Азиатско-Тихоокеанского региона и общую геополитическую архитектуру. Вместе с тем наблюдается реализующейся в последние 30 лет общий кризис модели глобализации стран АТР, обусловленный нараста-

нием многочисленных политических, экономических и социальных противоречий.

К причинам, вызывающим подобные противоречия, в первую очередь, относятся: возрастающая независимость финансового сектора от правительств, необходимость стран «делиться суверенитетом», несоответствие производства экономическим условиям его развития, конвергенция общественно-экономических систем, экономическая взаимозависимость стран, различие их темпов экономического развития, несоблюдение санитарных норм и требований при расширенном воспроизводстве. В результате увеличивается асимметрия товарооборота в экспорте-импорте стран с разным уровнем экономического развития, возникают проблемы не снижающейся экономической преступности, экологии, связанные с угрозой экологической катастрофы и распространением инфекций, имущественного расслоения населения, недоступности и кастовости образования.

Условия глобализации существенно отразились на внутренней политике стран и их взаимоотношениях друг с другом. Страны АТР, испытав негативные политические, экономические и социальные последствия глобализации, столкнулись с подъемом традиционализма, патриотизма, движения так называемых антиглобалистов, осознающих, что явление такого масштаба в условиях современной реальности невозможно остановить, но можно и необходимо сдерживать негативное влияние глобализации на политику и экономику.

Статья поступила в редакцию 16.05.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев В. Е. Транстихоокеанское партнерство в стратегиях США и России в АТР // Азиатско-Тихоокеанский регион: новый центр мировой политики и экономики? (Мировое развитие. Выпуск 17) / Отв. ред.: К. Р. Вода, А. А. Невская, П. П. Тимофеев. М.: ИМЭМО РАН, 2017. С. 67–79.
2. Васильев Л. Е. Юго-Восточная Азия: США и Китай от соперничества к противостоянию // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2012. Вып. XVII. С. 87–99.
3. Глобализация и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (правовое и экономическое исследование) / Под ред. Т. Я. Хабриевой. М.: ИНФРА-М, 2014. 333 с.
4. Голобоков А. С., Караева А. А. Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество и его роль в развитии российского Дальнего Востока // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 114–117.
5. Добринская О. А. Ситуация в Южно-Китайском море и интересы Японии // Азиатско-Тихоокеанский регион: новый центр мировой политики и экономики? (Мировое развитие. Выпуск 17) / Отв. ред.: К. Р. Вода, А. А. Невская, П. П. Тимофеев. М.: ИМЭМО РАН, 2017. С. 5–17.
6. Костюнина Г. М. Баронов В. И. Транстихоокеанское партнерство: основные положения соглашения и потенциальный эффект // Международная жизнь. 2016. № 2. С. 90–112.
7. Крофтс А., Бьюкенен П. История Дальнего Востока. Восточная и Юго-Восточная Азия. М.: Центрполиграф, 2013. 571 с.
8. Кувалдин В. Б. Глобальный мир. Политика. Экономика. Социальные отношения. М.: Весь мир, 2017. 400 с.
9. Ли Ф., Ден Ц., Ли Д. Отношения Китая с региональными интеграционными объединениями: двухсторонняя или многосторонняя дипломатия? // Транстихоокеанское партнерство в стратегиях США и России в АТР. Азиатско-Тихоокеанский регион: новый центр мировой политики и экономики? (Мировое развитие. Выпуск 17) / Отв. ред.: К. Р. Вода, А. А. Невская, П. П. Тимофеев. М.: ИМЭМО РАН, 2017. С. 41–48.
10. Мартынова Е. С. Интеграционные процессы в Восточно-Азиатском регионе: новые контуры восточноазиатского регионализма // Вестник международных организаций. 2012. № 4 (39). С. 254–270.
11. Постников В. В. Рубежи истории АТР: Тихий океан в европейской политике и мировоззрении эпохи Нового времени // Известия Восточного института. 2014. № 1. С. 57–71.
12. Рогатных Е. Б. Стратегии экономического развития стран БРИКС: вызовы и возможности для России // Многосторонние формы и диалоговые форматы: материалы IX Конвента РАМИ, Москва, 27–28 октября 2015 г. М.: МГИМО-Университет, 2016. С. 49–55.
13. Скороходова В. П. К вопросу о соотношении глобализации и регионализации // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 2. С. 27.
14. Степанова Д. И. Развитие интеграционных процессов между Россией и Китаем // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2016. № 1. С. 44–52.
15. Хижняк Е. А. Экономическая интеграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Беларусь и мировые экономические процессы: выпуск 6. Минск: БГУ, 2009. С. 144–150.
16. Яковлев А. И. Страны Востока в эпоху глобализации: синтез традиционного и современного. М.: Институт стран Востока, 2015. 392 с.

REFERENCES

1. Boldyrev V. [The TRANS-Pacific partnership strategies of the USA and Russia in the Asia Pacific region]. In: *Aziatsko-Tikhookeanskii region: novyi tsentr mirovoi politiki i ekonomiki? (Mirovye razvitiye. Vypusk 17, Otv. red.: K. R. Voda, A. A. Nevskaya, P. P. Timofeev)* [Voda K., Nevskaya A., Timofeev P., eds. Asia-Pacific: a new center of world politics and economy? (World development. Issue 17)]. Moscow, IMEMO RAN Publ., 2017, pp. 67–79.
2. Vasil'ev L. [Southeast Asia: U.S. and China rivalry to confrontation]. In: *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'*, 2012, no. XVII, pp. 87–99.
3. *Globalizatsiya i integratsionnye protsessy v Aziatsko-Tikhookeanskom regione (pravovoe i ekonomicheskoe issledovanie). Pod red. T. Ya. Khabrievoi* [Khabrieva T., ed. Globalization and integration processes in the Asia-Pacific region (legal and economic studies)]. Moscow, INFRA-M Publ., 2014. 333 p.
4. Golobokov A., Karaeva A. [Russian-Chinese trade and economic cooperation and its role in the development of the Russian far East]. In: *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*, 2016, vol. 5, no. 4 (17), pp. 114–117.
5. Dobrinskaya O. [The situation in the South China sea and the interests of Japan]. In: *Aziatsko-Tikhookeanskii region: novyi tsentr mirovoi politiki i ekonomiki? (Mirovye razvitiye. Vypusk 17, Otv. red.: K. R. Voda, A. A. Nevskaya, P. P. Timofeev)* [Voda K., Nevskaya A., Timofeev P., eds. Asia-Pacific: a new center of world politics and economy? (World development. Issue 17)]. Moscow, IMEMO RAN Publ., 2017, pp. 5–17.
6. Kostyunina G., Baronov V. [The TRANS-Pacific partnership: key provisions of the agreement and the potential effect]. In: *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 2016, no. 2, pp. 90–112.
7. Krofts A., Buchanan P. *Istoriya Dal'nego Vostoka. Vostochnaya i Yugo-Vostochnaya Aziya* [History Of The Far East. East and South-East Asia]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2013. 571 p.
8. Kuvaldin V. *Global'nyi mir. Politika. Ekonomika. Sotsial'nye otnosheniya* [Global world. Policy. Economy. Social relations]. Moscow, Ves' mir Publ., 2017. 400 p.
9. Li F., Den Ts., Li D. [China's relations with regional integration associations: bilateral or multilateral diplomacy?]. In: *Aziatsko-Tikhookeanskii region: novyi tsentr mirovoi politiki i ekonomiki? (Mirovye razvitiye. Vypusk 17, Otv. red.: K. R. Voda, A. A. Nevskaya, P. P. Timofeev)* [Voda K., Nevskaya A., Timofeev P., eds. Asia-Pacific: a new center of world politics and economy? (World development. Issue 17)]. Moscow, IMEMO RAN Publ., 2017, pp. 41–48.
10. Martynova E. [Integration processes in the East Asian region: new outlines of East Asian regionalism]. In: *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*, 2012, no. 4 (39), pp. 254–270.
11. Postnikov V. [Frontiers of the history of the Asia-Pacific region: the Pacific in European politics and the Outlook of a New era of time]. In: *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 2014, no. 1, pp. 57–71.
12. Rogatnykh E. [The strategy of economic development of the BRICS countries: challenges and opportunities for Russia]. In: *Mnogostoronnie formy i dialogovye formaty: materialy IX Konventa RAMI, Moskva, 27–28 oktyabrya 2015 g.* [Multilateral forms and dialog formats: materials of the IX RISAC Convention, Moscow, 27–28 October 2015]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2016. pp. 49–55
13. Skorokhodova V. [To the question of the relationship between globalization and regionalization]. In: *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*, 2010, no. 2, pp. 27.
14. Stepanova D. [The development of integration processes between Russia and China]. In: *Vestnik MFYUA*, 2016, no. 1, pp. 44–52.
15. Khizhnyak E. [Economic integration in the Asia-Pacific region]. In: *Belarus' i mirovye eko-*

nomicheskie protsessy: vypusk 6 [Belarus and world economic processes: issue 6]. Minsk, BGU Publ., 2009, pp. 144–150.

16. Yakovlev A. *Strany Vostoka v epokhu globalizatsii: sintez traditsionnogo i sovremennogo* [The countries of the East in the era of globalization: a synthesis of traditional and modern]. Moscow, Institut stran Vostoka Publ., 2015. 392 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Котельникова Евгения Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных специальностей Ростовского государственного экономического университета (РИНХ);

e-mail: jenni.kot@yandex.ru

Пахомова Марианна Олеговна – ассистент кафедры иностранных языков для гуманитарных специальностей Ростовского государственного экономического университета (РИНХ);

e-mail: marianna26.01@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgenya V. Kotelnikova – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages for Humanities, Rostov State University of Economics;

e-mail: jenni.kot@yandex.ru

Marianna O. Pakhomova – Assistant Lecturer, Department of Foreign Languages for Humanities, Rostov State University of Economics;

e-mail: marianna26.01@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Котельникова Е. В., Пахомова М. О. Современная глобализация и политические процессы в странах Азиатско-Тихоокеанского региона // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 4. С. 258–268.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-258-268

FOR CITATION

Kotelnikova E., Pakhomova M. Contemporary globalisation and the Asia-Pacific Region: domestic and foreign policy. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 4, pp. 258–268.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-258-268

УДК 327; 32.019.5

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-269-273

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СЕТЕВЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГРАХ: РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ

Федорченко С. Н., Тедиков Д. О., Теслюк К. В., Маркарян Р. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,

Российская Федерация

INTERNATIONAL RELATIONS IN NETWORK COMPUTER GAMES: RISKS AND OPPORTUNITIES FOR IMPLEMENTATION OF MEMORY POLICIES

S. Fedorchenko, D. Tedikov, K. Teslyuk, R. Markaryan

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Политика памяти означает набор средств и приемов, применяемых политическими акторами для утверждения в массовом сознании выгодной им интерпретации исторических событий. Именно политика памяти обеспечивает прочную легитимность власти, формирует устойчивое институциональное доверие, историческое сознание граждан страны. К широкому спектру коммуникационных приемов реализации политики памяти можно отнести систему образования, традиционные массмедиа (радио, пресса, телевидение), а также новые медиа, среди которых, кроме социальных сетей, блогов, видеохостингов, мессенджеров и форумов, можно назвать и компьютерные игры. И, так как многие из компьютерных игр становятся многопользовательскими, то их можно определить в качестве сетевых. Сетевые принципы чата и многопользовательского режима и придают компьютерным играм коммуникационный характер. В настоящее время среди компьютерных игр развивается целое направление симуляторов международных отношений, где политические манипуляции через муссирование стереотипов, паттернов убеждают геймера в правильности, объективности тех или иных способов разрешения политических проблем и конфликтов.

Существует несколько подходов к проблеме степени влияния компьютерных игр на массовое сознание. Согласно скептическому подходу, опасения о манипулятивной роли компьютерных игр явно преувеличены [2]. Но есть и другой подход к проблеме, более реалистичный [3; 4]. К примеру, М. Шулске из Йоркского университета утверждает, что компьютерные игры являются теми самыми «идеологическими картами», которые коллективно производятся и коллективно потребляются, превращая идеологические абстракции в более конкретные переживания, принимающимися геймерами.

Но что же может изучать политолог в компьютерных играх, чтобы диагностировать факты влияния интересантов на массовое сознание и аудиторию геймеров? Во-первых, это фундаментальные архетипы (Героя, Осажденного Города (Трои), Карнавала, Тени, Зверя, Правителя, Трикстера и др.), использующиеся для эмоциональных триггеров, привлекающих внимание. Архетипы, механизмом воспроизводства которых интересовались К. Юнг и М. Элиаде, стали важным структурным компонентом компьютерных игр. Их можно использовать как для реализации политики памяти и постепенного формирования поколения патристически ориентированных граждан, так и для совершенно противоположных целей. Во-вторых, это мягкие и жесткие технологии изменения интерпретации чего-либо – политические стереотипы, мифы и фейки.

Одной из первых компьютерных игр, куда проникли паттерны и стереотипы агрессивного поведения, стала *Balance of Power* – стратегическая кампания, созданная Крисом Кроуфордом

в 1985 г. на базе *Apple Macintosh*. Хотя дипломатическое разрешение конфликтов поощряется в игре, но в ней все равно применяется политическая технология конструирования и воспроизводства «образа врага» из СССР.

Примечателен кейс игры *Antiwargame* 2001 г. По сценарию, некая враждебная зарубежная страна изображена как нация-агрессор, усеянная нефтяными вышками (создание «образа врага» из стран и народов Ближнего Востока) [3]. То, что предложенная игрой милитаристская модель внутренней политики и международных отношений является наиболее логичной и безальтернативной для любой страны, – откровенная предвзятость. В одной из миссий *Antiwargame* изображается анонимный ближневосточный город, где игрок сталкивается с проблемой террористов и присутствия мирного населения (типичный «образ врага» из ближневосточных народов). Щелчок мышью запускает ракету, которая уничтожает здания и убивает, в том числе, мирных жителей, находящихся в радиусе взрыва (классический стереотип о необходимости агрессии в политике и международной сфере). После такой акции мирные граждане оплакивают своих родственников и сами становятся террористами. Ясно, что массовый переход мирных граждан в ряды террористов – явный фейк.

По мнению ученого из индийского Джиндальского университета Н. де Замароши, который провел контент-анализ различных симуляторов международных отношений (версии *Empires: Dawn of the Modern World*, *Europa Universalis*, *Civilization*, *Age of Empires*, *Medieval: Total War*), такого рода игры не так нейтральны в политическом

смысле, как может показаться на первый взгляд. Замароши уверен, что в данной игровой линейке присутствует милитаристский стереотип, буквально приучающий геймеров к мысли, что все международные дела следует решать не переговорами, а силовым путем [4]. Через этот стереотип до геймеров доносится идея, что война – это выгодное предприятие, которое приносит только прибыль. На самом деле война – довольно затратное мероприятие, поэтому государства стремятся решать свои проблемы иными путями.

Подводя итоги небольшого очерка, важно заметить, что игнорирование государством реализации политики памяти через канал компьютерных игр в условиях цифровизации приводит к тому, что данным ресурсом начинают пользоваться иные коммерческие и политические акторы, в том числе различные радикальные организации, вплоть до террористических группировок, заинтересованных в вербовке молодежи. С другой стороны, недостаточное внимание к формированию исторической памяти в среде различных целевых аудиторий геймеров приводит к погружению их в океан стереотипов, мифов и откровенных фейков (к примеру, жителей Северной Кореи

в играх изображают смешными, жестокими и трусливыми одновременно). Такого рода приемы формируют искаженное историческое сознание и угрожают легитимности власти, сплоченности страны.

Однако, кроме рисков, в тех же симуляторах международных отношений заложен серьезный потенциал для реализации политики памяти. Именно в «игровом поле» лучше запоминается, а самое главное, хорошо принимается геймерами определенный набор ценностей (к примеру, в России важна апелляция к традиции справедливости [1]). Государство, которое заботится о сохранении суверенитета, целостности страны и национальной безопасности, должно использовать и этот канал коммуникационного воздействия на массовое сознание. Патриотическое чувство надо воспитывать не просто через элементы игры, а именно через подобные симуляторы с отсылкой к историческим событиям. И здесь важной задачей становится разработка параметров объективной интерпретации исторических и политических событий, подкрепленная запоминающимися архетипами.

Статья поступила в редакцию 10.06.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов А. В. К вопросу о духовных регуляторах политической жизни современного российского общества // Журнал политических исследований. 2017. Т. 1. № 3. С. 136–148.
2. Гришин О. Е., Иглин Д. А. Компьютерные игры как элемент массовой политической культуры и коммуникации // PolitBook. 2015. № 1. С. 127–145.
3. Bogost J. Persuasive Games: The Expressive Power of Videogames. Cambridge, Mass.: The MIT Press. 2007. 464 p.
4. Zamaróczy N. de. Are We What We Play? Global Politics in Historical Strategy Computer Games // International Studies Perspectives. 2017. Vol. 18. Issue 2. P. 155–174. <https://doi.org/10.1093/isp/ekv010>

REFERENCES

1. Abramov A. [On the issue of spiritual regulators of the political life of modern Russian society]. In: *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Politic Research], 2017, vol. 1, no. 3, pp. 136–148.
2. Grishin O., Iglin D. [Computer games as an element of mass political culture and communication]. In: *PolitBook* [PolitBook], 2015, no. 1, pp. 127–145.
3. Bogost J. *Persuasive Games: The Expressive Power of Videogames*. Cambridge (Mass.), MIT Press, 2007. 464 p.
4. Zamaróczy N. de. Are We What We Play? Global Politics in Historical Strategy Computer Games. In: *International Studies Perspectives*, 2017, vol. 18, no. 2, pp. 155–174. <https://doi.org/10.1093/isp/ekv010>.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена при поддержке Московского государственного областного университета по внутриуниверситетскому гранту «Сетевые компьютерные игры как механизм реализации политики памяти: технологии и модели» 2019 г.

ACKNOWLEDGMENTS

This work was supported by the Moscow Region State University under the university grant “Network computer games as a mechanism for implementing the memory policy: technologies and models” 2019.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Федорченко Сергей Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права, заместитель декана факультета истории, политологии и права по научной работе Московского государственного областного университета, доцент, главный редактор «Журнала политических исследований»;

e-mail: sn.fedorchenko@mgou.ru

Тедиков Дмитрий Олегович – студент факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета направления «Политология»;

e-mail: dimatedikov@yandex.ru

Теслюк Константин Владимирович – студент факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета направления «Политология»;

e-mail: teslyuk-2012@mail.ru

Маркарян Роберт Артёмович – студент факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета направления «Политология»;

e-mail: coolcoolguy972@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey N. Fedorchenko – PhD (Politics), Associate Professor, Department of Political Science and Law; Deputy Dean for Scientific Work, Faculty of History, Political Science and Law, Moscow Region State University; Editor-in-Chief, Journal of Political Research;

e-mail: sn.fedorchenko@mgou.ru

Dmitry O. Tedikov – student, Faculty of History, Political Science and Law, Moscow Region State University;

e-mail: dimatedikov@yandex.ru

Konstantin V. Teslyuk – student, Faculty of History, Political Science and Law, Moscow Region State University;

e-mail: teslyuk-2012@mail.ru

Robert A. Markaryan – student, Faculty of History, Political Science and Law, Moscow Region State University;

e-mail: coolcoolguy972@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Международные отношения в сетевых компьютерных играх: риски и возможности реализации политики памяти / С. Н. Федорченко, Д. О. Тедиков, К. В. Теслюк, Р. А. Маркарян // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 4. С. 269–273.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-269-273

FOR CITATION

Fedorchenko S., Tedikov D., Teslyuk K., Markaryan R. International relations in network computer games: risks and opportunities of implementing memory policies. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 4, pp. 269–273.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-269-273

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Сегодня выпускается десять журналов (предметных серий) «Вестника Московского государственного областного университета»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Журналы включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журналы также включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовые версии журналов доступны в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

2019. № 4

Над номером работали:

Литературный редактор О. О. Волобуев
Переводчики А. В. Квеглис, А. С. Барминова
Редактор перевода Н. Г. Попова
Корректор Н. Л. Борисова
Компьютерная верстка А. В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6104); (495) 723-56-31
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 18, усл. п.л. 17.

Подписано в печать: 22.10.2019. Выход в свет: 24.10.2019. Заказ № 2019/10-12.

Отпечатано в ИИУ МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А